

Непокоренный ПЛАЦДАРМ

1941-
1944

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ ОБОРОНЫ ОРАНИЕНБАУМСКОГО ПЛАЦДАРМА ★



★ *Непокоренный*
ПЛАЦДАРМ

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ ОБОРОНЫ
ОРАНИЕНБАУМСКОГО ПЛАЦДАРМА

1941-1944

Составители: М. А. БАСОВСКИЙ, И. М. ШЛЯПИН

ОГ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В послевоенное время в Лениздате и других издательствах нашей страны вышло в свет немало книг, посвященных обороне Ленинграда в период Великой Отечественной войны. Среди них и сборник воспоминаний участников боя на Ораниенбаумском плацдарме (1977 г.).

Прошедшие лет назад печатается этот сборник. С тех пор совет ветеранов Ораниенбаумского плацдарма накопил большое число новых, ранее не публиковавшихся материалов. Они составили основу предлагаемой читателю книги. В ней обобщается опыт боевых действий и партийно-политической работы на ленинградской Малой земле, уточняются роль и значение Ораниенбаумского плацдарма в обороне Ленинграда. И самое главное, книга дополняется новыми страницами рассказов о тех, кто, не жалея ни сил, ни самой жизни, отстаивал этот плацдарм, город Ленина, честь и свободу своей социалистической Родины.

Хочется надеяться, что книга будет по достоинству оценена широким кругом читателей, прежде всего молодежью. Авторами ее выступают активные участники описываемых событий: командиры соединений, частей и подразделений, политработники, красноармейцы и краснофлотцы, внесшие немалый вклад в разгром немецко-фашистских захватчиков под стенами великого города Ленина. За время, пока книга готовилась к изданию, некоторые авторы ушли из жизни. Имена В. А. Барталева, В. А. Бутковского, В. Д. Данилюка, Н. Т. Заостровцева, А. С. Полякова, И. И. Федюнинского, В. И. Щербакова теперь принадлежат истории.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В первые месяцы Великой Отечественной войны под Ленинградом сложилось очень трудное положение. Сосредоточив на этом участке советско-германского фронта крупные силы, гитлеровцы намеревались с ходу захватить город на Неве. Непосредственно на Ленинград было нацелено 23 дивизии из группы армий «Север».

Немецкий план захвата Ленинграда состоял в следующем: главные силы группы армий «Север» должны были стремительно пробиться через Лугу на Красногвардейск (Гатчину), разгромить части Красной Армии на подступах к городу Ленина и овладеть им. Предполагалось, что с Карельского перешейка наступление на Ленинград развернут финские войска.

Части Северо-Западного фронта, которые первыми должны были воспрепятствовать осуществлению этого плана, не смогли оказать противнику необходимого сопротивления. Они уступали врагу по пехоте в 2,4 раза, по орудиям — в 4, по минометам — в 5,8, по танкам — в 1,2 раза. По авиации превосходство было также на стороне противника.

Учитывая слабость сил Северо-Западного фронта, Ставка Верховного Главнокомандования сориентировала руководство Северного фронта относительно обороны Ленинграда с юго-запада. Она потребовала подготовить Лужскую оборонительную полосу и выдвинуть туда войска.

Восинный совет фронта разработал план усовершенствования старых укрепленных районов — Псковского, Кингисеппского и Карельского, а также строительства Лужской оборонительной позиции и сооружения Красногвардейского укрепленного района на ближних подступах к Ленинграду, создания внешнего обвода и внутреннего пояса обороны города. Ленинградская партий-

ная организация призвала трудящихся выйти на строительство оборонительных рубежей.

Тысячи ленинградцев и жителей области откликнулись на этот призыв. Они стали возводить 300-километровую полосу обороны от Финского залива на юго-восток по северному берегу рек Луги, Мшаги, Шелони до озера Ильмень.

К 10 июля, началу наступления немецко-фашистских войск на Ленинград, строительство полосы еще не было завершено, но войска уже начали выдвигаться.

Однако всю полосу занять войскам не удалось. Полностью был занят только ее восточный участок — по реке Мшаге — и частично центральный — в районе города Луги: командование фронта не располагало достаточными резервами. Кингисеппское направление вообще оказалось неприкрытым. Войска усилили артиллерийской группой под командованием полковника Г. Ф. Одицова, скомплектованной за счет ленинградских артиллерийских училищ и артиллерийских частей.

Подвижные соединения противника 4 июля подошли к Острову и через день захватили его. 9 июля пал Псков. Войска 11-й армии отошли за реку Великую. 8-я армия, отсеченная от главных сил Северо-Западного фронта, с тяжелыми боями отступала на север в полосе между Рижским заливом и Чудским озером.

Захват немецко-фашистскими войсками Острова и Пскова и продвижение их за реку Великую явился сигналом для наступления финской Карельской армии на Онежско-Ладожском перешейке. Через семь дней финны прорвались к северо-восточному побережью Ладожского озера, расчленив противостоявшую им 7-ю армию на две части.

Дивизии противника, приближавшиеся к предполью Лужской оборонительной позиции, встретили упорное сопротивление наших частей. 13 июля гитлеровцы вклинились в полосу обеспечения, но утром следующего дня были с нее выбиты. Тогда немецкое командование изменило направление главного удара — основные силы 41-го моторизованного корпуса развернулись на Кингисепп, обходя группировку войск Северного фронта. Они форсировали реку Лугу и захватили плацдарм у деревни Ивановское.

На опасный участок направилась 2-я дивизия народного ополчения, батальон танков Ленинградских бронетанковых курсов усовершенствования командного состава. Активизировала свои действия авиация Балтий-

ского флота и ПВО. Подошедшие силы контратаковали противника на плацдарме, но выбить его оттуда не смогли.

На территории Эстонии ожесточенные оборонительные бои с врагом вела 8-я армия, 13 июля вошедшая в состав Северного фронта.

19 июля враг приостановил наступление на Ленинград. Время, выигранное благодаря стойкости наших войск на Лужском рубеже, было использовано для укрепления обороны города.

В первой половине августа немецкие и финские войска почти одновременно развернули наступление на красногвардейском, лужско-ленинградском, новгородско-чудовском, петрозаводско-свирском направлениях и со стороны Карельского перешейка. Большинство дивизий Северного фронта понесло тяжелые потери. Резервов ни у фронта, ни в дивизиях не было.

В этот критический момент Ставка подготовила контрудар силами Северо-Западного фронта. Во фланг и тыл группы армий «Север» с рубежа реки Полисти 34-я и частью сил 11-я армии от Старой Руссы двинулись в наступление и вклинились в расположение противника до 40 километров. Этими действиями был ослаблен удар противника на Ленинград — немцы перебросили сюда две моторизованные дивизии с ленинградского направления, — но избежать его не удалось. 16 августа оккупанты вышли к реке Нарве, ворвались в Кингисепп. 20 августа гитлеровцы перерезали Октябрьскую железную дорогу в районе Чудова. Сутками раньше противник завязал бои с передовыми отрядами Красногвардейского укрепленного района.

Ценой огромных потерь враг пробивался к Ленинграду. Он овладел Любанью, Тосно, Мгой. 8 сентября пал Шлиссельбург. Город на Неве оказался блокированным с суши.

20 августа в Смольном собрался партийный актив Ленинграда, на котором обсуждались задачи коммунистов в связи с угрозой, нависшей над городом революции. Выступил главнокомандующий Северо-Западным направлением Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов. Он рассказал о положении на фронте, подчеркнув: необходимо мобилизовать все силы и средства, чтобы остановить врага. Секретарь обкома и горкома ВКП(б), член Военного совета Северо-Западного направления А. А. Жданов определил задачи Ленинградской партийной организации, всех защитников невиской

твердыни. Он сказал: «Враг у ворот. Вопрос стоит о жизни и смерти... Все зависит от нас. Будем крепкими, организованными, сильными — и победа будет за нами». Партактив принял решение о неотложных мерах по защите Ленинграда.

На другой день в ленинградских газетах было опубликовано обращение «Ко всем трудящимся города Ленина», подписанное К. Е. Ворошиловым, А. А. Ждановым и П. С. Попковым. Оно призывало ленинградцев встать на защиту своего города, своих очагов, своих семей, выполнить священный долг советских патриотов.

Призыв Ленинградской партийной организации и Военного совета фронта «Враг у ворот! Все на защиту города Ленина!» вызвал у воинов и грудящихся Ленинграда новый прилив сил, мобилизовал их на решительный бой с оккупантами.

Командование Ленинградского фронта (23 августа Северный фронт был разделен на Ленинградский и Карельский) принимало необходимые меры для отпора врагу. Организационно укреплялись войска, формировались новые части и соединения. Ленинградская партийная организация и ее руководители — члены Военного совета А. А. Жданов, А. А. Кузнецов, а также Я. Ф. Капустин, Н. В. Соловьев и П. С. Попков — прилагали огромные усилия для организации защиты города от врага. Было проведено несколько партийных и комсомольских мобилизаций. Ленинградцы пополняли поредевшие в ходе боев дивизии, формировали отряды народного ополчения. Трудящиеся, отвечая на призыв партийных органов, еще шире развернули строительство оборонительных сооружений.

В результате ожесточенных боев в районе Красногвардейска, продолжавшихся с 9 по 18 сентября, наши части под давлением численно превосходившего противника отошли на рубеж Лигово — Пулковое. Гитлеровцы прорвались к Финскому заливу в районе Стрельны и отрезали весьма ослабленные соединения 8-й армии от основных сил фронта. Так образовался Ораниенбаумский (Приморский) плацдарм. Он сыграл большую роль в обороне Ленинграда. «По стойкости и мужеству, — писала газета «Правда» 30 сентября 1945 года, — Ораниенбаумский плацдарм и его защитники в летописи Великой Отечественной войны стоят в одном ряду с героями Брестской крепости».

Это была ленинградская Малая земля, находившаяся в двойной блокаде — узкий участок вдоль залива

протяженностью 65 километров и глубиной 20—25 километров. Этот кусочек советской земли прочно удерживался нашими войсками до окончательного снятия блокады.

Немецко-фашистское командование пыталось расширить полосу прорыва к побережью, сбросить оборонявшиеся части в залив, расчистить себе путь для захвата Ораниенбаума, Кронштадта и в конечном счете Ленинграда. У фашистов имелся специальный план уничтожения Ораниенбаумского плацдарма под кодовым названием «Посох». Однако этому плану врага, как и другим, не суждено было сбыться. Его осуществление натолкнулось на беспримерное мужество, невиданную стойкость, массовый героизм жителей города на Неве и его защитников — воинов Ленинградского фронта и Краснознаменного Балтийского флота.

Для срыва плана врага много сделала 8-я армия. Ее задача на Ораниенбаумском плацдарме определялась директивой Военного совета фронта, в которой было подчеркнуто: роль армии в обороне Ленинграда крайне велика и ответственна; она прикрывает побережье и береговую оборону, нависает над коммуникациями противника и притянула на себя несколько пехотных дивизий, которые так необходимы противнику непосредственно под Ленинградом.

В течение 1941—1943 годов войска, находившиеся на плацдарме, своей непрерывной активностью отвлекали от Ленинграда по крайней мере 50 тысяч гитлеровских солдат и офицеров.

Заметное место принадлежит Ораниенбаумскому плацдарму в организации контрбатарейной борьбы.

Немецко-фашистские варвары систематически обстреливали город из тяжелых орудий, разрушали его, убивали жителей — женщин, детей, стариков. Весной 1942 года при назначении генерал-лейтенанта (впоследствии Маршала Советского Союза) Л. А. Говорова командующим Ленинградским фронтом Ставка Верховного Главнокомандования поставила перед ним как одну из первоочередных задач не допустить разрушения Ленинграда артиллерией противника. Новый командующий фронтом принял активное участие в разработке принципов и методов контрбатарейной борьбы. Дело в том, что наши батареи, прикрывавшие город с юго-запада, не доставали своим огнем до основной группировки врага, расположенной в районе поселка Беззаботного. Чтобы повысить эффективность стрельбы,

часть тяжелой артиллерии Ленинградского фронта и Краснознаменного Балтийского флота в 1942 году перебросили через залив на Ораниенбаумский плацдарм. Расстояние до неприятельских огневых позиций сократилось. Контрбатарейная борьба пошла успешнее, интенсивность вражеских обстрелов уменьшилась.

Ораниенбаумский плацдарм содействовал активной боевой деятельности Балтийского флота. Адмирал Н. Г. Кузнецов, в ту пору народный комиссар Военно-Морского Флота, после войны писал, что, если бы враг захватил Ораниенбаум, «флоту пришлось бы труднее и при прорыве из Таллина и при эвакуации защитников Ханко. Кронштадт находился бы под обстрелом неприятельских орудий всех калибров, и морское сообщение с Ленинградом стало бы невозможным».

Значение плацдарма еще более возросло, когда пришел час полного освобождения Ленинграда от блокады. Прорыв ее в январе 1943 года значительно облегчил положение города.

В течение 1943 года Красная Армия одержала ряд важных побед над фашистскими войсками. Под Сталинградом была разгромлена 300-тысячная армия гитлеровцев. Оккупантов выбили из Орла и Белгорода, с левобережной Украины и из Донбасса, очистили от них Смоленск и Киев. В приказе Верховного Главнокомандующего от 7 ноября 1943 года перед советскими войсками ставилась задача «в ближайшее время полностью очистить советскую землю от немецких захватчиков».

9 сентября 1943 года Военный совет фронта представил в Ставку Верховного Главнокомандования доклад о дальнейших задачах фронта. В документе отмечалось, что Военный совет Ленинградского фронта считает своевременным поставить вопрос о разгроме 18-й армии, как основы северного крыла восточного фронта противника, и не только окончательно освободить Ленинград, но и овладеть всем Лужским плацдармом с выходом на рубеж реки Луги от устья до города Луги и тем создать предпосылку для дальнейших действий в Прибалтике.

Ставка приняла эти предложения, но существенно дополнила их. Одно из дополнений касалось дальнейшей судьбы Ораниенбаумского плацдарма. Военному совету фронта предлагалось перебросить туда 2-ю ударную армию.

В октябре 1943 года созрел окончательный план операции «Нева-2». Он предусматривал нанесение глав-

ного удара 2-й ударной армией с Ораниенбаумского плацдарма и 42-й армией из района Пулковских высот по сходящимся направлениям на Ропшу. Окружив и уничтожив петергофско-стрельнинскую группировку врага, 2-я ударная и 42-я армии должны были развивать наступление на Кингисепп, а частью сил — на Красногвардейск.

Во исполнение плана «Нева-2» началась скрытая от врага переброска по Финскому заливу частей 2-й ударной армии на Ораниенбаумский плацдарм. Корабли Краснознаменного Балтийского флота переправили туда личный состав, боевую технику, большое количество боеприпасов и других грузов.

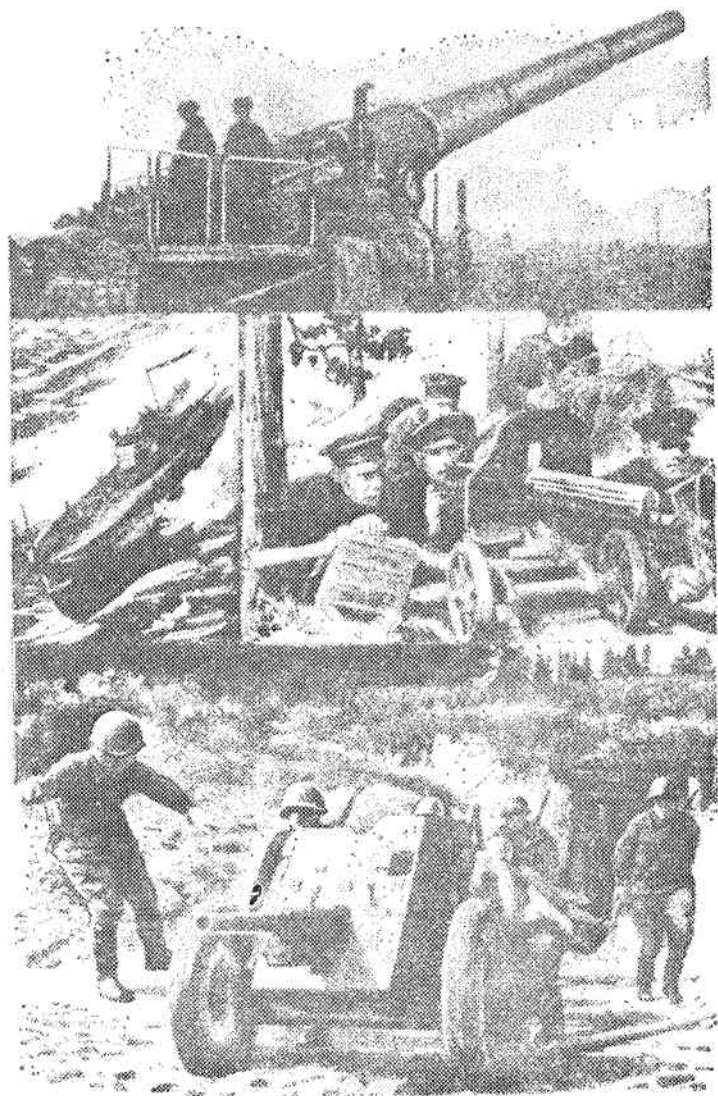
14 января в 9 часов 35 минут плацдарм взорвался грохотом орудий. По врагу била артиллерия 2-й ударной армии, орудия Кронштадта и кораблей КБФ, фортов Серая Лошадь и Красная Горка. Одновременно мощная артиллерийская подготовка началась со стороны 42-й армии. Орудия открыли интенсивный огонь и в других местах — южнее Ладожского озера и севернее Новгорода. Противник ждал удара, но откуда последует главный — определить не смог. Все стало ясно, когда в атаку поднялись части Ораниенбаумского плацдарма. Уже в первые часы ожесточенного боя были взяты Порожки, Перелесье, Зрекино, затем Гостилицы — сильный укрепленный узел гитлеровцев. Были прорваны первая, потом вторая оборонительные позиции фашистов.

Назавтра двинулись вперед части 42-й армии. Враг отчаянно контратаковал и здесь, под Пулковом, и на плацдарме. Но все отчетливее ощущалось: «Северный вал» — мощная оборонительная линия, созданная гитлеровцами за время, пока они стояли под Ленинградом, — рухнул под ударами советских войск.

Через три дня после начала наступления воины, двинувшиеся с Ораниенбаумского плацдарма, уже находились в считанных километрах от Ропши. 19 января 42-я армия после ожесточенных боев заняла Красное Село, а ранним утром следующего дня стрелы сходящихся ударов двух армий сомкнулись в районе Ропши. Красный флаг взвился над древним Новгородом, освобожденным войсками Волховского фронта. В последующие дни были взяты Мга, Павловск, Пушкин, Гатчина, Луга.

27 января над Ленинградом прогремел салют в честь замечательной победы — полного освобождения города от вражеской блокады.

НИ ШАГУ НАЗАД!



*В. И. ЩЕРБАКОВ,
бывший командующий
войсками 8-й армии,
генерал-лейтенант в отставке*

УМЕНИЕ ДОБЫВАЛОСЬ В БОЯХ

31 августа 1941 года я получил назначение на должность командующего 8-й армией Ленинградского фронта. В тот же день мы вместе с адъютантом И. М. Демьяненко направились к месту назначения.

Стоял на редкость теплый, солнечный день. Но он не радовал: под Ленинградом сложилось тяжелое положение.

С бывшим командармом-8 П. С. Пшенниковым, ушедшим с должности по болезни, мы были старые знакомые. Он по-товарищески встретил меня и сказал:

— Трудно здесь.

Если уж волевой, смелый генерал говорил «трудно»...

Петр Степанович Пшенников рассказал об оперативном построении армии, о группировке противника. Подробно охарактеризовал каждую нашу дивизию, командиров, комиссаров. Члены Военного совета дивизионный комиссар И. Ф. Чухнов и бригадный комиссар Н. Е. Субботин дополнили доклад командарма. Они прекрасно знали боевые качества всех руководителей соединений.

Генерал Пшенников уехал, а я приступил к детальному изучению обстановки.

В 8-ю армию тогда входило шесть стрелковых дивизий — 11, 48, 118, 125, 191 и 268-я. Они были развернуты в первом эшелоне. Им противостояли четыре пехотные, одна моторизованная и одна танковая дивизии врага. Гитлеровские соединения были укомплектованы на 80—90 процентов штатного состава, а наши — только на 30—35 процентов. Противник имел большой перевес и в вооружении. 8-я армия была вынуждена оставлять одну позицию за другой. К исходу 31 августа врагу удалось овладеть Нежновым, Семейской. Он вбил клин в основную группировку армии на ее левом фланге.

Стало ясно, что немецко-фашистское командование ставит целью расчленив соединения 8-й армии, отделить ее от Копорской (ранее Кингисеппской) группы войск, прорваться на Красногвардейск (Гатчину), открыть себе дорогу на Ленинград. Обстановка требовала быстрого решения: или продолжать обороняться в невыгодном для этого районе, или отойти на новые рубежи, закрепиться и во взаимодействии с Копорской оперативной группой, при поддержке Краснознаменного Балтийского флота остановить продвижение немецко-фашистских оккупантов.

Принял решение отвести войска. Свои соображения изложил членам Военного совета армии и начальнику штаба полковнику В. И. Смирнову. Они согласились с моим мнением. Доложили наши выводы Военному совету фронта и получили одобрение. Нам указали новый рубеж, проходивший по реке Воронке, Средним и Нижним Лужкам, Теглецкой, Тешкову, Слободке, через отметку 142,6, Кипень.

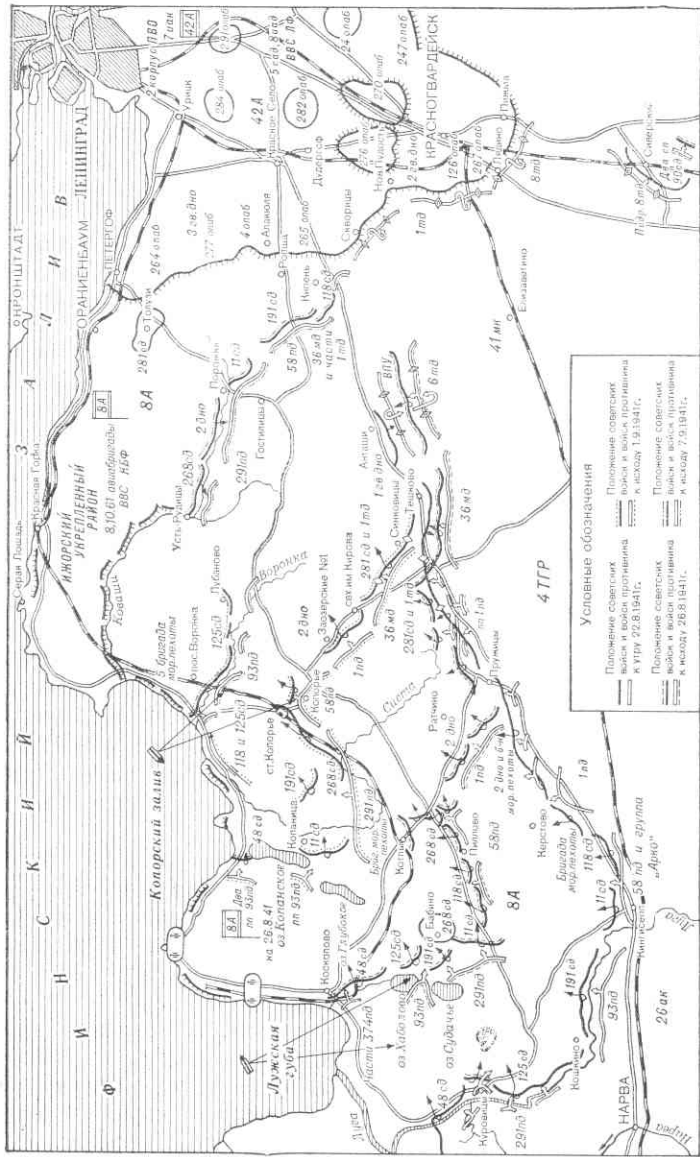
От войск 8-й армии потребовали твердо стоять на занимаемом рубеже. «Остановить во что бы то ни стало, не пропустить врага в Ленинград!» — повелевал полученный приказ. Всю деятельность командования, политорганов, партийных организаций подчинили осуществлению этого приказа.

3 сентября стало известно, что Военный совет фронта ликвидировал Копорскую оперативную группу и передал ее в состав нашей армии. В результате она пополнилась еще тремя соединениями — 2-й дивизией народного ополчения, 281-й стрелковой и 1-й гвардейской дивизиями народного ополчения*. Появилась возможность создать второй эшелон армии. Сопrotивление врагу возросло.

Упорные, кровопролитные бои не утихали ни днем ни ночью. Враг рвался к Ленинграду. Армия удерживала свои позиции, отражала натиск гитлеровцев. Командиры дивизий более продуманно маневрировали силами и средствами, используя удобные рубежи, наносили гитлеровцам большие потери.

6 сентября противник силами до пяти дивизий при поддержке танков и авиации снова перешел в наступление. И опять наши войска, поддержанные огнем береговых батарей флота, атаки отбили, все более укреп-

* По инициативе К. Е. Ворошилова и А. А. Жданова гвардейское звание было присвоено некоторым дивизиям народного ополчения, сформировавшимся в Ленинграде в июле — августе 1941 года.



Борьба за Приморский (Ораниенбаумский) плацдарм 22 августа — 9 сентября 1941 г.

ляясь на рубеже Керново — река Воронка — Терентьево — Зрекино — гора Колокольня — Порожки — Кипень — Михайловская.

Гитлеровцы не успокоились. На следующий день особенно упорные бои развернулись за деревню Кипень. Доходило до рукопашных схваток. Населенный пункт переходил из рук в руки.

Сопrotивление, которое оказали 118-я, 191-я и другие дивизии, заставило врага держать против них значительные силы. А ведь последние предназначались для штурма Ленинграда. Так выигрывалось время, которое было необходимо для организации обороны ближайших подступов к городу.

Армия вела не только оборонительные бои. Чтобы оттянуть на себя и истребить больше гитлеровских войск, нужны были наступательные действия. Этого требовал приказ Военного совета, полученный вечером 7 сентября. В нем указывался рубеж, которым следовало овладеть: Гостилицы — Волховицы.

Утром 9 сентября армия перешла в наступление. Главный удар наносили 2-я дивизия народного ополчения и 268-я стрелковая дивизия — на Гостилицы, совхоз «Бор». В результате упорного боя 2-я дивизия народного ополчения овладела населенными пунктами Зрекино, Перелесье, Варвароси и подошла к южной окраине Гостилиц. Но атаки частей 11-й и 281-й стрелковых дивизий не увенчались успехом в районе Порожек. 125-я стрелковая дивизия и 5-я бригада морской пехоты также не смогли овладеть Готовбужами и слободой Фабричной. Не имели успеха 1-я гвардейская народного ополчения и 191-я стрелковая дивизии. 118-я стрелковая дивизия, сражавшаяся южнее Михайловского, оказалась отрезанной от остальных частей армии. Наше наступление не было удачным, но оно ослабило натиск фашистов на Ленинград. В последующие дни 8-я армия вела непрерывные тяжелые бои с превосходящими силами противника.

10—12 сентября враг начал свое наступление на Ленинград. И хотя впоследствии он предпринимал немало других попыток захватить город на Неве, это, сентябрьское, наступление было наиболее мощным, а по мнению немецкого командования, даже решающим. Оно характеризовалось гитлеровским командованием как общий штурм на фронте от Гатчины до Ропши.

8-я армия мужественно отражала атаки немецко-фашистских войск. Шли кровопролитные бои в районе По-

рожек, Ропши, Кипени, Михайловского, Горок. 12 сентября противник занял Красное Село и Виттолово, а на следующий день прорвал оборону 1-й гвардейской дивизии народного ополчения и 1-й бригады морской пехоты.

118-я стрелковая дивизия оказалась в окружении и вела бой в кольце. Военный совет армии принял решение помочь ей вырваться из окружения. Удар по врагу из района южнее Михайловского и Горок нанесли 1-я гвардейская дивизия народного ополчения, 76-й отдельный Латышский полк и 277-й пулеметно-артиллерийский батальон. Операция проводилась ночью, что немало способствовало успеху. Дивизия вышла из окружения.

На других участках фронта обстановка тоже складывалась не лучшим образом. Уже после войны Маршал Советского Союза Г. К. Жуков охарактеризовал ее так: «К исходу 14 сентября противник, развивая прорыв тремя-четырьмя пехотными дивизиями и вводя в бой до двух танковых дивизий, вышел на фронт Новый Сузи (что южнее Пулкова на 2 километра) — Финское Койрово (северная окраина) — Константиновка — Горелово — Апино — Копорское — Ропша — Глядино и развивает наступление в северном направлении... Красногвардейск и дороги, идущие от Красногвардейска в Пулково, также занимаются противником».

Шли напряженные бои за Пушкин, Павловск, Александровку. 16 сентября фашистские войска усилили натиск на Пулковские высоты, Урицк и поселок Володарский. Несмотря на упорство в обороне, массовый героизм бойцов и командиров, гитлеровцам при поддержке танков и авиации удалось выйти в районе Урицк — Володарский к Финскому заливу.

8-я армия оказалась отрезанной от Ленинграда. Военный совет фронта поставил перед ней две задачи. Первая сводилась к тому, чтобы по-прежнему отвлекать на себя как можно больше сил противника, помогать фронту срывать планы гитлеровцев. Вторая — удержать Ораниенбаумский плацдарм, не дать сбросить советские войска в Финский залив. Плацдарм приобретал исключительно важное значение в общей системе обороны Ленинграда и Кронштадта.

Успешно решать поставленные задачи можно было при условии активной обороны. И эту активность части армии проявили уже 19 сентября. Днем раньше я с группой штабных командиров выехал на рекогносци-

ровку. Следовало на местности уточнить некоторые вопросы. С нами находился представитель штаба фронта генерал-майор П. И. Кокарев. Он несколько дней пробыл в армии и хорошо разобрался в обстановке, высказал предложения, с которыми нельзя было не согласиться. Мы еще раз вместе обсудили сложившиеся условия и пришли к выводу, что восстановить прежнее положение не удастся. Для этого слишком мало сил и средств. Но заставить противника повернуть три-четыре дивизии от Ленинграда — задача хоть и невероятно трудная, но решить ее можно и при наших возможностях.

Ночью я побывал в 1-й и 2-й дивизиях народного ополчения. Беседовал с командирами и бойцами. Чувствовалась огромная усталость от предыдущих непрерывных боев. В то же время ясно ощущалось: каждый теперь хорошо осознает свою задачу, свое место в общем строю. Сказывалась большая работа, проведенная партийно-политическим составом. Член Военного совета армии И. Ф. Чухнов тоже убедился в этом, побывав в других дивизиях.

Утром 19 сентября после кратковременного огневого налета по противнику дивизии перешли в наступление. Удачно действовали специально созданные штурмовые группы, выполняющие одновременно роль разведывательных органов. Некоторые части продвинулись вперед, но добиться существенного успеха явно не хватало сил. Существенно повлияла на исход наших действий авиация противника. Наступление затормозилось, пехота залегла и начала окапываться.

На следующий день наши атаки возобновились. Но в 10 часов 30 минут противник сам перешел к решительным действиям: открыл сильный артиллерийский и минометный огонь, его авиация начала бомбить наши боевые порядки.

Два часа продолжалась артиллерийская и авиационная обработка наших позиций, после чего на нас двинулись танки и пехота врага. Главный удар фашисты наносили тремя пехотными дивизиями с рубежа Разбегай — Стрельна в направлении на Горбунки, Сашино, Троицкое, Ораниенбаум. Одной дивизией с танками противник наступал от Ропши на совхоз «Красная Балтика».

Гитлеровское командование рассчитывало разбить основную группировку 8-й армии, наносившую контрудар на Красное Село, и на плечах ее отступающих частей ворваться в Ораниенбаум, ликвидировать Примор-

ский плацдарм, создать непосредственную угрозу Кронштадту.

Четыре дня продолжались тяжелые бои с превосходящими силами врага. Ополченцы, латыши-добровольцы, воины 76-го стрелкового полка, Эстонский рабочий полк, моряки-пехотинцы пришли на помощь стрелковым дивизиям при отражении врага. Все попытки его продвинуться были отбиты. Гитлеровцы понесли большие потери и были вынуждены перейти к обороне. Они стали спешно укрепляться на рубеже Новый Петергоф — Томузи — Петровская.

Эта линия фронта осталась неизменной до 1944 года — до начала разгрома оккупантов под Ленинградом. И хотя обе стороны пытались улучшить свои позиции, сколько-нибудь существенных перемен внесено не было. 8-я армия, весьма немногочисленная, при некомплекте артиллерии, автоматического оружия, без должной поддержки авиации, в жестоких сентябрьских боях 1941 года с помощью Краснознаменного Балтийского флота защитила Ораниенбаумский плацдарм, не пропустила врага в Ленинград.

Плацдарм продолжал нависать над левым флангом и тылом группировки войск 18-й армии, наступавшей на город Ленина. Оказавшись в двойной блокаде, личный состав 8-й армии все же выполнил свою задачу: активными боевыми действиями отвлек на себя значительные силы противника, нанес ему ощутимые потери.

Маршал артиллерии Г. Ф. Одинцов в своих воспоминаниях писал: «История образования и удержания Ораниенбаумского приморского плацдарма тесно связана с боевыми действиями 8-й армии... Кажется просто чудом, что ей и Краснознаменному Балтийскому флоту удалось отстоять при таком безграничном превосходстве противника эту небольшую полосу побережья... Трудно сказать, как протекала бы оборона города Ленина и Кронштадта, не будь Малой земли».

Известны высказывания о Приморском плацдарме немецких историков и генералов. Так, немецкий военный историк Юрг Майстер сожалел, что германское командование не нашло необходимых сил, средств и времени для захвата Ораниенбаумского «котла». Гитлеровский генерал Курт Типпельскирх писал: «Немецкие войска дошли до южных предместий города, однако ввиду упорного сопротивления обороняющихся, усиленных фанатичными ленинградскими рабочими, ожидаемого успеха не имели».

Да, ожидаемого успеха противник не имел. И причиной этого были стойкость, мужество и военное умение защитников Ленинграда. Отстаивая занимаемые рубежи, они глубоко сознавали опасность, нависшую над родным городом, над всей социалистической Родиной. В борьбе с оккупантами каждый из них был готов пожертвовать жизнью, чтобы не пустить врага в Ленинград. И эта высокая ответственность за судьбу города Ленина рождала много героических подвигов бойцов и командиров.

Один из таких подвигов совершил 21 сентября вблизи Петергофа гарнизон дзота, возглавляемый бывшим студентом Кораблестроительного института Юрием Никитиным. Несколько бойцов 264-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона из 76-миллиметровой пушки и пулемета двое суток отбивали яростные атаки врага. Гитлеровцы наглухо блокировали дзот. Прекратилась телефонная связь. Когда же на вторые сутки ее восстановили, Юрий Никитин, к тому времени раненный в обе ноги, доложил командованию батальона:

— Будем биться до конца!

Связь снова оборвалась. Затем в той стороне, где находился дзот, раздался взрыв. Бойцы, расстреляв все снаряды и патроны, подорвали огневую точку вместе с собой. Они погибли непобежденными. Вокруг дымившихся развалин лежали десятки трупов фашистов.

На следующий день там же, под Петергофом, тяжело раненный боец этого батальона Борис Потапов оказался в окружении. Гитлеровцы хотели взять его живым. Но когда приблизились к нему, Потапов подорвал гранату. Герой погиб, но были уничтожены и враги, пытавшиеся его пленить.

Героический подвиг совершила батарея, которой командовал старший лейтенант В. Кузнецов. Она вступила в единоборство с 24 танками противника. Подбила 11, остальные повернули назад.

Прекрасные примеры бесстрашия, стойкости, веры в победу показывали в самых трудных условиях политработники под руководством начальника политотдела бригадного комиссара С. И. Панкова, коммунисты и комсомольцы. 8-ю армию облетела весть о подвиге старшего политрука Л. Посникова. Казалось, подразделение не поднимется в атаку — таким плотным был огонь фашистов. Но встал коммунист Посников, а за ним — комсомольцы Ф. Погорелов, З. Скворцов, Е. Мочунов, А. Свириденко. Поднялись по их примеру и все осталь-

ные бойцы и с криками «Ура!», «За Родину!», «За Ленинград!» бросились на гитлеровцев.

В окопах, под вражеским огнем зрело воинское мастерство бойцов и командиров 8-й армии, которая своими действиями сыграла большую роль в срыве планов немецко-фашистского командования на подступах к Ленинграду.

А. М. АГЕЕВ,

*бывший командир взвода
полковой батареи 204-го
стрелкового полка
10-й стрелковой дивизии,
полковник в отставке*

РУБЕЖИ СТОЙКОСТИ

Володарский, Стрельна, Старый и Новый Петергоф... Эти небольшие населенные пункты приобрели существенное значение в боях за город Ленина. Здесь вместе с другими частями сражались воины нашей 10-й Краснознаменной стрелковой дивизии, сформированной еще в годы гражданской войны.

Великую Отечественную войну дивизия начала в Прибалтике. Героически защищала Таллин и на кораблях Балтийского флота совершила трудный переход в Кронштадт. Корабли шли через минные поля, подвергаясь непрерывным налетам фашистской авиации. Потери в полках были огромны — в Кронштадт прибыло чуть больше 2,5 тысячи бойцов и командиров. Сразу началось доукомплектование дивизии. Ее пополнили военными моряками, рабочими-ополченцами.

Пополнение продолжалось и в районе Стрельны, куда в начале сентября перебросили дивизию, включив ее в резерв фронта. Прибывало вооружение, боеприпасы. Штаб ее разместился в Стрельне, в здании школы милиции, тылы — в парке Александрия.

Однако доукомплектование вскоре было прервано. Враг пробился через Красногвардейский укрепленный район, захватил Красное Село, затем Урицк. Возникла реальная угроза прорыва его через Лигово и Автово в Ленинград. В такой крайне сложной обстановке командующий фронтом передал свой резерв — 10-ю дивизию — в 42-ю армию. Ей приказали вместе с другими соединениями правого фланга, в том числе 3-й гвардейской дивизией народного ополчения и 1-й бригадой морской пехоты, ликвидировать прорыв на Урицк.

Задача оказалась чрезвычайно трудной. В частях, подразделениях 10-й дивизии, не завершившей формирования, не хватало даже стрелкового оружия, не говоря уже об орудиях и минометах. 204-й полк, например, вступил в бой не имея ни полковой, ни противотанковой батареи, ни минометов. Наступление, начавшееся после непродолжительной артподготовки (сказывалась нехватка снарядов), при полном господстве фашистской авиации, быстро выдохлось. Бойцы 10-й дивизии продвинулись на полтора — три километра, вернув на отдельных направлениях оставленные накануне позиции. Но большего, к великому сожалению, достичь не могли.

Между тем противник с утра 16 сентября силами двух пехотных дивизий обрушился на поселок Володарский, где держали оборону подразделения морских пехотинцев, ополченцев и 10-й дивизии. Бой развернулся упорный, жестокий. В нем получила крещение и батарея 76-миллиметровых орудий, в которой я командовал огневым взводом. Батарея входила в состав 1-го стрелкового полка 3-й дивизии народного ополчения. Командовал ею инженер-геодезист, аспирант Арктического института, старший лейтенант А. И. Звездин, участник боев с белофиннами; политруком назначили А. А. Алексеева, рабочего с Петроградской стороны.

В предыдущую ночь батарея по Петергофскому шоссе выдвинулась к станции Володарская и заняла огневые позиции. Рядом расположились морские пехотинцы и подразделения 204-го полка. Ночью и особенно на рассвете орудия вели огонь по пехоте противника. А утром фашисты быстро обнаружили нас — их снаряды стали падать на наших позициях.

Положение еще более ухудшилось, когда гитлеровцы подняли в воздух аэростат для наблюдения. Потом появилась и «рама» — их самолет-корректировщик. Наша батарея прекратила огонь. Правда, и без того стрелять не могли — боеприпасы подошли к концу, а подвоз их задерживался.

К середине дня вражеские автоматчики с танками прорвались к заливу в районе завода «Пишмаш» (ныне объединение «Ленинградский электромеханический завод») и оседлали шоссе Ленинград — Петродворец. 10-я дивизия понесла большие потери. 1-я бригада морской пехоты отошла к заливу, заняв оборону фронтом на восток. Сюда же отошел и батальон 204-го полка. Вместе с моряками он прикрыл Стрельну.

После полудня по приказу командира батареи мы тоже отошли на восточную окраину Стрельны. Во время перемещения попали под бомбежку. Чтобы сохранить лошадей, быстро завели их с орудиями во дворы, в тень домов, спрятали в садах и сами укрылись.

Гитлеровские летчики сбрасывали бомбы второпях, потерь мы не понесли. После налета «юнкеров» выдвинулись на позиции у впадения реки Стрелки в Орловский пруд. Отсюда были хорошо видны поселок Володарский и полотно железной дороги. По указанию комбата открыли огонь по скоплению гитлеровцев на окраине леса, что тянулся от Володарского к Стрельне. Там уже вступила в бой рота 204-го полка, мы стали ее поддерживать. Батарею окончательно включили в состав этого полка.

Следующей ночью батарея снова сменила позиции. Теперь она расположилась у станции Стрельна. Сама станция и деревянные дома вблизи нее горели. Батарея почти непрерывно вела огонь по танкам и автомашинам врага, помогая нашей пехоте закрепиться вдоль насыпи железной дороги, удерживать станцию. При этом орудия не раз выдвигались на открытые позиции. Переходили на них повзводно: сначала взвод лейтенанта Кислюка, потом мой.

Кислюк со взводом проскочил шоссе Стрельна — Петергоф без потерь. Нашему взводу не удалось — потеряли командира орудия старшего сержанта Николая Амарантова, бывшего учителя русского языка и литературы Белоостровской средней школы. Накануне его расчет действовал лучше всех — слаженно, быстро, точно выполнял команды на перенос огня. Амарантова похоронили здесь же, у шоссе, около одной из лип. Первая потеря во взводе.

Бои за Стрельну становились все упорнее. Противник непрерывно атаковал, бросал в действие танки, бронемшины, авиацию. Нелегко пришлось двум ротам 3-го батальона 204-го полка, — у Детской колонии враг обошел их. Когда сюда пробились посланные на выручку три наших танка, от рот мало что оставалось. Но гитлеровцев дальше к Стрельне они не пропустили. Стрелки отбивались от танков связками гранат, бутылками с горючей смесью. Не раз схватывались с гитлеровцами врукопашную. Бывший командир взвода автоматчиков лейтенант И. П. Данилов вспоминает:

— Наш взвод занимал оборону южнее железнодорожной станции. Бойцы самоотверженно отстаивали

каждый метр родной земли. На моих руках скончался смертельно раненный Михаил Максимов, уничтоживший перед этим трех фашистов. Раненный в лицо Николай Наумов не ушел из боя. Сергей Емельянов, уложив прикладом гитлеровца, спас жизнь комиссару нашего 62-го полка старшему политруку В. П. Хераскову.

Раненым бойцам под огнем оказывали помощь, перетаскивали их в полковой медпункт фельдшеры Анна Богданова, Анна Денисенко, Зоя Горячева. Богданова потом погибла на Невском плацдарме, а Денисенко и Горячева прошли с дивизией всю войну.

Командир взвода саперов лейтенант Овсянников с тремя бойцами уничтожил более десяти гитлеровцев. Сам он был ранен в ногу, а Антон Пырерко и двое других, фамилий которых не помню, погибли в рукопашной схватке. А. П. Пырерко (Пыря) — известный ненецкий писатель, на фронт пошел добровольцем, в дивизию попал вместе с другими бойцами-ополченцами.

На рубеже деревня Рюмки — река Стрелка — восточная окраина Стрельны наша дивизия находилась до 21 сентября. Это были дни жестоких оборонительных боев, в ходе которых подразделения восстановили утраченное во время прорыва фашистов взаимодействие, а штабы — нарушенную систему управления. Штаб дивизии из здания школы милиции перебазировался в Михайловский парк, штабы полков — в Стрельну. Влившиеся в 204-й полк две батареи из дивизии народного ополчения были выдвинуты на прямую наводку.

Эти и другие меры повысили устойчивость обороны дивизии. Все новые попытки пехоты и танков гитлеровцев прорваться к Стрельне с востока и юга успеха не имели. При отражении их атак особо отличился артдивизион бригады морской пехоты под командованием капитана Скачкова и зенитная батарея. Только за четыре дня они подбили 17 танков. Еще три подожгли артиллеристы 62-го стрелкового полка.

20 сентября немецко-фашистские войска предприняли новое наступление. Они хотели ликвидировать Ораниенбаумский плацдарм. Утром четыре дивизии 38-го армейского корпуса врага после сильной артиллерийской и авиационной подготовки нанесли удар в стык наших 11-й и 10-й дивизий. Несмотря на упорное сопротивление, 11-й дивизии пришлось оставить выгод-

ные для обороны Сашинские высоты, а 98-му полку 10-й дивизии деревню Рюмки.

К исходу следующего дня дивизия заняла новый рубеж: от перекрестка Ропшинского шоссе с железной дорогой до деревни Знаменка. С рассветом развернулись бои за Петродворец и парки Михайловский и Александрия. Целый день 62-й и 204-й полки отбивали неприятельские атаки у станции Новый Петергоф и на окраине Петродворца, 98-й полк и бригада морских пехотинцев — на подступах к паркам. Схватки здесь были такими же жаркими, как у Стрельны. Впереди фашистской пехоты двигались танки. Полковые батареи, а также орудия приданного противотанкового дивизиона били по вражеским машинам прямой наводкой. У станции Новый Петергоф подбили три танка, еще один уничтожили в парке противотанковой гранатой. К сожалению, снаряды приходилось экономить — все острее ощущался их недостаток. Помогали бронепоезд и особенно батареи Кронштадта, корабельная артиллерия. Всем вместе удавалось до 22 сентября сдерживать непрерывно атаковавшего врага. Но 22-го гитлеровские автоматчики пробились на станцию, и снова пришлось отступить.

Дивизия отошла в район Большого дворца и Нижнего парка. Но время было выиграно. Успели завершить эвакуацию документов партийных и советских органов, произведений искусства. Штаб дивизии разместился в здании Биологического института, в Старом Петергофе развернули медсанбат.

С утра 23 сентября борьба за Петродворец развернулась с новой силой: 62-й и 204-й полки удерживали Большой дворец, 98-й полк и бригада морской пехоты — Нижний парк. Две атаки противника, утром и в полдень, были отбиты. Гитлеровцам поначалу удалось захватить Нижний дворец, но моряки контратакой выбили их.

Людей оставалось очень мало. В 62-м полку — около 180 человек. Его командир капитан А. Н. Воробьев и комиссар В. П. Херасков водили в контратаку стрелковые роты, которые по численности не превышали взвода. В ожесточенных боях за Большой дворец, в схватке у Большого каскада капитан Воробьев был ранен штыком в живот. Бойцы вынесли его из боя, спустили в подвал, где размещался полковой медпункт, но спустя несколько минут комполка скончался. Командование принял его заместитель старший лейте-

нант А. Торопов, но и он вскоре был смертельно ранен. Погиб командир батальона капитан Васильев. Полком стал командовать старший лейтенант М. Степин.

В разгар боя на помощь подоспели три танка КВ. Два поднялись в Верхний парк, третий остался в Нижнем. В это время на участок полка вышли два фашистских танка. Столкновения с нашим КВ они не выдержали, повернули вспять. Им не дали уйти. Один из них подбили гранатой автоматчики Николай Уваров и Сергей Емельянов. Другой зажег метким выстрелом из пушки лейтенант Е. Мухин.

То и дело возникали рукопашные. Снова отличились саперы взвода Овсянникова. Евгений Филиппов и Семен Двойненко вместе со своим командиром уничтожили отделение фашистов. Группу, в которую входили уже знакомые нам автоматчики Уваров, Емельянов, лейтенант Юдин и сотрудник особого отдела старший лейтенант А. Д. Терентьев, атаковали гитлеровцы. Отбиваясь штыками и гранатами, группа уничтожила около десятка гитлеровцев. Николай Уваров в этой схватке был смертельно ранен.

Погибших в том бою Воробьева, Торопова, Васильева и Уварова похоронили напротив церкви у дороги в Мартышкино.

Были ранены командиры двух других полков: 98-го — полковник Бородкин, 204-го — капитан Ефремов.

23 сентября дивизия оставила Петродворец. Сильно поредевшие полки отошли на удобный для обороны рубеж — на Троицкий ручей. Мосты через него были уничтожены. Взрыв Нижнего моста у Ораниенбаумского спуска осуществили сапер 62-го полка сержант Е. Филиппов и артиллерист младший лейтенант И. Хоменко. Филиппов с ответственного и опасного задания не вернулся, был убит, но танкам врага путь закрыл. Предпринятая противником на следующий день атака пехоты с танками на этом рубеже была отбита. Отличился помощник начальника политотдела дивизии по комсомолу старший политрук А. М. Назаров. Когда гитлеровцы приблизились к зданию гранитной фабрики (теперь объединение «Петродворцовый часовой завод»), Назаров из станкового пулемета расстрелял до взвода их автоматчиков.

На этом рубеже обескровленные немецко-фашистские части были остановлены окончательно.

Для прикрытия дороги на Ораниенбаум выдвинули артиллерийские батареи, в том числе и нашу. Мой взвод закрепился возле взорванного моста через овраг у гранитной фабрики, а взвод лейтенанта Кислюка — южнее Ораниенбаумского шоссе. Мы заняли позиции у церкви, на колокольне которой разместился наблюдательный пункт. Отсюда хорошо просматривались подступы к мосту и оврагу. Сюда перенесли свои передовые НП и 30-й артполк, батареи береговой артиллерии Кронштадта.

Орудия замаскировали за домами, а затем выкапывали их на открытые позиции для стрельбы по выявленным пулеметным точкам врага или по бронемашинам и танкам, подходившим к Троицкому ручью.

После первых, не всегда удачных боев понемногу стал приходиться опыт. Бойцы мужали, действовали все более уверенно, проявляли инициативу, сметку. Однажды из окна здания, где разместился командный пункт полка, обнаружили скопление противника за железной дорогой. На руках втащили пушку на лестничную площадку и прямой наводкой расстреляли гитлеровцев через окно.

Борьба на нашем участке фронта все более переходила из маневренной в позиционную. Дивизия, которой после генерал-майора М. П. Духанова стал командовать полковник И. Д. Романцов, получила для обороны полосу от Английских прудов до залива. Соединение пополнили людьми, усилили танковым полком подполковника Давыдова. Все шесть танков, которыми располагал полк, хорошо окопали, превратив в неподвижные огневые точки на вероятных направлениях наступления врага. Пехота вскоре оборудовала позиции окопами и траншеями, связала их ходами сообщения. Передний край саперы прикрыли минными полями и проволочными заграждениями. Противник непрерывно обстреливал нас, мешая укреплять оборону. Мы в свою очередь вели огонь по его окопам и траншеям.

В начале октября наша дивизия и ее сосед слева — 11-я дивизия участвовали в наступлении 8-й армии, имевшем целью восстановить прямую связь с Ленинградом. 204-й полк наступал на Петродворец, нанося удар вдоль залива, 62-й — вдоль Ораниенбаумского шоссе.

Наш взвод усиливал 204-й полк, который удерживал одно из зданий гранитной фабрики. Мы на лямках перетаскивали орудия на восточный склон оврага, поставили их у этого здания. Из его окон были отлично

видны остальная территория фабрики, занятая гитлеровцами, и ближайшие их тылы. И мы снова повторили уже знакомый маневр: по приказу командира батареи А. И. Звездина подняли одно орудие на второй этаж. Через разбитые окна, словно из амбразуры дота, стали поражать цели на переднем крае фашистов, мешать им маневрировать резервами. Немного погодя на второй этаж подняли еще две 76-миллиметровые пушки.

Прицельный огонь был весьма эффективным. Он серьезно досаждал гитлеровцам. Как только из окон начинали бить наши пушки, им тотчас отвечала артиллерия врага. Здание обстреливали из 155-миллиметровых орудий, минометов и даже бомбили. Во время одного из таких обстрелов А. И. Звездина ранило, но он остался в строю. Храброго, знающего, умелого командира вскоре назначили начальником штаба полка, а позднее — штаба дивизии. Он погиб в 1943 году на Карельском перешейке. Командиром батареи назначили меня.

Октябрьское наступление 1941 года не удалось: не было необходимого артиллерийского обеспечения, а авиационное вообще отсутствовало. Но наступление доказало прочность, жизнеспособность Ораниенбаумского плацдарма, вынудило фашистское командование усилить свою стрелнинско-петергофскую группировку за счет войск, взятых из-под Ленинграда, держать здесь в боевой готовности значительные силы.

Об октябрьских боях напечатала несколько корреспонденций газета «На страже Родины». В номере от 12 октября 1941 года было написано и о нашем взводе: «Расчеты этих орудий уничтожили 4 огневые точки и много живой силы противника. Особо умело и отважно действовали командир взвода Агеев, командир орудия Мишкин и красноармейцы Смоляков и Честноков». А. Честноков дошел до Берлина и участвовал в Параде Победы в незабываемом 1945-м. Я бы хотел назвать и других мужественных и самоотверженных батарейцев: красноармейца Ипатьева, командира орудия Бурдина, орудийных мастеров Н. Генкина и Д. Староверова, командиров взвода управления лейтенанта Боброва, взвода боевого питания лейтенанта Королева.

Сентябрьско-октябрьские бои за Володарский, Стрельну и Петергоф были необычайно тяжелыми. Бойцы и командиры 204-го полка сражались отважно, отстаивая каждую пядь советской земли. Враг был остановлен на рубежах Ораниенбаумского плацдарма. Че-

рез два года с этих рубежей начался разгром немецко-фашистских войск под Ленинградом.

В середине октября 1941 года 10-я дивизия передала свой рубеж обороны частям 48-й дивизии и была переброшена на другой участок Ленинградского фронта — под Невскую Дубровку. Закончила она войну в Курляндии.

На Памятных досках мемориала «Приморский» значится немало имен воинов дивизии, отдавших жизни на Петергофских рубежах осенью 1941 года. Ветераны соединения ежегодно в канун Дня Победы собираются в 421-й школе Петродворцового района, чтобы вспомнить однополчан, не вернувшихся с войны, рассказать юным о славных делах дивизии.

Л. М. ЛЕВИЦКИЙ,

*бывший начальник
электромеханической службы
31-го отдельного
артиллерийского дивизиона,
полковник-инженер в отставке*

ОГОНЬ БЕРЕГОВОЙ АРТИЛЛЕРИИ

Уже в начальный период Великой Отечественной войны потребовалось значительно усилить всю береговую оборону восточной части Финского залива. Здесь находился Ижорский укрепленный сектор (ИУС) — мощное артиллерийское соединение, имевшее на своем вооружении дальнобойные скорострельные стационарные орудия калибром от 120 до 305 миллиметров. В его боевой состав входили два исторических форта — Красная Горка и Серая Лошадь, на которых дислоцировались 31-й и 33-й отдельные артиллерийские дивизионы, железнодорожный батальон, школа младших специалистов, базовый лазарет, несколько мелких обслуживающих подразделений. Немного позже добавились два бронепоезда — «Балтнец» и «За Родину». Командиром (комендантом) ИУСа был комбриг П. И. Лаконников, бывший комендор Балтфлота, участник первой мировой и гражданской войн, за годы Советской власти выросший в видного специалиста береговой обороны. Военкомом стал полковой комиссар Г. М. Яичников, тоже опытный политработник, начавший военную службу в годы гражданской войны.

Командованию и политотделу ИУСа предстояло в короткий срок не только восстановить, но и увеличить

огневую мощь соединения: разместить новые береговые батареи, создать штабы, обучить пополнение. Все это делалось в условиях неуклонно приближавшейся линии фронта.

В августе 1941 года комендантом Ижорского укрепленного сектора назначили генерал-майора Г. Т. Григорьева — общевойскового командира, участника гражданской войны, имевшего большой опыт службы в частях и соединениях береговой обороны. Комбриг П. И. Лаковников стал его заместителем по артиллерии.

Непосредственно участвовать в боях подразделения укрепленного сектора начали после захвата противником Копорья, когда создалась угроза выхода немецко-фашистских войск на побережье Финского залива — до него оставалось всего 11 километров. Наступил период тесной боевой связи береговых батарей с частями Красной Армии. Вновь установленная в августе береговая батарея № 341, поддерживавшая 8-ю армию, провела 67 стрельб, полностью расстреляла лейнеры — сменные трубы ствола. Каждое из четырех орудий 100-миллиметрового калибра сделало более 900 выстрелов.

31 августа форт Красная Горка получил задачу огнем 305-миллиметровых орудий поддержать Копорскую группу войск генерала В. В. Семашко. Стрельба на дистанцию 30 километров прошла успешно. Это была первая боевая работа Красной Горки.

Огневое содействие частям 8-й армии продолжалось. Бывший командир 311-й батареи В. К. Мустафаев вспоминает:

— Девятого сентября получили задание на поддержку армейских частей. Забрав разведчиков и связистов, выехал на командные пункты 466-го и 657-го стрелковых полков. Свой корректировочный пост оборудовали рядом с КП 657-го полка. После первого выстрела командир батальона капитан Н. П. Хромко попросил перенести огонь ближе к переднему краю. Это было опасно, при недолете снаряды ударили бы по своим. Но корректировка оказалась точной, и десять залпов разнесли участок обороны гитлеровцев в клочья. Да и как иначе: снаряд 305-миллиметрового орудия весит почти пятьсот килограммов!

Подобные стрельбы позже проводились много раз, о чем свидетельствует журнал боевых действий форта Красная Горка. Однако частое использование батарей 305-го калибра по наземным целям было нерационально.

Изнашивались орудия, увеличивался расход дорогостоящих и дефицитных снарядов. Характер целей не оправдывал этого: стрелять иной раз приходилось по легким оборонительным сооружениям, хозяйственным постройкам, мелким группам живой силы. Поэтому к началу сентября закончили установку нескольких стационарных береговых батарей, специально предназначенных для ведения огня по наземному противнику. На восточном фланге сектора разместили пять батарей калибром 100—152 миллиметра с дальностью стрельбы 18—26 километров. Эти батареи составили 196-й отдельный артиллерийский дивизион. На западном фланге появились три батареи такого же калибра, объединенные в 197-й отдельный артиллерийский дивизион.

Первый из новых дивизионов включился в активные боевые действия после 16 сентября, когда противник вышел к побережью Финского залива на участке Стрельна—Петергоф и пытался фланговым ударом покончить с Ораниенбаумским плацдармом. Ожесточенные атаки фашистов разбились о стойкую оборону наших войск, подкрепленную огнем артиллеристов. План гитлеровского командования был сорван.

В тех же боях отличился и бронепоезд «За Родину», где командиром был капитан В. Г. Кропачев, военкомом — старший политрук К. Н. Кудзиев. В приказе командующего 8-й армией от 27 сентября 1941 года отмечалось: «Командиры и краснофлотцы, пренебрегая смертью, на своем бронепоезде выходят за боевые порядки нашей пехоты и огнем орудий наносят сокрушительные удары по врагу».

Примечательна судьба этого бронепоезда. Боевое крещение он получил под Либавой (Лиенапай) и весь путь до Лебяжьего прошел вместе с 8-й армией. Бронепоезд в сражениях был так разбит, что хотели его списать. Но личный состав воспротивился такому решению и предложил провести ремонт своими силами. Инициативу одобрил генерал Г. Т. Григорьев. Команде бронепоезда помогли рабочие Ижорского завода. На тяжелые железнодорожные платформы они установили новую бронезащиту. Из резерва получили артустановки и зенитные пулеметы. Восстановленный бронепоезд продолжил свой доблестный путь. Всего с 23 июня 1941 года по 14 января 1944 года он прошел 9500 огненных километров. Летом 1944 года бронепоезд отправили на базу, а его личный состав расписали по другим частям.

После того как была создана Приморская оператив-

ная группа, подразделения укрепленного сектора, занимавшие рубежи на сухопутном участке плацдарма, перешли в прямое подчинение ее командования. На оставшиеся войска возложили оборону побережья Финского залива и занимаемых ими объектов. В середине 1942 года комендантом Ижорского укрепленного сектора назначили полковника (впоследствии генерал) И. А. Большакова, специалиста береговой артиллерии.

Новые задачи потребовали большой и серьезной перестройки боевой работы. Артиллеристы раньше имели дело с целями прямой видимости. Теперь в самый короткий срок следовало научиться стрелять по ненаблюдаемым объектам. Первоочередным стало подавление осадной артиллерии фашистов, сеявшей смерть среди мирных жителей Ленинграда, разрушавшей город. Ослаблять и полностью срывать такие обстрелы — вот задача, в решении которой активная роль отводилась батареям укрепленного сектора.

Для береговой артиллерии новым здесь были визуальная и инструментальная разведка, организация сопряженного наблюдения и многое другое. Возник целый комплекс проблем: как добывать проверенные данные для стрельбы, вовремя их перерабатывать, вводить в систему управления огнем, получать сведения по корректировке и хотя бы предположительно определять результаты стрельб. Особое внимание обратили на подготовку артиллерийских разведчиков и наблюдателей. Все командиры батарей и дивизионов многократно прошли практику личных наблюдений и корректировки огня в непосредственной близости от переднего края. Случалось, что люди во время этой «учебы» гибли, как, например, командир 318-й батареи старший лейтенант Н. И. Врачев, похороненный в братской могиле на форту Красная Горка. Но боевая практика была необходима. Огромную помощь оказывали нам органы управления Приморской оперативной группы и штаб Краснознаменного Балтийского флота. Ко второй половине 1941 года береговые батареи уже могли успешно вести контрбатарейную борьбу.

Хотя недоработок еще оставалось немало, гитлеровцы почувствовали нашу силу. Фашистское командование было вынуждено отвести свою осадную артиллерию на 15—20 километров дальше от фронта, а также заметно сократить ее активность. В первой половине 1942 года ежемесячно по Ленинграду выпускалось примерно 5—7 тысяч снарядов, а в июле — 2010, сентябре — 926.

В укрепленном секторе к борьбе с вражеской осадной артиллерией привлекалось восемь батарей, обладавших дальностью стрельбы 23—44 километра. Орудия западного участка плацдарма в этой борьбе не участвовали, поскольку находились на большом удалении от позиций вражеских батарей.

Вели мы и операции частного характера, имевшие помимо боевого морально-политического значение. Артиллеристы у орудий крупного калибра редко видят живого врага. Надо было и им дать возможность ощутить, что гитлеровских вояк можно бить и побеждать.

В середине ноября с форта Красная Горка в тыл врага отправился отряд лыжников из 60 человек под командованием полтрука П. И. Ковалева, кадрового рабочего-путиловца. Отряд успешно выполнил задание, но на обратном пути Ковалева смертельно ранило. Моряки вынесли его тело и похоронили в братской могиле. Других потерь отряд не имел.

Еще один отряд лыжников, уже из 150 человек, под командованием капитана Г. В. Комова и полтрука М. Н. Кошкина 10 декабря зашел в тыл противника в районе Керново — Систопалкино. Он уничтожил до двухсот гитлеровцев, пять дотов, склад боеприпасов, несколько орудий, захватил пленных и без потерь возвратился на форт.

В канун нового, 1942 года мы попытались выгнать гитлеровцев на мороз. Дело в том, что в прифронтной полосе Ораниенбаумского плацдарма захватчики заняли жилые дома, а их обитателей выставили на улицу. Когда до наступления Нового года оставалось несколько минут, батареи укрепленного сектора открыли огонь по гитлеровцам.

Случилось так, что в этот час через один из населенных пунктов, подвергшихся обстрелу из 305-миллиметровых орудий, проходила группа наших разведчиков. Они потом рассказывали:

— При ударе о мерзлую землю снаряд разрушал сразу два-три дома, набитых оккупантами. Из других домов гитлеровцы полуодетыми выскакивали в двери, окна и бежали в лес. А мороз стоял под тридцать градусов, в лесу не нагреешься.

Таким был наш «тост» в честь Нового, 1942 года.

От начала и до конца войны укрепленному сектору ставилась задача обеспечить безопасный проход наших кораблей по коммуникациям восточной части Финского залива. Стоило вражеским батареям открыть

огонь, включить прожекторы, тотчас вступали в дело наши батареи, огонь противника подавлялся.

Утром 5 декабря 1941 года мимо нас прошел последний караван с защитниками Ханко и Гогланда. Следую за ледоколом, корабли пробивались к Кронштадту. На меридиане Красной Горки с северного берега Финского залива по каравану открыли стрельбу три фашистские батареи. Единственный в караване боевой корабль, эскадренный миноносец «Стойкий», не мог, конечно, защитить все суда, на борту которых находилось шесть тысяч человек. Несколькими залпами форта Красная Горка противник был подавлен. Караван благополучно достиг места назначения.

На борту одного из кораблей находился командир военно-морской базы Ханко генерал-лейтенант С. И. Кабанов, который впоследствии вспоминал:

— Когда противник начал обстрел нашего каравана, я сказал командиру корабля, что если Красная Горка нас не выручит, то мы потеряем много людей. Но Красная Горка не подвела. Мы без потерь прибыли в Кронштадт.

Генерал Кабанов в свое время сам командовал фортом и Ижорским укрепленным сектором, хорошо знал их возможности.

Со стороны моря можно было ожидать вторжения врага на плацдарм. Опасность возрастала зимой, во время ледостава, и особенно по ночам. В районе Красной Горки провели несколько дальномерно-прожекторных учений с выходом личного состава на лед. Убедились, что противник будет лучше всего виден в лучах прожектора, если наблюдать не с берега, а со льда. Дозоры выходили на лед весь период боевых действий. Другие средства предупреждения, разработанные инженерными службами, оказались неэффективными. Проволочные заграждения, контрольную лыжню и т. д. — все плотно заносил снег.

Боевая деятельность береговой батареи в огромной степени зависит от эффективности электромеханической службы, в которой был занят и я. Именно эта служба обеспечивает батареи электроэнергией, сжатым воздухом. Орудия крупного калибра — технически очень сложный боевой организм. Ведение точного огня невозможно без надежной работы всех приборов управления стрельбой, точной регулировки механизмов наведения... Можно гордиться тем, что личный состав электромеханической службы находился на высоте постав-

ленных задач, в любых условиях действовал умело, четко, организовано.

А условия блокадных зим, особенно первой, были очень трудными. Личный состав ослаб физически. Командир 330-й батареи капитан В. Ф. Горелов позже вспоминал:

— Как-то случайно опрокинулся ящик со снарядами. Раньше один человек поднимал снаряд, теперь на каждый встало семеро...

Очень важно было делать максимально возможное, чтобы укрепить здоровье людей. Это оставалось в центре внимания командиров, политработников, наших медиков. Помню военфельдшера Татьяну Ивановну, молодую женщину, которая сама полной мерой испытывала все тяготы блокады. Еще до побудки она на ногах, готов к раздаче хвойный настой, проверены нормы и качество пищи. В ее подразделении ни один боец или командир не заболел цингой!

Нельзя не отметить самоотверженную помощь, которую всю войну нам оказывали рабочие и инженерно-технические работники заводов Ленинграда и Кронштадта. На плечи этих людей легли ответственные операции, связанные с ремонтом, наладкой и монтажом боевой техники. Работы часто велись под огнем противника. Высококвалифицированные специалисты, попав на батареи, щедро делились опытом с личным составом, учили молодых бойцов и командиров надежному обслуживанию механизмов.

На одной из двух башен 311-й батареи (калибр — 305 миллиметров) 6 сентября 1941 года в самый напряженный момент вышли из строя оба орудийных ствола. Замена их даже в мирные дни требовала по меньшей мере месяца. Кто бы согласился, чтобы башня молчала так долго? Рабочие бригады, возглавляемые опытными мастерами А. Н. Хмуровым и Н. П. Барановым, заменили стволы в рекордный срок. 11 сентября, то есть на шестые сутки, башня снова ожила.

Подобное в первые недели войны произошло на силовой станции 31-го отдельного артиллерийского дивизиона. Надо было срочно заменить два сильно изношенных и устаревших дизель-агрегата. Сколько самоотверженности проявили при этом наши штатские помощники — бригады мастеров А. М. Феклистова и А. Н. Позднякова! Они справились с заданием, которое можно смело отнести к боевому, очень быстро и хорошо. По ходатайству командования «Красной Горки» оба специали-

ста были оставлены на силовой станции. Бывший шеф-монтажник завода «Русский дизель» Алексей Михайлович Феклистов — один из авторов этой книги. Он сам рассказывает, как воевал и работал, что пережил.

Настал час разгрома фашистских войск под Ленинградом. При подготовке к этой операции всю морскую артиллерию калибров 100—406 миллиметров (402 орудия) объединили в четыре группы. Возникли новые сложности. Теперь надо было учиться поддерживать непрерывную связь с двигавшимися вперед частями, быстро открывать огонь на подавление и уничтожение узлов сопротивления противника, вести стрельбу по заявкам наступающих. И все это — в условиях быстро меняющейся обстановки, в непосредственной близости целей от своих войск. Особая четкость требовалась от штабов, групп управления и связи.

Как освоили мы эту науку — показал ход наступления 2-й ударной армии. Артиллеристы, связисты, разведчики, оперативные работники укрепленного сектора, по общему признанию, действовали должным образом. В приказах были отмечены генерал К. А. Большаков, полковник В. Т. Румянцев, подполковник Е. А. Проскурин, майоры П. Е. Мельников, Г. В. Коптев, старшины А. Б. Чуев, Е. Н. Поленов, многие другие. Весь личный состав ИУСа выполнил свой долг перед Родиной.

Январское сражение 1944 года было венцом боевой деятельности Ижорского укрепленного района на Ораниенбаумском плацдарме. Последние залпы батарей прогремели в середине 1944 года в операции по разгрому противника на Карельском перешейке.

В честь заслуг артиллеристов КБФ в битве за Ленинград на форту Красная Горка, награжденном орденом Красного Знамени, открыт мемориал. Каждый год в День Победы на этом старом форту встречаются ветераны Ижорского укрепленного сектора и других частей береговой обороны.

А. М. ФЕКЛИСТОВ,

*бывший шеф-монтер
завода «Русский дизель»,
ныне пенсионер*

«ЭЛЕКТРОМЕХАНИЧЕСКАЯ К БОЮ ГОТОВА!»

Боевая тревога!

Не успел смолкнуть сигнал, а все уже на местах. Боевые номера исполняют обязанности четко. Бе-

зукоризненно работают механизмы. Снаряд поднят из погреба, дослан в канал ствола... Все совершается будто само собой.

— Орудие к бою готово!

Мне порой казалось, что артиллеристы, так уверенно выполняющие свои обязанности при орудии, даже не подозревают о существовании электромеханической службы, от которой чуть ли не главным образом зависит жизнеспособность форта. Но это не огорчало, наоборот, радовало. Не замечают — значит, трудимся хорошо.

Мне, штатскому человеку, хотя и прослужившему почти два года в воинском подразделении и наравне с матросами и командирами пережившему все трудности военного времени, невозможно описать будни электромеханической работы с ее многочисленными службами. Но об одной из ведущих служб — силовой электростанции, с которой был связан более всего, расскажу.

С первых дней Великой Отечественной войны группу специалистов завода «Русский дизель» направили на боевые объекты флота. Задачу сформулировали так: обеспечить ремонт и эксплуатацию дизельных силовых и энергетических установок фортов.

Время было трудное. Но форты Красная Горка, Серая Лошадь и другие артиллерийские точки продолжали активно действовать, надежно прикрывая подступы к Ленинграду с моря.

Приморский плацдарм оказался отключенным от ленинградского энергетического кольца. Все башенные артиллерийские установки и другая техника фортов перешли на питание энергией от своих электростанций. Эти станции были в свое время оборудованы дизель-генераторами самых различных типов, но двигатели завода «Русский дизель» и Коломенского завода оставались основными.

От завода «Русский дизель» на Ораниенбаумский плацдарм попали шеф-монтеры дизелисты И. А. Маченичев и автор этих строк. Обстановка требовала, чтобы все двигатели силовых станций фортов находились постоянно в строю. Мощная орудийная техника нуждалась в электроэнергии в любое время суток. Стрельбы производились часто. Проходила эвакуация гарнизона Ханко. Огневой заслон фортов в радиусе действия их дальнобойной артиллерии надежно прикрывал корабли.

Перед самой войной часть дизелей на электростанциях фортов заменили новыми. Однако много агрегатов

было старых, изношенных. Поддерживать их в строю стоило немалых трудов. Конечно, ни о каких планово-предупредительных ремонтах (по понятиям мирного времени) не могло быть и речи. Запасных частей не хватало. Связь с Большой землей стала чрезвычайно затрудненной. Путь в Ленинград пролегал через Ораниенбаум, Кронштадт, Лисий Нос. На траверзе Нового Петергофа и Стрельны фашисты не пропускали без обстрела даже мелкие катера.

И все же контакт с заводом поддерживался, что позволяло в какой-то мере пополнять силовые станции топливной аппаратурой и некоторыми необходимыми деталями. Но это продолжалось недолго, так как завод вскоре эвакуировали из Ленинграда в тыл.

Между тем обстановка спрашивала жестко. Для нормального действия башенных установок при стрельбах должен быть обеспечен определенный запас мощности, а его можно создать только тогда, когда работают все дизели. В интересах маскировки дизели должны давать как можно меньше дыма. И наконец, они должны потреблять минимум жидкого топлива и смазочных материалов. А это возможно лишь при условии поддержания моторов в исправном состоянии.

Командир электромеханической роты форта Красная Горка инженер-капитан Л. М. Левицкий, понимая, что с задачей смогут справиться только знающие дело специалисты, начал с технической учебы. К ней он привлек весь личный состав подразделения. Изучались устройство механизмов, эксплуатация и ремонт электромеханической техники применительно к условиям войны и блокады.

Это была учеба военного времени, когда каждый — и учащийся и преподаватель — нес личную ответственность за исправность вверенных ему механизмов и понимал, что ни под каким предлогом нельзя допустить выхода техники из строя.

Учебная дисциплина была строгой. За незнание материала или недостаточно ясное изложение изучаемого Л. М. Левицкий взыскивал очень строго. Особенно доставалось преподавателям из числа командиров роты. Нечеткие, расплывчатые формулировки расценивались как незнание материала. Разговор в таких случаях оказывался коротким, и никто не желал его повторения.

Электродело преподавал инженер-капитан С. А. Лаврентьев, двигатели внутреннего сгорания — заместитель

командира роты инженер-старший лейтенант И. П. Смирнов, прожекторное дело — инженер-старший лейтенант В. П. Ефремов. Это были прекрасные специалисты, энергичные командиры. Начальник электромеханической службы Ижорского укрепленного района инженер-подполковник Баширов стал нашим строгим экзаменатором.

Теоретические занятия чередовались с практическими. Каждый воин на своем боевом посту убеждался, что в его руках находится надежная техника, что выход из строя механизма не происходит внезапно — отказам предшествуют неисправности, которые можно и должно вовремя заметить и устранить.

В роте быстро росло число специалистов своего дела. Ими стали старшины мотористов Л. А. Гавричков и В. О. Рыжов, мотористы С. В. Мутенцов, М. А. Савушкин, М. П. Соколов, А. П. Кочетков, старшина электриков Н. Т. Петров, старшина прожектористов Д. М. Купцов, трюмный-компрессорщик В. И. Орешкин, токарь В. А. Русов.

Неверно думать, что в электромеханической роте только и знали учебу да ремонт техники. Нет, шла жестокая война, нельзя было разделить: это делаю я, а это — ты. Из роты уходили в десантные и разведывательные отряды, и многие не вернулись. В боях за Родину погибли мотористы В. С. Седельников, А. В. Майоров, электрик К. И. Рупиев, старшина А. В. Вороновский. На их место приходили новички, подчас совершенно «зеленые», и следовало начинать с азов: обучать наукам и политическим, и военным, и техническим.

По мере продолжения боев запасы топлива уменьшались. На плацдарме ценилась на вес золота каждая тонна дизельного топлива. Все понимали, что решающие дни впереди, надо еще больше экономить. Однако моторы остановить нельзя, — на батареях и в бетонных казематах без электроэнергии делать нечего, да и деятельность гарнизонных служб зависела от электроэнергии. Потому искали любую возможность для поддержания экономичных режимов работы двигателей.

Порой выручала матросская смекалка. Зимой 1942 года разведчики обнаружили в оставленной деревушке брошенный локомотив. Ночью его перегащили в безопасное место, а затем доставили на форт Красная Горка. В электромеханической роте локомотив отремонтировали, установили в специальное помещение и пустили в работу на генератор. Мощность «нового» аг-

регата была, правда, невелика — 25 киловатт, но по тем временам все же подспорье. Ведь локомотив расходвал не жидкое топливо, а дрова. Ежедневно с рассветом половина роты во главе с инженер-капитаном Лаврентьевым отправлялась на лесозаготовки. Старая техника на дрова была «зело прожорлива».

Дизель-генераторы приходилось все же останавливать на осмотр и для устранения замеченных дефектов. Делали это только в ночное время и поочередно. В осмотре механизмов кроме вахтенных мотористов и электриков обязательно участвовали дежурный инженер, старшина мотористов и командир машины. Неисправности устранялись сразу — к утру, как правило, агрегат вводился в строй. Продуманная организация труда, высокая квалификация личного состава, сознание ответственности — вот объяснение тому, что за одну ночь успевали выполнить такие подчас трудоемкие работы, как замена деталей поршневой группы. После окончания ремонта двигатель обязательно проверялся в действии, только после этого ему давали рабочую нагрузку.

Обслуживающий персонал очень внимательно наблюдал за работающими механизмами. Дефекты следовало выявлять на ходу — лишняя остановка агрегата, тем более его разборка, не допускалась. Конечно, с сегодняшних позиций это выглядит элементарно. Но по тем временам, когда из контрольно-измерительных приборов на двигателях было всего-то два манометра, а о простой термопаре для измерения температуры выхлопных газов никто и мечтать не смел; когда весь ремонтный «парк» электромеханической службы состоял из одного старенького токарного станка, на котором Владимир Александрович Русов ухитрялся изготавливать дизельные детали — от поршневых колец до топливной аппаратуры; когда из ослабевших рук недавнего здоровяка Николая Алексеевича Кузина выпадала кувалда, — ничего так просто не давалось. Все требовало громадного напряжения, упорного труда.

И несмотря на это, всю войну, в условиях блокады, практически при полном отсутствии запасных частей, дизели на Красной Горке работали непрерывно. Артиллерия форта получала необходимую энергию.

...Раздавался сигнал боевой тревоги — и службы форта одна за другой докладывали на командный пункт о своей готовности. Неизменно звучал и рапорт:

— Электромеханическая к бою готова!

Г. Г. ПОЛЯКОВ,
*бывший курсант Военно-морского
хозяйственного училища,
капитан 1-го ранга в отставке*

КУРСАНТЫ СТОЯЛИ НАСМЕРТЬ

Мне вспоминаются дни и часы до ухода курсантов училища на фронт. Особенно последний вечер и ночь перед выступлением.

В потемневшем небе шел поединок нашей зенитной артиллерии с гитлеровскими самолетами. Время тянулось нудно: мы отсиживались в бомбоубежище.

Курсанты негромко переговаривались — обсуждали последнюю сводку Совинформбюро. Фашисты продвигались вперед. Всякие мысли лезли в голову. Общее наше настроение отразил курсант Дмитрий Серегин — любитель стихов. Он декламировал:

Не отдадим фашистам Ленинград,
Ни площадей, ни сфинксов, ни палат.
Ни Пушкиным прославленного сада,
Ни возведенных Росси колоннад...

После отбоя тревоги разошлись по кубрикам.

Время позднее, а сон не приходит. Издерганные воздушными тревогами, огорченные плохими сводками и отказом от посылки на фронт, курсанты говорили о наблевшем.

— Братцы, почему только из третьей роты послали на передовую? — допытывается Иван Поднебенный, высокий, сутуловатый, добродушный украинец.

Действительно, в конце августа неожиданно вызвали к начальнику курса восемь человек из третьей роты, где самые маленькие по росту, и выдали им предписания в бригаду морской пехоты пулеметчиками. От первой роты, где все «гренадеры», не взяли ни одного.

Разговоры той ночью прервал сигнал боевой тревоги. Схватили винтовки — и во двор. Темно. На часах около трех. Значит, спали не больше часа. Пока шло построение, курсанты вполголоса переговаривались: чем вызвана тревога?

Команда «Смирно!» — роты замерли. Начальнику училища капитану 2-го ранга А. В. Кацадзе начальник строевого отдела полковник А. С. Дементьев отдал рапорт. Начальник училища объявил решение командования послать курсантов на фронт. Затем капитан А. А.

Животов, из строевого отдела, зачитал приказ о формировании из второкурсников стрелкового батальона.

Сердце учащенно забилося: наконец-то! Настали наш черед выступить. Всего один час дали на сборы. Сытно накормили завтраком, выдали боезапас и суточный сухой паек. В пять утра батальон построился в бушлатах с винтовками и противогазами. Осень была ранней, прохладной — по телу пробежал легкий озноб. Перед строем выступил военком училища бригадный комиссар В. П. Павлов. Уже немолодой, он казался нам похожим своим обликом и глуховатым голосом на комиссара из кинофильма «Мы из Кронштадта».

— Под Красной Горкой и Ораниенбаумом осенью девятнадцатого года был разгромлен генерал Юденич. На этих рубежах сейчас самоотверженно сражаются красноармейцы и балтийские моряки. Военный совет Ленинградского фронта посылает вас на защиту Ораниенбаума — подступов к Кронштадту и Ленинграду. Помните революционные и боевые традиции балтийцев! — напутствовал нас комиссар.

Отдельный морской курсантский батальон состоял из трех рот общей численностью 348 человек. Комбатом назначили полковника А. С. Дементьева, комиссаром — старшего политрука Г. М. Суздалова, начальником штаба — капитан-лейтенанта А. К. Боева. Командирами рот — старшего лейтенанта А. И. Ставровского, интенданта 2-го ранга П. П. Прудько и интенданта 3-го ранга Е. А. Бернштейна. Командирами взводов стали преподаватели и слушатели параллельного класса.

И вот стройными рядами выходим через южные ворота Адмиралтейства на Исаакиевскую площадь. Улицы фронтового города почти безлюдны. Идем как на параде, твердо ставя ногу на асфальт. Мы покидаем Ленинград, прощаемся с ним. Где-то подспудно тревожила мысль: увижу ли его снова?

Когда вступили на проспект Майорова, послышалась команда:

— Запевай!

Запевалой в роте был Павел Елкин. Словно угадывая наши думы, он запел мягким тенором:

На солнце орудия сверкают,

На рейде стоят крейсера

И только приказ ожидают,

Готовы поднять якоря.

Весь батальон дружно подхватывает песню.

Редкие прохожие, завидя строй моряков, останавливаются. Лица светятся приветливой улыбкой. Многие прощально машут рукой, кричат:

— Бейте покрепче фашистских гадов, морячки!

Взгляды полны надежд, сыновней любви. Все, что происходит в этот утренний час, глубоко западает в душу. Даже теперь, много лет спустя, при воспоминании ком подступает к горлу.

На Балтийском вокзале нас ожидал пригородный поезд. Вскоре он тронулся. За окном проплывали живописные пригороды Ленинграда. Миновали Лигово. Наконец мы в Ораниенбауме.

По приказанию начальника Ораниенбаумского гарнизона батальон направлен на вторую линию обороны. До нее чуть больше часа ускоренной ходьбы. В новом обмундировании с полной выкладкой идти нелегко. А тут еще обмотки то и дело соскальзывают. Выбежишь из строя, кое-как намотаешь и снова догоняешь товарищей.

За городом стали встречаться следы вражеских бомбежек и артобстрелов. По обочинам дороги лежали изуродованные трупы лошадей, громоздились разбитые повозки, грузовики. Навстречу шли раненые и просто изнуренные бойцы. Изодрана одежда, лица обросли щетиной. Одни только что вышли из окружения, другие отбились от своих частей. Многие без оружия. Картина удручающая.

Пыльная дорога привела в деревню Большие Илики. Батальон расположился на окраине деревни — ближе к фронту. Доносятся глухие орудийные раскаты. Каждой роте, взводу и отделению указан оборонительный рубеж, поставлена задача дня. Прежде всего укрыться в земле — отрыть окопы полного профиля, оборудовать командный пункт, провести телефонную связь.

Пришла ночь, но никто не спал — каждый чувствовал, что вступает во фронтовую жизнь. На юго-западе и юго-востоке виднелись зарева пожаров, гремели взрывы, стали слышны даже пулеметные очереди.

На следующий день командование Ижорского сектора береговой обороны определило батальону конкретную задачу: занять и оборонять рубеж Большие Илики — Гантулово — развилка дорог южнее Больших Илик 3,5 километра, выставить заставы на северной окраине деревни Туюзи. Активными действиями с занимаемого рубежа вынудить противника перейти к обороне и тем не допустить его в Ораниенбаум.

К вечеру батальон занял указанный рубеж и начал оборонять его. Очень пригодился глубокий противотанковый ров длиной в несколько километров — его, когда линия фронта еще была далеко, построили ленинградцы и жители Ораниенбаума.

16 сентября батальон пополнили ротой объединенной школы младших авиаспециалистов и караульной ротой Ораниенбаумского порта. Первые, шмасовцы, еще присягу не успели принять — их только призвали. Теперь в батальоне стало 700 бойцов и командиров. Если учесть, что в полках обескровленной длительными боями 8-й армии насчитывалось тогда по 100—250 бойцов, морской батальон выглядел внушительно.

Уже в первые дни мы стали свидетелями налетов вражеской авиации на Кронштадт. Особенно жестоким он был 23 сентября. Стоял ясный, солнечный день. С возвышенности у деревни Гантулово бойцы с болью в сердце наблюдали, как фашистские пикировщики сбрасывали бомбы над гаванями морской крепости. Небо было испещрено разрывами зенитных снарядов. Несколько «юнкерсов» загорелось. Но враг волна за волной налетал снова и снова. Огромные клубы дыма и огня взметнулись над Кронштадтом. Позже узнали, что большие повреждения получил линкор «Марат».

Курсантов начали посылать в боевое охранение и ночное патрулирование. Первый раз в ночном патруле я был с Юрой Кулевым. Взяли по две «лимонки» и полные сумки патронов. Заместитель командира роты лейтенант Д. И. Лобанов сообщил нам пароль и отзыв. Под утро, идя вдоль дороги в сторону Больших Илик, вдруг услышали хруст веток и негромкие голоса. Остановились, залегли у обочины, оружие изготовили к бою. Кулев от волнения едва справлялся с тяжелым дыханием, у меня учащенно билось сердце. Голоса стали громче, говорили не по-русски.

— Фрицы, — прошептал Кулев.

Быстро соображаю, что делать, как быть. Когда дошедших осталось метров десять — пятнадцать, толкнул Кулева под бок, вскочили вместе:

— Стой! Руки вверх!

Неизвестные, словно споткнувшись, резко остановились и не очень дружно подняли руки. Подходим ближе, светим фонариком: форма наша, новенькая, винтовки чужие, незнакомые.

— Кто вы и откуда?

— Бойцы 76-го полка,— на ломаном русском языке отвечает один из них.

— Пароль?

В ответ молчание.

— Кто командир?

— Фриц Пуце.

Фамилия командира совсем сбила нас с толку. Вроде свои и не свои. Смотрим документы: опять не по-русски. Отвели в комендатуру. Там выяснили, что это бойцы-добровольцы Латышского стрелкового полка. У них оружие еще старой латышской армии. Где-то южнее шоссе Гостилицы — Петергоф полк попал под шквальный артиллерийский и минометный огонь, и часть бойцов рассеялась.

Утром мы с Кулевым рассказали товарищам о встрече с латышами. Павел Елкин, любитель стихов, тут же продекламировал:

Заслуги латышей отмечены.
Про них, как правило, пиши:
Любые фланги обеспечены,
Когда на флангах — латыши!

— Это написал Демьян Бедный, — пояснил Павел, — о красных латышских стрелках.

Спустя несколько дней Латышский полк героически сражался в одном-двух километрах левее нас, у деревни Агакули.

Обстановка на участке фронта, занятом курсантским батальоном, была не совсем ясной. Командир батальона полковник Дементьев приказал разведать подступы к рубежу.

Разведчики вышли в темноте. Идти было трудно — то и дело приходилось продирается сквозь густые кустарники, проваливаться в болото. Временами светила луна, тогда открытые участки преодолевали ползком. Вымокшие и грязные подошли к селу. Никого. Осторожно обследовали дома, спускались даже в погреба. Тоже людей нет. В двух километрах видны были оружейные вспышки, слышалась частая пулеметная стрельба.

Из данных разведки следовал один вывод — фронт приближается. Скоро вступать в бой и нам.

В промежутках между дежурствами и кратким отдыхом углубляли окопы. Это давалось нелегко: копнешь лопатой, а там вода. Всюду преследовала слякоть и сырость. Отрабатывались приемы борьбы с танками. С

разведчиками, пулеметчиками и минометчиками занятия проводились отдельно.

22 и 23 сентября группами по пять-шесть человек помылись в «черных» банях в Больших Иликах. До чего были приятны плеск горячей воды, прикосновение намыленной мочалки к телу!

Гитлеровцы стремились прорвать оборону 8-й армии на подступах к Ораниенбауму ударом с двух направлений: от деревни Коровино через развилку дорог на Большие Илики и от деревни Туюзи на Большие Илики. После полудня 23 сентября наш батальон перевели в резерв 8-й армии. Но обстановка менялась быстро, и через несколько часов из штаба 8-й армии поступило новое распоряжение: «191 сд совместно с батальоном морской пехоты Дементьева овладеть Порзолово, высотой 89,8, Алиски. Полковнику Дементьеву силою не менее одной роты занять развилку дорог, создав глубину обороны на этом участке. С момента вручения приказа перейти в оперативное подчинение командира 191 сд».

В седьмом часу вечера первая рота двинулась в сторону Туюзи. До деревни оставалось около трех километров. Впереди шли командир А. И. Ставровский и политрук роты И. П. Балахонов. Одновременно выдвигались вторая рота Е. А. Бернштейна и третья рота П. П. Прудько, а также части 191-й стрелковой дивизии.

Враг заметил нас и открыл артиллерийский огонь.
— Ложись! — последовала команда.

Над головой разрывались шрапнельные снаряды. Взрыв походил на крикание дикой утки. Над нами в сумеречном небе повисло много серых комочков-облачков — следов шрапнельных разрывов. Как только их становилось чуть меньше, следовала команда:

— Вперед!

В это время со стороны Кронштадта с характерным шуршанием понеслись тяжелые снаряды морских дальнобойных орудий. Поддержка внушительная!

Перебежками, а где и по-пластунски мы сближались с противником. Когда обстрел усиливался, прижимались к земле, прячась в бороздах картофельного поля. Это была уже третья или четвертая бессонная ночь, поэтому некоторые тут же засыпали. Раздавался сигнал «Вперед», а часть курсантов продолжала лежать. Мне даже приходилось их будить.

Когда первая рота подошла к деревне Гантулово, расположенной на холме, огонь вражеской артиллерии

и минометов стал еще сильнее. Невзирая на это, мы продвигались дальше. Навстречу из домов выбегали плачущие женщины.

— Куда же вы, там ведь фашисты! — кричали они.

Один из снарядов попал в дом, где оставалась женщина с детьми. Осколком снаряда убило ребенка. Мать в отчаянии подхватила безжизненное тело на руки и под обстрелом побежала к нам с криком:

— Убейте немцев!

Появились потери и у нас. Прямым попаданием снаряда разнесло на части телегу, только что проехавшую мимо. Убиты и возница и лошадь.

В километре от Туюзи рота остановилась в лесу. Артиллерийский огонь врага не прекращался. Застрелили пулеметы. Где они находились — мы не знали. Командир роты решил послать разведку. Она обнаружила на окраине деревни несколько пулеметов и минометную батарею врага. Координаты тут же передали в Кронштадт. Через несколько минут минометная батарея врага была подавлена огнем морских орудий. И снова послышалась команда:

— Вперед, курсанты!

Выхватив из кобуры пистолет, А. И. Ставровский вместе с политруком И. П. Балахоновым увлекли за собой роту. Уже у самой околицы рота залегла в придорожной канаве.

— Взводу Угарова наступать справа, взводу Попова — слева, взводу Чепрасова наступать прямо перед собой, — приказал Ставровский.

Атака началась.

Я был во взводе Чепрасова. Едва мы вскочили с земли, как на нас обрушился шквал свинца. Послышались стоны раненых. Снова залегли.

— Товарищ Чепрасов! Уничтожьте огневые точки противника! — приказал Ставровский.

Чепрасов взял с собой Гультяева, Уманца, Степанова, еще семерых, в том числе и меня. Плотнo прижимаясь к земле, поползли к домам, откуда велась стрельба. Гитлеровцы обнаружили нас, начали освещать участок ракетами, открыли огонь из автоматов. В это время слева в расположении противника начали рваться гранаты, слышались винтовочные выстрелы, крики. Воспользовавшись замешательством противника, сделали бросок метров на двадцать к ближним домам.

— Гранаты к бою! — скомандовал Чепрасов.

После взрывов гранат стрельба из окон крайних до-

мов прекратилась. Мы двинулись вдоль околицы, продолжая обстреливать окна домов. Видно было, как фашисты выскакивали на улицу и убегали в темноту.

Вместе с Гультяевым, Степановым и Уманцем я бежал за Чепрасовым, стреляя на ходу. В тот момент мы были возбуждены и опасности не замечали. Увлечшись преследованием, далеко оторвались от роты. Пришлось возвращаться назад. Тем временем пулеметный и автоматный огонь противника усилился. Курсанты уничтожали гранатами огневые точки врага. В итоге ночного боя первая рота заняла северную окраину Туюзи, вторая рота вместе с бойцами 191-й стрелковой дивизии овладела северо-восточной частью деревни.

Роты и отдельные группы курсантов, проникшие в глубь деревни, действовали смело, напористо, но, к сожалению, не всегда согласованно. Этим и воспользовался враг. К утру он подтянул свежие части, на позиции батальона обрушил артиллерийско-минометный огонь. В воздухе появились вражеские самолеты. Наши потери росли. Ранило командиров рот А. И. Ставровского и Е. А. Бернштейна. Тяжелое ранение получил старшина второй роты Борис Халапсин. Погибли командир взвода П. Ф. Куракин, пулеметчики Георгий Доля и Григорий Галенко. Многим раненым курсантам в тот день спасли жизнь наши отважные сандружинницы Елена Кернина и Александра Павлова.

Вскоре по цепи передали:

— Отойти на исходные позиции!

Отход был в значительной мере связан с новой задачей. Когда шел бой за Туюзи, в четырех — семи километрах к юго-западу, на участке 48-й стрелковой дивизии, обстановка резко ухудшилась. Противник занял Коровино, выбил с развилки дорог (Гостилицкое шоссе — Оранненбаум) четвертую роту и создал угрозу выхода во фланг и тыл нашим частям. Батальону моряков было приказано овладеть Коровином.

Но прежде надо было занять развилку дорог. Задача для батальона, понесшего потери, не из легких. В наступление на деревню двинулись ночью. В воздух непрерывно взлетали осветительные ракеты. Откуда-то из глубины стреляли орудия и минометы гитлеровцев, длинными очередями заливались пулеметы. И хотя огонь велся не всегда прицельно, а наши действия скрывала темнота, потерь избежать не удалось. Батальон медленно продвигался к развилке. После второго ранения покинул поле боя полковник А. С. Де-

ментьев. В командование батальоном вступил начальник штаба капитан-лейтенант А. К. Боев. Перед тем, во время рекогносцировки местности, он был легко ранен в плечо, но в госпиталь не пошел. Начальником штаба стал старший лейтенант А. И. Востриков, начальник связи батальона.

Чем ближе была развилка, тем губительнее становился огонь гитлеровцев. Выбыли из строя командиры взводов лейтенант С. П. Пахомов и старший сержант М. Г. Угаров, лейтенант Д. И. Лобанов и политрук второй роты Лопаков.

Раненых быстро перевязывали и направляли в Большие Ижоры, в госпиталь. Перед очередной отправкой раненых в автобус попал снаряд. Машина загорелась. Никто из нее не успел выскочить. Вместе с ранеными погибли сандружинница Лена Кернина и шофер А. А. Моргунов. Е. Кернину посмертно наградили орденом Красной Звезды.

Атака продолжалась. С еще большей яростью курсанты бросились к вражеским окопам и забросали их гранатами. Гитлеровцы не ожидали такого натиска. Они в панике выскакивали из укрытий и бежали.

Развилка дорог оказалась в наших руках. Враг откатился к Коровину. Преследовать его не было сил.

Во время боя за развилку один из полков 291-й пехотной дивизии гитлеровцев предпринял наступление на деревню Гантулово. Ее обороняли армейские подразделения и взвод курсантов Груздева. Фашисты шли со стороны Туюзи. Командир взвода приказал без команды не стрелять, — решил подпустить гитлеровцев поближе. Чтобы обмануть врага, курсанты оставили окопы, залегли неподалеку от них. С ними был парторг роты старшина И. И. Черников. В любой обстановке очень спокойный, он своей выдержкой вдохновлял курсантов.

В напряжении прошло несколько минут. Автоматчики врага приближались. Вот уже из рощи появилось человек двадцать гитлеровцев. За ними на некотором удалении шли другие, всего не менее сотни. Передние стали обходить окопы справа, крича: «Рус, сдавай!» Они не подозревали, что окопы пусты.

— Огонь! — скомандовал Груздев.

Первые же выстрелы свалили на землю семь фашистов. Остальные от неожиданности растерялись, застыв в панике и повернули к роще.

Оправившись, враг открыл минометный огонь из

рощи, явно пытаюсь отсечь курсантов от окопов. Командир взвода понял это и приказал курсантам отползти назад, ближе к домам. Здесь взвод занял позицию на склоне бугра, тянувшегося к Большим Илкам. Груздев поставил задачу решительным броском выбить немцев из деревни.

Курсанты стали осторожно подбираться к домам, однако были обнаружены. С чердаков, из окон враг открыл стрельбу. Мешкать нельзя. С винтовками наперевес под солдатское «Ура!» курсанты бросились к передним домам.

В первой шеренге бежали комсорг роты Георгий Бердников, рядом с ним — Виктор Кондратьев, Владимир Алдаданов и Сергей Удовиченко. Бердников был старше остальных лет на пять-шесть. Не по годам серьезный, сдержанный, он все делал основательно, уверенно. Я бежал во второй шеренге и видел, как Георгий периодически прицеливался и стрелял. Он уложил четырех убежавших автоматчиков.

Враг отступил во второй раз, оставив около двадцати убитых и раненых, а также много оружия, снаряжения.

После боя в одном из блиндажей собрались члены парткомиссии училища. Ее секретарь батальонный комиссар Г. М. Суздалов открыл заседание. На повестке дня — прием в партию. В тот раз кандидатами в члены ВКП(б) стали отличившиеся в бою М. И. Трубников, Н. И. Груздев, Н. А. Буканов, Н. Н. Печенкин, а Б. А. Халапсин — членом партии.

В 2 часа ночи 26 сентября батальон вторично получил приказ отбить развилку, снова занятую врагом. Гитлеровцы успели подтянуть сюда свежие силы и огневые средства. Двое суток продолжался бой. Вместе с частями 48-й стрелковой дивизии курсанты контратаковали противника, но восстановить положение не удалось.

После боя за Туюзю, Гантулово и развилку дорог курсантский батальон потерял две трети личного состава. Его переформировали: из пятиротного он стал двухротным. Командиром первой роты назначили лейтенанта Н. А. Буканова, второй — П. Д. Чепрасова.

29 сентября батальон снова придали 191-й стрелковой дивизии. Он расположился в лесу юго-западнее деревни Большие Илики, где получил задачу овладеть рощей между Туюзю и уже знакомой нам развилкой дорог. В тот день резко ухудшилось здоровье раненого А. К. Боева. Комиссар батальона настоял, и Боеву

пришлось отправиться в Ижорский госпиталь. Командиром батальона — третьим за неделю — стал старший лейтенант А. И. Востриков. Высокий, широкоплечий, со звонким командирским голосом, смелый и решительный — таким запомнился мне Александр Иванович.

Двое суток батальон пытался выбить фашистов с занимаемых ими позиций, но без огневой поддержки сделать это не удалось. Зато хорошо разведал систему огня противника, освоил местность.

На третий день назначили новую атаку. Перед тем А. И. Востриков и Г. М. Суздалов поставили каждому взводу задачу, объяснили, как лучше выполнить ее.

Первым поднялся взвод Груздева. Перебежками и ползком курсанты двигались между деревьями, приближаясь к вражеским траншеям. Гитлеровцы заметили нас, усилили огонь, однако точность его была невысокой, — деревья скрывали наступавших.

Когда до позиций врага оставалось не более 30—40 метров, Груздев был ранен. Командование взводом принял комсорг роты Георгий Бердников. Он скинул гимнастерку, остался в тельняшке и с возгласом «За мной, комсомольцы!» рванулся к окопам противника.

Слева от нас в атаку поднялся взвод под руководством парторга роты И. И. Черникова. Немцы не выдержали курсантского натиска и побежали, отстреливаясь на ходу. Одна из очередей сразила Бердникова. Но наступательный порыв роты уже ничто не могло поколебать. Добежав до вражеских окопов, курсанты пустили в ход штыки. Петр Жураковский заметил в нескольких шагах за деревом немецкого офицера и бросил гранату. Тот успел прострелить Петру руку, но сам был сражен осколками при взрыве гранаты.

Бой окончился. Курсантам удалось очистить рошу от вражеских солдат и «оседлать» Гостилицкое шоссе. В бою отличились многие курсанты и командиры: отделение гранатометчиков коммуниста Афанасия Яцько, взвод Алексея Шохина, другие подразделения батальона.

Героической смертью пали курсанты И. К. Валиков, М. Н. Купферман и М. П. Бочкин. Валиков был отличником учебы, членом комсомольского бюро курса. Отличником учебы был и Купферман. Пришел он к нам со второго курса Московского высшего технического училища имени Баумана. Прекрасным спортсменом и смелым человеком был Бочкин. Не хотелось верить, что нет с нами этих замечательных парней.

На следующий день пришла почта. В ней оказались письма погибшим. Василий Мосолов, связист, вскрыл письмо от матери Георгия Бердникова: «Дорогой сыночек Жора, что-то нет от тебя весточки, ведь ты у меня один-единственный...» — писала мать. Тяжело было читать это.

Враг не хотел мириться с потерей важной позиции и неоднократно контратаковал. Четверо суток батальон стойко удерживал рошу у дороги и вынудил противника перейти к обороне.

По приказу командующего 8-й армией от 8 октября немногочисленные курсантские подразделения влились в батальон морской пехоты капитана Низовцева. Костяк батальона составляли краснофлотцы-добровольцы Ижорского укрепленного района. Тем же приказом предписывалось сдать занимаемые позиции 328-му стрелковому полку 48-й стрелковой дивизии, а самим поступить в распоряжение командира 11-й стрелковой дивизии.

Сводному отряду поставили задачу вместе с частями этой дивизии переправиться через ручей и, прорвав оборону противника, выйти на соединение с морским десантом полковника А. Т. Ворожилова. Этот десант высадился в Нижнем парке Нового Петергофа 5 октября.

Переправа и прилегающая к ней местность хорошо просматривались противником с господствующих высот, с колокольни, крыш и чердаков окружавших строений. Фашисты организовали сильное прикрытие и никого не подпускали к переправе.

Ширина ручья в месте намеченной переправы не превышала 15—20 метров. Но их надо было преодолеть. В ночь перед атакой саперы перебросили через ручей бревна, а на них доски, чтобы по ним можно было проскочить на восточный берег.

В девять вечера 9 октября сводная рота курсантов начала скрытно выходить из прилегавшего к переправе котлована. Четвертым по счету командиром роты (после ранения лейтенанта Буканова) стал курсант Корней Зима — энергичный и волевой младший командир.

Старше многих из нас на два-три года, он и до назначения командиром роты был авторитетен среди курсантов: оставался всегда строгим и справедливым. За этим черноволосым и черноглазым богатырем курсанты были готовы хоть в пекло.

Открытый участок местности от котлована до переправы — метров 15—20 — преодолели бесшумно, полпластунски. Когда же стали перебегать по доскам на другую сторону ручья, в воздух взвились осветительные ракеты и началась сильная стрельба. Такую плотность огня я видел впервые. Правее переправы било орудие среднего калибра. Напротив с колокольни непрерывно строчили пулеметы. Каким чудом я проскочил этот ад — не знаю. Перебрался на другую сторону ручья, прижался к холодной и мокрой земле.

Переправиться удалось едва ли половине роты. По сигналу старшины Зимы курсанты поползли вправо, в сторону здания тира. Метрах в 50—70 среди редкого кустарника обнаружили неглубокие окопы. Тотчас заняли их. Левее находились авиационные ангары, еще левее — открытая местность. Прямо перед нами, метрах в трехстах, в тире засели фашисты. Наша задача — выбить их оттуда. Но хватит ли сил?

Переправу гитлеровцы разбили. Никто больше на восточный берег пройти не смог. Подавляющая часть отряда моряков отошла назад, в котлован.

В 4 часа утра стрельба со стороны противника затихла. Мы изготовились к атаке. Недолгую тишину теперь нарушили наши пулеметы. Дал несколько очередей и мой ручной пулемет, но потом внезапно отказал. Его мне вручили перед самым боем. У пулемета сломалась боевая пружина, и в затвор попал песок. Отложив ручной пулемет в сторону, приготовил гранаты.

Корней Зима поднял нас в атаку. Охваченные единым порывом, курсанты выскочили из окопов. Впереди всех, рядом с Зимой, бежали командиры взводов Михаил Желудев и Алексей Шохин. До тира оставалось двести метров, огонь противника усилился. Упал, сраженный пулей, Николай Липай, появились раненые. Наши силы таяли на глазах. Стало ясно, что без артподдержки не одолеть немцев. Пришлось отойти назад, к окопам.

У нас не было продуктов, кончилась во флягах вода. Раненых мучила жажда. Попытки переправить нам сухари и консервы не увенчались успехом: гитлеровцы не давали приблизиться к ручью. И сейчас поражаюсь, как это удалось нашему комсоргу Геннадию Третьякову. Не раз под яростным обстрелом подползал он к ручью и возвращался невредимым с наполненными водой флягами.

На вторую ночь удалось переправиться через ручей

командиру отряда Низовцеву и комиссару Суздалову с несколькими бойцами. Но у входа в блиндаж капитан Низовцев и его ординарец были убиты, ранило связного комиссара Теву Беккера. Командиром сводного отряда стал А. И. Востриков.

Прошла еще одна ночь. Ни подкреплений, ни продуктов к нам не поступало. В таком же положении находились и бойцы 163-го полка — соседи слева. Они еще раньше оказались в огненном мешке. В НЗ у Зимы сохранилось немного сухарей, и мы делили один сухарь на десять человек, чтобы немного дать и красноармейцам.

Утром немцы огонь прекратили. Я осторожно вылез из окопа и под кустом начал чистить ручной пулемет. Но затишье было недолгим. Очень скоро противник открыл огонь из минометов и пулеметов. Появились новые раненые. Ранило разрывной пулей в бедро и меня. Позже был ранен командир роты Корней Зима и погиб наш комсорг Геннадий Третьяков, смертельно ранило Георгия Щепкина.

Командир с комиссаром батальона оценили сложившуюся обстановку и решили эвакуировать оставшуюся горстку курсантов. Командование 11-й стрелковой дивизии утвердило решение. Через двое суток последние курсанты возвратились на западный берег к Английскому дворцу.

Курсантский батальон, вернее, то, что от него осталось, командование 8-й армии вывело из боя и отправило на отдых в Ораниенбаум. 18 октября начальник училища А. В. Кацадзе и военком В. П. Павлов обратились к командующему армией с просьбой возвратить в училище «оставшихся в живых 51 курсанта, как почти готовых командиров-хозяйственников флота». Одновременно такое же ходатайство послали и в Наркомат Военно-Морского Флота. 2 ноября 1941 года получили положительный ответ.

Батальон свою задачу выполнил — активными действиями сковал противника и не допустил его к Ораниенбауму. Возвращение же курсантов в Ленинград произошло лишь тогда, когда фронт стабилизировался и непосредственная угроза захвата Ораниенбаума была ликвидирована. Наиболее отличившихся в боях отметили правительственными наградами. А. И. Востриков и С. Д. Василевич были удостоены орденов Красного Знамени, командиры взводов И. Д. Вахромеев, И. И. Груздев и А. Ф. Шохин, начальник медпункта

Е. П. Домашников, сандружинница А. Н. Павлова и начпрод И. А. Соколов — орденов Красной Звезды.

7 декабря 1941 года по указанию Наркомата ВМФ училище начало перебазироваться в Москву. 156 курсантов-второкурсников, из которых две трети были ранены, шли пешком сначала по ледовой Дороге жизни, затем сотни километров кружным путем до столицы. Кроме оружия несли в вещевых мешках различное снаряжение и учебники. Мороз и студеной ветер сковывали движение. Только небольшую часть пути удалось проделать на попутных бензовозах и поездом. В Москву прибыли на двадцать пятый день.

Прошло пять месяцев усиленной учебы. Курсанты успешно освоили учебную программу и после выпуска разъехались по флотам и флотилиям. Большинство выпускников попало на боевые корабли, в действующие части флота.

Война продолжалась. Однако бои на ораниенбаумской земле, на подступах к Ленинграду, для меня и моих товарищей, оставшихся в живых, по-прежнему ни с чем не сравнимы. Вот почему ежегодно в День Победы многие из нас приезжают на десятый километр Гостилицкого шоссе к памятнику «Якорь», на стеле которого золотыми буквами высечено: «На этом рубеже осенью 1941 года в составе войск 8-й армии вели ожесточенные бои и сдерживали яростные атаки противника, рвавшего к Ленинграду, курсанты и офицеры ВМХУ ВМФ».

В. А. БУТКОВСКИЙ,

*бывший начальник строительства
Ораниенбаумского узла обороны,
полковник в отставке*

РУКАМИ ЛЕНИНГРАДСКИХ РАБОЧИХ

Очень скоро после начала Великой Отечественной войны стало ясно, что одна из основных ударных стрел наступавших гитлеровских войск нацелена на Ленинград. Город, прикрытый с севера старым Карельским укрепленным районом, был открыт с южного и западного направлений, откуда надвигался враг. Встала неотложная задача создать оборонительные рубежи на дальних подступах к Ленинграду. При штабе Северного фронта для руководства работами было организо-

вано Управление строительством тыловых оборонительных рубежей (УСТОР).

К работам решили широко привлечь население. УСТОР должен был обеспечить техническое руководство строительством, организовать питание, медицинское обслуживание людей.

Командование конкретно определило объекты, которые необходимо возводить в первую очередь. Это прежде всего Лужский оборонительный рубеж, а в числе остальных — Ораниенбаумский укрепленный узел. Он должен прикрыть Ораниенбаум с запада и юга, что имело большое значение для защиты Кронштадтской военно-морской базы.

Начальником строительства узла назначили меня. 3 июля, получив в УСТОРе командировочное предписание и необходимую техническую документацию, прибыл в Ораниенбаум, где надо было создать штаб строительства. Стояли белые ночи. Над городом, как низкие облачка, плыли аэростаты заграждения. Ночью он был безлюден, если не принимать во внимание патрулей и дежурных в подъездах домов.

В Ораниенбауме встретился с председателем исполкома горсовета А. В. Карагиным. Он выслушал меня, выразил удовлетворение, что работами будет руководить, как он сказал, кадровый военный инженер. Карагин — инженер-строитель и кое-что уже успел сделать для защиты города. Местные партийные и советские органы, не дожидаясь специальных указаний, начали развертывать работы в окрестностях. Исполкомы городского и районного Советов приняли решение о мобилизации населения и транспорта на оборонительное строительство.

Городской комитет партии выделил несколько комнат в здании, которое занимал, для размещения нашего штаба. Прислал в помощь несколько местных работников, в том числе старого члена партии, опытного хозяйственника Дойникова — он очень многое сделал, чтобы снабдить участки материалами, инструментами.

Из Ленинграда на укомплектование штаба прибыла группа адъюнктов Высшего военного инженерно-строительного училища ВМФ. Среди них военинженеры 3-го ранга Л. Ф. Тивировский, С. А. Петров, П. С. Стариков. Приехали и десять слушателей старших курсов училища. Один из них — воентехник 2-го ранга Нежниченко — взял в свои руки весь наш транспорт и хорошо управлял им. Главным инженером строительства

назначили доцента Ленинградского политехнического института Н. И. Ролле.

Тивировский, Петров и Стариков возглавили строительные участки. Пришлось им нелегко. Обстановка была очень сложная, задачи поставлены трудные, ответственные, а выполнять их надо с людьми, подавляющая часть которых никогда не была занята в строительстве. Выручали инициатива и смекалка, а подчас хладнокровие и храбрость. Когда противник подошел к деревне Гостилицы и завязал там бой с арьергардом 8-й армии, Петр Степанович Стариков вывел без паники и потерь с места работ около тысячи ленинградцев, спас все имущество, ценности, техническую документацию. Организованно перейдя в район деревни Порожки, его люди тотчас приступили к сооружению нового рубежа.

Ленинградский обком партии направил для оперативного руководства оборонительным строительством ответственных работников. Уполномоченные обкома партии и Военного совета фронта были облечены большими правами, могли принимать решения на месте. К тому же при особой необходимости они имели право обращаться прямо в обком партии и Военный совет фронта. К нам в Ораниенбаум уполномоченным назначили инструктора обкома партии В. В. Потапенкова. Он сразу же активно включился в работу.

Оборонительное строительство развернулось в районе деревень Дятлицы, Гостилицы, Порожки, Петровское, Большие Илики и непосредственно на окраинах Ораниенбаума. В считанные дни провели рекогносцировку: наметили трассы противотанковых рвов, траншей, расположение дотов и дзотов.

К 10 июля на строительстве уже трудилось более 10 тысяч ленинградцев. В основном это были рабочие и служащие Московского района — с фабрики «Скороход», заводов «Электросила», имени Егорова и других предприятий. Но были здесь и труженики Кировского района, в частности большая группа с Кировского завода. Конечно, многое сделали сами ораниенбаумцы. Из Ленинграда доставляли строительные материалы, например сборные железобетонные конструкции для дотов.

Поздним вечером в один из последних дней августа в штабе раздался телефонный звонок из Инженерного управления фронта. Приказали усилить работы в районе Дятлиц и Гостилиц. Враг прорвал оборону наших войск у Кингисеппа. Мне сообщили, что для ускорения

темпов строительства к нам дополнительно направлена тысяча рабочих Кировского завода. Их сняли со смены, посадили в автобусы. Кировцы уже в пути.

Не медля ни минуты, я и уполномоченный обкома ВКП(б) и Военного совета фронта В. В. Потапенков выехали в Дятлицы. Хотя близилась полночь, было еще достаточно светло. К западу от деревни лежало большое поле, за ним темнел лес, небо над которым часто озарялось всполохами. С той стороны доносился гул артиллерийской канонады — там шел бой. Однако, несмотря на это, а также на поздний час, работы продолжались. В траншее спустилась ночная смена.

Впереди вижу группу красноармейцев. Они все время словно кланяются земле. Направляюсь туда. Меня останавливает боец:

— Дальше нельзя!

Подошедший лейтенант доложил, что недавно прибывший батальон спешно минирует поле перед строящимся рубежом. Все стало яснее ясного: война приблизилась и к нам.

На размышления нет времени. Один за другим подходят автобусы с кировцами. Несмотря на тревожность обстановки, настроение у рабочих боевое. С ходу разбирают лопаты, включаются в дело.

Вскоре враг вплотную придвинулся к нашему рубежу. Построенные оборонительные сооружения заняли сводные отряды моряков. Пропустив через боевые порядки части отходившей из Эстонии 8-й армии, моряки приняли на себя удар противника. А мы тем временем сдавали подразделениям армии созданные рубежи. Войска сумели на них закрепиться.

Б. М. ВОЛЧЕК,

*бывший политрук роты
308-го отдельного
прожекторного батальона
дивизии противовоздушной обороны
Краснознаменного Балтийского флота,
полковник в отставке*

СЛОВОМ И ЛИЧНЫМ ПРИМЕРОМ

Боевой расчет звукоулавливателя чутко вслушивается в эфир. Среди ночных шорохов, хаоса различных звуков надо выделить шум летящей машины. Слышен четкий голос слухача:

— Есть самолет!

Электрик включает рубильник — и мощный луч прожектора пронизывает небо на несколько километров. Выхваченный из темноты самолет начинает метаться, стараясь уйти в сторону. Но его уже «держит» не один прожектор, а два, три...

Ночную тишину разрывают залпы орудий. Высоко в небе рвутся снаряды. Проходит минута, другая, и на КП поступает сообщение:

— Самолет «сбит»!

Слово «сбит» взято в кавычки, поскольку я привел эпизод боевой учебы в канун войны. Шли последние мирные сутки.

В субботу 21 июня 1941 года стоял солнечный летний день. Рано утром я вместе с другими отправился с форта Красная Горка в село Лебяжье, в штаб полка, на семинар руководителей политзанятий. Спокойно занимались до перерыва на обед, а после него военком полка батальонный комиссар Л. Ф. Волков неожиданно для нас сказал:

— Части ПВО приведены в повышенную боевую готовность. Семинар прекращается. Всем немедленно вернуться в свои подразделения. В части соответствующие указания даны!

Ясно, дело серьезное. Бегом возвращаемся на форт. Здесь уже все готово к выезду на позиции.

Место дежурства нашей прожекторной станции — в Лебяжьем. Боевая вахта начата. Материальная часть приведена в полную готовность. Успели даже выпустить боевой листок, призывающий повысить бдительность. А на рассвете 22 июня в воздухе появились фашистские самолеты. В небо впилась голубые лучи, зенитчики открыли огонь. Так война пришла и к нам, под Ораниенбаум.

Я встретил ее краснофлотцем первого года службы, электриком-прожектористом в 309-м отдельном прожекторном батальоне. Немного позже мне присвоили воинское звание «заместитель политрука» и поручили исполнять обязанности политрука роты, затем руководить комсомолом батальона. А в июне 1942 года назначили политруком первой роты 308-го отдельного прожекторного батальона и присвоили звание «младший политрук».

Прожектористы занимали позиции вдоль побережья Финского залива от Ораниенбаума до деревни Долгово. Через каждые три-четыре километра были развернуты

командные пункты, прожекторные станции, звукоулавливатели. Фронтная обстановка заставляла часто менять позиции.

В первые же дни войны в наши ряды влилось много призванных из запаса. Командирам и политработникам прибавилось работы. Каждый из новичков должен был не только быстро и хорошо овладеть новой техникой, но «вписаться» в боевые расчеты, освоиться с требованиями высокой дисциплины, организованности, крепкой войсковой дружбы, товарищества. Надо было поставить воспитательную работу так, чтобы и кадровые воины, и призванные из запаса глубоко поняли характер войны, обрушившейся на советский народ, осознали, какая опасность нависла над страной, как много мужества, беззаветной храбрости, подлинной любви к Родине надо проявить всем нам, чтобы отстоять свободу и независимость.

Война по-новому поставила вопросы организации партийно-политической работы среди прожектористов. В мирное время центром ее была рота, а теперь, во фронтовых условиях, стала станция, поскольку личный состав нельзя было отрывать от боевых механизмов и наблюдения за воздухом и землей.

Во всех ротам создали полнокровные партийные организации. Коммунистов расписали по прожекторным станциям с таким расчетом, чтобы они входили в состав каждого расчета. Так же поступили с комсомольцами. В результате в каждом маленьком подразделении имелся актив, опираясь на который, командиры и политработники могли воодушевлять воинов на самоотверженную борьбу с врагом.

Конечно, мы не отказались от ротных партийных собраний. Наоборот, проводили их регулярно, только, как правило, после ночных дежурств и непосредственно на позициях. Были они короткими и деловыми, решения принимались конкретные. Каждое собрание становилось своеобразной школой боевого опыта. Вот повестки дня некоторых из них: «О примере коммуниста в бою», «Высокая бдительность — наше оружие», «Итоги ночного боя и задачи личного состава». С докладами выступали наиболее опытные командиры и политработники.

Политработники заботились о пополнении партийных и комсомольских рядов за счет воинов, отличившихся в бою. В своих заявлениях вступающие в партию писали о том, что хотят идти в бой за Родину коммунистами, клялись защищать ее до последней капли крови,

с честью выполнить свой воинский долг. И слово свое держали. Помню, как комсомолец, отличник боевой и политической подготовки краснофлотец В. М. Немченко перед отправкой в бригаду морской пехоты для выполнения важного задания сказал:

— Если в бою с врагом мне придется погибнуть, считайте меня коммунистом!

Он действительно был впереди, сражался как коммунист и пал смертью храбрых.

Многие бойцы и командиры связали свою судьбу с Коммунистической партией в тот тяжелый для Родины час. В первые месяцы войны мы приняли кандидатами в члены ВКП(б) 16 человек, в члены ВКП(б) — 9 человек. Стали коммунистами отличные воины И. А. Гапонов, М. И. Смирнов, Н. Ф. Матюшко и другие.

Каждый коммунист имел партийное поручение. Мне, в то время секретарю партийной организации, отрадно отметить, что выполнялись они исключительно добросовестно. Ярко, убедительно проводили беседы и коллективные читки газет С. С. Пугач и И. А. Гапонов. В. В. Леонов обновлял Доску текущих событий, М. И. Смирнов выпускал интересные, поучительные боевые листки. Парторг части старший политрук А. И. Крылов, систематически посещая станции, не раз положительно отмечал эту сторону деятельности ротной партийной организации.

Однако самым главным партийным поручением коммунистов было показывать пример в бою. Память сохранила не один эпизод, в которых ярко проявилась их ведущая роль.

В один из летних дней 1942 года после партийного собрания с наступлением темноты послышался отдаленный шум моторов. По звуку определили — летят «юнкерсы» и «хейнкели». В небо впились световые лучи. У штанги — краснофлотец А. И. Горячев. Поймав врага лучом, он целко держал его до тех пор, пока свое слово не сказали артиллеристы. В эту короткую летнюю ночь он осветил 12 вражеских самолетов, два из них были сбиты.

Той же ночью образец боевой работы показал расчет начальника станции Б. В. Бодрова. Во время воздушного налета он сам встал у штанги. Его прожектор сразу поймал самолет лучом и помог зенитчикам точно вести огонь. В этом бою Б. В. Бодров осветил 16 самолетов противника.

Чем сложнее и напряженнее складывалась боевая

обстановка, тем целеустремленнее была партийно-политическая работа. Но конечно, лучшим временем для нее были короткие часы затишья. На позициях проводились политзанятия, политинформации, беседы, громкие читки газет, собрания, митинги, оформлялась наглядная агитация, выпускались боевые листки. Ежедневно после каждого ночного дежурства подводили итоги боевой работы, отмечали отличившихся, разбирали недостатки. Много внимания уделялось индивидуальной работе, поэтому от средних и младших командиров требовали, чтобы они хорошо знали своих подчиненных, их положительные и отрицательные стороны. Могу утверждать, что все войны были активно вовлечены в политическую жизнь подразделения.

Большую роль в этом сыграли заместители политруков. Такое звание присваивалось наиболее отличившимся в боевой и политической подготовке рядовым и младшим командирам-коммунистам. Они были ближе других к войнам, находились с ними в одной землянке. Это они чаще всего выступали инициаторами проведения бесед, читок газет, выпуска боевых листков. В общем, были настоящими помощниками политруков и комиссаров.

Доброе слово хотел бы сказать о заместителях политруков Михаиле Третьякове, моем товарище по срочной службе, Иване Гапонове, Михаиле Смирнове. Они проявили себя преданными солдатами партии. Впоследствии их направили на учебу в Военно-морское политическое училище, они стали кадровыми политработниками.

Приморский плацдарм находился в сложных условиях. Снабжение боеприпасами, горючим и продовольствием было затруднительным. Например, расход горючего строго лимитировался, доводился до минимальных норм. Никому не давалось права тратить бензин для поездок на боевые позиции — ходили пешком за 15—20 километров, часто под обстрелом или бомбардировками. Несмотря на это, командиры, политработники, руководители партийной и комсомольской организаций ежедневно бывали в подразделениях. Очень уж важным было наше слово при разъяснении постановлений Государственного Комитета Обороны, сообщений Совинформбюро о положении на фронтах, задач, которые стояли непосредственно перед зенитчиками и прожектористами.

Вспоминаю суровую зиму 1941/42 года. Вместе с комиссаром 309-го отдельного прожекторного батальона

Е. Ф. Федоровым утром, после бессонной ночи, в лютый мороз мы идем по нерасчищенным дорогам на самые отдаленные станции, чтобы побеседовать с бойцами, разъяснить обстановку в блокированном Ленинграде, воодушевить, поддержать их. Продовольственные нормы снижены, и мы берем с собой в дорогу скудный сухой паек, чтобы «не объедать» личный состав. Усталые, но довольные с наступлением темноты возвращаемся на КП батальона, чтобы занять свои места по боевому расчету.

Часто бывали в частях Оранienбаумского плацдарма работники политотдела дивизии ПВО КБФ. Политотдел находился в Кронштадте, оттуда путь неблизкий, небезопасный, но это не останавливало. Помню посещение прожекторных станций инструктором по организационно-партийной работе старшим лейтенантом И. Л. Неймарком. Он познакомился с бойцами, беседовал с ними, помог провести митинг, а ночью участвовал в отражении воздушного противника.

В организации и проведении партийно-политической работы нам очень помогали командиры. В траншеях, землянках среди бойцов я часто видел командиров прожекторных батальонов П. П. Ковкина, М. С. Струновского и П. А. Богачева, командиров рот В. П. Маслова, А. В. Мерзлякова, Б. И. Семенова, Л. А. Азбеля, М. Д. Степанца, командиров взводов Я. П. Энговатора, В. А. Иванова, Ф. Н. Кознова, В. М. Дикалова, А. Ф. Козлова. Они беседовали с бойцами, выступали перед ними.

Мы заботились о том, чтобы личный состав был хорошо информирован о событиях в стране, за рубежом. Политработники А. Швецов, И. Кирсанов, И. Голдыцкий, М. Носов, П. Балашев каждый день записывали радиосообщения от Советского Информбюро, другие важные материалы и добивались, чтобы они быстрее попали на позиции. Особенно важно было своевременно доводить до бойцов боевые успехи наших войск, подвиги защитников Родины. В начальный период войны надо было сделать перелом в сознании бойцов и командиров, показать, что враг не так страшен и силен, как некоторые его себе представляли, что фашистов можно и нужно бить.

Не забыть мне горячий отклик, который встретило у моряков выступление политрука роты И. В. Кирсанова. После краткой характеристики положения на Ленинградском фронте он сказал:

— Наше оружие не хуже и не слабее, чем у врага. Задача заключается в том, чтобы овладеть им в совершенстве, стать мастерами-прожектористами, разить врага наверняка!

Когда пришло известие о разгроме гитлеровцев под Москвой, политработники постарались, чтобы оно сразу стало достоянием всех бойцов и командиров. Агитаторы военврач Н. И. Мысов, начальники станций И. И. Егоров и Б. В. Бодров, командир отделения П. М. Марков провели беседы, выпустили красочные боевые листки, организовали на всех позициях митинги. Прожектористы поклялись бить фашистов так, как бьют их под Москвой.

Замечу, что митинги всегда несли огромный эмоциональный заряд. Их проведению командиры и политработники придавали большое значение. Краснофлотцу Ире Гусевой пришло письмо о том, что в Воронежской области, где раньше жила Ира, оккупанты угнали многих девушек в рабство в Германию. Мы прочли это письмо на ротном митинге. Он проходил в котловане станции.

Собрались все свободные от вахты. У многих родные тоже оказались в лапах немецко-фашистских захватчиков. На бруствере выложили лозунг из камней: «Будем мстить фашистам за их зверства и насилия!» Младший сержант А. Г. Пыжов рассказал на митинге, что на его родине, в Азове, фашисты расстреляли много женщин и детей. Младший сержант С. С. Шаров напомнил о жертвах в блокированном Ленинграде, среди которых были его жена и ребенок. Выступили также краснофлотец П. М. Марков, лейтенант В. М. Дикалов и другие. Краснофлотец Н. И. Лопата поклялся от имени всех:

— Не пожалеем ни сил, ни самой жизни, чтобы изгнать оккупантов с советской земли.

После одного из таких митингов родилось соревнование между подразделениями. Инициатором его были прожектористы лейтенанта А. В. Мерзлякова. Они обязались образцово овладеть техникой, изучить смежные специальности и на этой основе только на «отлично» обеспечить ночные боевые действия зенитной артиллерии и истребительной авиации. Вызвали на социалистическое соревнование подразделение воентехника В. Н. Середницкого. В результате в обоих подразделениях каждый боец и командир освоили по две и больше смежных специальности, была надежно отработана

взаимозаменяемость, добились особенно четкой работы в боевых условиях.

Высокую выучку постоянно показывала прожекторная станция, которой руководил коммунист старший сержант Н. А. Шадричев. Она искусно помогала зенитчикам, умело ставила световые завесы по плесу при переходах наших кораблей, обозначала входные-выходные «ворота» для своей авиации. В отдельные дни противник выпускал по позиции прожектористов до 170 снарядов и мин разного калибра, но отважные воины и под огнем продолжали четко выполнять свой долг. В боевых делах хорошо себя показали командиры отделений электриков Петр Марков, мотористов — Павел Андреев и электрик Андрей Мельник. Станция особенно отличилась, когда из Ленинграда на Ораниенбаумский плацдарм перебрасывались войска 2-й ударной армии. Только в 1943 году прожектористы обеспечили переход по Финскому заливу более сотни кораблей и транспортов с войсками и боевой техникой. Н. А. Шадричева наградили орденом Красной Звезды, его подчиненных — медалями. Сколько ни пытался враг подавить прожекторные установки, они продолжали жить, отыскивать в небе непрошенных гостей.

Рота защищала Родину не только с оружием в руках. Коммунисты и комсомольцы были инициаторами сбора денег и облигаций в Фонд обороны страны. Показывая пример высокого патриотизма, младший сержант Т. М. Баранов, старший сержант С. С. Пугач внесли по тысяче рублей каждый, сержант А. Г. Пыжов — 725 рублей. Их примеру последовали другие. Собранные деньги сдали в Ораниенбаумское отделение Госбанка и просили направить их на строительство прожекторов.

В конце апреля 1943 года на КП пришла правительственная телеграмма:

«Командиру роты старшему лейтенанту тов. Л. А. Азбель, заместителю командира по политической части младшему лейтенанту тов. Б. М. Волчек.

Передайте бойцам, командирам и политработникам части № 20864, собравшим 28 505 рублей и облигациями госзаймов 16 780 рублей на строительство прожекторов, мой боевой привет и благодарность Красной Армии. И. Сталин».

Эта телеграмма была опубликована 1 мая 1943 года в многотиражной газете дивизии ПВО Краснознаменного Балтийского флота. В роте провели митинг и начали дополнительный сбор средств.



Командующий 2-й ударной армией генерал-лейтенант И. И. Федюнинский.



Командующий 8-й армией генерал-лейтенант В. И. Щербаков.



Член Военного совета Ленинградского фронта генерал-лейтенант А. А. Кузнецов на участке обороны 48-й стрелковой дивизии (Приморская оперативная группа — ПОГ).



Командующий Приморской оперативной группой генерал-лейтенант А. Н. Астанин.



Заместитель командующего ПОГ по политической части полковник М. А. Басовский.

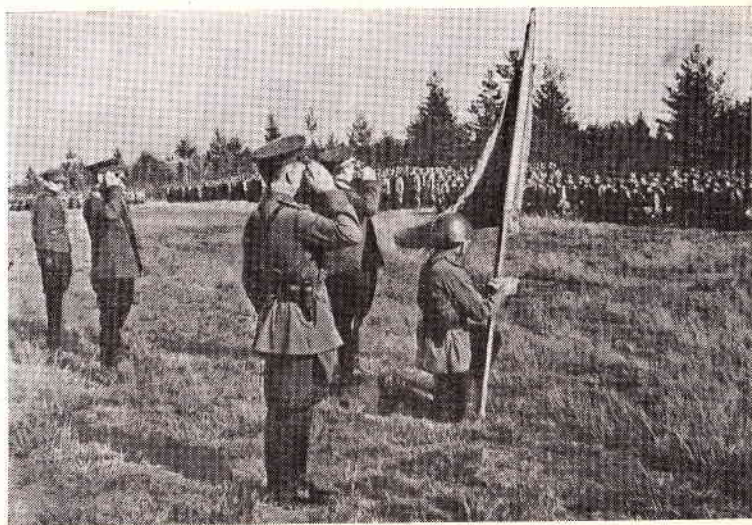


Начальник политотдела 8-й армии бригадный комиссар С. И. Панков.



Заместитель начальника Политуправления Ленинградского фронта бригадный комиссар А. Е. Хмель (справа) на наблюдательном пункте форта Красная Горка.

Вручение Боевого знамени 301-му стрелковому полку 48-й стрелковой дивизии. Принимает знамя командир полка подполковник Сетов.





Герой Советского Союза старший сержант И. К. Скуридин.



Герой Советского Союза Н. В. Калужский, бывший командир батареи 50-й отдельной бригады морской пехоты, полковник в отставке.

Саперы направляются к шоссе Порожки — Гостилицы для установки мин.





Бывший помощник начальника оперативного отделения штаба 98-й стрелковой дивизии майор в отставке Г. М. Лебедев.



Начальник отделения пропаганды и агитации — заместитель начальника политотдела 2-й ударной армии полковник И. М. Шляпин.

Расчет зенитного орудия младшего сержанта И. А. Карпенко (на снимке — с поднятой рукой) ведет огонь по врагу (январь 1942 г.).





Полковник в отставке П. Д. Гаранчук, бывший заместитель командира 10-го артиллерийского полка по политической части.



Подполковник в отставке В. А. Барталев, в годы войны начальник штаба 123-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона.

Старший краснофлотец М. Г. Козеко (50-я отдельная бригада морской пехоты).



Политрук роты А. И. Тюшев (фото 1941 г.).





Командир автомобильной роты
ПОГ капитан А. А. Соколов
(фото 1942 г.).



Командир разведроты 48-й
стрелковой дивизии старший
лейтенант Д. М. Бабкин.

Орудийный номер ефрейтор
В. П. Чашин.

Полковник в отставке П. А.
Бирюков, на Ораниенбаумском
плацдарме — командир лыжной
роты.





Капитан 1-го ранга в отставке
Г. Г. Поляков, бывший курсант
ВМХУ.



Полковник в отставке В. К.
Старчиков, на Ораниенбаум-
ском плацдарме — начальник
штаба артиллерии 48-й стрел-
ковой дивизии.



Подполковник в отставке П. П.
Ковкин, в годы войны коман-
дир 309-го отдельного прежек-
торного батальона.



Старший лейтенант в отставке Б. Ф. Иванов, в годы войны командир саперной роты 2-й отдельной бригады морской пехоты.



Командир взвода 3-го батальона 301-го стрелкового полка И. С. Калашников, ныне майор в отставке.

Секретари партийных организаций Приморской оперативной группы.





Заседание комсомольского бюро 10-го артиллерийского полка 48-й стрелковой дивизии. Четвертый слева — комсорг полка А. И. Саблин.

Бойцы Ораниенбаумского плацдарма изучают оружие противника.





Знатный снайпер 301-го стрелкового полка И. М. Андреев.

Зачинатель снайперского движения в 281-й стрелковой дивизии красноармеец Ф. Ухов.





В первый день операции «Нева-2» — 14 января 1944 г. — огонь по врагу ведет 152-мм орудие. Надпись на снаряде: «За Ленинград» — сделана бойцами.

Секретари комсомольских организаций Приморской оперативной группы.





Заместитель начальника топо-
отделения штаба 2-й ударной
армии Д. Е. Цыбульский.

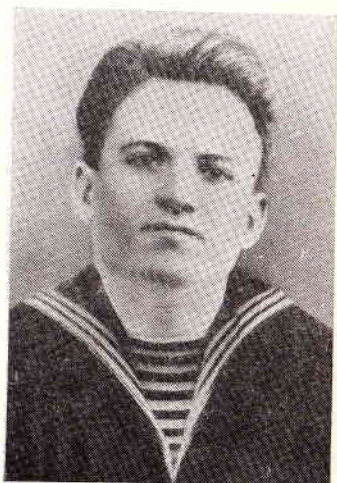


Военфельдшер и разведчик
Т. Ф. Власова.

Подполковник в отставке И. В.
Савченко, в годы войны на-
чальник штаба артиллерийского
дивизиона 50-й отдельной
бригады морской пехоты.



Снайпер, политбоец, затем
парторг батальона 50-й отдель-
ной бригады морской пехоты
А. С. Поляков.





Парторг 10-го артиллерийского полка М. Т. Знов.



Полковник в отставке Б. М. Волчек, на Ораниенбаумском плацдарме — политрук роты, затем заместитель командира роты по политической части.

Бывший ответственный секретарь редакции дивизионной газеты «Боевой удар» подполковник в отставке В. А. Александров.

Командир партизанского отряда А. П. Архипов.





Л. А. Мочалова, медсестра партизанского отряда.



На Ораниенбаумском плацдарме военфельдшер 1062-го стрелкового полка Александра Никитина вынесла с поля боя более ста раненых с их оружием, награждена орденом Красного Знамени.

Парторг роты 50-й отдельной бригады морской пехоты М. И. Филиппов, лейтенант в отставке.

Штурман ВВС Краснознаменного Балтийского флота П. Т. Заостровцев (фото военных лет); ныне полковник в отставке.





Начальник электромеханической службы 31-го отдельного артиллерийского дивизиона инженер-майор Л. М. Левицкий (фото 1943 г.).



Владимир Межуев, сын 147-го стрелкового полка.



Полковник в отставке Н. И. Пономарев, председатель совета ветеранов Ораниенбаумского плацдарма.

Вскоре к нам на вооружение стали поступать новые радиопрожекторы-искатели. Очень хотелось думать, что хотя бы часть их сделана на наши деньги.

Тем, кто воевал, не надо рассказывать, с каким нетерпением на фронте ждали писем из тыла. Почта в те дни действовала не очень четко. Но политработники, заботясь о самочувствии, настроении воинов, старались, чтобы уж та корреспонденция, что доходила до нас, быстрее попадала к бойцам и командирам. Мы организовали доставку писем и газет на все позиции, даже отдаленные. С рогных КП их передавали по цепочке от одной точки на другую.

Выделили и специального почтальона — старшего краснофлотца Мишу Михайлова. На Приморском шоссе его знали все шоферы и ездовые и при случае «подбрасывали». Но машины и повозки ходили тут редко. Тогда он где-то раздобыл поломанный велосипед, починил его и ездил на нем за почтой даже зимой. Наверно, сотни километров исколесил, заслужив у бойцов прозвище Харитоши-почтальона, героя популярного до войны фильма «Трактористы». Не забудем, что, развозя днем почту, Михайлов, как все, заступал вечером на боевой пост.

В то время письмо, адресованное одному бойцу, было радостью для всех. Нередко сугубо личное, оно читалось вслух, понятно, с согласия адресата. И это оказалось хорошим подспорьем в политработе.

На войне, конечно, главное дело — сражаться с врагом. Но когда бой затихал и выпадал свободный час для отдыха, очень хотелось, чтобы в землянках звучала песня. Политработники не забывали и об этом. Нашлись певцы, чтецы, танцоры и музыканты, проходили репетиции художественной самодеятельности. Состоялся и концерт. Перед зрителями выступили: Н. И. Лопата, прочитавший собственное стихотворение «Мсти врагу!» комсорг младший сержант Г. В. Войтко и краснофлотец Н. Ф. Матюшко, исполнившие скетч про потуги гитлеровцев взять Москву и Ленинград, санинструктор Н. Ф. Могилева (теперь Закревская), спевшая частушки, сплясал младший сержант Т. М. Баранов. Выступил и красноармейский хор.

Мужественно, слаженно, организованно действовали прожектористы Ораниенбаумского плацдарма. Командование и политотдел высоко оценили то, как они выполняли боевые задачи. И это — лучшая характеристика партийно-политической работы, проводившейся тогда.

НИ ШАГУ НАЗАД!

Сформированную в июле 1941 года дивизию включили в состав Ленинградского фронта, а в августе она получила приказ занять рубеж вдоль шоссе Книгсепп — Красное Село и остановить на нем противника. Еще не обстрелянные, до конца не сколоченные подразделения заняли оборону.

Утром 16 августа гитлеровцы, поддержанные авиацией и танками, вклинились в стык между стрелковыми полками и стали продвигаться вглубь. Используя открытый фланг, противник начал обходить участок нашей обороны. В это время на КП дивизии у совхоза «Раскулицы» прибыл Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов. Выслушав мой доклад об оперативной обстановке, он сказал:

— Задержите врага здесь хотя бы на три дня, — и объяснил для чего это необходимо.

Приказ дивизия выполнила. Ее полки закрепились на рубеже Гомонтово — Ольхово — Большое Тешково — Лошковицы — Синковицы — Голубовицы. Однако долго удерживать эти позиции не смогли и были вынуждены с боями отходить в направлении Медуши — Слепино, а затем — Новая Буря — Заостровье — Гостилицы. 5 сентября дивизия вышла на рубеж гора Колокольня — Порожки и по приказу командующего 8-й армией заняла оборону.

— Зарываться глубже в землю! Минировать подступы! — распорядился штаб дивизии.

Августовские бои, хотя и не увенчались успехом, способствовали приобретению боевого опыта. Люди буквально переменились. Они поняли, что отступать дальше некуда — сзади Кронштадт, Ленинград! Все, от рядового бойца до командира дивизии, осознали, что городу Ленина придется туго без Кронштадта, а последнему не выстоять без ораниенбаумского прикрытия.

Понять эту простую истину помогали политработники под руководством военкома дивизии полкового комиссара Н. С. Диденко. Политотдельцы постоянно находились в подразделениях, разъясняли бойцам обстановку, воодушевляли их словом и личным примером. Исходя из

поставленной задачи, политработники говорили воинам о том, что в сложившейся обстановке самое главное не давать спокойной жизни врагу, использовать все средства для его уничтожения. Одновременно призывали укреплять оборону, используя для этого заграждения, минные поля, всемерно совершенствуя траншейную систему.

Чтобы успешно выполнять поставленную задачу, надо было постоянно изучать противника, непрерывно вести разведку. Запомнился один из ночных походов разведчиков 1066-го полка на гору Колокольня в конце сентября. И вот почему.

Старшим разведывательной группы был политрук саперной роты Федор Бойцов. Разведчики добрались до горы, когда сержант Ермолаев увидел убитого красноармейца, лежавшего на ручном пулемете. Не знаю, что удержало Ермолаева от того, чтобы вытащить пулемет из-под трупа. Это спасло сержанта. Позади него вдруг раздался сильный взрыв. Ермолаев оглянулся и ахнул: на подмерзших листьях лежал в гимнастерке убитый несколько дней назад младший лейтенант, а рядом упал товарищ Ермолаева — красноармеец Зайцев — со свежей рваной раной на голове. Бойцов и Ермолаев бросились к раненому. Причину взрыва установить было несложно. Гитлеровцы заминировали трупы.

Подлая проделка гитлеровцев вызвала возмущение бойцов и командиров. Мало, человека убили, еще и мину поставили, чтобы лишить жизни того, кто придет его хоронить.

Цель активных действий дивизии состояла в том, чтобы отвлечь на себя противника с других участков фронта. В сентябре, выполняя этот приказ, дивизия неоднократно штурмовала позиции гитлеровцев у деревни Порожки. Однажды бойцы ворвались в расположение противника, но удержать населенный пункт не смогли.

Несколько прибавилось сил, когда в полосу обороны дивизии пришли курсанты Военно-политического училища НКВД. Батальон под командованием майора Н. А. Шорина вошел в состав 1062-го полка и успешно выполнял поставленные перед ним задачи.

Очень досаждала фашистская авиация, господствовавшая в воздухе. Зенитных средств мы почти не имели. Командование дивизии решило отражать самолеты врага огнем из стрелкового оружия. Учиться этому начали еще тогда, когда части перебазировались из Боровичей в район сосредоточения. Штаб дивизии выделил

для этой цели несколько командиров. Они разъяснили бойцам приемы стрельбы по самолетам из винтовок, ручных и станковых пулеметов, показывали, как прицеливаться, брать упреждение. Теперь же стали применять этот опыт широко. Сосредоточенный огонь из стрелкового оружия заставлял фашистских стервятников держаться повыше.

К сожалению, очень скоро дала себя знать нехватка боеприпасов. Со второй половины сентября недостаток патронов начал ощущаться особенно сильно. Об артиллерийских снарядах уже и не говорю. Штаб дивизии потребовал от командиров всемерно беречь боеприпасы, вести только прицельный огонь.

Появились в дивизии снайперы. Зачинателем этого выступил красноармеец 1062-го полка Ф. Ухов. Он открыл личный счет истребленных фашистов под Порожками и к концу войны довел его до 111. Вслед за Уховым снайперским мастерством стали овладевать в других полках.

В боевом становлении дивизии под Ораниенбаумом огромную роль сыграли бойцы и командиры, которые, подобно Ухову, были в каких-то важных делах первыми: взяли первого «языка», подбили или подожгли первый фашистский танк, первыми доставили в штаб трофейные документы, образцы вражеского оружия... Эти первые показали, что фашиста можно бить, брать в плен. Укреплялся моральный дух воинов, появлялась уверенность в своих силах. Бойцы начали следовать примеру — если смог кто-то другой, то смогу и я.

Первого «языка» взял сержант Редькин из разведывательной роты Руденко. А первый танк уничтожила батарея противотанковых пушек 1064-го стрелкового полка, которой командовал лейтенант Г. Проскоков.

Случилось это так. 19 августа батальон этого полка под командованием капитана Кремлева занял оборону на танкоопасном направлении в районе совхоза «Красная звезда». Вместе с ним действовала батарея противотанковых орудий. Командир батареи лейтенант Проскоков, недавний выпускник артиллерийского училища, до этого не участвовал в бою. Тем основательнее готовился он к встрече с противником. Внимательно, досконально изучил местность, определил, откуда могут прийти танки, и на эти направления поставил пушки.

Всю короткую летнюю ночь состав батареи отрывал укрытия для расчетов, маскировал орудия. И только к рассвету выдалась возможность немного отдохнуть.

Но неожиданно Проскоков услышал стрельбу и шум моторов... в тылу батареи. Танки шли оттуда, откуда их не ждали. Лейтенант не растерялся. В сторону шума и стрельбы он выслал разведчика Козлова. Тот скоро вернулся и доложил, что в направлении батареи лесной дорогой двигаются три фашистских танка и бронетранспортер с пехотой.

Надо было развернуть орудия, чтобы встретить врага. Расчеты стали выполнять команду, а Проскоков послал комсорга батареи Игнатьева и несколько бойцов с гранатами и бутылками с зажигательной смесью перекрыть лесную дорогу на случай, если противник появится слишком скоро.

Два танка противника на приличной скорости выскочили из леса. Артиллеристы подпустили передний танк метров на сто и со второго снаряда подожгли его. Экипаж пытался скрыться в кустах, но артиллеристы уничтожили гитлеровцев. А лейтенант, пренебрегая опасностью, властно отдавал команды на уничтожение другой неприятельской боевой машины. Третьим снарядом подожгли и второй танк. Об этом эпизоде рассказывала дивизионная газета «На разгром врага».

Рассказала она и о подвиге батареи старшего лейтенанта И. Г. Романова из 816-го артиллерийского полка. В боях с 15 августа по 30 октября 1941 года ее расчеты уничтожили много живой силы противника, подавили 8 артиллерийских и 9 минометных батарей, подбили 11 автомашин и разбили склад боеприпасов.

В боях под Ораниенбаумом летом и осенью 1941 года наша дивизия хотя и понесла большие потери, но обрела мастерство и смогла остановить врага на рубеже гора Колоколья — Порожки — Петровское. В конце декабря 1941 года она передала участок обороны подразделениям морской пехоты.

Е. М. МЕЛАШЕНКО,

*бывший командир 318-го отдельного
медико-санитарного батальона
281-й стрелковой дивизии,
военврач 2-го ранга в отставке*

СОЗНАНИЕ ДОЛГА

Буквально за три июльских дня 1941 года был сформирован наш медико-санитарный батальон. Как только получили палатки, аптеку и прочее имущество и снаряжение, сразу началась напряженная учеба. Врачам,

сестрам, санитарам следовало до выступления на фронт освоить то, что могло понадобиться в боевой обстановке. Занятия шли и днем и ночью, отдыхали не больше шести-семи часов в сутки.

Говорят, тяжело в учении — легко в бою. Нет, на Приморском плацдарме легко не было. У меня имелся некоторый боевой опыт — побывала на Халхин-Голе и Карельском перешейке. Но обстановка, с которой столкнулся батальон на Приморском плацдарме, оказалась значительно сложнее. Здесь, в сущности, не было тыла, где обычно располагается медико-санитарная служба. Кромка земли, оставшаяся в руках наших войск, была такой узкой, что за спиной даже без бинокля виден Финский залив. «Пятачок» простреливался насквозь, а ведь на первых порах службы батальона располагались в палатках, весьма уязвимых осколком и пулей. До передовой — рукой подать. Правда, имелось в этом и преимущество: из-за небольших расстояний раненый попадал к хирургам быстро, что имело существенное значение для восстановления его здоровья.

Особенно трудно было, пока не стабилизировалась наша оборона. Отходя вместе с частями дивизии, нам дважды пришлось оставить некоторое количество имущества, — не на чем было увезти, не хватало транспорта. Но какой бы спешной ни оказывалась передислокация, ни разу ни одного раненого не оставили.

Не скажу, какой из взводов батальона лучше работал в боевой обстановке. Огромную самоотверженность проявляли все. Вот раненый поступил в сортировочный взвод, которым командовал военврач 3-го ранга Ольга Степановна Ковырзанова. Боец находился в бессознательном состоянии. Его тотчас переправили в специальную шокую палатку. Военфельдшеры Валентина Изотова и Мария Петрова, старшая сестра Нина Богданова стараются сделать все, чтобы он скорее вышел из этого состояния. Можно ли испытать счастливее мгновение, чем то, когда человек, вырванный у смерти, вновь откроет глаза, начнет возвращаться к жизни!

С тяжелораненым сложно еще и потому, что, чувствуя свою беспомощность, неподвижность, он часто испытывает страх перед бомбежкой, артобстрелом, к которым в ином положении вполне привык. Он боится: не оставят ли его в трудной обстановке? Медики из сортировочного взвода скажут вовремя ласковое слово, подбодрят — смотришь, раненый успокоился, сомнения его

рассеялись. А иной, глядя на мужественное поведение девушек, словно не замечающих разрывов снарядов и мин, сам устыдится своего страха, постарается избавиться от него.

Сердце медсанбата — операционно-перевязочный взвод. Здесь были ведущий хирург военврач 3-го ранга Г. М. Цыпин, его заместитель Г. А. Холдяков. Ближайшие их помощники — старшие сестры Лебедева, Генералова, санинструктор Овечкина. Пока мы находились на плацдарме, ни на один день не прекращалась работа в операционной. Когда шли напряженные бои, хирурги, сестры не отходили от операционных столов по двое-трое суток. Выйдет из строя движок, что случалось часто, — оперировали при свечах и даже лучинах. Спокойным считался день, когда удавалось выкроить четыре-пять часов, чтобы поспать и поесть горячей пищи.

Тысячи воинов прошли через нашу операционную и вернулись в строй. Не случайно так много хороших слов, добрых чувств изливается в адрес медработников при встречах ветеранов даже столько лет спустя.

А уж подвиг санитаров, санинструкторов, находившихся непосредственно на переднем крае, и вовсе забываем. Ведь им приходилось труднее всех. В дождь или снег, днем или ночью ползли вслед за бойцами, перевязывая раны, оказывая первую помощь прямо под огнем, потом тянули на себе раненого в укрытое место, чтобы отправить дальше, на батальонный или полковой пункт. Не забыть Ольгу Согневу, маленькую, хрупкую: несет на себе раненого, из сил выбивается, плачет, а несет. И Веру Данильченко, ее подругу: ни за что не хотела ждать конца обстрела, вытащит одного бойца — сразу ползет за следующим.

Военфельдшеры Александра Никитина и Анна Захаренко вынесли с поля более сотни раненых с их оружием. Эти две девушки первыми в дивизии удостоились высокой боевой награды — ордена Красного Знамени. А военфельдшер Тамара Власова, бывшая студентка 1-го Ленинградского мединститута, отлично выполнявшая свои прямые обязанности, не раз вызывалась сопровождать наших разведчиков, ходила вместе с ними в расположение противника.

Между медсанбатом и передним краем находилось болото. Раненых приходилось переправлять через него — другого выхода не было. Накидали по кочкам накатник из мелких бревен, но санитарные повозки, двигавшиеся по нему, ужасно трясло, причиняя боль раненым. По-

возки едва ползли, квалифицированная помощь отдалялась во времени. А ведь известен незыблемый закон: хирургическая обработка раны должна производиться не позже чем через восемь часов, иначе возможен неблагоприятный исход.

Возникла мысль создать полевой хирургический отряд и разместить его у переднего края на таком же удалении, как полковой медицинский пункт. Устав медицинской службы такого не предусматривал, но здесь создались особые условия. Я доложила об этом начальнику санитарной службы. Он одобрил инициативу, но предупредил:

— Нападут на людей фашисты — пойдешь в штрафбат.

Все же решили рискнуть, дело того стоило. В полевой хирургический отряд выделили самых квалифицированных медиков. Возглавил его военврач 3-го ранга Т. Н. Смирнова. С ней работали санинструкторы Л. Н. Овечкина, Т. Н. Раннефт, медсестра Н. Г. Бархатова и другие. Отряд отлично справился с заданием, его медики спасли жизнь многим бойцам и командирам.

Очень трудно было эвакуировать раненых не только с передовой в медсанбат, но и в тыл — отправляли с плацдарма только через залив. Из-за налетов вражеской авиации погрузку на плавсредства вели главным образом ночью, чтобы раненые успели достигнуть места назначения пока не рассеялся предрассветный туман. Конечно, в работе медсанбата бывали и неудачи, но повторяю еще раз: ни один раненый по нашей вине не погиб.

Расскажу о судьбе некоторых девушек, названных здесь. Власова теперь работает врачом в Туле. Богданова, вынесшая с поля боя более ста раненых, была сама ранена в голову, эвакуирована и на фронт не возвратилась. Заслуженную боевую награду ей вручили уже в мирное время.

Овечкина попала к нам случайно. Фашисты расстреляли ее отца, угнали в Германию мать. Девочка же с братом убежали в лес и скрывались там. Наш врач Н. В. Попов встретил их, привел в медсанбат. Хрупкая девочка быстро освоилась с работой санитаря, вскоре стала санинструктором. Сейчас она геолог, живет в Днепропетровске.

На пограничной заставе до войны служила медсестрой смоленская девушка Надя Бархатова. Война застала ее в отпуске. Военкомат направил ее к нам.

— Где хотите служить? — спросила я.

— Пошлите на передовую, — ответила Надя. — Ведь я комсомолка и уже служила в армии.

Младшего лейтенанта Бархатову направили в саперный батальон, который все время нес большие потери. В тот трагический день фашисты прорвались на одном из участков. Был сильный бой, Надя в землянке перевязывала раненых. И вдруг за спиной услышала:

— Рус, сдавайся!

Девушка не потеряла самообладания, схватила гранату, бросила под ноги гитлеровцам (двух убитых фашистов потом нашли на этом месте наши бойцы). Боясь плена, вторую гранату Надежда Гавриловна бросила под ноги себе...

Позже погибли Шура Никитина — под Невской Дубровкой и Таня Раннефт — на Волховском фронте. Таня до войны училась на биолого-почвенном факультете Ленинградского университета. Вступила в народное ополчение. Когда ее полк разбили фашисты, она с группой из 18 бойцов вышла на позиции нашей дивизии. Бойцы утверждали, что именно Таня вывела их из окружения. В короткой схватке она убила вражеского мотоциклиста и потом постоянно носила захваченный у него автомат.

Назначенная санинструктором в стрелковую роту 1064-го полка, она вместе с ротой участвовала в атаке. Пулеметный огонь из дзота не давал нашим бойцам подняться. Тогда, бросив связку гранат в амбразуру, бесстрашная девушка заставила пулемет замолчать. Но и героиню сразил фашистский снайпер.

Многих врачей, фельдшеров, санитаров похоронили мы на ленинградской земле. Они погибли, выполняя свой долг. Память о них — священна.

В. А. БАРТАЛЕВ,

*бывший начальник штаба
123-го отдельного зенитного
артиллерийского дивизиона
2-го гвардейского
зенитного полка ПВО КБФ,
подполковник в отставке*

ПО-ГВАРДЕЙСКИ

Боевое крещение наш дивизион получил под Усть-Лугой. Мы прибыли туда из Нарвы, где прикрывали с воздуха мосты через реку. Напряжение боев нарастало

с каждым днем, враг рвался к Ленинграду, и в Луге, бывало, батареи до восьми раз в сутки вступали в борьбу с фашистскими самолетами.

А вечером 15 августа 147-я батарея открыла боевой счет — сбила первого стервятника. Два бомбардировщика «Ю-88» с высоты трех тысяч метров пытались уничтожить орудия бомбовым ударом. Командир батареи лейтенант Ю. В. Шиляев точно рассчитал, когда открыть огонь. Самолеты были вынуждены сбросить бомбы, не долетев до наших огневых позиций. Один из них, получив повреждение от нашего снаряда, загорелся и упал в залив.

Мы постарались, чтобы о первой победе в воздухе быстрее узнали все воины дивизиона. Она вдохновила бойцов. Одну за другой отражали они бесчисленные налеты на батареи, и 25 августа та же 147-я сбила еще один самолет врага. Фашистские летчики попытались скрыться на надувной спасательной лодке, но группа краснофлотцев во главе с командиром дивизиона лейтенантом В. Ф. Храповым на катере догнала их и захватила в плен.

Никогда не забуду наглости, самоуверенности этих первых пленных. Тупо, заученно твердили они: «Москва капут». Как выяснилось, гитлеровские летчики имели задание уничтожить нашу тяжелую батарею, однако это им не удалось.

На следующую ночь дивизион передислоцировался в Колорье, получив задачу прикрыть от воздушных налетов железнодорожный артиллерийский транспортер — мощную платформу, на которой устанавливалось орудие большого калибра. Сразу, без какого-либо отдыха, принялись оборудовать огневые позиции. Работа кипела днем и ночью. Только успели отрыть укрытия для орудий и приборов, замаскировать их, как рано утром 29 августа из-за леса, прижатые низкими облаками, выскочили десять пикировщиков.словно хищники набросились они на 145-ю и 147-ю батареи.

Но орудия дружно открыли огонь. Внезапного нападения у фашистов не получилось. Они сбросили десять бомб: восемь пролетело мимо, а две поразили цель. Одна угодила на позицию третьего орудия 145-й батареи. Командир орудия сержант Михайлов, краснофлотцы Петров, Соловьев, Цимбал, Богданов и Малинов были ранены, однако ни один из них не оставил боевого поста. Взрывом бомбы оторвало у орудия колесо, разбило несколько ящиков с боеприпасами. И

все же пушка продолжала стрелять. Другая бомба разрушила стену дома, в котором размещались штаб дивизиона и санитарная часть.

Налет продолжался. Сбросив свой смертоносный груз, самолеты врага выстроились в круг и начали обстреливать позиции обеих батарей и штаб дивизиона из пушек и пулеметов. Стервятников встречали огнем из всех видов оружия. Почти в упор Курчашов и Корниевский били по самолетам из пулеметов. Отважно сражались расчеты командиров орудий Карпенко, Жебея и Батищева. С ловкостью виртуозов действовали заряжающий Оповровский и трубочный Гончаров.

Этот бой батареи закончили, сбив по два фашистских стервятника. Гитлеровскому командованию очень хотелось вывести из строя железнодорожный артиллерийский транспортер и огневые средства ПВО, но зенитчики не позволили сделать это.

В последующие дни фашисты прилагали все силы, чтобы захватить Копорское плато, где образуют развилку две важнейшие дороги — на Петергоф и Керново. Оборонявшиеся здесь наши воины неоднократно отбрасывали врага, уничтожали его в штыковых атаках. Противник сил не жалел, подбрасывал все новые и новые части. 30 и 31 августа бои достигли наивысшего накала. Копорье не раз переходило из рук в руки. Огневые позиции дивизиона настолько приблизились к противнику, что стали подвергаться интенсивному артиллерийскому обстрелу, особенно орудия 147-й батареи. В первый день сентября наши части, измотанные и изрядно поредевшие, оставили Копорье.

Положение дивизиона еще более ухудшилось. До 147-й батареи, находившейся в километре от Копорья, стал доставать не только артиллерийский, но и ружейно-пулеметный огонь. На огневые позиции орудий начали наступать фашистские солдаты. Лейтенант Ю. В. Шиляев организовал круговую оборону. Четко действовали его заместитель младший лейтенант П. А. Слесарев и комиссар батареи старший политрук М. Н. Чигляев. Последний вместе с командиром взвода управления младшим лейтенантом М. И. Гуткиным помог снять орудия с огневой позиции.

Двигаться на новую позицию было трудно: от прошедших дождей земля раскисла, пушки и тягачи буксовали, вязли. А тут еще при выезде на шоссе Копорье — Керново батарею на марше атаковал вражеский самолет с высоты всего 500 метров. Зенитные пу-

леметы встретили его огнем. Сброшенные фашистом бомбы разорвались в стороне. Благодаря умелым действиям командиров материальная часть и личный состав вышли на новый рубеж без потерь.

147-я заняла позиции у Кернова, на правом берегу реки Воронки, в полукилометре от моста на шоссе на дороге, и получила задачу прикрыть мост от воздушного противника. И уже 2 сентября отразила восемь налетов фашистской авиации. Ни одна бомба в цель не попала, было сбито три бомбардировщика «Ю-88».

Этот бой запомнился. Воины едва успевали перенести огонь с одной группы налетавших самолетов на другую. Залпы орудий, взрывы бомб, рев моторов сливались в сплошной гул. От интенсивной стрельбы обгорела краска на стволах, потекли сальники противооткатных устройств. Зенитчики показали исключительное мужество и самообладание.

Перед боем орудийный номер Иван Бунин получил письмо из дому. Все пытался прочитать его, но только развернет — снова команда: «К орудию!» Потом рассказывал:

— Думаю, уж и прочитать не успею, убьют или ранят. Показалось, конца не будет налетам противника.

Но действовал артиллерист уверенно, храбро, мастерски. Самолеты улетели. Наступила тишина.

— Жив! — с улыбкой проговорил Бунин. — Дочитаю все же письмо!

В Керново прибыл заместитель командира полка подполковник Л. Н. Треблов с приказом дивизиону занять оборону в новом месте — в районе Мордовщины и Усть-Рудиц. Снялись с позиций, двинулись туда. В пути батареи разделились: 145-ю командующий артиллерией стрелковой дивизии направил в район Порожек, а затем к Старому Петергофу, чтобы она поддержала огнем наши передовые части.

Для этой батареи начались еще более жаркие дни. Теперь она много стреляла по наземному противнику. Атаки врага следовали часто. Временами казалось, ночь слилась с днем. Треск пулеметов, грохот разрывов снарядов не смолкали ни на час. Копорье, Керново, река Воронка, Порожки, Старый Петергоф, Усть-Рудицы — на всю жизнь запомнившиеся места. Именно здесь мы, зенитчики, выдержали самые трудные испытания на стойкость.

Чтобы успешно вести огонь по живой силе и технике врага, штабу дивизиона надо было заново организо-

вать разведку. Чаще других вызывался идти в тыл противника начальник боепитания дивизиона младший лейтенант В. Н. Черновский, отважный воин-ленинградец, и не менее храбрые младший сержант И. И. Петров, краснофлотец И. К. Сорокин. Их наблюдения, а потом и корректировка огня помогали накрывать цели.

Лучших из лучших в эти трудные дни приняли в ряды Коммунистической партии: лейтенанта В. Ф. Храпова, младшего лейтенанта П. А. Слесарева, младших сержантов И. Е. Курчашова, И. А. Карпенко, некоторых других. Стал тогда коммунистом и автор этих строк. Замечу, что за время боев на Ораниенбаумском плацдарме, несмотря на все потери, партийная организация дивизиона выросла в четыре с лишним раза.

В летних и осенних боях 1941 года дивизион приобрел большой опыт борьбы с воздушным и наземным противником. На его боевом счету числилось около двух десятков сбитых вражеских самолетов, несколько подбитых танков, подавленных огневых точек врага, выведенных из строя гитлеровцев.

В октябре дивизион занял боевой порядок на Красной Горке для прикрытия с воздуха 12-дюймовой артиллерийской батареи береговой обороны КБФ и других объектов плацдарма.

Зима 1941/42 года выдалась и для нас очень холодной и голодной. Блокада давала о себе знать. Урезали лимиты на продовольствие, горюче-смазочные материалы, ограничили техническое снабжение, не хватало теплых вещей. И даже на расход боеприпасов установили лимит. Везде строгая экономия. Сколько энергии, смекалки, инициативы пришлось проявить помощникам командира дивизиона майору А. С. Серебряникову и старшему лейтенанту А. И. Дернову, начальнику технического снабжения младшему лейтенанту Л. Г. Горобинскому и многим другим, чтобы в таких условиях поддерживать часть в постоянной боевой готовности.

Весной 1942 года дивизион передислоцировался в Борки и здесь находился до августа 1944 года, прикрывая полевой аэродром, на котором базировалась наша истребительная и штурмовая авиация. Хорошо помню бои лета 1943 года. У гитлеровцев тогда появился новый истребитель-штурмовик «Фокке-Вульф-190». Он в основном и участвовал в налетах на аэродром, подвергая его и бомбовым ударам, и пушечно-пулеметному обстрелу. Доставалось, конечно, и зенитным батареям, прежде всего 147-й, находившейся на открытом

месте, ближе других к взлетно-посадочной полосе. Батареей тогда командовал лейтенант А. А. Иванов.

Однажды на батарею налетели сразу четыре «фокке-вульфа». Наблюдатели Федор Зайцев, Антон Мельников и Александр Барабанов своевременно обнаружили врага. Зенитчики поставили огневую завесу. Натыкаясь на разрывы, вражеские самолеты начали метаться из стороны в сторону.

Один из них устремился к позиции, где действовал расчет Романенкова. Бойцы встретили стервятника огнем. От вражеского самолета отделились бомбы. Но еще яростнее ударили зенитки. Из вражеской машины повалил дым, гитлеровский летчик на горящем самолете стал выходить из боя.

Однако воздушные бандиты решили разделаться с непокорной батареей. Вокруг орудийных позиций все чаще падали бомбы. Вот уже на орудие Романенкова обрушился столб пламени и земли, поднятой взрывом. Контужен, ранен и засыпан песком Алексей Григорьев. Его товарищи Виктор Басов и Иван Шмагин помогали ему выбраться из «могилы». Смертельно ранен дальномержик И. М. Архангельский, но он продолжает считать данные, помогая бороться с противником.

Взрывом бомбы засыпан и пулеметный расчет. Когда его откопали, пулеметчик В. Т. Зверев, сильно контуженный, снова взялся за гашетки и продолжал рвать фашистов.

У пушки, где заряжающим был Александр Шестаков, от непрерывной стрельбы вышла из строя полуавтоматика, заклинило затвор. Умелый воин быстро устранил неисправность, перешел на ручное управление. Коммунисты Евгений Пешин и Андрей Хуков под бомбежкой восстанавливали прерванную связь.

Когда все закончилось, посмотрели на часы: бой длился всего десять минут. А показался вечностью.

В другой раз батарее пришлось сражаться с восемью фашистскими истребителями. Отвагу проявили комсомольский расчет Ивана Карпенко, командир орудия Тимофей Кулеш, наводчики Александр Гужев и Алексей Кружков. Зенитчики в том бою сбили один «фокке-вульф».

Как-то фашистский самолет «Ю-88» сбросил на 145-ю батарею непонятный груз, который, падая, издавал сильный свист и вой. При ударе о землю выплеснулась черная жидкость. Она с ног до головы обдала находившихся близко артиллеристов. Оказалось, была

сброшена железная двухсотлитровая бочка, наполненная быстроспламеняющейся смесью. По счастливой случайности она не загорелась.

Фашистская авиация стала опасаться открыто действовать против наших зенитных батарей. Чаще стали налеты со стороны Финского залива, из-за облаков или от солнца. Однако зенитчики были начеку, встречали врага точным огнем.

Были потери и у нас. В боях с гитлеровцами погибли сержанты И. И. Петров, М. Г. Новак, П. К. Севастьянов, матросы П. И. Захаров, М. Н. Штрухалев.

В июне 1942 года все мы переживали радостное и волнующее событие — 6-й зенитно-артиллерийский полк ПВО КБФ, в состав которого входил и наш дивизион, за проявленные отвагу, мужество и героизм был преобразован во 2-й гвардейский зенитный артиллерийский полк противовоздушной обороны Краснознаменного Балтийского флота. На всех батареях состоялись митинги. Воодушевленные высоким званием гвардейцы дали клятву еще сильнее громить немецко-фашистских захватчиков.

Когда митинг шел на 148-й батарее, раздалась команда: «К бою!»

— Три «Хейнкеля-111» идут на нас, — доложил наблюдатель В. А. Сафонов.

— По самолету! — подал команду лейтенант А. И. Болотин. Один за другим прогремели залпы. Расчет коммуниста Ильина сбил один «хейнкель». Так гвардейцы делом подтвердили клятву.

За период боев на плацдарме зенитчики гвардейского дивизиона уничтожили 42 фашистских самолета, два танка, шесть дзотов и блиндажей, до двух батальонов пехоты, шесть минометных батарей, семь орудий среднего калибра, потопили быстроходную десантную баржу, повредили два катера и баржу с военной техникой врага.

Пройдут годы, появятся оценки подвига ленинградцев и бойцов Ленинградского фронта в грозную пору Великой Отечественной войны. Так, в дни празднования 250-летия Ленинграда Центральный Комитет нашей партии в своем приветствии напишет: «Бессмертен подвиг ленинградцев в грозную пору Великой Отечественной войны. Ни жестокие бомбардировки с воздуха, ни артиллерийский обстрел, ни постоянная угроза смерти не сломили железной воли и патриотического духа ленинградцев. Девятисотдневная защита осажденного го-

рода — это легендарная повесть мужества и героизма, которая вызвала удивление и восхищение современников и навсегда останется в памяти грядущих поколений. Ленинградцы до конца остались верными Родине. Город-герой, вот имя, которое благодарно присвоил Ленинграду советский народ».

Всесоюзный староста М. И. Калинин скажет: «Ленинградский пролетариат всегда был застрельщиком в борьбе за дело народа. И вот мне, как человеку старшего поколения, удалось увидеть величайший патриотизм ленинградцев. Без колебаний могу сказать, что другого такого патриотизма, как тот, какой проявило население великого города Ленина в борьбе с самым отъявленным врагом прогрессивного человечества, с врагом, который возымел дерзкую мысль — подчинить человечество взбесившейся банде закоренелых реакционеров, — мир еще не видел».

Даже американский президент Рузвельт пришлет Ленинграду грамоту, в которой будут такие слова: «От имени народа Соединенных Штатов Америки я вручаю эту грамоту городу Ленинграду в память о его доблестных воинах и его верных мужчинах, женщинах и детях, которые, будучи изолированными захватчиком от остальной части своего народа и несмотря на постоянные бомбардировки и несказанные страдания от холода, голода и болезней, успешно защищали свой любимый город в течение критического периода от 8 сентября 1941 года по 18 января 1943 года и символизировали этим неустрашимый дух народов Союза Советских Социалистических Республик и всех народов мира, сопротивляющихся силам агрессии».

Мы, бойцы 123-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона 2-го гвардейского зенитного полка ПВО Краснознаменной Балтики, тоже считаем себя ленинградцами.

**ЗДЕСЬ КАЖДЫЙ
БЫЛ
ГЕРОЕМ**



М. А. БАСОВСКИЙ,
бывший заместитель
командующего Приморской оперативной
группой по политчасти,
полковник в отставке

ЗА СЛОВОМ — ДЕЛО

В октябре 1941 года напряжение боевых действий переместилось с правого крыла Ленинградского фронта на левое, в район Невской Дубровки, где готовилась операция по прорыву вражеской блокады.

В течение короткого времени, ночью, соблюдая меры предосторожности и полную светомаскировку, моряки-балтийцы переправили из Ораниенбаума в Ленинград одну за другой дивизии 8-й армии. На плацдарме осталась сравнительно небольшая часть войск. Из нее образовали Приморскую оперативную группу (ПОГ). Штаб дислоцировался в Большой Ижоре, там же располагался и созданный несколько позже политотдел.

Оперативную группу возглавил генерал А. Н. Астагин, опытный военачальник, хорошо показавший себя при обороне Лужского рубежа, затем в боях у Невской Дубровки. Начальником штаба назначили полковника Д. М. Большакова, начальником политотдела стал автор этих строк. В декабре 1942 года меня утвердили заместителем командующего ПОГ по политической части, а начальником политотдела стал полковник Г. Т. Земляков.

В ПОГ первоначально входили: 48-я имени М. И. Калинина стрелковая дивизия; 2-я и 5-я бригады морской пехоты, получившие в 1942 году другие номера — 48-й и 71-й бригады; 3-й полк морской пехоты, ставший в том же году 50-й стрелковой бригадой; 519-й гаубичный артиллерийский полк, 287-й танковый батальон, 39-й, 108-й, 25-й зенитно-артиллерийские дивизионы и некоторые другие. В оперативном подчинении и тесном взаимодействии с войсками группы сражался Ижорский укрепленный сектор КБФ. В начале января 1942 года на плацдарм прибыла 168-я стрелковая дивизия.

По внешнему обводу плацдарма находились значительные силы 18-й армии противника общей численностью более 50 тысяч человек. Противостоящие им наши соединения и части были малочисленны, серьезно ослаблены предыдущими сражениями. Например, 48-я стрелковая дивизия, с боями прошедшая всю Прибалтику, имела меньше половины списочного состава. В ротах насчитывалось по 20—30 человек, каждая имела лишь один станковый и два ручных пулемета. При этом рота нередко занимала участок в полтора-два километра. Бойцы непрерывно находились в окопах, спали не больше четырех-пяти часов в сутки. Резервами для их смены дивизия, оборонявшая 23-километровый рубеж, не располагала.

5-я бригада морской пехоты насчитывала всего 3710 человек. Два ее батальона — 1-й и 4-й — занимали участки по семь с половиной километров, 3-й батальон — пять с половиной. 2-й батальон числился в резерве, но сменить какой-либо другой, находившийся на передовой, не мог из-за своей малочисленности.

Все это показывает, как велика была, если можно так сказать, боевая нагрузка на каждого защитника плацдарма. Не следует сбрасывать со счета слабую обеспеченность вооружением, боеприпасами, продовольственные трудности, нехватку обуви, обмундирования. Недоставало машин, горючего. Грузы, как правило, переносились вручную. Затруднения с перевозками усугублялись еще тем, что железнодорожный парк уничтожили вражеская артиллерия и авиация.

Казалось, в подобных условиях не могло быть и речи об активных действиях. Где тут наступать, лишь бы удержать рубежи! Между тем с самого начала существования плацдарма его оборона была активной. Она, как и вся оборона под Ленинградом, отличалась исключительным упорством в удержании занимаемых позиций, смелыми вылазками, решительностью и инициативой защитников рубежей. Благодаря этому достигалась ее устойчивость, появлялась возможность быстро и скрытно сосредоточивать силы и средства на нужном направлении. То на одном, то на другом участке оборонявшиеся предпринимали контратаки.

Именно на такие действия нацеливали личный состав командование и политорганы Приморской оперативной группы. Партийные и комсомольские организации делали все, чтобы повысить боевую активность частей и подразделений.

Политработники принимали непосредственное участие в подготовке и проведении разведывательных и поисковых операций. Только в первой половине 1943 года войска ПОГ провели 233 разведки боем и устроили свыше полутора тысяч засад. За шесть месяцев разведчики уничтожили не одну сотню гитлеровцев, многих взяли в плен. Вражеские солдаты, взятые в плен, показывали, что они постоянно жили в беспокойстве и тревоге — ночью в их траншеях бесшумно появлялись советские разведчики.

Опыт наиболее подготовленных воинов, подразделений, частей изучался командирами и политработниками с целью его широкого распространения. В частности, достоянием всех подразделений стал опыт разведки боем, проведенной 5-й бригадой морской пехоты 30 января 1942 года в районе Керново — Верхние Лужки. Перед бригадой поставили задачу определить глубину тактической зоны обороны противника, захватить «контрольных» пленных.

Разведка боем прошла удачно. Противнику нанесли значительный урон в живой силе и технике, разрушили 19 блиндажей, 17 дзотов, уничтожили 18 пулеметных точек, захватили 9 ротных минометов, убили и ранили 270 фашистов, двух взяли в плен.

Политработники хорошо проявили себя на всех этапах этой вылазки. Накануне начальник политотдела бригады старший батальонный комиссар К. П. Баутин провел семинар с военкомами батальонов и секретарями партбюро. Каждый из его участников рассказал, как он намерен организовать партийно-политическое обеспечение разведки боем. В подразделениях состоялись партийные и комсомольские собрания с повесткой дня «Об авангардной роли коммунистов и комсомольцев в бою». На партсобрании во второй роте 3-го батальона коммунисты Серга, Батран и Подать заявили, что будут беспощадно бить фашистских гадов, не жалея своей жизни.

Военком 2-го батальона батальонный комиссар М. Н. Колосов провел беседу с личным составом разведывательного взвода, рассказал воинам о важности поставленной перед ними задачи, помог правильно расставить коммунистов и комсомольцев, определить место каждого в предстоящем бою. В 3-м батальоне по заданию военкома батальонного комиссара А. П. Васильева политработники проверили знание личным составом задачи, готовность оружия к действию.

Перед выходом на исходный рубеж состоялись короткие митинги, которые способствовали поднятию наступательного духа воинов. Об этом свидетельствовал тот факт, что многие бойцы и командиры тут же, на митингах, заявили о своем желании идти в бой коммунистами и комсомольцами. В первой роте 3-го батальона 11 человек написали заявления с просьбой принять их кандидатами в члены ВКП(б), в третьей роте — 12. Среди подавших заявления были командир роты лейтенант Курачев, командир взвода Трифонов, командир отделения Датенков.

Краснофлотцы 3-го батальона Григорьев, Рыбаков, Ермаков, освобожденные врачом на несколько дней от несения службы, узнав, что их рота должна участвовать в разведке боем, обратились к командиру с просьбой разрешить им идти вместе со всеми. Оставляли в тылу и младшего сержанта Водко, — он накануне возвратился из госпиталя, где находился после ранения. Но и он пошел со своим взводом, сражался с врагом мужественно, отважно. Это были достойные подражания примеры.

Политработа не прекращалась и в ходе боя, изменились лишь ее формы. Политруки, коммунисты, агитаторы воздействовали на сослуживцев не только призывным словом, но и личным примером. Политрук разведвзвода 2-го батальона Савельев, возглавивший группу бойцов, невзирая на сильный огонь противника, первым достиг вражеского окопа. Руководимые им бойцы подавили три фашистские огневые точки и взяли двух гитлеровцев в плен.

Краснофлотец Трифонов, командир группы захвата из того же разведвзвода, вместе с товарищами прорвался на позиции противника, забросал гранатами пять блиндажей с находившимися там фашистами. Его ранило, но он продолжал командовать морскими пехотинцами. Когда задание было выполнено, он умело, без потерь вывел группу из боя. Трифонов — один из тех, кто накануне вылазки подал заявление о приеме в Коммунистическую партию.

Подвиг совершил заместитель политрука взвода пешеходных разведчиков 42-го стрелкового полка 168-й стрелковой дивизии Иван Кузьмич Суханов. Ранее он участвовал в разгроме немцев под Москвой, был ранен, а после выздоровления попал к нам на плацдарм. В ночь с 26 на 27 августа 1942 года его взвод получил задание уточнить координаты переднего края против-

ника и захватить контрольного пленного. В этой вылазке он возглавил группу захвата.

По приказу командира взвода младшего лейтенанта Зырянова группа захвата скрытно подобралась к колючей проволоке, поставленной противником в 25—30 метрах перед своим дзотом. И тут произошло то, что случается на войне и чего нельзя предусмотреть заранее. Красноармеец-сапер, сопровождавший группу и сделавший проход в заграждении, вдруг нечаянно задел проволоку ножницами. Она зазвенела. Противник, обнаружив разведчиков, открыл сильный ружейно-пулеметный огонь, а с флангов начал обходить их. Бойцы залегли. Головы не поднимать, ни вперед двинуться, ни отойти назад.

— Так они нас всех перебьют, — сказал Суханов. И после короткого раздумья добавил: — Вот что, разделимся. Двое ползите влево, я попробую направо.

Суханов подполз к дзоту. И когда до него остались считанные метры, крикнул:

— Товарищи, вперед! — и бросился к амбразуре.

Зернин и Костаков тоже поднялись, но вражеский пулемет бил непрерывно. И вдруг он словно захлебнулся, умолк. Разведчики броском рванулись к дзоту. Тут им все стало ясно. Амбразуру вражеского дзота Иван Суханов закрыл собой. Ценой жизни он расчистил товарищам путь вперед.

К дзоту подоспели Муленок, Баскаков и остальные разведчики. Воодушевленные поступком героя, они бросились на врага и в рукопашной схватке истребили почти три десятка фашистов. Только старшина Антонов заколол штыком 10 гитлеровцев. Разрушив вражеский дзот, разведчики вернулись в расположение.

Весть о подвиге Суханова, посмертно награжденного орденом Красного Знамени, с быстротой молнии разносилась по дивизии, а потом и по всему Ленинградскому фронту. Политработники провели в подразделениях митинги, агитаторы посвятили его подвигу беседы. Воины клялись отомстить врагу за смерть Ивана Суханова.

Мы постарались, чтобы опыт таких разведчиков, как Суханов, Трифионов, Вересов, Козеко, Ахметьянов, и многих других, получил широкое распространение. В мае 1943 года при активном участии сотрудников редакции газеты Приморской оперативной группы «Боевое знамя» этот опыт был обобщен, и Воениздат выпустил книгу «На рубежах Ленинграда». Вместе с другими

материалами в ней напечатали очерк Николая Тихонова и поэму Александра Прокофьева. Известные советские поэты посвятили свои произведения подвигу Ивана Суханова.

В описываемый период неплохо показали себя наши танкисты. Их было немного в составе Приморской оперативной группы — всего один батальон, 287-й отдельный. Им командовал майор А. З. Оскотский. 36 танков и 21 бронемашина, несколько аэросаней. Самое интересное, что материальную часть батальон в значительной мере пополнял за счет машин, некогда подбитых в бою. Их вытаскивали с нейтральной полосы, ремонтировали и вновь возвращали в строй.

Запомнился один эпизод, связанный с эвакуацией подбитых танков. Они уже несколько месяцев стояли между нашими и немецкими позициями, ближе к переднему краю противника. Гитлеровцы сняли с боевых машин аккумуляторы, радиоаппаратуру, испортили оборудование.

После того как разведчики-танкисты обследовали машины, место, где они находились, пути подхода к ним, заместитель командующего Приморской оперативной группой по бронетанковым войскам подполковник Г. И. Батлан пришел к генерал-лейтенанту А. И. Астанину и рассказал ему о смелой задумке танкистов. Находившийся в то время в штабе группы член Военного совета фронта Т. Ф. Штыков одобрил план.

Руководить осуществлением эвакуации танков поручили командиру батальона майору Н. И. Лобанову. Личный состав с большим энтузиазмом готовился к ней. Отважные воины подобрались к одному из танков, стоявшему в районе Качелова, и установили, что мотор его исправен. Несколько суток под носом у гитлеровцев танкисты восстанавливали боевую машину, по ночам доставляя к ней необходимые части.

Наконец все было готово. 4 июля 1942 года гитлеровцы вдруг обнаружили, что русский танк ожил и пытается уйти на свою сторону. Они открыли беспорядочный огонь, но КВ с бортовым номером 410 благополучно достиг наших позиций.

Таким же способом через три недели, в ночь на 23 июля, из района Больших Илик эвакуировали и второй танк, на этот раз БТ-7. В операции отличились капитан Ибриянов, техник-лейтенант Шапоренко, воентехник Любченко, младший лейтенант Лазебный, стар-

шина Лукин, красноармейцы Грабчик, Дробышевский и Глубов.

Остальные пять машин удалось эвакуировать более простым способом — буксировкой. В этом участвовали капитаны Зачиняев и Орлов, старшина Брюхин, старший сержант Репин, красноармейцы Блызин, Питнин, Ценшкевич и другие.

За успешное проведение эвакуации поврежденных боевых машин всех командиров и бойцов наградили орденами и медалями. Семь спасенных и восстановленных под руководством майора Юхтанова танков в условиях Ораниенбаумского плацдарма составили немалую боевую силу. Каждый из них получил персональное название: «За Родину!», «Смерть фашистам!», «Непокоренный»... Грозная техника дожидая до января 1944 года, когда начался разгром гитлеровцев под Ленинградом. Боевые машины помогли частям 2-й ударной армии громить врага южнее Ораниенбаума.

Еще осенью 1941 года на Ленинградском фронте зародилось, а потом широко развернулось снайперское движение. Тогда же появились меткие стрелки — истребители фашистов и на Ораниенбаумском плацдарме. В соревнование по уничтожению немецко-фашистских захватчиков включились воины всех родов войск. В авангарде движения шли коммунисты и комсомольцы.

Первым в Приморской группе открыл боевой счет уничтоженных захватчиков красноармеец-комсомолец 527-го стрелкового полка 48-й стрелковой дивизии В. А. Волков. За две недели октября 1941 года он истребил 12 гитлеровцев. В том же месяце начал свой счет мести и старший краснофлотец 2-го батальона 5-й бригады морской пехоты коммунист С. Н. Плюснин. В январе 1942 года число истребленных им фашистов достигло 22. Его командировали на слет снайперов Ленинградского фронта, состоявшийся 22 февраля 1942 года. Плюснин вернулся со слета с орденом Красной Звезды и именными часами, еще яростнее стал уничтожать фашистов. В июле на его счету было уже 77 истребленных гитлеровцев. В ночь с 25 на 26 июля Плюснин в жестокой схватке с врагом погиб.

В 5-й бригаде снайперы кандидаты в члены партии Н. А. Шульга и А. Г. Соколов уничтожили по 35 гитлеровцев каждый. В 48-й дивизии комсомольцы П. А. Ельнин и М. Г. Немченко записали на свой личный счет соответственно 40 и 49 истребленных врагов. В 3-м отдельном стрелковом полку кандидат в члены

ВКП(б) В. А. Волков довел боевой счет уничтоженных врагов до 79, беспартийный И. А. Першин — до 32.

За сравнительно короткий срок движение снайперов приняло массовый характер. Ко дню открытия слега в Ленинграде на плацдарме сражалось 933 снайпера. За двадцать месяцев обороны — с ноября 1941 года по июнь 1943-го — меткие стрелки Приморской оперативной группы вывели из строя тысячи оккупантов.

В развитии этого патриотического движения заметную роль сыграли политорганы, партийные и комсомольские организации. Они многое сделали, чтобы вовлечь в него как можно большее число воинов. Опыт лучших стрелков широко популяризировался пропагандистами, агитаторами, ему посвящались боевые листки, статьи в дивизионных газетах. Слеты снайперов регулярно проводились в частях и соединениях. Мы гордились тем, что вырастили в своих рядах столько замечательных снайперов, которых А. А. Жданов назвал стахановцами фронта. Из общего их числа больше двух третей были коммунистами и комсомольцами. На весь плацдарм гремела слава истребителей оккупантов Федора Резниченко, Ахата Ахмедьянова, Ивана Сергеева, Дюсунбая Шинибекова, боевой счет которых близился к двумстам.

Коммунист Шинибеков присутствовал на слете снайперов в Ленинграде, видел улицы, занесенные снегом, развалины домов, опухших от голода женщин, детей, стариков. После возвращения на плацдарм он сказал:

— Казахстан — моя родина, но я сын Ленинграда. Я должен двести, триста фашистов убить. А что говорю — сделаю!

Шинибеков послал письмо прославленному казахскому поэту Джамбулу: «Мудрый Джамбул! Дюсунбай Шинибеков убил 172 гитлеровца. Прошу тебя, сложи песню про Ленинград. Пусть твой голос поднимется выше гор Кара-Тау. Пусть твое слово будет подобно бурной Аму-Дарье, а мысли шире степей наших...»

Джамбул, написавший в начале войны патриотические произведения «Ленинградцы, дети мои!» и «Поэму любви и гнева», откликнулся на просьбу земляка и переслал героическим защитникам невиской твердыни новую песню «Ленинграду — городу ленинских зорь». Это новое произведение акына в переводе Марка Тарловского заканчивалось словами:

Я, чей волос снега белей,
Говорю: победу ускорь,

Прорубив в просторы морей,
Город красных ленинских зорь,
Город русских богатырей.

За стремлением активизировать боевые действия не забывалась, конечно, необходимость все время совершенствовать оборону плацдарма. Ведь гитлеровцы не расстались с бредовой мыслью захватить его, уничтожить его защитников и тем освободить силы для нового, более мощного натиска на Ленинград.

Командование, политорганы ПОГ уделяли большое внимание укреплению всех линий обороны. Работа эта была чрезвычайно трудной, она требовала значительного напряжения духовных и физических сил бойцов и командиров. Ведь оборонительные сооружения возводились на лесисто-болотистой местности. Зимой надрывались, долбя мерзлую землю, а с наступлением весны начиналась изнурительная борьба с грунтовыми водами, заливавшими все и вся. Прокладывали водоотводы, обшивали траншеи, ходы сообщения, огневые точки...

В строительстве укрепленных рубежей участвовали все подразделения. Возглавлял его начальник инженерных войск Приморской группы майор С. Ф. Юдин. Огромный объем работ выпал на долю 295-го армейского инженерно-саперного батальона под командованием майора Г. Е. Жгуна и военкома — батальонного комиссара Ф. П. Бакминова.

Оборонительное строительство заметно усилилось после того, как в июне 1942 года плацдарм посетил командующий Ленинградским фронтом генерал-лейтенант Л. А. Говоров. С ним прибыли командующий артиллерией генерал-майор Г. Ф. Одинцов, начальник оперативного отдела штаба фронта генерал-майор А. В. Гвоздков и начальник инженерных войск полковник Б. В. Бычевский. Ознакомившись с положением на плацдарме, командующий фронтом высказал свое мнение о дальнейшем совершенствовании обороны. Он рекомендовал усилить разведку, сократить ширину нейтральной полосы, которая на отдельных участках была очень большой.

После отъезда командующего фронтом Приморской группе была оказана значительная помощь. На плацдарм прибыли два артиллерийско-пулеметных батальона, стрелковая бригада, минометный полк. По указанию генерал-лейтенанта Л. А. Говорова к нам перебросили 129-й корпусной, 126-й пушечный артиллерийские

полки, дивизион 101-й железнодорожной артиллерийской бригады, 14-ю батарею звуковой разведки, третий отряд 1-го воздухоплавательного дивизиона аэростатов наблюдения и звено 12-й отдельной авиационной корректировочной эскадрильи. Эти части и подразделения предназначались прежде всего для борьбы с вражеской дальнобойной артиллерией, варварски обстреливавшей Ленинград. В случае необходимости они также могли оказать поддержку войскам группы.

Мы стали больше заботиться о противодесантных мероприятиях. Во всех подразделениях были выделены специальные команды и средства для борьбы с воздушными десантами противника. Построили огневые точки для стрельбы по воздушным целям. Тщательно изучили подходы к участкам, где враг мог высадиться. Усилили круглосуточное наблюдение за воздухом, особенно в ночное время. Ораниенбаумский горком партии и исполком райсовета сформировали из добровольцев для борьбы с парашютистами истребительный батальон.

Политорганы ПОГ привлекали внимание личного состава к противодесантной обороне. Политотдел разработал тематику бесед с бойцами. В ней, в частности, рекомендовались такие темы, как «Задачи подразделения в борьбе с вражескими авиационными и морскими десантами», «Некоторые тактические приемы фашистских парашютистов и как противостоять им» и другие. В частях и соединениях прошли семинары политработников, партийные и комсомольские собрания, посвященные всестороннему укреплению обороны. Побережье Финского залива разделили на пять секторов. Они охранялись специально назначенными подразделениями.

Большую помощь в укреплении секторов, как и всей системы обороны, оказали нам трудящиеся Ораниенбаумского района. Их руками возведено свыше 96 километров окопов, ходов сообщения, противотанковых рвов, 206 дотов и дзотов, 113 пулеметных точек, многие другие сооружения. Возглавляли эту работу руководители партийных и советских организаций района Е. А. Евсеев, А. И. Климков, И. С. Гарусов, Н. И. Кирьянов, Н. Г. Куцентов. Строили сооружения главным образом женщины, — мужчин среди гражданского населения района оставалось мало. В приказе командующего Приморской оперативной группой была особо отмечена самоотверженность многих славных тружениц: С. В. Абаншаиковой, Б. Ф. Ануфриевой, В. И. Бодровой, И. М. Бо-

гиной, А. И. и З. И. Варфоломеевых, Т. Н. Ильиной, Г. К. Красновой и других.

В условиях Ораниенбаумского «пяточка» войска группы, по понятным причинам, были очень тесно связаны с гражданским населением. Фронт и тыл здесь буквально слились. Мы очень дорожили помощью, которую оказывали нам труженики района. Не забуду осени 1942 года. Колхозники вырастили хороший урожай овощей и щедро делились им с бойцами. Много капусты и других продуктов прислали из колхоза «Пеники», где председателем была М. И. Васильева. Передавая защитникам плацдарма свои драгоценные дары, колхозницы говорили:

— Овощи — наши снаряды!

И это не было преувеличением. Особенно для тех, кто пережил голодную блокадную зиму 1941/42 года.

Естественно, поддержке прежде всего радовались наши службы тыла, которые бесменно возглавлял опытный интендант полковник П. С. Потоцкий. Военкомом управления тыла ПОГ был старший батальонный комиссар М. А. Рывкин. На плечи работников тыла легло нелегкое дело снабжения продовольствием, обмундированием, другими видами довольствия. Они отвечали за работу полевых бань, прачечных, пекарен — за все то, что составляло очень важную сторону фронтовой жизни, отягощенную условиями блокады. Политотдел группы много занимался тыловыми службами, помогал им, отлично сознавая, что забота о воинах — очень серьезный фактор укрепления их морально-политического состояния.

Впрочем, не было ни одной стороны боевой деятельности, жизни плацдарма, которая осталась бы не охваченной партийным влиянием. Политработники, партийные и комсомольские организации ПОГ отдавали себе отчет в том, что они действуют на особом участке фронта, в двойном окружении врага, и старались внушить это бойцам и командирам, воспитывая в них железную стойкость, бесстрашие, высокую дисциплину, чувство ответственности за судьбу города — колыбели Октябрьской социалистической революции. Воспитывали не только словом, но и личным примером, что во фронтовой обстановке особенно важно и действенно.

В Политуправлении Ленинградского фронта позаботились о том, чтобы подобрать для частей и соединений, действовавших на плацдарме, умелых, достойных комиссаров, начальников политотделов. Я хорошо знал

комиссара 71-й стрелковой бригады морской пехоты Ивана Михайловича Соколова. Бойцы любили его, гордились им, называли Батей. Живой и общительный, он находил путь к сердцу каждого командира и краснофлотца. Бойцы видели его рядом с собой на самых трудных участках, в самых опасных схватках.

Под стать Соколову был и военком 48-й стрелковой бригады морской пехоты бригадный комиссар Георгий Тимофеевич Земляков, сдержанный, на первый взгляд суховатый. Однако редко кто лучше, чем он, заботился о людях переднего края, о том, чтобы они не только отлично воевали, но и нормально питались, отдыхали.

Огромным авторитетом пользовался в 48-й стрелковой дивизии имени М. И. Калинина ее военный комиссар Владимир Захарович Лукашук. Он и до войны был кадровым политработником, закончил Военно-политическую академию имени В. И. Ленина. Его большой опыт очень пригодился тем, кто лишь осваивался с новым для себя делом партийной работы в армейских частях.

Хорошими помощниками военных комиссаров частей и соединений были политотделы. В 48-й дивизии политотдел возглавил старший батальонный комиссар С. Н. Крылов, бывший секретарь Усть-Ордынского окружкома партии; в 168-й дивизии — старший батальонный комиссар М. В. Каджев; в 48-й и 71-й бригадах морской пехоты — полковой комиссар Л. С. Нелюбин и старший батальонный комиссар К. П. Баутин. Их работу координировал, направлял политотдел ПОГ. В его ведении в разное время находились до 50 соединений и частей, действовавших на плацдарме.

Работники политотделов большую часть времени проводили в подразделениях. Частое личное общение с воинами стало нормой для начальника политотдела 50-й бригады П. А. Каменского, заместителя начальника политотдела Н. Т. Агапова, секретаря парткомиссии В. А. Симонова, инструкторов Г. М. Губко, К. П. Лахманова, С. М. Змитракова, А. С. Мунвеза, А. И. Турмилова, Г. А. Пугиловича, В. Д. Скорынина, лекторов Н. И. Таргаева и П. А. Иванова, помощника начальника политотдела по комсомолу А. С. Изразлита, редактора газеты «Боевое знамя» А. П. Кузнецова и других.

Одной из главных задач политотделов всех рангов постоянно оставались подбор и воспитание партийного актива. Несмотря на суровую фронтовую обстановку,

партийная учеба была регулярной, систематической. Актив осваивал формы и методы политической работы в различных условиях боевой деятельности войск. Этой цели служили лекции, доклады и особенно семинары, в ходе которых обобщался передовой опыт.

Наш актив рос не только идейно, но и количественно. К примеру, партактив 48-й дивизии на третий год войны составлял около 600 человек. В него входили 9 неосвобожденных секретарей, 49 членов партийного бюро частей, больше 100 парторгов. В 48-й бригаде насчитывалось более 200 партийных активистов.

Ряды активистов пополнялись главным образом за счет коммунистов, отличившихся в боях, значительная часть которых была принята в партию во время войны. Люди, проявившие себя в практических делах, смело выдвигались на руководящую работу.

Так, младший политрук Григорьев прошел путь до заместителя командира по политчасти 3-го батальона 527-го стрелкового полка 48-й стрелковой дивизии, ему было присвоено воинское звание майора. Младшими политруками начали войну В. С. Смелков, ставший заместителем командира полка по политчасти, и К. В. Родионов, выдвинутый заместителем начальника политотдела стрелковой дивизии, А. И. Тюшев был рядовым политбойцом и агитатором, а закончил войну полковником, лектором политотдела 2-й ударной армии.

Петр Михайлович Емелин начинал войну рядовым бойцом. Его назначили политруком роты в одном из полков 48-й дивизии. О нем говорили: в бой вступает первым, а выходит из него последним. Как-то во время атаки на вражеский опорный пункт ранило командира взвода Истомина. Емелин тотчас заменил его и повел красноармейцев вперед. Взвод, как и вся рота, выполнил задачу.

Укрепление первичных и ротных партийных и комсомольских организаций было нашим постоянным делом. В боях коммунисты шли в первых рядах, естественно, потери среди них оказывались большими. В силу этого партийные организации численно сокращались, что могло ослабить политическое влияние в таком решающем звене, как рота и батарея. Политотдел ПОГ добивался, чтобы ротные парторганизации были всегда полнокровными, а в состав каждого отделения, оружейного расчета входили коммунисты и комсомольцы.

Задача решалась успешно. Этому способствовали беспредельная преданность советских людей делу боль-

шевистской партии, личный пример коммунистов в бою, повседневная работа по идейно-политическому воспитанию бойцов и командиров. Партийные организации на плацдарме непрерывно росли. Только в 1942 году в частях ПОГ были приняты членами ВКП(б) 3938 человек, а кандидатами в члены ВКП(б) — 7871. Особенно быстро расширялись партийные ряды в подразделениях, находившихся на переднем крае, прежде всего за счет рядовых и сержантов: в партию приняли 5308 красноармейцев и 4675 младших командиров.

Приток коммунистов не только хорошо пополнял существующие парторганизации, но позволял создавать новые. Так, к 1 мая 1942 года в Приморской оперативной группе имелось 404 первичные и низовые парторганизации с общим числом коммунистов 5824, а к концу того же года — 602 с общим числом коммунистов 10 182. Восемь месяцев спустя коммунистов уже было 14 940. Все ротные и батарейные парторганизации стали полнокровными.

Мы были чрезвычайно рады, когда деятельность политотдела ПОГ, всех других политработников получила высокую оценку члена Военного совета Ленинградского фронта А. А. Кузнецова и начальника Политуправления фронта Д. И. Холостова, посетивших плацдарм в августе 1943 года.

До решающих сражений января следующего года оставалось совсем немного времени. Все, кто воевал в составе Приморской оперативной группы, — бойцы и командиры, коммунисты и беспартийные — жили одной мыслью: скорее в наступление, скорее в бой, который окончательно ликвидирует ненавистное вражеское кольцо вокруг Ленинграда.

Б. Ф. ИВАНОВ,

*бывший командир саперной роты
2-й отдельной бригады
морской пехоты*

РАЗВЕДЧИК СПЕРАНСКИЙ

3 декабря 1941 года я окончил военно-инженерные курсы Ленинградского фронта, а утром следующего дня нас, девятерых новонспеченных командиров, лейтенантов и младших лейтенантов, вызвали в штаб курсов и спросили:

— Кто из вас знает район Ораниенбаума?

Я ответил, что хорошо знаю этот район. Несколько лет жил вблизи Ораниенбаума, на мотоцикле объездил все окрестности.

Этого оказалось достаточным, чтобы меня назначили старшим группы командиров, направляемых в Приморскую оперативную группу, на Ораниенбаумский «пятячок».

По льду Финского залива через Кронштадт благополучно добрались до штаба инженерных войск Приморской оперативной группы. Нас распределили по разным частям. Меня направили в отдельную саперную роту 2-й бригады морской пехоты командиром взвода.

Собрал я взвод и рассказал о себе. Затем побеседовал с каждым краснофлотцем — хоть с формальной стороны узнал своих бойцов.

На нашем участке фронта в то время стояло относительное затишье. Боевых заданий не было, и я стал проводить со взводом ежедневные занятия по боевой подготовке. Осваивал теорию, но больше занимались практикой на местности: изучали отечественные и неприятельские мины, учились строить и разрушать проволочные заграждения, окопы, дзоты, мосты, дороги...

Моряки — ребята молодые, здоровые, я бы даже сказал, задиристые. И в учебе тоже. Они с увлечением занялись саперным делом.

В конце декабря 1941 года наша бригада получила приказ передислоцироваться на новый рубеж обороны в район Лубаново — Усть-Рудицы — Мишелово. Отдельная саперная рота разместилась на берегу реки Коваша, у развилки дорог на Усть-Рудицы, Лебязье.

На новом месте занятия продолжались, но уже только в перерывах между боевыми заданиями, — мы занимались укреплением переднего края в стрелковых батальонах. Строили дзоты, отрывали окопы и ходы сообщения, устраивали лесные завалы, на деревьях сооружали наблюдательные пункты. А когда в апреле сошел снег, широко развернулись работы по минированию и приведению в порядок прежних минных полей.

Осенью 1941 года наши части, отходя, нередко ставили подрывные устройства наспех, документацию должным образом не оформляли. Теперь, весной 1942 года, появились случаи гибели на этих минах наших бойцов и командиров. Мы детально обследовали многие участки, очистили их и заминировали снова, уже по всем правилам, с составлением карт и планов минных полей. Так же поступили с минами, зимой уложенными в снег,

а теперь оказавшимися на поверхности земли. На наиболее опасных направлениях создавали управляемые взрывные заграждения. Много сил уделили инженерной разведке переднего края противника, его минных полей.

Саперы приняли участие в вылазках по захвату контрольных пленных и разведке боем. Наши бойцы делали проходы в минных полях и проволочных заграждениях противника. Одну из таких вылазок целиком поручили саперной роте. Об этом и расскажу подробнее.

Против 4-го стрелкового батальона нашей бригады находилась деревня Закорново, которую враг превратил в сильно укрепленный опорный пункт. Еще в декабре 1941 года гитлеровцы здесь выдвинулись вперед, переместив свое боевое охранение на 500 метров ближе к нам, на границу заболоченного леса. Построили тут блиндаж-землянку и дзот, замаскировали их, опоясали проволочными заграждениями. А чтобы мы не могли появиться неожиданно, они на проволоку навесили пустые консервные банки. На 100—150 метров вокруг расчистили местность от растительности, обеспечив обзор и обстрел подходов.

Командование нашей бригады решило уничтожить боевое охранение гитлеровцев. Командир саперной роты лейтенант Н. И. Козлов выделил для этой цели третий взвод, которым командовал младший лейтенант Волгин. Во взводе создали группу захвата из семи добровольцев. Все они были не новичками, прошли боевое крещение на полуострове Ханко. Группу возглавил наш разведчик-краснофлотец Г. В. Сперанский — он уже не раз удачно участвовал в подобных вылазках.

Наблюдением установили, что гарнизон опорного пункта состоит из 20—25 солдат и одного офицера. На вооружении у них пулеметы и легкие минометы. Часовой на наружном посту сменяется каждые два часа. Его маршрут — по верху дзота, замаскированного под небольшой холмик, обсаженный кустами. Рядом с дзотом — блиндаж, вход в него со стороны дзота. Там же стоит пулемет. В темное время суток при смене часовых местность обязательно освещается ракетами.

Были мы свидетелями и такой картины: после выстрела часового солдаты выскочили из блиндажа, разбежались по ходам сообщения и заняли свои места в окопах, открыли стрельбу. Из дзота застрочил пулемет, а с другой стороны блиндажа начали стрелять минометы. Минут через десять на бронетранспортере и автомашине прибыло подкрепление из Закорнова.

При подготовке к вылазке все это, конечно, было учтено. Саперы тренировались в ходьбе на лыжах, упражнялись в стрельбе из нагана, осваивали приемы рукопашного боя. Каждый из группы захвата много часов провел на наблюдательном пункте, знакомясь с местностью, подходами к дзоту. Для наглядности я составил подробную схему вражеских позиций.

Когда добыли полные сведения о боевом охранении противника, вблизи расположения роты построили макет опорного пункта, отработали приемы действий по его захвату. В общем, готовились тщательно.

В конце февраля 1942 года вечером взвод младшего лейтенанта Волгина двинулся на выполнение боевой задачи. Погода стояла пасмурная. Довольно сильный ветер дул от противника. Шумевший лес скрадывал шорохи. Перезашило за полночь. Не дойдя метров двести до позиций врага, бойцы залегли в заранее намеченных местах. Наши наблюдатели находились тут с вечера и доложили, что у гитлеровцев все идет по расписанию: в 22.00 они завалились спать, и теперь стоит полная тишина. В полночь сменился часовой.

Группа захвата, получив от Волгина последние указания, начала выдвигаться в обход боевого охранения: решили зайти с тыла, как было намечено.

Около двух часов группы прикрытия услышали в районе блиндажа противника выстрелы, взрывы гранат. Далее все стихло.

В Закорнове у гитлеровцев подняли тревогу. В небо взлетели осветительные ракеты. Слышно было, как по дороге к блиндажу мчались автомашины с подкреплением. И вдруг раздались еще два очень сильных взрыва.

Через несколько минут из темноты, подавая условные сигналы, появился человек. Это был командир группы Сперанский.

Вот что он рассказал:

— Когда мы отошли от нашей группы прикрытия, видимость была слабой. Потому двигались медленно, осторожно, гуськом друг за другом на расстоянии пятнадцати метров. Я шел впереди. На руке у меня компас со светящейся стрелкой, на которую периодически посматривал, чтобы не сбиться с направления. Как было условлено, мы прошли примерно триста метров, а затем повернули на дорогу, идущую от деревни Закорново к вражескому боевому охранению. На дороге поставили

и замаскировали снегом четыре противотанковые мины, а между ними несколько противопехотных.

После этого двинулись к блиндажу. Преодолели проволочное заграждение.

С большой осторожностью, поодиночке, приблизились к блиндажу с тыла. Кругом тихо. Тогда мы сбросили лыжи и разделились на две группы, чтобы занять позиции по обе стороны блиндажа. Двое самых крепких бойцов, назначенных для захвата «языка», стали осторожно подползать к дзоту, по крыше которого прохаживался часовой. Ребята бросились на часового. Он и пикнуть не успел, как его оглушили, скрутили и сунули в рот кляп.

Бойцы группы прикрытия, приготовив гранаты, тихо приоткрыли дверь в блиндаж. За столом у телефонного аппарата, спиной к входу, сидел дежурный. Облокотился на стол, склонил голову на руки — спал. На нарах почивали солдаты.

Мы вошли так тихо, что никто не проснулся. Я остался в тамбуре, чтобы охранять вход и не дать в случае чего кому-нибудь из гитлеровцев выскочить из блиндажа. Через открытую дверь видел, как двое наших подошли к дежурному. Один из них схватил его за горло, другой пустил в ход финский нож. Перерезали телефонные провода. А остальные гитлеровцы спали. Так, сонными, и порешили многих из них.

И вдруг один за другим стали падать наши ребята. В общем грохоте я вначале не понял, откуда стреляют гитлеровцы. Когда увидел, было уже поздно.

В блиндаже оказалось второе, заднее помещение. Из него, оставаясь невидимыми, открыли огонь офицер и несколько солдат. Уцелел я один, поскольку стоял в тамбуре. Видя, что все наши погибли, я бросил одну за другой две гранаты в заднее помещение и выскочил из блиндажа. Отбежал несколько метров и залег перед дверями, еще надеясь, что кто-то из наших все же уцелел. Увы, никто не появился.

Я встал на лыжи и двинулся к Закорнову, чтобы выйти за проволочное и минное заграждение. Достигнув леса, услышал, как на переднем крае у врага поднялась тревога: взлетали осветительные ракеты, по дороге из Закорнова мчались машины с гитлеровцами. Подождал еще немного. На дороге раздались сильные взрывы. Это машины налетели на наши противотанковые мины...

Я слушал Сперанского и смотрел на него. Краснофлотец был глубоко потрясен. Он все еще не мог прий-

ти в себя. На его глазах погибли все его товарищи, с кем он пошел в бой.

Фашистский гарнизон мы полностью уничтожили — более 20 человек. Но погибли и семеро наших моряков. Только за одну ночь...

Такой ценой завоевывалась Победа.

Примерно через месяц, в марте — апреле 1942 года, Сперанский участвовал в новой боевой операции и пал смертью храбрых. Мы похоронили его с воинскими почестями, сказали хорошие слова о славном разведчике.

В районе Пульмана после войны воздвигнут памятник погибшим морякам нашей бригады. На мемориальное кладбище перенесен и прах отважного моряка Григория Васильевича Сперанского. Среди других имен на металлической плите теперь высечено и его имя.

П. Д. ГАРАНЧУК,

*бывший заместитель командира
10-го артиллерийского*

*Краснознаменного полка
по политической части*

*48-й стрелковой дивизии имени М. И. Калинина,
полковник в отставке*

КРЕПОСТЬ ДУХА

Боевое крещение я принял не на ораниенбаумской земле. Было это в июле 1941 года в Эстонии, у населенного пункта Раквере. Бой, начавшийся в 5 часов утра, закончился лишь около полуночи. В нем особенно отличилась батарея Самарина. Она подверглась такому обстрелу, что, казалось, на позициях давно нет никого в живых. Но рассеивались пыль и дым, и мы опять видели Самарина, лично корректирующего огонь...

Ночью пришел приказ отойти, — фланги полка оказались неприкрытыми, противник начал нас обходить.

На новом рубеже, в 35 километрах от старого, снова завязался бой. Здесь я впервые участвовал в контратаке. Врага отогнали и впервые взяли пленных — офицера, двух унтер-офицеров и несколько солдат.

Помню, одним из первых бросился в контратаку Михаил Знов, комсорг полка. Пройдет немного времени, и он станет парторгом полка, самым молодым батальонным комиссаром на Ленинградском фронте: в начале войны ему шел двадцать первый год. Ныне М. Знов —

кандидат наук, работает в Воронежском государственном университете.

Особенно тяжелые бои произошли за Кингисеппом. После того как наши части оставили город, полк занял огневые позиции на танкоопасном направлении. 37 самолетов врага налетело на наши позиции. Артиллерия противника вела ураганный огонь. Гитлеровцы бросили против нас и танки.

Первый танк подбил расчет командира орудия Бойко. А всего в том бою полк уничтожил семь танков и один бронетранспортер.

Но потери были и у нас. Смертельно ранило командира дивизиона капитана Крючкова. Пострадали три орудия. Мы вытащили их в тыл, а потом восстановили. Постарались начальник артснабжения полка И. А. Мишин, арттехник Н. Н. Орлов, оружейные мастера.

В конце первой декады сентября нас перебросили из района Кернова к Большим Иликам, куда предстояло совершить марш. Он оказался трудным. За одну ночь преодолели на конной тяге около 50 километров. Сосредоточились в лесу, в трех километрах южнее Ораниенбаума. Командарм генерал В. И. Щербаков приказал командиру полка К. Д. Кузьмину и мне прибыть в штаб с докладом о боевом составе. И очень радовался тому, что после трудных боев с врагом мы еще имели 21 орудие и значительное количество снарядов. Он сказал, что положение тяжелое, на помощь рассчитывать не приходится.

И снова упорные бои, теперь в районе Нового Петергофа. Полк придали 10-й стрелковой дивизии, которой командовал генерал-майор М. П. Духанов. Командный пункт полка оказался в 200 метрах от фонтана «Самсон». В Петергофе мы получили на пополнение три орудия и немного людей — все, что осталось от 604-го артиллерийского полка.

В Новом Петергофе и на подступах к нему артиллеристам приходилось отбивать атаки противника не только артогнем, но и врукопашную. О стрелках уже не говорю: потери у них были огромны. Так, в полку полковника Бородкина оставалось всего 11 штыков...

Ближний бой артиллеристам полка случалось вести и потом. В середине января 1942 года рота вражеских солдат пыталась уничтожить группу разведчиков и связистов, которую возглавлял командир взвода управления 3-й батареи лейтенант А. Бурдаков. Она находилась в передовом наблюдательном пункте в районе Ста-

рого Петергофа. Шесть часов наши бойцы отбивались от гитлеровцев, не раз сходились в штыки. Ребята выстояли, заставили фашистов отойти.

С образованием плацдарма перед нами, как и перед другими частями, находившимися на «пяточке», была поставлена задача удержать рубежи, сделать их неприступными для врага, нанести гитлеровцам возможно большие потери. Однако будни артиллеристов на этом участке фронта складывались не только из боевой работы. Людям надо было соорудить укрытия от вражеского огня, организовать окопный быт. В условиях двойной блокады это сделать оказалось нелегко. Но перед трудностями не отступали.

Наш полк, как и вся дивизия, не раз удостаивался похвалы за серьезное внимание к строительству оборонительных рубежей. Все 24 орудия мы укрыли в деревоземляные сооружения, а перекрытия землянок усилили так, что они выдерживали прямые попадания 150-миллиметровых снарядов. Однажды на огневой позиции 2-й батареи капитана А. И. Петрова насчитали 14 попаданий, но орудия и личный состав не пострадали.

Все без исключения сооружения возводили по возможности капитально, с фронтовыми удобствами. На некоторых командных пунктах имели даже электрический свет.

Уязвимым местом долго оставалась проводная связь. Чем жарче был бой, тем чаще она рвалась. При ее восстановлении гибли телефонисты. Выход из положения нашел начальник связи полка капитан Бойцов. Он предложил закопать провода в землю. Их обмотали тряпками, залили гудроном — получился своеобразный кабель, который и уложили в траншеи. Связь стала более устойчивой.

По распоряжению командира полка майора М. А. Финикова в укрытом месте построили баню с парной. А позже оборудовали еще одну, походную, тоже с паром, которую перемещали с одной артиллерийской позиции на другую. То-то были рады наши медики — старший врач полка капитан Абрамов, начальник медпункта старший лейтенант Корнеев, фельдшеры Шушкина, Мещанин, санинструкторы батарей Хомякова, Белкина и другие. Ведь баня решила столько бытовых проблем!

Пытались решать и продовольственную задачу. Майор Фиников распорядился собирать и заготавливать на зиму ягоды, организовал лов рыбы в реках и озерах. При всей значимости этих заготовок рацион ар-

тиллеристов оставался скудным и однообразным, бедным на калории и витамины. Бойцы зимой стали болеть цингой.

Как победить недуг? По инициативе старшего врача полка капитана Абрамова повсеместно начали готовить напиток из хвои. Каждый боец и командир был обязан трижды в день пить по стакану настоя. Не очень приятным, если не сказать более, был этот напиток. И многие отказались от него. Заставляли по-разному: где уговором, где приказом. А комсорг полка Роман Глазмицкий, чтобы популяризовать хвойный настой, написал даже «Балладу о витамине С». Ее опубликовали в дивизионной газете. Наш опыт по борьбе с авитаминозными заболеваниями рекомендовали всем частям.

Забота о воинах способствовала воспитанию любви к своей части. Бойцы, младшие и средние командиры дорожили честью своего полка. Раненые после излечения в госпитале стремились попасть в свой полк. Случалось, что ради этого убегали из госпиталей, не долечившись. Десятки километров преодолел по льду Финского залива и пришел на плацдарм Г. И. Правдолюбов из 1-го дивизиона. Вернулся в свою часть М. Н. Козинский, хотя мог пройти медицинскую комиссию и уволиться со службы, как говорят, по чистой. Он стал в батарее политруком.

Два с лишним года, пока существовал плацдарм, сражался на «пяточке» наш полк. За это время две трети его состава стали коммунистами.

М. Г. КОЗЕКО,

*бывший разведчик 50-й отдельной
бригады морской пехоты,
старший матрос запаса*

ЗА «ЯЗЫКОМ»

Когда началась война, из курсантов учебного отряда Краснознаменного Балтийского флота сформировали 3-й полк морской пехоты, вскоре переформированный в 50-ю отдельную бригаду морской пехоты. И я стал морским пехотинцем.

Враг подходил к Ленинграду все ближе. Чтобы задержать его, на вероятных направлениях движения гитлеровцев минировали дороги, мосты и другие важные объекты, которые надлежало взорвать при подходе противника. На одну из точек, откуда следовало подры-

вать минные заграждения, в июле послали меня и матроса Алексея Новикова.

Находилась эта точка на реке Ламошке у деревни Ламахи. Плотину и мост мы должны были взорвать, когда к ним приблизятся гитлеровцы.

Прибыв к реке, осмотрелись. Соорудили небольшой блиндаж, чтобы было где укрыться от бомбовых осколков и отдохнуть.

Прошло несколько дней, и фронт оказался рядом. Вот уже слышны пулеметные и автоматные очереди. Ударили немецкие минометы как раз в тот момент, когда мы с Алексеем в очередной раз проверяли, не перебиты ли провода к минам. Плюхнулись в жидкую грязь, лежим. А мины рвутся рядом — более десятка, одна за другой. Ни один осколок нас не задел. Зато когда встали, себя не узнаем: руки и одежда в грязи.

А враг уже вот, на пригорке, в трех-четырех километрах от нас. И тут случилось то, чего мы больше всего боялись: все провода оказались перебитыми. Рассчитывать на электрическую машинку не приходилось. Бросились с Новиковым к мосту, чтобы поджечь огнепроводный шнур, но остановились: не все еще наши части с того берега перешли.

Наконец на мост вступило последнее подразделение. Фашисты уже близко, уже стреляют вдоль шоссе из автоматов. Спустился я к мосту с правой стороны, Новиков — с левой, подожгли бикфордов шнур и бросились бежать. Через мгновение мост взлетел на воздух.

Вместе с матросами с других точек мы отошли к Копорью, потом вернулись в полк, который занял оборону у деревни Мишелово. Товарищи засыпали вопросами: страшно ли было под огнем? Видели ли мы фрицев? Ведь мы первые получили боевое крещение. Но очень скоро приняли его и все остальные: начались тяжелые, упорные для полка бои в районе Оранненбаума.

В те июльские дни крепко подружился я с Алексеем Новиковым. И не ошибся в друге. И позже всегда мог положиться на него. На войне без взаимовыручки нельзя.

В августе 1941 года в нашем полку создали взвод разведки. Зачисляли туда только добровольцев. Полковыми разведчиками стали Иван Фошин, Евгений Кулреев, Николай Петкун, Владимир Захаров, Софья Лебедева, Михаил Дашкевич, Николай Горохов, Михаил Молодчиков, Иван Руденко, Николай Медведев, Николай Зверев, Николай Харчевников, Михаил Ломако, я с

Алексеем Новиковым и другие. Командиром взвода назначили Василия Савельевича Броваренко. Позже к нам пришли Ирина Ковель и Лев Шульман.

Первое задание получили в конце августа 1941 года. Нам приказали уточнить передний край обороны врага, нанести его огневые позиции на карту.

Вышли в разведку утром. Лес еще не тронула осенняя позолота. Среди густой зеленой листвы нетрудно было скрытно подобраться к фашистам. К занятой ими деревне Кожаново подошли вплотную. Минер Николай Харчевников проделал проход в минном поле. Гитлеровцы усиленно вели оборонительные работы: рыли окопы, котлованы под блиндажи.

Нас отделял от фашистов густой орешник. По команде Василия Броваренко 15 разведчиков растянулись в цепь. По тем временам мы были неплохо вооружены: каждый кроме винтовки имел несколько гранат. Дождались, когда фашисты устроили перекур, и открыли по ним огонь, забросали гранатами.

У гитлеровцев началась паника. Они бросились в разные стороны. А по нам ударили вражеские минометы. Ни одного человека мы в той вылазке не потеряли, а задание выполнили полностью, к тому же уничтожили по меньшей мере два десятка фашистских солдат.

С той памятной вылазки начались боевые будни разведчиков. Не раз ходили мы изучать оборону врага, засекать его огневые точки, брать «языков».

Первого взяли в сентябре, когда устроили засаду у деревни Терентьево. Захватили солдата, который нес обед в свой блиндаж. В его пленении смело и решительно действовали Михаил Молодчиков, Михаил Ломако, Николай Петкув и другие. Гитлеровец не успел ойкнуть, как оказался в наших руках.

Запомнил и такой случай. Мы получили задание разведать огневые точки противника у деревни Кожаново. Подползли к оврагу, что отделял от вражеских позиций. Он был заминирован фашистами. Николай Харчевников сделал проход. Николай Зверев и я попробовали подобраться к сараю, что стоял на горке, — в нем находилась пулеметная точка. Подползли. За сараем окопчик, а в нем еще один пулемет. Переглянулись — все ясно. Зверев метнул в окоп противотанковую гранату, а я такую же — в амбразуру между бревен сарая. Две огневые точки перестали существовать.

Конечно, не всегда все проходило так удачно. В сентябре нашим командиром стал старший техник-лейте-

тант Винкусов, а Броваренко стал у него помощником. Под руководством нового командира устроили мы засаду неподалеку от деревни Перелесье. Почти двое суток просидели в ней, а врага все нет и нет. Днем подошли ближе к вражеским позициям и решили перекусить. Выставили, понятно, дозоры.

Понадобилось мне в лесок сходить. Только отошел в сторону, вдруг из молодого осинника появляются вражеские разведчики. Заметил я их раньше, чем они меня. Что делать? Наши сидят кружком и едят. Крикну — они вскочат, а гитлеровцы перебьют их из автоматов... Схватил я гранату, встал во весь рост, поднял ее высоко над головой. Фашисты увидели меня, от внезапности остолбенели, потом бросились назад, в лес.

Преследовать противника было уже поздно да и опасно. Решили возвращаться в полк. Шли со всеми предосторожностями. Когда до нашей обороны оставалось с километр, вдруг спереди ударили автоматы гитлеровцев. Кто шел впереди, сразу был сражен. Старший техник-лейтенант Винкусов получил сквозное ранение в грудь, погибли Николай Зверев, Владимир Яблоков, Николай Медведев и еще один матрос, фамилию его забыл. Мы залегли, открыли ответный огонь. Враг поспешно отошел.

Очень смело действовали в этой схватке Николай Петкун, Владимир Плынский, Владимир Захаров, Алексей Новиков, Николай Горохов, Василий Гаврилов. И Броваренко не растерялся, сразу принял командование на себя, умело руководил боем.

Доставили в расположение раненого Винкусова и погибших в бою товарищей. На следующий день похоронили их вблизи деревни Мишелово.

То были первые потери, но не последние.

В том месяце взвод получил приказ разведать оборону противника в районе деревни Стародворье и при возможности взять «языка». Приблизились к переднему краю гитлеровцев настолько, что ясно слышали разговор, стук топоров, скрежет пил. Однако «языка» взять не сумели. Но вернулись назад не с пустыми руками — принесли подробную схему расположения огневых точек противника на этом участке.

Нашему командованию стало известно, что противник ведет перегруппировку сил. С какой целью? Непременно нужен «язык».

В разведку отправились, как чаще всего бывало, перед рассветом. День обещал быть пасмурным, хмурым.

Путь лежал к деревне Лопухинке. Миновали ничейную полосу, прошли еще пять-шесть километров. Сделали привал.

Я забрался на стоявшую на пригорке высокую ель, стал наблюдать. Вижу, гитлеровские солдаты везут из леса бревно. Командир взвода Броваренко, оценив обстановку, приказал двигаться к деревне. Прошли оврагом незамеченные. Дальше группой идти было опасно. Пошел я один вперед, подавая время от времени знак остальным, что опасности нет.

И тут на дороге неожиданно появилась телега, запряженная парой серых коней. На ней — солдат. Спрягнулся я за большую кучу хвороста. Когда телега поравнялась со мной, выскочил на дорогу и крикнул:

— Хальт! Хэндэ хох!

Перепугал фашиста насмерть и посчитал, что дело сделано. Показал ему, чтобы шел в сторону наших, и тут совершил ошибку — неосторожно приблизился к нему. Он вдруг бросился на меня и схватил двумя руками за горло. При опасности, говорят, сил прибавляется. Присел я, потом резко отскочил в сторону и сильно ударил немца прикладом по голове, сбил его с ног. Здесь подоспел на помощь Володя Плынский. Подняли мы «языка» и увели к оврагу.

Пленный ефрейтор, как я потом слышал, дал в штабе ценные показания. За «языка» мы с Плынским получили благодарность командования и двухдневный отпуск.

В конце 1941 года гитлеровские разведчики повадились ходить за продуктами в деревню Вяземель, находившуюся на «ничейной» земле. Решили отбить у врага охоту к мародерским походам. Перед рассветом устроили в деревне засаду.

Около девяти утра пожаловали гитлеровцы. Подпустили их поближе и открыли огонь. Фашисты побежали через речушку на свою сторону, а мы быстро отошли, не понеся потерь.

Главным в ту тяжелую зиму 1941/42 года было не давать фашистам покоя. В меру своих сил, а может, и выше их, вместе с другими подразделениями выполняли эту задачу и разведчики. Особенно трудно приходилось нашим бойцам на горе Колоколья. Эту важную высоту удерживал 3-й полк морской пехоты, а потом 50-я бригада. Гитлеровцы хотели завладеть высотой, но все их атаки заканчивались поражением. От непрерывного огня некогда густо покрытая лесом гора стала голой.

С наблюдательных пунктов на Колоколье и вышке Березка доложили командованию, что разведка врага численностью до взвода продвигается в нашу сторону по нейтральной полосе. Тотчас поступил приказ организовать засаду, встретить фашистских разведчиков огнем и при возможности захватить пленных.

Полковой разведкой в то время командовал лейтенант Павел Бурмашев. Взвод разделили на две группы. Одну возглавил Бурмашев, другую — Журавлев. План выработали такой: первая группа пропускает разведчиков врага, вторая, подпустив поближе, в упор уничтожает их огнем.

Как спланировали, так и получилось. Гитлеровцы не обнаружили наших разведчиков, подошли совсем близко к засаде Журавлева. Раздалась команда: «Огонь!» Фашисты, кто уцелел, бросились назад. И нарвались на засаду Бурмашева, которая завершила разгром. Взяли мы тогда три «языка». Сами потерь не понесли.

Родом я из города Лаева, что на Гомельщине, в Белоруссии. Под фашистской пятой остались мать и сестренка. Конечно, знал, какую участь готовят оккупанты советскому народу. Душа горела от ненависти к фашистским извергам. В июне 1942 года я написал письмо члену Военного совета Ленинградского фронта товарищу А. А. Жданову с просьбой направить меня в тыл врага. Не надеялся на скорый ответ, но долго ждать не пришлось — просьбу удовлетворили. Правда, хотели меня наказать за то, что обратился не по уставу, но обошлось.

Вскоре я уже проходил специальную подготовку. Нас, группу из четырех человек, готовили к заброске в фашистский тыл, откуда мы должны были передавать по радио сведения о дислокации вражеских войск, их передвижениях, расположении аэродромов, складов боеприпасов. Вместе со мной в группе были Владимир Захаров из нашего полка и два Василия — Монахов и Жуков.

Подготовили нас быстро и уже в середине июля на самолетах отправили в тыл врага. Выбросить предполагалось на стыке границ трех республик — РСФСР, Латвии и Эстонии.

Жуков и я летели на первом самолете, Захаров и Монахов — на втором. Дело происходило ночью. В назначенном месте по команде летчика прыгнули в темноту. Приземлились в густом, болотистом лесу. Я быстро нашел Васю Жукова, и мы принялись искать грузовой

парашют. Обнаружили только утром. Оказалось, что он совсем рядом — висел на макушке высокой ольхи. Сняли, разобрали груз.

Теперь у нас были и боеприпасы, и питание для рации, и продовольствие. Наполнили вещевые мешки, спрятали парашюты и двинулись к месту сбора. Два дня ждали Захарова и Монахова, но они так и не пришли. Связались с Ленинградом и запросили: как быть? В ответ дали «добро» на выполнение задания вдвоем. Володя Захаров и Вася Монахов, видимо, погибли.

Больше месяца находились мы в глубоком тылу противника. Не один раз уходили от облав, устраиваемых гитлеровцами. Нелегко приходилось нам. Самым трудным, пожалуй, было переправляться через реки, идти болотами. За все время, что были в тылу врага, ни разу не спали одновременно, только по очереди. Все задания выполняли в срок. Сведения в Ленинград передавали регулярно.

Вряд ли все шло бы у нас так успешно, если бы не помощь местных жителей. Многие ценные сведения добывали при их содействии. Они сообщали о приближении врага, предупреждали об опасности. Мы, как могли, рассказывали им о положении на фронтах, старались передать нашу твердую уверенность в победе над захватчиками. С великой радостью люди впервые узнали от нас о разгроме немцев под Москвой, о том, что Ленинград держится, что Родина набирает силы и недалек день ее полного освобождения.

Уже на обратном пути задержались неподалеку от станции Волосово, — имели задание установить численность местного гарнизона. Было около одиннадцати вечера, когда подошли к небольшой деревушке. В крайнем доме светилось окошко. Еда у нас кончилась, мы порядком изголодались, потому решили зайти. Вася прошел в избу, а я остался снаружи, взял под наблюдение окна и дверь. Вдруг окно распахнулось, оттуда выскочил парень и побежал по деревне. Понял я: что-то тут не так. Стукнул в раму. Вася вышел, и мы через огороды ушли в лес. Только притаились в кустах, слышим, по дороге идут гитлеровские солдаты. Подойдя ближе, они стали стрелять из автоматов и кричать, но мы отползли в глубь леса. На следующий день жители ближайшей деревни рассказали, что в этой избе жили отец и сын полицай.

По тылам врага прошли более двухсот километров. Подходило к концу питание для рации. Доложили об

этом в Ленинград и получили разрешение возвратиться к своим. Действовать в тылу врага опасно, но мы уже хорошо знали: перейти линию фронта будет еще труднее. За время, проведенное в разведке, мы сдружились с Жуковым, верили друг в друга, а потому надеялись на успех.

Случилось так, что переходить линию фронта пришлось днем. Незаметно подобрался почти вплотную к переднему краю гитлеровцев. Идем по тропинке. И вдруг вышли прямо к их кухне. Заглянул в окно: спиной ко мне у плиты стоит повар. Осторожно двинулись дальше. И снова неожиданность — навстречу 12 солдат. Как уж успел, но посчитал. Видимо, шли обедать. Куда деваться? На наше счастье, у тропинки лежала поваленная снарядом ель. Под ее раскидистые лапы мы и спрятались.

Солдаты проследовали совсем рядом, но нас не заметили. Как только они зашли на кухню, мы вылезли из укрытия и поползли к переднему краю. Стали перелезать через завал из сухих веток — хворост затрещал. Теперь уж нельзя было терять ни минуты. Выскочили на «ничейную» землю, а там лес вырублен, оказались на открытом месте. Не успели пробежать полсотни метров, как фашисты открыли сильный огонь. Меня ранило сразу четырьмя пулями: в обе ноги и шею. В горячке сначала ничего не почувствовал, а когда проползли через минное поле и поднялись, чтобы снова бежать, — упал.

Как нам удалось минное поле преодолеть — до сих пор не пойму. Просто повезло. Отползли мы от линии обороны с полкилометра — стрельба поутихла. Надо бы спешить, а я ослаб, ползти почти не мог. Вася Жуков хотел тащить меня на себе. Но оба мы хорошо понимали, что фашисты не успокоятся, обязательно пойдут нас искать, уверенные, что мы либо убиты, либо лежим, раненные, где-то близко. Далеко ли уползет Жуков со мной на спине? А несли мы ценные разведданные.

Жуков никак не хотел оставить меня, однако все же подчинился приказу, — в группе старшим был я. Забрав добытые нами сведения, Василий ушел один.

Только Жуков скрылся за ельником, недалеко появились гитлеровцы. Сполз я в яму, притаился. Солдаты прошли совсем близко, не заметив меня. Опять повезло. Однако опасность не миновала: возвращаясь, они могли меня увидеть. Как ни мучительна боль, решил отползти в сторону.

К вечеру добрался до места, где раньше стоял дом.

От него уцелел только обвалившийся, заросший бурьяном погреб. Туда я и скатился и вскоре, до невозможности уставший, уснул.

Очнулся — ночь, лес шумит, постреливают пулеметы, озаряют местность вражеские осветительные ракеты. Решил ползти дальше, к своим. А проползти надо было более пяти километров по «ничейной» земле. К счастью, места эти хорошо знал, не раз ходил здесь в разведку.

Когда до нашего расположения оставалось с километр, совсем ослаб. Кроме ран тело покрылось ссадинами, царапинами, ведь полз на боку, отталкиваясь локтями, да тащил за собой сверток, где были уложены гранаты-лимонки. Выбился из сил, не могу двигаться. Последние дни во рту, кроме голубики, ничего не было. Дополз до большого пня, обхватил его, чувствую, что теряю сознание. Вынул наган, выстрелил. Потом бросил в кювет «лимонку». В боевом охранении моей родной 50-й бригады услышали взрыв, подняли тревогу, пошли искать.

Первым ко мне подбежал командир охранения матрос Владимир Гуглин. Подхватил на руки, понес. Доставил в блиндаж. Сам промыл раны, забинтовал, дал немного жидких щей. Рассказал, что поднятые по тревоге Жуковым разведчики искали меня четверо суток — не нашли и решили, что немцы схватили. Оказывается, полз я более пяти суток...

Вскоре пришла санитарная машина и повезла меня в госпиталь. Когда проезжали мимо деревни Горки, все наши разведчики высыпали встречать, пожимали руки, желали скорого выздоровления.

Три с лишним месяца лечился я в госпитале, в Лебязьем, а потом две недели находился в доме отдыха в Малой Ижоре. Приходил туда ко мне не раз в гости Василий Жуков, вспоминали поход по тылам врага.

Вскоре Василию дали новую группу и забросили в тыл. С этого задания ни он, ни его товарищи не вернулись. А я в январе 1943 года возвратился в свой разведвзвод. Немного погодя мне вручили награду — к ордену Красного Знамени, которым я был отмечен ранее, прибавился орден Красной Звезды.

МЫ ВЕЛИ МАШИНЫ...

Среди памятников, воздвигнутых в Кронштадте в честь подвигов русских и советских людей при защите Отечества, мне, быть может, всего ближе тот, что стоит недалеко от арки крепостных ворот на улице Восстания. Ощетинился противотанковый еж — стальные балки с витком колючей проволоки и вдавленным в постамент следом автомобильной покрышки. На монументе надпись: «Здесь в годы блокады Ленинграда проходила Малая Дорога жизни — Горская — Кронштадт — Ораниенбаумский плацдарм. 1941—1944 гг.».

На берегу Финского залива у Малой Ижоры высится еще один обелиск. Золотом сверкает та же надпись: «Здесь... проходила Малая Дорога жизни...»

Сегодня об этой трассе, проложенной в тяжелейших условиях вражеского окружения, знают все. По ней город-крепость Кронштадт, боевые корабли Краснознаменного Балтийского флота и Приморская группа войск снабжались всем необходимым, чтобы сражаться с гитлеровцами. Только за военные зимы по маршруту Горская — Кронштадт — Ораниенбаумский плацдарм проследовали десятки тысяч воинов, тысячи автомашин, танков, орудий. Но я хотел бы вернуться к дням, когда эта дорога, сыгравшая такую важную роль в разгроме фашистов под Ленинградом, лишь начинала свою жизнь.

В ноябре 1942 года нас, командиров-автомобилистов, собрал заместитель командующего Приморской оперативной группой по автобронетанковым войскам подполковник М. И. Батлан и объявил решение руководства: в самый короткий срок должна быть организована ледовая дорога по Финскому заливу от Малой Ижоры через Кронштадт на Лисий Нос. По ней в одну сторону пойдет поток боеприпасов, продовольствия, столь нужных на «пяточке», отрезанном от Ленинграда, в другую — будут эвакуироваться гражданское население и раненые.

От Кронштадта до Горской 22 ноября пешим порядком проследовали подразделения моряков-ханковцев. Лед был еще тонким, имел толщину 10—12 сантимет-

ров. Для людей оказался достаточным, но нам нужно было пустить автомашины с грузом. К тому же, и это очень важно, дорога требовалась не для одного-двух рейсов, а для постоянного сообщения с плацдармом.

Каждый из нас это хорошо понимал. 17 декабря, когда машины впервые спустились на лед, войска на Приморском плацдарме уже вторые сутки не имели хлеба. Колонну возглавил подполковник Батлан.

На всю жизнь запомнилась эта картина. Тридцать автомашин-полупорок спускаются на лед по деревянному настилу, под которым открытая вода. Колеса касаются льда — он заметно прогибается, потрескивает. Держим дверцы кабин открытыми, чтобы успеть в случае чего выскочить наружу. Дистанция — 40—50 метров, — ближе нельзя, чтобы не превышать нагрузку на лед.

Когда автомобиль катит по гладкому льду, управлять им легко. Но то и дело попадаются торосы, снежные заносы. Начинается маневрирование скоростями, движение замедляется.

Колонна автомашин выделяется на снегу, и вражеские батареи не заставляют себя ждать. Первый рейс проходил днем, иначе он невозможен. Фашистам-наблюдателям раздолье: могут точнее корректировать огонь, бить по колонне прицельно.

Однако, к нашему счастью, стреляют они плохо. Вражеские батареи бьют со стороны Петергофа и когда мы подъезжаем к Кронштадту, и когда выезжаем из него, но снаряды ложатся в стороне. Да и водители у нас подобраны опытные, не раз бывали под обстрелами и бомбежками. Благополучно, без потерь добрались до перевалочной базы в Лисьем Носу.

Короткое время отдыха. Оно расходуется на осмотр машин, устранение неисправностей. Хотя сделано еще полдела, бойцы и командиры откровенно радуются первому успеху. Что говорить, некоторые побаивались выезжать на лед.

Машины нагружены, начинается обратный рейс. Он оказался легче, чем предполагали. Тонкий лед под грузом прогибается сильнее, каждый метр пути грозит новыми опасностями, но маршрут уже известен. Обстрел со стороны Петергофа не очень волнует, поскольку наступают сумерки. Грузные автомобили на торосах переваливаются с боку на бок, часто буксуют в снегу. Водители помогают друг другу, работают лопатами молча, сосредоточенно.

Показались очертания Кронштадта. Навстречу вдруг высыпали люди в белых маскировочных халатах с автоматами в руках. Это моряки, специальный патруль (впоследствии из моряков была создана Кронштадтская ледово-дорожная служба, которая обеспечивала круглосуточное бесперебойное движение по трассе). Патруль был предупрежден о нашем движении, пожелал доброго пути.

Повернули с острова к плацдарму и почти сразу увидели вдалеке мигающий маяк. У Малой Ижоры колонну ждали, поставили автомобиль с зажженными фарами, направив свет в нашу сторону, обозначили место выхода транспорта на берег.

О начале работы Малой Дороги жизни узнал весь плацдарм. А вскоре его защитники почувствовали, как улучшается снабжение войск. Грузовики с оружием, боеприпасами, продовольствием, медикаментами пошли по 25-километровой ледовой трассе и днем и ночью.

Эта регулярность нелегко доставалась автомобилистам. Злейшим врагом были пурга, метели, заносы, сильные морозы, полыньи, воронки во льду, пробитые снарядами и бомбами. Много водителей погибло во время обстрелов.

Шоферы часто вели машины, не видя берегов, каких-либо строений или других предметов, — ориентировались на слабый огонек маяка. А грузы доставлялись также на острова Сескар и Лавенсаари. Но высокое чувство ответственности давало силы в борьбе с трудностями. Автомобили П. Потапова, И. Васильева, Е. Абрамова, И. Василевского и некоторых других водителей были побиты осколками бомб и снарядов, но всегда оставались на ходу благодаря умелому, трудолюбивому уходу их хозяев. Немало рейсов было сделано нашими шоферами не только через Финский залив, но и через Ладожское озеро, доставляли грузы на плацдарм непосредственно из Кобоны.

Знающими командирами-автомобилистами показали себя лейтенанты Скидан, Бросалин, Алексеев, Сиротин, капитан Онуфрейчук. На них лежала забота о том, чтобы личный состав как можно реже сталкивался с бытовыми трудностями. Мы оборудовали походную баню. Старший фельдшер З. Архинова строго следила за чистотой, опрятностью каждого бойца роты. Заимели «своего» парикмахера. Благодаря старшине Тимофееву и повару-ханковцу Нехайчику все бойцы были обеспечены горячей пищей. Нередко она достав-

лялась прямо на трассу, к застрявшим машинам, где действовала наша ремонтная служба.

Ей тоже доставалось немало. Автомобили выходили из строя не только от «боевых ран», но и просто из-за большой изношенности, вызванной невероятными условиями эксплуатации. Запасных частей и инструмента не хватало. Большими мастерами проявили себя специалисты технической службы П. Самохин, В. Ларин, П. Семенов, А. Афанасьев. Их ремонтные «летучки» всегда замыкали колонну, чтобы иметь возможность оперативно помочь попавшему в тяжкое положение водителю. Сколько изобретательности, смекалки проявляли ремонтники, чтобы быстрее вернуть машину в строй! Нередко подменяли выбившегося из сил, заочечневшего на морозе шофера, сами садились за баранку.

Мне кажется, никогда не покидал трассу старшина Михаил Васильевич Кузнецов. Часто видел его у застывших машин. Бывало, лежит под автомобилем, стучит гаечным ключом, или склонился над умолкшим двигателем... Его золотые руки делали чудеса, а уж каким образом ему удавалось реставрировать донельзя разбитые детали или даже изготавливать новые — никому не известно.

Особенно трудно стало работать на трассе в конце марта — начале апреля 1942 года, когда поверх льда выступила вода. Она скрыла трещины, полыньи, воронки. Автомобили двигались, словно катера на морской глади, рассекая воду. Лед стал рыхлым. От усталых до невозможности водителей требовались высокая бдительность, внимание, осторожность. Огромную помощь нам в это время, как, впрочем, и всегда, оказывали дорожники, которые следили за состоянием трассы и по мере своих сил и возможностей предупреждали происшествия.

То, что ледовая дорога через Финский залив в невероятных условиях жила, действовала, выполняла возложенную на нее ответственную задачу, — заслуга не только автомобилистов, но и дорожников, моряков, многих других воинов Ленинградского фронта. Наряду с легендарной Дорогой жизни, проложенной по льду Ладожского озера, она снабжала защитников «пяточка» боеприпасами и продовольствием, другими необходимыми для жизни и боя материалами.

С ОГНЕМ КОМСОМОЛЬСКИМ В ГРУДИ

Помню теплый августовский день 1941 года, утреннее солнце над Финским заливом. С Кронштадтских причалов на южный берег залива спешно переправляются подразделения нашей бригады. Надо срочно прикрыть отход частей 8-й армии на рубеже Котлы — Копорье.

Перед отправкой на фронт на территории учебного отряда КБФ, где в то время пребывала 5-я бригада морской пехоты, состоялся митинг. На нем моряки дали клятву:

— Пока бьется сердце, пока видят глаза, пока руки держат оружие, не бывать фашистским гадам в городе Ленина!

Первым вступил в схватку с врагом севернее Котлов 2-й батальон под командованием капитана Н. Н. Салищева. Обстановка здесь была настолько сложной, что моряки вступали в бой, едва успев выгрузиться из эшелонов. Каждую атаку фашисты сопровождали сильным артиллерийским и минометным огнем, бомбежками. Очень трудно пришлось балтийцам, но они, отразив натиск вражеских автоматчиков, нередко сами переходили в контратаку. У железнодорожной станции Копорье морские пехотинцы во главе с комбатом Н. Н. Салищевым и комиссаром С. И. Емельяновым по нескольку раз в день сходились с гитлеровцами врукопашную.

Не сумев прорвать оборону батальона, фашисты решили обойти моряков с фланга. Увидев гитлеровцев у себя в тылу, кое-кто дрогнул. Но раздался громкий голос комбата:

— Не робеть! В штыки!

Под градом пуль, с винтовками наперевес моряки бросились на врага.

Немало подвигов совершили в те трудные сентябрьские дни бойцы и командиры других батальонов бригады. Продвижение противника было приостановлено. Так закончился первый период боев за Ленинград на участке нашей бригады. Она закрепилась на двадцати-

километровом рубеже вдоль реки Воронки. Началась длительная оборона, потребовавшая от личного состава большого напряжения сил и мужества.

Это была активная оборона — моряки неоднократно совершали дерзкие вылазки в расположение врага, нанося ему ощутимые удары. Запомнилось мне 10 декабря. В этот день я находился на переднем крае в 1-м батальоне. Мороз свыше 25 градусов, шел снег, видимость — 10—15 метров. Уж никак гитлеровцы не ждали атаки в такую погоду. Моряки начали вылазку рано утром.

В ней участвовала рота, которой командовал коммунист И. А. Кошкин. Вот что записал я тогда в блокнот: «Удар разведчиков был внезапным. Бой продолжался целый день. Более сотни фашистов уничтожено, несколько взято в плен. Мы захватили много автоматов, пулеметов и другого оружия».

Подвиг в тот день совершил комсомолец сержант В. И. Вересов. Его отделение шло впереди. Вересова один раз ранило, затем другой, но он не ушел в тыл. Наконец, ранило в третий раз — вблизи разорвалась мина, осколком ему перебило ногу. Виктор упал на снег и, истекая кровью, пересиливая боль, продолжал стрелять по врагу. Но вот несколько фашистов навалились на Вересова, прижали его к земле. Собравшись с последними силами, отважный воин выдернул зубами чеку из гранаты...

Виктору Ивановичу Вересову присвоено звание Героя Советского Союза посмертно. Его именем названы пионерские дружины в школах города Сосновый Бор.

В тот же день в районе деревни Керново успешно действовала против врага рота коммуниста старшего лейтенанта Д. Я. Телепина. Ее атака тоже была внезапной. Роте удалось ворваться в расположение противника. В завязавшейся схватке моряки уничтожили более 70 фашистов, разрушили огневые точки врага, взяли богатые трофеи. Самого Телепина тяжело ранило, но он не оставил поле боя, пока его не заменил начальник штаба 2-го батальона коммунист старший лейтенант М. Л. Саголович, находившийся в роте.

Удачной была атака 80 курсантов школы младших авиаспециалистов во главе со своим командиром-коммунистом В. А. Марковым. Они выбили фашистов из деревни Верхние Лужки. Бой за деревню продолжался до позднего вечера. Среди его участников особо отличились пулеметчики подразделения. Секретарь ком-

сомольской организации Алексей Бухтияров возглавил комсомольский расчет, который в числе первых ворвался на позиции врага. Расчет уничтожил 15 гитлеровцев, занял опорный пункт противника на южной окраине деревни.

Гитлеровцы стремились во что бы то ни стало вернуть этот пункт. Отважные пулеметчики отразили все их атаки. Алексея Бухтиярова ранило. Его место у пулемета занял Александр Власов. Более 30 гитлеровцев сразил он метким огнем, но вражеская пуля оборвала жизнь воина. Его заменил Филипп Брославский. Когда и его тяжело ранило, к пулемету лег Василий Бокарев, последний в расчете. Он продолжал стрелять по врагу.

В бою 10 декабря моряки бригады уничтожили свыше 400 гитлеровцев, 17 взяли в плен. Захватили много оружия, а также важные документы.

У бойцов бригады поднялось настроение: не так страшны гитлеровцы, их можно бить.

Многих воинов наградили орденами и медалями. Среди награжденных было несколько комсомолок-сандружинниц.

Из деревни Калище пришли служить в морскую пехоту сестры Зина и Лена Никановы, Зоя Сергеева и Женя Филиппова. Сестры Никановы с первых дней активно участвовали в боях. 9 сентября 1941 года Зина, находясь среди атакующих, подбежала к тяжело раненному политруку роты, стала перевязывать его. Тут ее и подкараулил вражеский снайпер. Младшая, Лена, два года воевала во второй роте 4-го батальона. Была ранена, несколько раз контужена, но до Победы дожила. Их мать — Мария Павловна — и сейчас живет в Калище.

Зоя Сергеева, которой осенью 1941 года было всего шестнадцать лет, живет в городе Сосновый Бор. Она член партии, активный участник общественной жизни молодого города.

На всю нашу бригаду морской пехоты шла слава о медсестре Клавдии Костыговой. Она участвовала во всех боях 1-го батальона. Непосредственно на поле боя помогла более чем ста воинам. Сама не раз была ранена и контужена. Мужество и отвагу проявила и санинструктор Вера Поталова. Она удостоена пяти медалей «За отвагу». Сейчас Вера живет в Сосновой Поляне, тоже активно участвует в героико-патриотическом воспитании молодежи.

С первых дней формирования бригады и до конца 1943 года мне довелось трудиться в политотделе на комсомольской и партийной работе. С большим уважением вспоминаю своих товарищей — секретаря парткомиссии И. И. Косарева, редактора бригадной газеты К. Н. Ручинского, инструктора по пропаганде Л. М. Рымшана, инструкторов А. А. Румянцева, С. М. Тудера, И. Т. Карюгина, Б. Л. Когана, офицеров штаба М. А. Чистякова, С. Н. Предыбайлова, В. Б. Нечаева и других. Вместе с ними провел много трудных дней на передовой.

Чем сложнее складывалась обстановка на фронте, тем больше воинов стремилось связать свою жизнь с партией и комсомолом. В самый трудный период оборонительных боев, с ноября 1941 года по апрель 1942-го, в партию вступило 115 воинов, отличившихся в боях, в Ленинский комсомол — 415 человек.

Почти 30 месяцев бригада вместе с другими соединениями и частями Приморской оперативной группы прочно держала оборону на рубеже реки Воронки. В конце января 1944 года она перешла в наступление на Кингисеппском направлении, на правом фланге 2-й ударной армии. С боями дошла до Нарвы. Здесь после освобождения города закончился ее боевой путь.

Но воины бригады, получившие хорошую закалку на Ораниенбаумском плацдарме, в составе других частей продолжали мужественно сражаться на многих фронтах Великой Отечественной войны. Оставшиеся в живых ветераны бригады ежегодно в сентябре приезжают в город Сосновый Бор, на места былых боев, чтобы встретиться с друзьями, вспомнить о соратниках по борьбе.

И. С. КАЛАШНИКОВ,

*бывший командир взвода
3-го батальона 301-го стрелкового полка
48-й стрелковой дивизии имени М. И. Калинина,
майор в отставке*

ПО СОСЕДСТВУ С АНГЛИЙСКИМ ДВОРЦОМ

В первой половине октября 1941 года наш 3-й батальон 5-й бригады морской пехоты на самоходных баржах переправился на Ораниенбаумский «пяточок». Взвод, которым я командовал, направили к деревне Большие Илики.

Нас принял младший лейтенант — моряк, оказавшийся заместителем командира роты (фамилию его не запомнил), и выделил две землянки в лесу:

— Располагайтесь. Предупреждаю: по лесу не бродить, он обстреливается минометами и артиллерией фашистов.

До вечера разрешили отдыхать. Но чуть стало темнеть, младший лейтенант повел меня с командирами отделений на рекогносцировку выделенного нам участка обороны. По скату высоты шли в рост, а как только вышли на гору, попали под обстрел. Один сержант, командир отделения, был ранен.

Младший лейтенант ругал себя за то, что ослабил бдительность. Но и мы должны были соображать, ведь до гитлеровцев рукой подать...

На другой день до наших землянок донеслись близкая и частая ружейно-пулеметная стрельба, шум моторов. Я позвал своего связного Алексея Нилова, и мы побежали к дороге выяснить, в чем дело. Навстречу попался уже знакомый младший лейтенант. Он сказал:

— В Иликах противник. Надо помочь выбить его оттуда.

Вот те раз! Как же он туда попал? Оказалось, что разведка гитлеровцев проскочила в Большие Илики через промежуток между нашими подразделениями.

Нилов побежал к взводу, а я кое-что уточнил с младшим лейтенантом. Через четверть часа мы скрытно присоединились к роте моряков. Наш миномет начал обстреливать позиции гитлеровцев в Больших Иликах. По сигналу ракеты бойцы поднялись и с криком «Ура!» побежали к деревне. Хорошо видел, как за ее развалинами метались, убегая, фашисты.

Вскоре убежавших гитлеровцев стало не видно из-за кустов. Нам приказали окопаться. Через некоторое время гитлеровцы попытались атаковать нас, но мы довольно легко отбились. Это прибавило духу. А к утру нас сняли с этой позиции и возвратили в свои землянки.

Я подробно рассказал об этом бое потому, что он был первым. В первые сутки на плацдарме. А на другой день утром в землянку зашел командир роты Александр Иванович Харитонов и сказал:

— Вот и будешь теперь со своим взводом на подхвате. Кого сменить, кому помочь. Вроде резерва.

Однако через пять дней тот же Харитонов распорядился:

— Идите в Петергоф. Найдите кирпичную церковь, там встретимся. Получите новое задание.

Шли около четырех часов. Идем, а в голове одна мысль — поесть бы чего-нибудь. К тому времени питание резко ухудшилось. Слышу разговор бойцов сзади. Костя Греченюк, помкомвзвода, идет рядом и, словно угадав, о чем думаю я, говорит:

— Без еды злее будем. Гитлера, гада, надо бить за все беды сразу...

Сержант Греченюк — толковый командир и хороший товарищ. Невысокий, широкоплечий, крепкий, он разворачивался вроде медленно, говорил мало, но если дал команду, то чувствовалось железо в голосе. Любили его во взводе, и я его очень уважал.

Едва мы подошли к церкви, как появился Харитонов. Он сказал, что взвод вместе с моряками его роты пополняют 3-й батальон 301-го полка 48-й стрелковой дивизии. Ротой будет командовать лейтенант В. К. Кузьминский. Район обороны выделен очень ответственный — Английский дворец.

Английский дворец? Вот это да! Я хорошо знал это красивое здание, стоящее на берегу озера. Екатерина II намеревалась сделать тут свою главную летнюю резиденцию. Потом здесь стали размещать почетных иностранных гостей, а после Великой Октябрьской социалистической революции здание отдали сначала детскому дому, затем дому отдыха «Учитель». Я проходил срочную службу в Кронштадте. При увольнении часто ездил в Петергоф, всего полгода назад на молодежном вечере танцевал в залах Английского дворца. И вот война докатилась сюда.

К середине ночи добрались до указанного рубежа. Вернее, доползли, потому что идти в рост было невозможно, — все пространство перед дворцом простреливалось. Доложил командиру роты о прибытии и полученной задаче и с его разрешения прилег отдохнуть. Кажется, и часа не прошло, как очередной минометный палет заставил открыть глаза. Увидел у коптилки комсорга роты Колю Матюшко, он разговаривал с незнакомым человеком, у которого было три кубика на петлице. Коля сказал:

— Это новый политрук...

Мыознакомились. Борис Васильевич Ефремов попросил рассказать о себе. Потом дал несколько советов, которые я хорошо запомнил: постараться ближе узнать каждого во взводе, его характер, наклонности.

Слабым — помочь преодолеть страх и стать хорошими бойцами. И самое главное, не жадеть сил для укрепления обороны, настойчиво изучать противника. Район Английского двора — замок на дороге к Ораниенбауму. Этот замок должен быть заперт надежно.

С изучения переднего края мы и начали. После встречи с политруком я в течение нескольких дней вместе с Ниловым тщательно излазил всю оборону. И смех и грех: полгода назад столько раз проходил здесь, но ни на что не обращал внимания.

Передний край фашистов и ближайшую глубину их обороны мы разглядывали в перископ артиллеристов. Они предупредили, что наши траншеи хорошо просматриваются с вражеской стороны и надо быть осторожными. Перископ забинтовали — под цвет снега, — а если снег сходил, обматывали серой тряпкой. И видели отлично, и себя не выдавали.

Постоянно совершенствовали систему своей обороны. Командир роты лейтенант Кузьминский был очень рад, когда мы предложили дооборудовать стрелковые и пулеметные ячейки, отрыть траншеи и ходы сообщения полного профиля. В тот год зима пришла рано, земля быстро промерзла. Работать приходилось много, а скудное продснабжение ослабляло людей. И все же, что наметили, построили.

Наступал Октябрьский праздник — первый в условиях войны. Враг постарался щедро забросать нас листовками с «пропусками», агитировал через радиостановки сдаваться в плен. Фашисты хвастливо кричали о падении Москвы и скором захвате Ленинграда. А 7 ноября утром открыли такой сильный огонь, что в наших укрытиях стало трудно разговаривать, канонада все заглушала. Телефонную связь на переднем крае почти всю оборвали. Уже думалось, что после подобного огневого излета фашисты наверняка пойдут в атаку. Но часам к десяти обстрел стал утихать и перешел в методический — по площадям.

Вечером у нас побывали политрук, командир роты. Они рассказали о новостях из Москвы, о торжественном собрании, посвященном 24-й годовщине Октябрьской революции, и традиционном параде на Красной площади. Очень это всех нас подбодрило!

Мы тоже решили испортить немцам праздник. 31 декабря фашисты, верные себе, сделали массированный огневой налет, а потом стали веселиться. Из их траншей слышались громкие крики, музыка, пение. Жаль,

что у нас строго лимитировался расход боеприпасов. Постреляли немного из винтовок и стали думать, что делать дальше.

Наш снайпер Иван Михайлович Андреев вызвался сходить на «охоту». Вообще-то он у нас был пулеметчиком, однако именно он открыл счет фашистов, уничтоженных из винтовки с оптическим прицелом. Когда Иван Михайлович впервые принес ее в Английский дворец, многие позавидовали ему.

В новогоднюю ночь от Андреева крепко досталось гитлеровцам. Двое из них нового года так и не дождались.

Около 23.00 вдруг позвонил лейтенант Кузьминский:
— Семенych (он звал меня так), срочно по приказу командира батальона беги в штаб!

На командный пункт прибыла делегация рабочих из Ленинграда, и в честь этого события на КП организовали новогоднюю встречу. Начальник штаба капитан Виктор Дмитриевич Пчелкин рассадил взводных и ротных за длинным, уже накрытым столом. Заместитель командира батальона по политчасти произнес тост за боевые успехи в новом, 1942 году. Потом представительница делегации спела песню, кто-то прочитал юмористический рассказ, а потом капитан Пчелкин вдруг неожиданно объявил, что будет выступать... Калашников. Прослышал, наверное, что балуюсь гитарой. Инструмент нашелся, я сыграл несколько цыганских мелодий и уже прославившийся «Синий платочек».

Праздновали недолго. Командир батальона Сергей Петрович Мешугурский поздравил всех, произнес добрые слова и скомандовал:

— Взводные, на выход!

В коридоре добавил:

— Все по местам! По прибытии доложите дежурному на КП. Усилить бдительность!

С начала января 1942 года наша оборона стала намного активнее. Улучшилось снабжение боеприпасами, и мы получили возможность более активно использовать свое оружие. Построили несколько временных огневых позиций. Благодаря им пулеметы стали вроде кочующих. Подготовили исходные данные для стрельбы в ночное время, назначили дежурных стрелков. Между дворцом и железной дорогой построили в лесочке хорошую землянку человек на пять для обогрева и отдыха личного состава.

Эти дни мне запомнились особо: меня приняли в члены партии. Одну из рекомендаций мне дал политрук роты Б. В. Ефремов. В развалинах Английского дворца я получил партийный билет. А спустя два месяца командир роты В. К. Кузьминский вручил мне новые знаки различия — я стал младшим лейтенантом.

Тяжело вспоминать трудности первой блокадной зимы. Мы довольствовались двумя сухариками в день, постной похлебкой на обед да кашей на ужин. Многие бойцы едва держались на ногах, сильно ослабели от постоянного недоедания. Случалось, ослабленного направляли в госпиталь на поправку, а он сам идти не мог. Очень угнетала мысль, что снабжаемся мы из блокированного Ленинграда, где так остро недостает продуктов. Боль испытывал каждый, когда узнавал, что фашисты потопили очередную баржу или буксир, доставлявший провиант по заливу. И росла жгучая ненависть к гитлеровской нечисти.

Фашисты имели явное преимущество в орудиях и минометах. Они почти круглосуточно обстреливали наши позиции, дороги и тропы в тылу, не скупясь на боеприпасы. Наша артиллерия не всегда отвечала, — экономили снаряды. Но в этот период день ото дня ширилось снайперское движение. Начал это дело Иван Андреев, а спустя короткий срок уже добрый десяток бойцов пополнил ряды метких стрелков. Политрук роты внес предложение, чтобы весь наш взвод стал снайперским. Бойцы горячо взялись за учебу. Оборудовали три поста наблюдения за фашистами — по числу имеющихся биноклей. Винтовка с оптическим прицелом пока была одна, Ивана Андреева. Но он, правда без особого вдохновения, согласился выдавать ее товарищам по взводу.

Скоро и мой связной Алеша Нилов открыл боевой счет — уничтожил пять гитлеровцев. Однажды мы вместе пошли на «охоту». Залегли в удобном месте. Я с биноклем, Нилов с винтовкой. Через некоторое время обнаружили гитлеровца, переползавшего с одного участка на другой. В бинокль я даже различал выражение его лица, — не более ста метров было.

Гулко прозвучал выстрел Нилова. Оккупант ткнулся носом в снег. Через минуту-две другой гитлеровец попытался стащить в траншею погибшего напарника. Нилов выстрелил, и этот солдат разделил участь первого. Через несколько минут с вражеской стороны застучали пулеметы. нас засекли, надо было отползать за до-

рогу. Крикнул Алеше и сделал бросок назад. А Нилол отвечает, что еще подождет, позиция уж очень хороша. В это время разорвалась мина в том самом месте, где находился Алеша. Прямое попадание. Редко бывало такое, но случилось.

Так погиб боевой друг, с которым полгода вместе делили тяготы войны. Калининский колхозник двадцати шести лет, скромный, тихий, Алексей Нилол был смелым и безупречно исполнительным краснофлотцем.

Вскоре роту отвели на отдых, вернее, на санитарную профилактику. Построились возле командного пункта батальона. Старшина объявил порядок санитарной обработки и тут же представил нового санинструктора Юзю Блитштейна (так он назвался сам). Он и повел нас в баню на окраину Мартышкина.

Через неделю мы возвратились на свои позиции. Санинструктор Блитштейн стал появляться у нас часто. Он рассказывал бойцам о том, как уберечься от простуды, цинги, дистрофии, настойчиво требовал соблюдения всех правил гигиены.

В апреле 1942 года нашу роту переместили сначала в район станции Новый Петергоф, потом на южную окраину Мартышкина. Три дня усиленно тренировались на специально оборудованном полигоне в преодолении проволочных заграждений, учились рукопашному бою в траншее. А затем нам поставили задачу взять «языка».

Командир роты показал мне блиндаж чуть левее Английского дворца — объект наших действий. Из взвода сформировали три группы — захвата, блокировки и прикрытия, распределили обязанности. Казалось, мы хорошо подготовились к выполнению задания: все продумано, предусмотрено.

Саперы сделали в проволоке проходы, и Костя Греченюк со своей группой в четыре человека ворвался в траншею и блиндаж. Но там никого не оказалось. Гитлеровцы с флангов открыли сильный пулеметный огонь. Пришлось отходить.

Нагоняй получили от начальства. Что ж, поделом. Надо лучше вести разведку.

Пришла весна, а с ней и общее улучшение положения. Появилось больше боеприпасов. Прибавили хлеба и других продуктов. На вооружение роте дали несколько автоматов. Все это очень обрадовало бойцов.

В начале мая рота возвратилась на прежний рубеж, у Английского дворца. Через месяц я сдал взвод

Константину Греченюку, а сам приступил к исполнению новых обязанностей — заместителя командира роты. С командиром Владимиром Кузьмичом Кузьминским мы прошли по линии обороны роты. Он представлял меня командирам взводов и бойцам в новой должности. Я многому научился у лейтенанта Кузьминского за время совместной службы.

Утром 4 июля командир роты собрал рекогносцировочную группу, в которую вошли политрук, я, командиры взводов, и группу обеспечения, поставил им задачу. Группы начали выдвигаться в указанный район. Противник нас обнаружил и начал обстреливать из минометов. Осколками мины мне перебило ногу, ранило в руку. Вытащил меня из-под огня и перевязал санитарструктор старшина Блитштейн.

Старшина И. М. Блитштейн вынес с поля боя более 20 раненых. Коммунист, он и сам четырежды был ранен, но после излечения всякий раз возвращался в строй.

В госпитале я пробыл всего три недели. Возвратился в свою роту. А командир говорит:

— Есть приказ послать тебя на пятимесячные курсы усовершенствования в Ленинград. Закончишь курсы — примешь роту.

Распрощался с боевыми друзьями и отправился на учебу. Побывал в этих местах уже после войны — участвовал в разминировании территории бывшего Ораниенбаумского плацдарма.

В. А. АЛЕКСАНДРОВ,

*бывший ответственный секретарь
редакции газеты «Боевой удар»
168-й стрелковой дивизии,
подполковник в отставке*

ПОДВИГ ИВАНА СУХАНОВА

Тот далекий теперь август 1942 года был теплым и безветренным. В сосновом бору за деревушкой Тамеягонт, где в землянках располагались политотделы и редакция дивизионной газеты «Боевой удар», стояла тишина. Сюда почти не доносилась канонада боев, тем не менее дыхание войны чувствовалось на каждом шагу.

Рано утром 26 августа в редакции зазуммерил полевой телефон. Звонил начальник политотдела М. В. Каджев.

Чудесный человек, опытный политработник М. В. Каджев перед войной был секретарем Сортавальского райкома партии. Когда 168-я дивизия, отступая с тяжелыми оборонительными боями от советско-финляндской границы, оставила Сортвалу, он последним из жителей городка ушел с нашими частями. Человек исключительно дисциплинированный, он требовал того же от подчиненных.

— Ответственный секретарь редакции старший политрук Александров слушает вас, товарищ старший батальонный комиссар, — ответил я, услышав в телефонной трубке голос начальника политотдела.

Поздоровавшись, он спросил:

— А где Высоковский?

— В санчасть только что ушел, — доложил я.

— Что с ним? Опять поги?

— Так точно, товарищ старший батальонный комиссар, всю ночь мучился.

Редактором дивизионной газеты до последнего времени был батальонный комиссар Анатолий Петрович Кузнецов. Но два месяца назад он получил повышение: его перевели редактором газеты «Боевое знамя» Приморской оперативной группы. А на его место назначили интенданта 2-го ранга Константина Игнатьевича Высоковского, бывшего заместителя редактора ленинградской пионерской газеты «Ленинские искры». Вскоре после этого и я был назначен ответственным секретарем редакции, а заместителем редактора — старший лейтенант Виктор Павлович Волков, бывший доцент кафедры русского языка и литературы Ленинградского педагогического института. И Волков, и Высоковский пришли к нам из дивизии народного ополчения.

Имелся в редакции еще один кадровый работник — лейтенант Кузьма Млинченко. Молодой, энергичный я, я бы сказал, бесстрашный газетчик. Он всегда находился на передовой — в полках, батальонах, ротах. В редакции появлялся лишь за тем, чтобы сдать материал и сменить блокнот. Он был и самым вооруженным из всех работников редакции. У каждого из нас пистолет, а у него кроме пистолета еще карабин, несколько гранат и полные карманы патронов. Сейчас, когда звонил начальник политотдела, он уехал в 402-й стрелковый полк и в редакцию намеревался вернуться только на следующий день.

— Завтра не подходит, — сказал Каджев, выслушав мой доклад о нахождении сотрудников редакции.

— А в чем дело, товарищ старший батальонный комиссар? Что-нибудь случилось? — не утерпел я, хотя подчиненным и не полагалось задавать начальству подобных вопросов. Но Каджев не одернул меня. Газетчиков он любил и всегда помогал им. Старался ежедневно бывать в нашей редакционной землянке. Дивизионная газета была его страстью. От нас он требовал оперативного и возможно более полного освещения боевых дел солдат и командиров. И если какой-либо достойный эпизод освещался с опозданием или недостаточно широко, он тут уж не принимал никаких оправданий.

— Надо кому-то из вас сегодня быть в 462-м полку. Там ожидаются интересные события. Будет материал для газеты, — сказал Каджев.

— Я сам пойду туда, — ответил я. — И, задевая давно больной для меня вопрос, добавил: — Ответственный секретарь редакции тоже ведь имеет право бывать на месте событий.

— А кто будет делать газету? — возразил старший батальонный комиссар. — Высоковский болен, Млинченко в полку, Волков... Вот Волкова, пожалуй, и пошлем. Передайте ему, пусть сейчас же отправляется.

Как сейчас помню тот день 26 августа. Пришел Волков. Я сказал ему о задании. Он тотчас стал к нему готовиться: осмотрел пистолет, набил полевую сумку блокнотами. Потом в землянку вошла машинистка Аня Полянская. Она недавно у нас. Сменила предыдущую, переведенную в другую часть. Аня — отличная машинистка и пишет хорошо. Ее первую корреспонденцию с большим интересом читали в подразделениях.

Наша редакционная землянка не в пример другим просторна, пол деревянный, под самым потолком небольшое застекленное окошечко. Бывало, в него лились яркие лучи утреннего солнца. На столе-треноге — медная гильза от снаряда, а в ней букет цветов: васильки, незабудки, аютины глазки... Это Аня собирает их на лесной поляне и держит всегда свежими. От них в землянке по-домашнему уютно. А ведь когда принесла их первый раз и поставила на стол, бесцеремонно отодвинув в сторону наши рукописи, мы даже возмутились:

— Еще чего не хватало!

Но Аня настояла на своем:

— Эх вы, мужчины! Вы только посмотрите, как это символично: гильза снаряда и цветы.

— Да, конечно, смерть и жизнь, — проворчал Волков.

Однако цветы остались в землянке с тех пор навсегда.

Волков спросил:

— Разведка боем? Идут на ту сторону?

— Скорее всего. Только смотри, Виктор Павлович. Сам знаешь: разведчиков много, а газетчиков только четверо на всю дивизию, — сказал я полушутя-полусерьезно. — Береги себя.

Волков возвратился в редакцию усталый, почерневший от двух бессонных ночей и рассказал о подвиге заместителя политрука разведвзвода 462-го стрелкового полка Ивана Кузьмича Суханова, который закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота. Мы уже знали об этом, еще утром начальник политотдела звонил Высоковскому. Сразу усадили Волкова писать: завтра вся дивизия должна знать о подвиге Суханова.

Виктор Павлович писал быстро, заполнял своим крупным, размашистым почерком страницу за страницей. Я тут же читал рукопись и по частям отдавал старшему наборщику Адельшину. Перепечатывать на машинке было некогда.

Подвиг Суханова захватил всех. Какая сила духа, самоотверженность, преданность солдатскому долгу, Родине! Сколько раз слышали мы эти слова, сколько раз повторили их в своей газете: «Если понадобится, не пожалею для разгрома врага ни сил, ни самой жизни». Суханов, когда пришел его звездный час, оказался к нему готовым.

Я отправил рукопись в набор, но успокоиться не мог. Мысли, чувства сами складывались в стихи. До войны я стихов никогда не писал. Работая в редакции, попробовал. К моему удивлению и радости, их напечатала армейская газета.

Все ушли из землянки к редакционным автомашинам, где были смонтированы наши наборный и печатный цехи. Я лег на нары, закрыл глаза. Никто мне не мешал. И когда Адельшин принес для макета полосы гранки набора, стихотворение уже сложилось. Не сомневаюсь, оно было далеко от совершенства. Но Константин Игнатьевич Высоковский, наш редактор, молча прочитал стихи и написал: «В набор!» Они были напечатаны вместе с рассказом о подвиге Ивана Суханова и заканчивались так:

Утром рано на митинге в поле
Возле сосен друзья собрались.
Говорили они о герое,
Быть такими, как он, поклялись.

И. В. САВЧЕНКО,

*бывший начальник штаба
артиллерийского дивизиона
50-й отдельной бригады
морской пехоты,
подполковник в отставке*

«СОБСТВЕННАЯ» БАТАРЕЯ

Отечественная война застала меня в школе младших командиров. Был я тогда лейтенантом, преподавателем этой школы. Спустя короткое время из личного состава школы сформировали четыре стрелковые роты и одну артиллерийскую батарею. Меня назначили командиром последней. Орудий батарея не имела.

Отвели нам рубеж в районе Коваши — Усть-Рудицы. С ходу начали его оборудовать. Строили дзоты, блиндажи, отрывали окопы, ставили минные поля и проволочные заграждения. Много сил отнимал противотанковый ров. Днем и ночью кипела работа.

Курсанты школы, теперь уже бывшие курсанты, создавали огневые позиции, расчищали секторы для стрельбы. Действовали довольно умело, слаженно, — не зря, видно, мы их учили. Это радовало. Огорчало все то же — батарея, а пушек нет.

Наконец через несколько дней на позиции доставили орудия. Но их вид вызвал у всех сначала изумление, потом разочарование. Это были какие-то полевые орудия, которых мы раньше никогда в глаза не видели: на высоких деревянных колесах и с очень короткими стволами образца... 1902 года.

Привезли их с форта Красная Горка. Они много лет находились на складе, видимо еще с гражданской войны. «Старушки» изрядно отдохнули, и теперь им опять предстояло воевать.

Изучили мы эту технику быстро. К нашему удивлению, она оказалась не такой уж плохой. Спустя три-четыре дня провели стрельбу по макету танка. С первого выстрела «танк» разлетелся в клочья. Затем провели несколько стрельб с закрытой позиции. И тоже

успешно. Личный состав убедился, что в умелых руках и старенькие пушки могут поражать метко.

Батарея занимала огневую позицию на берегу реки Коваши, рядом с противотанковым рвом. Она имела шесть таких орудий. Позицию хорошо оборудовали, построили просторные, добротные кубрики. На батарее побывал комендант Ижорского укрепленного района генерал-майор Г. Т. Григорьев и дал высокую оценку нашей боевой готовности.

Часто бывал у нас в те дни военком школы Петр Алексеевич Каменский. Моряки уважали его за доброе и внимательное отношение к ним. Зайдет в землянку, или подсядет к группе бойцов у орудия и поведет неторопливую, откровенную беседу. Расскажет о положении на фронтах. По-отечески расспросит о настроении, нуждах. Он постоянно напоминал нам о важности рубежа, который обороняем. О том, что это последний рубеж перед фортами Красная Горка и Серая Лошадь и Ораниенбаумом. Если врагу удастся прорваться здесь, то в очень трудном положении окажутся и Кронштадт, и Ленинград.

Пожары кругом и гром артиллерийской канонады извещали о том, что фронт приближается. А 5 сентября к вечеру из Усть-Рудиц позвонил майор Смирнов, возглавлявший оборону в нашем районе. Он сообщил, что враг занял Стародворье, подходит к деревне Терентьево, и приказал быть готовыми открыть огонь. Не теряя ни минуты, еще раз уточнили исходные данные для стрельбы.

Снова зазвонил телефон. Приказ немедленно открыть огонь по деревне Вяреполь, куда вошли гитлеровцы. Выскакиваю на позицию и команду:

— К бою!

Орудийные расчеты в один миг заняли свои места. Гляжу на ребят и вижу: всех охватил боевой азарт. Работают у орудий быстро, уверенно, четко — как на учениях. Поступают доклады:

— Первое готово!

— Второе готово!

— Шестое готово!

Грянул дружный залп.

— Огоны! — еще и еще раз команду, стремясь перекрычать грохот. Позиция окутана пороховым дымом. Заряжающим жарко, их лица в поту. Сбрасывают с себя бушлаты, бескозырки. От высокого темпа стрельбы на стволах начинает гореть краска.

На орудии сержанта Лобова — задержка. После выстрела ствол не накатился. Ничего, есть еще пять! Вели огонь до тех пор, пока не поступило приказание прекратить его.

Майор Смирнов звонит по телефону. Голос у него радостный:

— Молодцы! Крепко дали жару прогивнику! Из Вяреполя фашистов выбили. Перенесите огонь на Терентьево.

Быстро готовим новые исходные данные и открываем стрельбу. Потом нам рассказывали: и здесь удар был для гитлеровцев неожиданным. Ошеломленные, они выскакивали из домов, мегались по улицам и огородам, ища укрытия, но снаряды настигали их везде.

Первый успех очень обрадовал и подбодрил нас. Все убедились: и из этих орудий можно хорошо стрелять. Последующие бои прибавляли опыта. И когда батарея получила новое ответственное задание, связанное с обороной горы Колокольня, мы были вполне готовы к нему.

Гора эта находилась неподалеку от развилки важных шоссейных дорог. Вначале на ней закрепилось подразделение 2-й бригады морской пехоты. Фашисты много раз яростно атаквали его, стремясь выбить и овладеть важной позицией. Они забрасывали гору снарядами и минами, поливали из пулеметов. На вершине горы, где моряки держали оборону, был настоящий ад. Но балтийцы стояли прочно.

В декабре им на смену прибыл из-под Усть-Рудиц наш 3-й полк морской пехоты. Он занял оборону на рубеже Мишелово — Порожки, а боевое охранение выдвинул на Колокольню. Батареи артдивизиона встали на позиции на небольших лесных полянах.

Если не считать Колокольню, участок обороны проходил по болотистой местности. Противник же располагался на возвышенных местах. Это было во всех отношениях плохо, а нам, артиллеристам, к тому же затрудняло наблюдение за врагом и корректировку огня. С наземных НП не просматривалась даже ближайшая глубина вражеской обороны. Решили подобрать место для наблюдательного пункта артдивизиона на горе Колокольня. С этой целью по заданию старшего артиллерийского начальника капитана А. К. Татаренко я отправился гуда в сопровождении двух разведчиков.

Перешли речку Черную, идем лесной заснеженной тропой по нейтральной полосе. Дорога хотя и контроли-

руется нами, но ходить по ней, все знают, небезопасно. Все же тут пока спокойно, хотя на горе ухают разрывы вражеских мин — очередной обстрел. Вскоре и он прекратился.

Поднимаемся по скату все выше. Дальше двигаться открыто уже нельзя. Прыгаем в неглубокий ход сообщения, идем пригибаясь. Вот землянки и дзот боевого охранения. Пытаюсь осмотреться и слышу голос морского пехотинца:

— Товарищ командир! Не высовывайтесь!

Он нагнулся, взял в руки прут, поднял его и сказал:

— Вот смотрите.

Только он стал шевелить прутом, тотчас последовала пулеметная очередь. По брустверу защелкали пули.

Нейтральной полосы между нашим боевым охранением и противником здесь не существовало. Бойцы находились, что называется, нос к носу с гитлеровцами, на расстоянии всего 50—60 метров. Естественно, гитлеровцы все время наблюдали за нашими окопами и, чуть что, сразу открывали огонь.

Продвинувшись по траншее дальше, ближе к вершине горы, я выбрал место для дивизионного НП. Отсюда даже простым глазом, без помощи стереотрубы или бинокля, далеко просматривалась местность, занятая врагом. Впереди, чуть слева, у деревни Гостилицы, виднелись оборонительные сооружения фашистов, их огневые точки.

Вскоре наблюдательный пункт был готов. На нем расположились командир-артиллерист, разведчики и связисты. Они следили за противником, отыскивали цели и обо всем замеченном докладывали в штаб.

Служба на НП была весьма беспокойной. Когда гитлеровцы обстреливали гору Колокольня из пушек и минометов, всем, кто здесь находился, можно было укрыться. Всем, кроме артиллерийского разведчика, который ждал этого часа. По вспышкам выстрелов он засекал вражеские батареи, определял их координаты.

Промежутки между обстрелами использовались для учебы. Да, учеба шла и здесь, — условия для нее были самые подходящие, теория тесно смыкалась с практикой. В землянке при свете копилки разведчики учились определять координаты целей, наносить их на планшет, четко докладывать о замеченном. Командиры усиленно тренировались в подготовке исходных данных для стрельбы. Постоянная учеба — это был стиль нашего артдивизиона, для нее использовался любой удобный

момент. То, чем не успели овладеть в школе, добирали здесь, в боевых условиях. И многие стали подлинными мастерами ведения огня: командиры батарей старший лейтенант Михайловский, лейтенанты Пермяков и Капустин.

Я уже говорил, что гитлеровцы часто нападали на Колокольню. Однажды после сильного артиллерийского налета они с двух сторон прорвались к вершине. Беспорядочно строча из автоматов, они прыгали в наши траншеи, лезли напролом. Завязался рукопашный бой. Но возможности были неравные. Горстка моряков и артиллеристы-корректировщики оказались отрезанными от основных сил. Связь прервалась. Фашисты окружили наших.

В эти критические минуты на командном пункте дивизиона вдруг неожиданно пропищал зуммер. Какая радость! Командир-артиллерист с НП немедленно передал координаты, вызвал огонь наших батарей. Огонь, по существу, на себя. Жаль, что не могу вспомнить фамилию этого отважного воина. Бой продолжался недолго. Артиллерийским огнем и решительными действиями морских пехотинцев фашистов прогнали с горы.

Особо отличился в этой схватке телефонист с НП рядовой Свердлов. Это он восстановил связь. Боец, невзирая на опасность, выскочил из землянки искать повреждение. Он бежал вдоль линии, а вокруг рвались снаряды, неслись пули над головой. Наконец он увидел оборванный провод. Его концы разбросало разорвавшимся снарядом. Только успел связист соединить их, как заметил рядом большую группу фашистов. Свердлов быстро сдернул с плеча автомат, бросился в воронку и открыл огонь. И враг отступил.

С Колокольни не раз приходилось корректировать огонь и мне. Как-то в один из дней февраля 1942 года, находясь на НП, я неожиданно обнаружил немецкую батарею, которая давно досаждала нам, приносила много неприятностей. Мы ее искали в других местах, а она оказалась в деревне Гостилицы. То ли день был очень ясным, то ли по другой причине, но вражеские позиции вдруг открылись как на ладони. Даже фигурки артиллеристов, суетившихся у орудий, четко различил в бинокль. Так близко и отчетливо видеть фашистскую батарею мне никогда раньше не приходилось. Прямо руки зачесались, захотелось ударить по ней.

По моим командам одна из наших батарей открыла огонь. Ввел небольшую корректуру, и снаряды накрыли

позиции врага. Ох как там заметались! И вдруг на вражеской батарее высоко взметнулся в небо столб земли и черного дыма. Раздался сильный взрыв. Видимо, снаряд попал в хранилище боеприпасов. С батареей противника было покончено.

Конечно, гитлеровская артиллерия тоже постоянно охотилась за нашей. Пожалуй, не было дня, чтобы не завязывались своеобразные «дуэли». Случалось, несколько батарей врага били по одной нашей.

Чтобы противник не мог раскрыть систему нашего огня, мы старались стрелять с временных позиций. И, понятно, экономя снаряды, стремились, чтобы каждый из них находил цель. Между батареями дивизиона шло своеобразное соревнование за точный выстрел. Меткостью отличались артиллеристы, которыми командовал лейтенант Шубин. Особенно им удавалась стрельба прямой наводкой. Отдельные орудия в ночное время вручную подкатывали на передний край нашей обороны. Чтобы колеса при этом не стучали, их обматывали тряпьем. Скрытно занимали позицию и расчищали сектор стрельбы. С рассветом открывали огонь по амбразурам дзотов. После нескольких выстрелов орудия быстро меняли позицию. Такие вылазки были связаны с большим риском, но давали весьма заметный эффект.

Да, боеприпасов всегда не хватало. Иногда на орудие доставалось по два-три снаряда. И это, пожалуй, хуже, чем скудный продовольственный паек. Конечно, голодному, ослабевшему нести боевую службу, долбить мерзлую землю, на плечах носить бревна, чтобы строить землянки, очень нелегко. Но еще больше угнетало, что нет возможности ответить фашистам снарядом на снаряд, заставить молчать пушки и минометы, когда они бьют по нашей пехоте.

Представьте себе такую картину. По засыпанной высокими сугробами лесной дороге, утопая чуть ли не по пояс в снегу, медленно передвигается группа матросов. У каждого на плече по одному снаряду. Они несут их со склада на батарею. Расстояние — восемь километров. С трудом преодолевается каждый десяток метров. Моряки часто останавливаются. Немного передохнут и идут дальше. Принесут снаряды, а долго ли выстрелить? И опять надо идти по глубокому снегу за восемь километров. Такой была наша первая военная зима.

Но никто не падал духом. Моральное состояние всегда было высоким. Артиллеристы хорошо несли боевую службу, стойко защищали обороняемый рубеж.

Несомненно, во многом этому способствовала умело поставленная партийно-политическая работа. Среди прекрасных политработников дивизиона, вложивших много сил в воспитание личного состава, назову лишь одного — всеобщего любимца младшего политрука Александра Фишука, подлинного вожака молодежи. Стройный, всегда подтянутый моряк, одетый в черную кожаную куртку. Брюки заправлены в сапоги. У бедра — маузер. Уже своим бравым видом, веселым, никогда не унывающим характером, общительностью располагал к себе матросов и командиров. В самые трудные моменты он всегда был среди бойцов. К его словам прислушивались, его примеру следовали.

Однажды, во время очередной читки газет, которые регулярно проводили Фишук и другие политработники, возникла интересная идея. По всей стране шел сбор средств в Фонд обороны. Люди жертвовали свои сбережения и просили построить на них танк, самолет или другую боевую машину. Может, и нам принять в этом участие? Посоветовались с командиром дивизиона В. С. Деречинским, его заместителем по политчасти А. А. Лебедевым. Вскоре в Москву на имя Верховного Главнокомандующего ушло письмо с просьбой на собранные личным составом деньги построить для нас батарею.

Признаться, мы не очень рассчитывали на получение ответа. Однако вскоре в газетах прочитали сообщение за подписью Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина о том, что желание бойцов и командиров отдельного артиллерийского дивизиона, собравших 52 тысячи рублей на строительство 4-орудийной гаубичной батареи, будет исполнено. Верховный Главнокомандующий через капитана Деречинского, майора Лебедева, капитана Савченко, младшего лейтенанта Фишука и сержанта Орозалиева, которые подписали письмо и на имя которых поступил ответ, передавал боевой привет и благодарность Красной Армии.

Не стану говорить, что на всех батареях состоялись митинги. Было удивительно видеть в газетах свои имена, упоминание о своем подразделении. Люди испытывали огромный подъем. Еще большей была радость, когда в дивизион прибыли новые, совершенные орудия, построенные на наши средства. Новую батарею мы укомплектовали самыми лучшими, опытными артиллеристами. И уже через несколько дней «собственная» батарея громила врага.

Наступили первые весенние дни, я еще раз побывал на горе Колокольня. Там, где когда-то сплошной стеной стояли ели и сосны, не осталось ни одного дерева. Вся земля была перепахана снарядами и минами. Из двенадцати землянок уцелели только две. Да и то в одну из них попал крупный снаряд, пробил накат и застрял, не взорвавшись. Я не преувеличу, если скажу, что лишь пребывание на этой горе равнялось подвигу.

Теперь на вершине горы находится скромный обелиск. На нем надпись:

«Здесь стояли насмерть защитники Ленинграда
в 1941—1944 годах».

Каждый год 9 Мая на Колокольню к обелиску приходят ветераны войны, местные жители, школьники. Они приносят венки, цветы. Бываю там и я. Стою среди других и вспоминаю боевых друзей, отдавших здесь свою жизнь в боях за Родину, — Григория Федченко, Василия Михайловского, Николая Крылова, Петра Замахаева, Надю Герасимову...

В. К. СТАРЧИКОВ,

*бывший начальник штаба
артиллерии 48-й стрелковой дивизии имени М. И. Калинина,
полковник в отставке*

ЗАБЫТЬ НЕВОЗМОЖНО

Чтобы усилить другие участки Ленинградского фронта, в октябре 1941 года с Ораниенбаумского плацдарма были выведены основные соединения 8-й армии вместе с ее полевым управлением. Фронт обороны от Порожек до Финского залива, который ранее занимали шесть стрелковых дивизий, теперь пришлось держать одной — нашей, 48-й стрелковой.

Прикрывая столь широкую полосу, дивизия столкнулась со многими проблемами. Как малыми силами защитить танкоопасные направления вдоль Приморского шоссе на Петергоф, Мартышкино, Ораниенбаум; через Гантуловские и Большие Иликовские высоты к тому же Ораниенбауму? Не хватало механической тяги для каждого орудия. Пушки подтягивали к огневым позициям вручную. А это отражалось на маневре огневых средств.

Командование дивизии решило построить оборону на основе взводных и ротных опорных пунктов, батальонных узлов сопротивления. Оборудовались первая, вторая и третья позиции первой полосы обороны. По

всему фронту строили траншеи, создавали отсечные позиции. На стыках рот, батальонов, полков появились минно-взрывные заграждения. В единую систему были связаны все виды огня: ружейно-пулеметного, противотанкового, заградительного артиллерийско-минометного.

Однако для ведения эффективного артиллерийского огня недоставало снарядов. Чтобы сберечь боеприпасы, перешли на стрельбу прямой наводкой. Идею подсказал и первым применил командир батареи 268-го стрелкового полка лейтенант И. А. Савченко. Его инициативу поддержали в других батареях. Начальники артиллерии полков капитаны Шкуратов и Кравец многое сделали, чтобы этот способ ведения огня был широко освоен.

Предварительно проводили тщательную разведку огневых средств врага на его переднем крае и в ближайшей глубине. Ночами готовили открытые позиции, вручную на них выкатывали пушки и рядом выкладывали снаряды — их выделяли очень мало. С рассветом расстреливали цели. Противник не успевал опомниться, а орудия уже находились в укрытиях. Фашисты начинали ответную стрельбу, но было поздно, эффекта их огонь не имел: наши расчеты с пушками убирались в безопасное место.

Такой метод стрельбы в сочетании с другими применялся и при поддержке действий стрелков и разведчиков. С переходом к активной обороне разведка боем стала чаще проводиться всеми стрелковыми полками. Однако на первых порах такие вылазки заканчивались не всегда удачно, — опыта было мало. Бригады морских пехотинцев на участке справа от нас брали пленных, а мы никак не могли.

Взять пленного в условиях устоявшейся обороны — нелегкое дело. Пехота обеих сторон сидит в траншеях. Изредка выскочит человек и, опрометью пробежав несколько метров, опять скрывается в щели или блиндаже.

Между тем за каждым движением на передовой наблюдали сотни глаз. В готовности находились системы оповещения и связи — в любую минуту можно перекрыть все подходы сплошным огнем из винтовок, автоматов, пулеметов, минометов. На нейтральной полосе — минные поля, проволочные заграждения...

А контрольный пленный нам очень требовался. Через

него можно было уточнить состав войск противника, его цели, средства, которыми он располагал.

Одна из разведок боем была организована на участке обороны 268-го полка с Гантуловских высот в направлении деревни Туюзи. Погода способствовала поиску: шел густой снег. Видимость — не более 200—300 метров, но для стрельбы прямой наводкой вполне достаточная. Вместе с группой захвата в нашей первой траншее находился комиссар штаба дивизии батальонный комиссар Шумилин.

Под прикрытием наших пушек, стрелявших прямой наводкой, ружейно-пулеметного огня с флангов и отсечного — из минометов и артиллерии по ближней глубине фашистов, разведчики преодолели узкую в этом месте нейтральную полосу. Порыв увлек и батальонного комиссара Шумилина — вместе с бойцами он ворвался в траншею противника. Но взять пленного и на этот раз не удалось.

Неудача огорчала, но не обескураживала. Все чувствовали: быть успеху. Ведь уже накоплен необходимый опыт, из ошибок и промахов извлечены уроки.

Так и произошло. Новую вылазку предприняли на стыке 301-го и 268-го полков в районе Нотколово. Готовились тщательно. Группу возглавил бывалый разведчик старший лейтенант А. Н. Мартынов-Мамончик. Ее инструктировал командир разведывательной роты дивизии капитан Д. М. Бабкин. С точностью до минут узнали, когда происходит смена часовых у выбранного для атаки опорного пункта врага. Вылазка оказалась для фашистов внезапной. Она заняла не более четверти часа. Гитлеровский часовой был захвачен и уведен на нашу сторону. Фашистские батареи открыли огонь только тогда, когда разведчики вместе с пленным вернулись в свою траншею.

Пленного доставили на командный пункт дивизии. Его документы и показания свидетельствовали о многом, уточняли наши представления о противнике.

Успех этой вылазки был определен возросшим опытом подразделений дивизии. Более четким стало взаимодействие артиллерийской и пехотной разведок. В 10-м артполку этими вопросами постоянно занимались капитаны Конаков, Петров, старший лейтенант Лысяков, лейтенант Чайкин. Они установили тесные контакты со своими коллегами из пехотной разведки. Благодаря этому штаб всегда неплохо знал общую группировку противника, вовремя получал сведения о смене его частей,

появлении новых или совершенствовании уже существующих укрепленных позиций, до деталей изучил распорядок дня гитлеровцев на переднем крае и т. п. Обстоятельная информация о противнике помогала повышать эффективность артиллерийского огня.

Конечно, наибольшую часть нужных штабу сведений приносили артиллерийские разведчики-наблюдатели. Не случайно в числе тех, кто первым в 10-м артполку удостоился наград, были разведчики рядовые Сидоров, Смирнов, Кислов, Костенко, Харичев, ефрейтор Баландин, старший сержант Ларионов.

Активные боевые действия прибавляли нашим бойцам и командирам уверенности в своих силах. Когда подошла 24-я годовщина Красной Армии, личный состав соединения в приветственном письме уже с полным правом доложил Михаилу Ивановичу Калинин у о своих достижениях.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин, чье имя носила дивизия, ответил нам. Он написал нам о том, что на нашу долю выпала великая честь защищать в тяжелых условиях блокады город Ленина, город мужества и героизма, имя которого стало символом всего советского народа, всего прогрессивного человечества.

М. И. Калинин выразил уверенность, что наши успехи по истреблению фашистских оккупантов будут умножаться изо дня в день и существенно помогут разгрому гитлеровских банд под Ленинградом.

Ответное письмо было прочитано в каждой землянке. Где можно, провели митинги, в других местах — беседы. Об этом позаботились командиры и прежде всего политработники — заместители командиров по политчасти П. Д. Гаранчук, К. Г. Кучерявый, Г. И. Правдолюбов, А. И. Думов, парторги А. П. Бабинцев, М. Т. Знов, комсорги Р. Е. Глазмицкий, А. И. Саблин и другие.

В последующие месяцы противник усилил огневое воздействие. Непрерывному, методическому, изнуряющему артиллерийско-минометному обстрелу подвергались наши передний край, наблюдательные и командные пункты, ближайшая глубина обороны, тыловые объекты, населенные пункты Мартышкино, Старый Петергоф, Ораниенбаум, крейсер «Аврора», стоявший в Ораниенбаумском порту. Наша артиллерия, хотя и испытывала острый недостаток снарядов, давала достойный отпор. Артиллерийские дуэли мы стремились выигрывать

за счет искусного ведения огня. Подлинными мастерами его стали командиры дивизионов капитаны Передерий и Перков, командиры батарей капитаны Алешин, Савельев, Струков, командиры взводов лейтенанты Даниленко, Нагорский, командиры орудий Поливода, Скрижеев, Судак. Все они вскоре удостоились боевых наград.

Когда на плацдарме создавалась группа для борьбы с батареями противника, обстреливавшими Ленинград, в нее отбирали наиболее подготовленных командиров. Из 10-го Краснознаменного полка выдвинули начальника разведки дивизиона старшего лейтенанта Н. И. Лысякова. Его назначили командиром батареи — одной из тех, которые взяли на прицел дальнобойную артиллерию врага в районе поселка Беззаботного.

Потребность в командных кадрах была очень велика и в самой дивизии. Там не всегда хватало командиров для артиллерийских и минометных подразделений стрелковых частей. Брали их в 10-м полку. Так, когда создавался минометный батальон, туда из полка перевели политрука Л. П. Григорьева (он стал командиром этого батальона), командиров Панова, Козинского, Тюмкина, Клевцова.

Была организована подготовка самых дефицитных специалистов — наводчиков. Батареям поставили задачу добиться взаимозаменяемости в орудийных расчетах. В каждом расчете появилось по три-четыре хорошо натренированных наводчика. В последующих боях, особенно с танками, когда огонь ведется с открытой позиции и наводчики нередко выбывают из строя, мы не имели критических ситуаций.

Я уже упоминал, что артиллерия дивизии не располагала необходимыми средствами механической тяги. Орудия перемещались на конях. В 10-м артполку насчитывалось около 800 лошадей. Они выручали на любой дороге и при бездорожье доставляли снаряды, вывозили раненых.

Да, совсем не зря мы говорили тогда не просто «конь», а «боевой конь». Однако сохранить его, содержать в надлежащем состоянии было в условиях блокады задачей огромной трудности. Прежде всего — прокормить. Постоянно испытывали перебои в снабжении фуражом, особенно в зимнее время. Чтобы спасти лошадей от гибели, приходилось добывать с крыш солому, из-под снега — мох, рубить хвою, березовые ветки, затем варить все это.

На плацдарме кони находились в специально сделанном блиндаже. Когда нужно было иметь их ближе, строили возле огневых позиций укрытия. Лошади призывали к грохоту бомбежек, артиллерийскому обстрелу и в укрытиях вели себя спокойно.

Бойцов, занятых с лошадьми, лучше других управлявшими ими в артиллерийских упряжках, командование поощряло и даже награждало наравне с наиболее умелыми и храбрыми орудийными номерами. Многие ездовые и сами показывали мужество в бою. Такими запомнились комсомолец В. Н. Пастернак, погибший смертью храбрых, коммунист старшина И. П. Рыбалко, И. Н. Фесенко с 3-й батареей, В. С. Сидорин с 4-й, С. А. Груздь с 6-й и некоторые другие.

Забота о сохранении конского состава, естественно, лежала на ветеринарной службе. Ее начальник майор А. Н. Баженов, начальник ветлазарета старший лейтенант П. К. Петренко, ветфельдшеры в дивизионах и на батареях делали все, чтобы как можно большее число раненых лошадей возвратилось в строй — этот процент в наших невероятно сложных условиях достиг 90. Ведь лошадей с Большой земли мы не получали.

Сегодня профессор Александр Николаевич Баженов заведует кафедрой в Ленинградском ветеринарном институте, а Петр Карпович Петренко — преподаватель Идрицкого сельскохозяйственного техникума.

В мае 1943 года 48-ю дивизию сменила на позициях 168-я стрелковая дивизия. Нас вывели во второй эшелон, в «тыл», откуда до передовой было всего несколько километров. Командный пункт дивизии разместился в юго-западной части Ораниенбаумского Верхнего парка, вблизи Китайского дворца. Здесь и застала бойцов и командиров соединения радостная весть о награждении дивизии орденом Красного Знамени. Указ Президиума Верховного Совета СССР был подписан в весьма знаменательный день, когда соединению исполнилось четверть века со дня формирования. Афанасию Ивановичу Сафронову, командовавшему дивизией с октября 1941 года, присвоили генеральское звание.

Началась активная подготовка к наступательным боям. В канун Октябрьской годовщины на Ораниенбаумский плацдарм прибыло полевое управление 2-й ударной армии. На всех уровнях развернулась учеба. Она шла и на командных пунктах, и на местности.

На специально оборудованном полигоне артиллеристы отрабатывали способы ведения огня в наступатель-

ном бою. Провели опытно-показательные стрельбы, на которых продемонстрировали перед представителями различных родов войск методику разрушения дзотов, траншей, ходов сообщения. Минометчики показали, как они собираются проделывать проходы в минных полях и проволочных заграждениях, подавлять минометные батареи врага. Особый интерес вызвало так называемое «сползание огня», при котором артиллерийская подготовка, а потом поддержка атаки почти сливаются.

Готовился исходный рубеж для наступления. В ближайшей глубине через лес и болота прокладывались дороги, на переднем крае оборудовались новые огневые позиции для артиллерии, сооружались новые наблюдательные пункты...

Командный пункт 10-го артполка расположился в километре от противника, в лесу, на северных скатах высоты с отметкой 148,0. Это была самая южная точка Ораниенбаумского плацдарма. Командование организовало разведку противника. Днем и ночью на НП батарей и дивизионов артиллерийские разведчики следили за передним краем гитлеровцев. Вражеские позиции фотографировали самолеты-разведчики. Пункты сопряженного наблюдения, звукометрические станции засекали артиллерийские и минометные батареи противника. Результаты разведки стекались в штаб дивизии. Благодаря этому мы хорошо изучили систему вражеской обороны, противостоявшие силы и удачно спланировали артиллерийское наступление.

В ночь на 14 января 1944 года саперы проделали проходы в минных полях, заложили усиленные заряды под колючую проволоку у первой линии обороны врага. В 9 часов 45 минут над нами пронеслись огненные трассы «катюш». Все артиллерийские части и подразделения получили команду «Огонь!».

Плотность огня артиллерии в нашей дивизии достигала 135 орудий на километр фронта, не считая орудия калибра ниже 76 миллиметров. Все уничтожающий ураган бушевал над вражескими позициями 65 минут. Помимо наших батарей стреляли форты Серая Лошадь и Красная Горка, корабли Балтийского флота. Каждую секунду на противника обрушивалось 25 снарядов. Всего по позициям гитлеровцев было выпущено свыше 100 тысяч снарядов и мин.

Даже если бы этот день счастливо не совпал с моим днем рождения, я все равно запомнил бы его на всю жизнь. Залпы наших батарей, огонь орудий прямой на-

водки крушили все на переднем крае врага, дезорганизовывали его систему обороны в глубине. В атаку поднялась пехота...

За успешные боевые действия по разгрому врага 48-я дивизия была удостоена наименования Ропшинской.

В. В. ЛАПТЕВ,

*бывший начальник штаба
1062-го стрелкового полка
281-й стрелковой дивизии,
подполковник в отставке*

ВОТ ТАКОЙ ОН — РЕДЬКИН

Так случилось, что первый раз после войны я встретился с Николаем Семеновичем Редькиным в поезде 8 мая 1975 года. В канун Дня Победы мы оба ехали, как оказалось, до одной станции — Новая Малукса. И с одной целью — побывать на братской могиле около Погостя, где похоронены павшие бойцы и командиры нашей 281-й стрелковой дивизии.

Путь был неблизкий, времени хватало, чтобы вспомнить о погибших товарищах, о пройденных военных дорогах. И уже тогда у меня возникло желание рассказать о самом Редькине.

Он провоевал на фронте все четыре года войны: начал ее у границы, закончил в поверженной фашистской Германии. За четыре года только и было отдыха, что на госпитальной койке после очередного ранения или на переформировании. Был он разведчиком, а наиболее сложной работой разведчика считался поиск, захват «языка».

В октябре 1941 года, было это в районе деревни Порожки, разведчики получили задание добыть «языка». На это трудное и опасное дело вызвались добровольцы.

Вызвались многие, пришлось отбирать. Старшим группы захвата назначили Николая Редькина. Был он тогда старшим сержантом, помощником командира взвода разведки. Стали готовиться к вылазке.

Осень прикрыла землю плотным слоем опавшей листвы. Ночи темные — в двух шагах ничего не видно. Гитлеровцы, естественно, боятся, ведут себя настороженно, беспокойно. С наступлением темноты из автоматов и пулеметов стреляют. А в промежутках осветительные ракеты «развешивают».

Целую неделю наблюдали за передним краем и обнаружили место, где во вражеской траншее только один человек дежурит. Ходит по траншее туда и обратно. На бруствере у него карабин лежит, метров через двадцать — автомат, еще дальше — пулемет. Ракетницу с собой носит. Стрельнет из карабина — ракету запустит. Даст очередь из автомата — к пулемету перейдет. И такую точность во времени соблюдает, что хоть часы проверай.

За неделю разведчики узнавать дежурных стали. С вечера обычно «нервный» заступал. Очереди из автомата и пулемета у него отрывистые получались, частые, как будто торопился за отведенное ему время побольше патронов сжечь. После полуночи дежурил «музыкант». Этот из карабина стрелял, как в ладушки играл. Из автомата — морзянку выстукивал, а из пулемета — целые мелодии выводил.

Решили брать «музыканта». Оработали все вопросы с группой обеспечения, договорились о взаимодействии с артиллеристами. Саперы в своих и вражеских минных полях проходы сделали.

И пошли разведчики. Пока стреляет «музыкант», двигаются вперед. Перестанет — залягут, ждут ракету. Погаснет она — снова вперед. Ночь холодная, а им жарко.

У проволочного заграждения группа обеспечения остановилась. Шестеро продолжали путь к противнику. Метрах в тридцати от траншеи четверо залегли. Дальше поползли Редькин с Башаровым, крепким парнем из Чкаловской области.

Вот уже отчетливо виден немецкий солдат. Холодно и страшно ему. Он ногами стучит, руками хлопает — греется. На голову и плечи накинуто одеяло. В другое время рассмеяться бы над такой картинкой, но тут не до смеха. Что же сделает сейчас «музыкант»? По всем правилам, ему к пулемету идти надо. А вдруг изменит привычке, вдруг еще ракету запустит? Немецкая пунктуальность победила. Зашагал гитлеровец к пулемету. «Отыграл» на нем очередную мелодию, осветил местность ракетой и повернул обратно.

От траншеи отходил «ус» — узкий окоп, в нем Редькин с Башаровым. Ждут «музыканта». И вот он появился с ними. Башаров его по голове легонько прищипом, Редькин быстро кляп в рот засунул. «Языка» переваляли через бруствер и поволокли.

Фашисты всполошились, когда разведчики уже на нейтральной полосе были. Ребята доставили гитлеровца в штаб живым и невредимым.

Поверил тогда Редькин в свое солдатское счастье, да недолго служило оно ему. Ранило. После госпиталя и вовсе не повезло: направили не в разведку, а в строительный батальон. Но Николай пошел к комиссару дивизии полковнику Диденко. Узнал комиссар своего разведчика. Вспомнил про «музыкального языка», который оказался матерым фашистом, прошедшим по Испании, Франции, Польше. Вспомнил о партийном билете, который получил Николай Семенович из рук полковника после боя у деревни Порожки. Редькина направили к старым друзьям в разведку.

Закончилась война, стали забываться ее события. Но однажды она напомнила о себе неожиданным образом. Несколько лет назад, накануне Дня Советской Армии, зашел к Николаю Редькину отец и подал письмо. «Здравствуйте, уважаемый Семен Николаевич! К Вам обращаются красные следопыты из города Вязьмы, из дружины имени Николая Гастелло. Дело в том, что наш 7-а класс разыскивает вашего сына Редькина Николая Семеновича, который в годы Великой Отечественной войны спас Боевое знамя части...»

Случилось это уже после разгрома немецко-фашистских войск под Ленинградом и освобождения Ленинградской области от ненавистных оккупантов. 281-ю стрелковую дивизию перебросили на другой участок — включили во 2-й Белорусский фронт. По пути на воинский эшелон налетела вражеская авиация, стала бомбить. Редькин услышал крик:

— Спасайте штабной вагон!

Николай Семенович знал, где находится этот вагон. Когда подбежал, один угол у него уже был разбит, вагон горел. Не раздумывая, разведчик и еще один незнакомый ему солдат бросились в огонь. Вытащили раненых, выбросили ящик со штабными документами.

Налет продолжался, кругом рвались бомбы. Фашистские стервятники пикировали, стреляли из пулеметов. Солдат, действовавший вместе с Редькиным, упал, сраженный очередью. И тут разведчик услышал новый крик:

— Знамя! В вагоне знамя!

Он снова бросился в горевший вагон, среди пламени и дыма нашел знамя и вынес его.

Обгоревшее Боевое знамя было передано в Цент-

ральный музей Вооруженных Сил СССР в Москве. Николай Семенович об этом не знал, пока не нашли его красные следопыты. Спустя 30 лет отважного бойца сфотографировали у спасенного им знамени.

Вот такой он, бывший разведчик Редькин!

А. М. МИТИЦ,

*бывший заместитель командира
402-го стрелкового
Краснознаменного полка
168-й стрелковой дивизии,
подполковник в отставке*

«ПОДАРОК» НА РОЖДЕСТВО

В конце декабря 1942 года командующий Приморской оперативной группой генерал А. Н. Астахин приказал на участке обороны нашего полка провести разведку боем и захватить «языка».

День для этого долго не выбирали — лучше 25 декабря не найти. Гитлеровцы станут отмечать рождественские праздники, бдительность ослабнет, взять в плен какого-либо захмелевшего фашиста окажется нетрудно.

Чем определялся успех задуманного? Во многом тем, правильно ли выбран момент для действий, и тем, насколько умело они осуществляются. Год, проведенный полком да и всей дивизией на Ораниенбаумском плацдарме, не прошел даром, мы многому научились.

Он не был, конечно, легким, этот 1942 год. На плацдарм мы прибыли в январе. Это, наверно, один из самых тяжелых месяцев блокады. Прибыли после кровопролитных сражений на Невском «пяточке». Перебазирование проходило трудно. Бойцы, изнуренные боями и голодом, шли в пешем строю от Лисьего Носа до Кронштадта по льду Финского залива и после кратковременного отдыха в Кронштадте — снова по льду на плацдарм. Но это шли Бондаревцы, они преодолели трудности. Это шли те, кто в июле — августе 1941-го мужественно отражал атаки противника в районе Сортавалы, о ком была выпущена часиковым тиражом брошюра «Бондаревцы». Это были бойцы дивизии, о которой маршал Г. К. Жуков писал, что «в боях за г. Пушкин и Слуцк (Павловск) особенно отличилась 168-я стрелковая дивизия полковника А. Л. Бондарева... С особым упорством ее воины вели бои с противником в районе Колпина».

Подразделения поставили в оборону. Совершенствуя ее передний край и глубину, бойцы и командиры вырыли десятки километров траншей и ходов сообщения, возвели много дзотов и блиндажей, поставили огромное количество противотанковых и противопехотных препятствий. Они построили и отремонтировали десятки километров дорог. Благодаря этим и другим инженерным мероприятиям была возведена глубоко эшелонированная и надежная оборона.

Одному из наших стрелковых полков, 260-му, пришлось еще раз пройти по льду залива. Гитлеровцы, пытаясь обеспечить себе коммуникации в Финском заливе, весной 1942 года захватили остров Гогланд. Возникла угроза вражеского десанта непосредственно в Кронштадт. Потребовались срочные предупредительные меры. По приказу командующего Ленинградским фронтом 260-й полк в начале апреля совершил марш от Шепелевского маяка на остров Лавенсаари, где его включили в состав группы войск, которой следовало вернуть Гогланд.

А наш 402-й Краснознаменный полк в это же время «прогуливался» между Ковашами и рекой Воронкой. Три дня подряд утром полк выступал походной колонной и двигался в западном направлении. Ночью возвращался обратно, а на следующее утро марш повторялся. В дневное время над колонной, естественно, висели немецкие самолеты-разведчики. Они, по всей видимости, фотографировали ее и докладывали своему командованию. На сей раз это и требовалось: движение полка задумывалось как ложный маневр, цель которого — обмануть противника в отношении численности и расположения войск на Ораниенбаумском плацдарме.

Как потом выяснилось, очень тяжелые для личного состава полка «прогулки» цели достигли. Мы сумели ввести врага в заблуждение: он посчитал, что на правый фланг Приморской оперативной группы прибыла новая дивизия. А 14 апреля полк перебросили в Кронштадт для усиления сухопутной и противодесантной обороны острова Котлин.

Возвратились оба полка на Ораниенбаумский плацдарм только в конце июня. Начался период активной обороны. И одновременно напряженной учебы. Занятия по боевой подготовке велись во всех подразделениях. Вблизи деревни Малое Коновалово соорудили опорный пункт обороны — точную копию немецкого. Организовали двусторонние показательные учения, в которых участвовали

командиры других частей и соединений Приморской оперативной группы. Это была своеобразная репетиция будущих наступательных действий. Учениями руководил командир нашей дивизии полковник А. А. Егоров. Разбор учения сделал командующий группой генерал-майор А. Н. Астаин.

Подразделения использовали каждую возможность побеспокоить противника, нанести ему возможно больший урон. Боевая практика рождала инициативу, новые эффективные методы борьбы. В 402-м полку, например, научились наносить противнику внезапные короткие массированные огневые удары. Для каждого вида оружия, вплоть до ручных гранат, определялись предварительно разведанные цели. Стрелки вели огонь залпами. Чтобы враг не мог раскрыть систему нашего огня, налеты проводились с временных огневых позиций. Командир минометной роты старший лейтенант И. С. Гарькавый удачно применял «кочующие» минометы.

В этот год набрали силу и наши снайперы. Старший сержант Ахат Ахмедьянов довел счет уничтоженных фашистов до 290. Не по одному десятку убитых гитлеровцев занесли на личные счета старшие сержанты Иван Родионов и Арифзян Якупов, красноармейцы Афанасий Казанцев, Василий Дмитриев.

В снайперском движении стали выделяться девушки-воины. В 462-м полку отличилась бывший санинструктор Римма Борщевникова. Очень уж по душе пришлась ей винтовка с оптическим прицелом. Освоила ее и начала выходить на «охоту». Число истребленных гитлеровцев быстро довела до десяти. Красноармеец 260-го полка Полина Николаева выходила на передний край вместе с группой снайперов-мужчин. Ее индивидуальный счет уничтоженных вражеских солдат и офицеров за несколько месяцев достиг тринадцати.

К концу года все чаще начали проводить разведку боем. Она стала одним из главных проявлений активности в обороне. Такой бой давал необходимые сведения о группировке противника, его численности, силе, системе огня. Накопленный опыт, непрестанная учеба сказывались: вылазки раз от раза проходили успешнее.

Разведчики взвода младшего лейтенанта Петра Токарева сумели проникнуть в расположение противника... через амбразуру дзота. Он почти пустовал — наблюдатели отметили, что гитлеровцы на ночь покидают его, оставляя только одного часового. Наши бойцы подобрались близко, подкараулили, когда часовой безмятежно

задремал, влезли в амбразуру дзота и спокойно, без помех, через его вход выбрались в траншею врага. На обратном пути пленного протолкнули через ту же амбразуру и привели к своим.

В другой раз разведчики прошли во вражескую траншею через стрелковую ячейку под завалом. Мужество, храбрость в сочетании с солдатской смекалкой и изобретательностью давали отличные результаты.

Вот и в вылазке под рождество, с которой я начал свой рассказ, мы очень надеялись на успех. Она словно подводила итог всему тому, что мы освоили в предыдущих боях. Для ее проведения выделили роту нашего полка, которой командовал старший лейтенант Алексей Щепичев. Артиллерийскую подготовку атаки и обеспечение огнем действий роты возложили на 1-й дивизион 412-го гаубичного артиллерийского полка, командиром дивизиона был капитан Константин Доронин.

Накануне вылазки, 24 декабря, начальник штаба дивизии полковник Василий Федорович Райков и я прибыли на наблюдательный пункт 2-го батальона, чтобы окончательно уточнить план поиска и вопросы взаимодействия. Стоял тихий морозный день. Лишь временами тишину нарушали пулеметные и автоматные очереди.

Через стереотрубу расположение противника казалось совсем рядом. По направлению к одному из зданий, занятому врагом, видно необычайно оживленное движение. Подводы, солдаты снуют туда и сюда. Гитлеровцы явно готовят какое-то «мероприятие», скорее всего рождество справлять собираются. Решение пришло быстро: завтра, когда рота Щепичева поднимется в атаку, сосредоточенный огонь батарей артдивизиона перенести ближе к зданию.

К утру следующего дня рота заняла исходный рубеж. Все произошло как планировали, словно это был не бой, а учение. В воздух взвилась красная ракета. По этому сигналу артиллеристы сделали огневой налет по переднему краю обороны противника. И вот атака наших бойцов. Они идут вслед за разрывами наших снарядов. Огневой вал уже бушует над второй позицией врага, а в первую траншею ворвались бойцы роты Щепичева. Очередями из автоматов, гранатами они расчищают себе путь. Есть и «язык».

А гаубицы кладут снаряды вокруг здания. В разные стороны от них бегут и падают сраженные гитлеровцы.

Хороший «подарок» на рождество! Мы понимали: скоро будет много таких «подарков», скоро наступление.

Ведь эта разведка боем — одна из тех, что пужна при подготовке нашего наступления.

Ближе к его началу поиски разведчиков стали проводиться почти каждую ночь. В августе 1943 года их провели 11, в сентябре — 19, в ноябре — 23, в декабре — 26. Накануне январского удара по врагу в разведке боем участвовали роты, батальоны и даже полки. Вылазки подобного масштаба позволяли уточнять сведения о противнике, его обороне и системе огня, помогали приобретать боевой опыт.

Запомнилась разведка боем, которую провела 20 ноября 1943 года пятая рота 402-го стрелкового Краснознаменного полка под командованием лейтенанта И. Коломольца. Перед ней поставили задачу захватить пленных, добыть данные об инженерных заграждениях, характере обороны противника.

Как только наша артиллерия перенесла огонь в глубину вражеской обороны, рота бросилась в атаку и ворвалась в немецкие траншеи. Опорный пункт фашистов был разгромлен, рота продвинулась на 800 метров, несмотря на бешеные контратаки гитлеровцев. Пример мужества и отваги показал командир роты. Он все время находился в цепи подразделения. Управляя ротой, он вел огонь из автомата, затем из ручного пулемета. Бой длился 12 часов. Было уничтожено несколько десятков вражеских солдат и офицеров, а девять взято в плен. Командование высоко оценило действия роты. 11 участников боя были награждены орденами и медалями, в том числе лейтенант И. Коломонец — орденом Отечественной войны I степени.

А. Г. ГОЛУБИЦКИЙ,

*бывший начальник штаба
26-го отдельного саперного батальона
11-й стрелковой дивизии,
капитан в отставке*

ОТВАЖНАЯ ДЕВУШКА

Наряду с мужчинами большой вклад в победу над немецко-фашистскими захватчиками внесли наши мужественные женщины-бойцы. Помню, летом 1941 года пришла к нам в батальон статная, черноволосая, с удивительными глазами, истинно русская красавица на должность санитарного инструктора. Звали ее Мария Васильевна Васильева. Было это под Ораниенбау-

мом. Прибыла Маша из госпиталя, где работала медсестрой. Сама попросилась на передовую.

Боевое крещение санинструктор Васильева прошла еще под Питкярантой в сороковом году. Тогда ей шел девятнадцатый год.

Наша дивизия вела упорные оборонительные бои на Ораниенбаумском плацдарме. Гитлеровцы рвались к Ораниенбауму, к Кронштадту и непрерывно атаквали нас. Нас — это и саперную роту 26-го отдельного саперного батальона, находившуюся в обороне недалеко от вокзала в Старом Петергофе. Васильева находилась вместе с саперами.

Пулеметный расчет роты занял позицию на втором этаже здания школы и своим огнем сдерживал натиск немецко-фашистских захватчиков. В тот день разгорелся очередной ожесточенный бой. Через пулеметную трескотню и разрывы мин и снарядов прорвался зов:

— Маруся! Где Маруся? Срочно сюда! В пулеметном расчете раненые. Мина разорвалась...

Звали санинструктора Васильева.

Молнией влетает Маша на второй этаж. Волосы выбились из-под пилотки, лоб покрылся потом. Мгновенно открывается сумка с красным крестом. Оказав помощь пулеметчику, она на своих плечах уносит его на первый этаж, — там безопаснее. А сама бегом снова на второй этаж, — там еще раненый. Немцы усилили обстрел. Через окно Маша увидела: фашисты опять атакуют, перебежками, мелкими группами приближаются к позициям саперов. Медлить нельзя.

— Не выйдет, проклятые! — кричит отважная девушка и быстро занимает место у пулемета. Уверенно нажимает на гашетку. Ливень огня обрушивается на гитлеровцев. Атака отбита. Саперы прочно удерживают занимаемый рубеж и благодарят находчивого санинструктора:

— Спасибо тебе, Машенька!

В начале октября сорок первого года 163-й стрелковый полк дивизии, форсировав пруды у Английского дворца в Старом Петергофе, при поддержке танков вел ночной бой, наступал в направлении Нового Петергофа. Пехоту и танки сопровождали саперы. С ними неустрашимая Маруся.

Быстро сгущались сумерки. Наступает ночь, сырая, темная. Порывы ветра буквально пронизывают тело. Земля, мокрая и глинистая, ускользает куда-то из-под ног. Появляется нарастающий звук, затем неподалеку

вспыхивает яркое пламя. Земля вздрагивает от удара. Разорвался вражеский крупнокалиберный снаряд, а затем противник перенес сюда огонь всех видов оружия. Развернулся бой — жестокий, кровопролитный.

Во мгле бегут темные фигуры людей. Залегли. Короткая передышка и снова вперед. Теперь они уже ползут — упорно, настойчиво. И героически встречают горячий свинец. Вот уже некоторые темные фигурки замирают на месте, быть может навсегда. У одной из фигур выбиваются длинные пряди волос из-под пилотки. Это девушка. Мелькнул белый платочек, которым она топорливо стирает с лица пот. В шуме боя она уловила стон. Насторожилась. Стон отчетливо повторился. Сомнений нет: это раненый. Чтобы добраться до него, надо преодолеть дорогу, которая простреливается вражескими автоматчиками. Маруся бросается туда. Ее кто-то одергивает за рукав:

— Маша! Здесь слишком опасно. Поберегитесь!

Маруся не обращает внимания на предупреждение. Она за тем и пришла, чтобы помочь пострадавшим в бою людям.

— Пить, — еле слышно шепчут усталые губы. Она наклоняется, подносит ко рту флягу. Говорит ласково:

— Потерпи, миленький. Все будет хорошо, — а сама проворно перевязывает рану, а затем крепко прижимает бойца к себе и ползет. Ноша тяжелая. Вот нога соскользнула в грязь.

— Это уже седьмой, — подытоживает девушка, продолжая с трудом продвигаться к своим. Яркий свет вражеской ракеты озаряет местность. Маруся замирает. Снова темнота.

Она крепче прижимает раненого и ползет. Вот и БМП. Она сдает раненого. Небольшая передышка — и Маруся опять устремляется туда, где идет бой. Там ее ждут.

В том бою отважная девушка вынесла с поля боя более 20 раненых. Орден Красной Звезды украсил грудь отважной комсомолки Марии Васильевой за этот подвиг.

Многим воинам спасла жизнь мужественная патриотка. А вот себя не уберегла. Мария Васильева погибла от вражеского снаряда в конце 1941 года под Колпином, у стен Ижорского завода.

ЗНАКОМОЕ ПОЛЕ

Недавно я снова побывал на бывшем Оранienбаумском нацидарме, на местах минувших боев. Шумят молодые деревья — они выросли вместо тех, что когда-то были исеечены осколками и пулями. Шел вдоль старых позиций. Как внезапный прорыв из прошлого, эта извилистая линия заросших окопов, эти развалины дзотов...

Небольшой холмик. Под ним могила боевого друга, комсорга роты Николая Виноградова. Свежевспаханное совхозное поле... Тогда оно было картофельным.

На этом поле и развернулись события, о которых хочу рассказать.

В ноябре 1942 года тут шел ожесточенный бой. С утра до вечера враг атаковал деревню Терентьево. К концу дня ему удалось нас потеснить. Рота отошла на подготовленный рубеж у деревни Усть-Рудицы и заняла его. В дело вступили наши тяжелые батареи, они помогли утихомирить гитлеровцев.

Наступило небольшое затишье. Сидим в окопах, курим, обеда ждем. Почистили оружие, себя в порядок привели.

Впереди «ничейная» полоса. Она проходит по картофельному полю. Смотрю на него зачарованно. Детство вспомнилось. Костер, печеная картошка. Бывало, разгребешь горячие угли, выкаташь картофелину. Хвать на ладонь! А она жжет. Разломишь — белая, рассыпчатая. И запах от нее — аж голова кружится!..

Голова и в 1942-м кружилась. От голода. Понятно, второй день без хлеба, и приварок — один жидкий суп. Автоматчик Николай Пошивай, хлебороб из Крыма, переглянулся со мной и тоже мечтательно вздохнул:

— Картошечки бы печеной сейчас! Или вареной. Да с соленым огурчиком!

— Завтра выйдем фашистов из Терентьева, отгоним к Гостилицам — все поле нашим будет. Бери лопату и копай картошку сколько душе угодно, — заметил Володя Федянов, бывший электрик с «Азовстали».

— То завтра... Завтра бой, может поздно будет, — ответил Николай.

Все притихли. Кто может поручиться за завтрашний день? И теперь головы не поднимаешь,— опять фашист начал бить. Он в удобном положении, с его позиций поле как на ладони...

Вскоре принесли перловый суп и по сухарю. Бойцы быстро управились с едой, молча залегли по своим точкам.

Лежу и я. Сейчас, пока стрельба прекратилась, поспать бы «про запас», а уснуть не могу. В голове вертится мысль: «Хоть бы еще раз вдоволь картошки поесть и товарищей накормить...» Может, и в самом деле сходить ночью на поле? Земля под снегом еще не очень промерзла, копать будет нетрудно.

Толкаю в бок дружка Володю Федянова. Он без возражения соглашается идти со мной. Подговорили еще одного нашего земляка, командира пулеметного расчета Ивана Белоусова. Он подполз к командиру взвода, сказал ему. Тот дал «добро». Взяли санки, три мешка, саперные лопаты при нас были. Уходя, Белоусов своему расчету сказал:

— В случае чего — прикроете.

Шли по замерзшему ручью, ступали осторожно, оглядывались по сторонам. Берега ручья крутые, высокие, они нас и маскировали. К полю подошли незамеченными.

Иван с автоматом выдвинулся вперед, он вроде боевого охранения, а я с Володей ползком на поле. Выбрались и за дело принялись. Подденешь лопаткой бугорок, выворишь, а там больше десятка картофелин. Да каких! Крупных, чистых. Хороший урожай колхозники вырастили, но убрать не успели,— война помешала.

Мы с Федяновым очень быстро накопали три больших мешка. И карманы клубнями набили. Лунки присыпали снегом, чтобы гитлеровцы не обнаружили нашей работы,— может, еще раз придем. Мешки выволокли к ручью, взвалили на санки — и к своим.

Идем, поторапливаемся. Под полозьями снег скрипит. Я и Федянов тащим санки, а Белоусов нас охраняет.

Была уже полночь, когда добычу мы отвезли на камбуз. Николая Колпакова, нашего кока, разбудили. Он удивился и обрадовался. Вместе чистить картошку принялись. Еле к утру управились. А когда занялся рассвет, от камбуза в траншею потянуло таким запахом...

Первым пришел на камбуз наш ротный политрук Н. С. Сериков.

— Что тут у вас происходит?

— Доплаек изыскали, товарищ политрук, — ответил Колпаков. — Ребята на картофельное поле ночью сходили.

— А кто разрешил?

Мы доложили.

— Хвалю за инициативу. Давайте сниму пробу.

И потянулись один за другим на запах к камбузу моряки. Пришел и Николай Пошивай.

— Братцы, — крикнул, — наверно, у Колпакова сегодня день рождения!

А Коля Колпаков уже надел белый колпак, куртку и командует:

— Подходи, наваливайся, братва!

Раздал картофель, накормил нас, занялся привычным делом — котел дранть.

Последние доедали забытое на вкус блюдо, когда загрохотала наша дальнобойная артиллерия. «У-у-у! У-у-у!» — прошелестели над головой снаряды. И раз за разом слышалось: «у-у-ух, у-у-ух!» Терентьево окуталось черным дымом.

В тот день Николай Пошивай с группой автоматчиков и легким пулеметом по мелколесью пробрались к фашистам в тыл и неожиданно обрушились на них. Ох не любили гитлеровцы ударов с тыла, сразу запаниковали. А здесь под мощное «Ура!» и вся наша рота в атаку пошла...

Отбили тогда у врагов деревню Терентьево. И навсегда стало нашим картофельное поле.

После боя Пошивай пришел на камбуз со своим отделением. Маскхалаты продырявлены, шапка Николая осколком разорвана. Но все целехонькие! Лица грязные, от усталости автоматчики еле на ногах держатся. И только переступили порог, потребовали:

— Картошки нам!

Храбрецов усадили, насыпали в котелки картошки с отвоеванного поля — Колпаков успел накопать.

Тот бой мне еще вот почему очень хорошо запомнился: после него меня, Николая Пошивая и Ивана Белоусова кандидатами в члены партии приняли. Одним из тех, кто дал нам рекомендации, был парторг роты Михаил Иванович Филиппов.

*М. И. ФИЛИППОВ,
бывший парторг роты
50-й отдельной бригады
морской пехоты,
лейтенант в отставке*

ПО ЗОВУ СЕРДЦА

Откинув плащ-палатку — полог, закрывавший вход, — в землянку вошли два друга разведчики Николай Пошивай и Александр Поляков. Первым заговорил Пошивай:

— Извините, Михаил Иванович, что в неурочное время явились, но дело у нас серьезное.

— Ну раз серьезное, то садитесь и говорите, — пригласил я.

Пошивай устроился на чурбаке, Поляков — на охапке дров. Смотрят на меня краснофлотцы и никак не могут начать разговор. Куда обычная храбрость делась! Тогда я спросил сам:

— Так что у вас за вопрос столь важный?

Пошивай несмело говорит:

— Нам бы, товарищ парторг, анкету... И что там еще полагается... Характеристику?

Я уже давно обо всем догадался:

— В партию решили вступить?

Поляков смущенно отвечает:

— Да. Как вы на это смотрите?

— Положительно смотрю, — говорю им. Собственно, иначе и смотреть не могу, очень хорошо знаю этих ребят. Примерные комсомольцы, отважные, дисциплинированные, добрые товарищи. Николай Пошивай возглавляет разведотделение. Поляков — снайпер. Воинское мастерство, самоотверженность, мужество — лучшие характеристики бойцам, желающим вступить в партию.

Однако для коммуниста нужна не только личная храбрость, но и готовность быть примером для своих товарищей, умение воспитывать других. Справятся ли они с этой задачей? Тут я тоже спокоен: Пошивай — агитатор, проводит беседы и в отделении, и во взводе, а Поляков — редактор боевого листка, регулярно выпускает его.

Без всяких сомнений даю одному и другому листки бумаги для заявления, говорю, как надо его написать. И в рекомендации не отказываю. Другую попросим у политрука роты Николая Сергеевича Серикова. Звоню

ему, рассказываю о Полякове и Пошивае. Он отвечает, что рекомендации разведчикам, конечно, даст, знает их не хуже меня, но сейчас придет лично поговорить с ними.

Землянки наши неподалеку, и скоро политрук уже у нас. Он садится к печке, начинает непринужденный разговор. Расспросил Пошивая о вчерашней вылазке в тыл фашистов. Полякова попросил показать книжку «Линевой счет снайпера», обещал помочь получить новую винтовку с оптическим прицелом. Потом говорили о положении на вашем фронте, о письмах, которые так долго идут с Украины, откуда разведчики родом.

Николай Пошивай и Александр Поляков ушли. А мы с податруком, обрадованные решением ребят о вступлении в партию, еще долго говорили о делах в роте, ее людях. Я сказал Николаю Сергеевичу, что Иван Белоусов, наш лучший командир пулеметного расчета, тоже собирается подать заявление о приеме в ВКП(б). Я побывал у него на огневой позиции. В дзоте чистота, как на корабле после приборки. В нишах аккуратно разложены коробки с пулеметными лентами, гранаты. Пулемет в готовности. При оружии второй номер и подносчик патронов дежурят.

— Где остальные? — спрашиваю.

— Они занимаются, — отвечают.

Огляделся — никого не вижу.

— Где занимаются? Чем? — начинаю выяснять.

Бойцы проводили меня в шалаш, замаскированный ветками. Вхожу и вижу: Белоусов вместе с двумя другими краснофлотцами «Краткий курс истории ВКП(б)» читают...

Вместе с Сериковым мы назначили день партсобраний, на котором предстояло рассмотреть вопрос о приеме в партию. Но провести его не удалось: фашисты предприняли очередную вылазку.

Отбивая вражескую атаку, расчет Ивана Белоусова действовал, как всегда, уверенно и четко. Помогли наши орудия и минометы. Дальше нейтральной полосы фашисты не проникли, а потом и вовсе отошли, понеся значительные потери.

Принимали бойцов в партию на открытом партсобрании. Для этого коммунисты собрались в просторной хозяйственной землянке, пригласили свободных от дежурства краснофлотцев, командиров. Прочитали поданные заявления, рекомендации, послушали биографии товарищей, задали ряд вопросов. Нашлись желающие

выступить. Голосовали за каждого в отдельности. Единогласно приняли кандидатами в члены партии Пошивая, Полякова, Белоусова.

Как сложилась дальнейшая судьба этих бойцов? Николай Пошивай вскоре стал командиром подразделения гвардейских минометов, участвовал в снятии блокады Ленинграда, освобождении Нарвы, Риги. В последний день войны был ранен в Чехословакии. Выписался из госпиталя через год, демобилизовался, приехал в родное село Чеботарка, что на юге Украины, и ни одного дня не отдыхал. Односельчане избрали его председателем правления колхоза. На этом посту и трудился 18 лет.

В начале апреля 1977 года мне позвонил Анатолий Михайлович Смирнов, председатель совета ветеранов нашей бригады. Спрашивает:

— Ты Полякова помнишь?

— Еще бы! — отвечаю.

— Он сейчас с тобой говорить будет...

— Миша! Михаил Иванович! — слышу голос друга, а у меня от волнения аж дыхание перехватило.

— Слушаю тебя, Саша — говорю наконец.

А через полчаса мы уже обнимали друг друга. Какая это радость — встретить боевого товарища. Поляков докладывает:

— Вашу рекомендацию, товарищ парторг, оправдал.

Рассказал о себе. Пять раз был ранен на фронте, награжден. Стал офицером. Демобилизовался в 1954 году. Работал и без отрыва от производства учился в вузе, получил диплом инженера-строителя. А дальше — стройки в Сибири, Забайкалье, на Дальнем Востоке. Став пенсионером, на отдых не ушел, продолжал строить жилые дома, передавал опыт молодежи.

Д. М. БАБКИН,

*бывший командир 85-й отдельной
разведроты 48-й стрелковой дивизии
имени М. И. Калинина,
подполковник в отставке*

ТАК СРАЖАЛИСЬ РАЗВЕДЧИКИ

С войсковой разведкой я был связан с первых месяцев войны. В августе — сентябре 1941 года командовал группой разведчиков, которая в составе небольшого отряда выполняла задание в тылу оккупантов — в районе Кингисеппа и Волосова. Когда пришла пора возвращаться назад, до линии фронта уже было свыше 120

километров. Переходили передний край в районе Усть-Рудиц и Вареполя. Без боя не обошлось. В последний момент натолкнулись на группу гитлеровцев. В ход пустили гранаты и трофейные автоматы. Перешли вброд реку Воронку и оказались на Ораниенбаумском плацдарме, на участке, который обороняла бригада морской пехоты.

Моряки оказались бдительными. Нас доставили в штаб. Все обстоятельства были выяснены. Мы рассказали о противнике, его силах и средствах на участке, где были, а к вечеру на попутном транспорте добрались в Ораниенбаум, где и отчитались о выполнении задания.

В августе 1942 года меня назначили командиром седьмой роты 301-го стрелкового полка 48-й стрелковой дивизии имени М. И. Калинина. Ротный рубеж обороны тянулся на полтора километра и считался одним из главных не только для батальона, но для всего полка. Обороняли его 80 человек.

Нашему полку противостоял усиленный пехотный полк. Пользуясь превосходством, гитлеровцы еще в июле пытались прорваться в районе Английского дворца, но их отбросили с большими для них потерями.

Знакомясь со своим оборонительным участком, я вспоминал Старый Петергоф мирного времени. Как все переменялось! В августе 1942 года уже не было уютного и зеленого городка, чудесных парков, дворца. Петергоф лежал в развалинах.

Каждый из нас мысленно поклялся тогда отомстить гитлеровцам за то, что они натворили на нашей земле. В тот период перед нами стояла задача всеми силами укреплять оборону, не дать врагу продвинуться вперед и каждодневно, ежечасно истреблять его. Днем и ночью мы рыли ходы сообщения, строили огневые точки, восстанавливали поврежденные блиндажи, сооружали новые. Траншеи доводили до полного профиля, обшивали в них стенки, укладывали настил. Саперы полка ставили мины, фугасы, рогатки, другие инженерные заграждения.

В нашей обороне был значительный разрыв между Английской кухней дворца и вокзалом станции Старый Петергоф. Чтобы прикрыть его, дополнительно построили дзот, где установили станковый и ручной пулеметы. Огневые точки строили из кирпича, камня, добытого в развалинах, из мешков, набитых песком.

Как-то лейтенант А. П. Хорошилов возвращался из

штаба батальона через бывший военный городок и случайно обнаружил в подвале одного из корпусов около тысячи метров бронированного кабеля. Грех было не воспользоваться. В течение одной ночи мы уложили этот кабель в землю. Получили отличную дублирующую связь, которой пользовались, когда нарушалась основная линия.

От вокзала до школы, полностью разрушенной, и далее в район Егорской, где проходила оборона противника, тянулась широкая и глубокая канава. По ней гитлеровцы могли проникнуть в наше расположение. Чтобы предупредить это, под железнодорожным мостом, где проходила бетонная труба большого диаметра, построили дот. Установили здесь станковый и ручной пулеметы, провели телефонную связь. А чтобы противник не пробрался к доту, в откосах канавы выкопали ниши и заложили туда взрывчатку.

Мы так увлеклись оборонительными работами, что стали хуже наблюдать за противником. И были наказаны. Гитлеровцы, изучив наш распорядок деятельности, решили прорваться к Английскому дворцу. 4 сентября в 9 часов утра враг открыл шквальный огонь по дворцу, кухне, стыку с восьмой ротой и ближайшим тылам. Артиллерийский и минометный налет длился около часа. Были разрушены многие ходы сообщения, огневые точки, прервана связь с полком. После артподготовки противник двумя ротами атаковал нас с левого фланга, зашел в тыл.

Мы оказались в кольце, но не дрогнули. Заняли круговую оборону. Одну за другой отразили новые атаки гитлеровцев. Примерно в 16.00 к нам пробилась рота автоматчиков под командованием старшего лейтенанта А. Н. Мартынова-Мамончика и два взвода из 2-го батальона, а позже и взвод разведки под командованием младшего лейтенанта П. П. Петрова.

Решаем выбить врага ночной атакой. По левому ходу сообщения, еще не до конца вырытому, направились автоматчики старшего лейтенанта Мартынова-Мамончика. Два стрелковых взвода, которые возглавлял я, начали выдвигаться по центральному ходу сообщения в район Английской кухни. Разведчики, которыми командовал Петров, подготовились наступать со стороны Гостилицкого шоссе.

К полуночи все оказались на исходных рубежах и по условному сигналу с криком «Ура!» пошли в атаку. Гитлеровцы не выдержали нашего натиска, отошли, ос-

тавив 46 трупов. Девять гитлеровцев разведчики взяли в плен.

Мы все ждали, когда же оккупанты полезут по канаве. И дождались. Однажды ночью возле наших минных заграждений стали накапливаться группы вражеских солдат. Готовились, видимо, в очередной раз пробиться через нашу оборону. Взрывные устройства сработали отлично, результат оказался ошеломляющим: много захватчиков было уничтожено.

Рота не оказалась в стороне от развернувшегося в дивизии и на всем Ораниенбаумском плацдарме снайперского движения. Только в феврале и марте 1943 года наши меткие стрелки уничтожили 64 фашиста. Больше других истребили Хорошилов, Антипов, Муратов, Чижиков, Кудрявцев, Матюшкин и Ивановский.

Командование хвалило нашу роту, но я все же втайне мечтал снова служить в разведке. И в марте 1943 года мое желание сбылось — назначили командиром 85-й отдельной разведроты дивизии.

Конечно, рад был вернуться к разведчикам, ведь с ними начинал войну. Кажется, и они были довольны. Рота насчитывала 110 человек. Все они пришли в нее добровольно. Три четверти личного состава были коммунистами и комсомольцами. Командиры имели опыт боевой работы в разведке. В их числе замполит лейтенант В. П. Потемин, другой мой заместитель старший лейтенант А. Ф. Бурлако, командиры взводов лейтенант А. В. Грязнов, младшие лейтенанты П. А. Амбрасович, Н. Г. Голиков, М. К. Коконцев. Надежными помощниками командиров стали парторг роты старший сержант В. М. Хитрук и комсорг сержант А. В. Жуков, оба умелые и храбрые разведчики.

Вскоре рота получила боевую задачу — захватить «языка». Существует много проверенных боевой практикой способов взятия контрольного пленного в условиях обороны. Для этого можно использовать ночной поиск, разведку боем, засаду, перехват вражеских лазутчиков и другие. Мы применяли все способы, но особенно часто ночной поиск.

К концу апреля 1943 года к ночному поиску были подготовлены две группы разведчиков под командованием Коконцева и Грязнова. Коконцев участвовал во многих схватках с врагом. Его группе поручили взять «языка» на безымянной высоте у стыка двух рот 268-го стрелкового полка. Эта высота привлекла нас тем, что перед ней местность была совершенно открытая — ни

деревца, ни кустика, ни каких-либо других естественных укрытий. Гитлеровцы вели себя здесь беспечно, ибо считали невозможными действия разведчиков.

Десять суток подряд разведчики вели усиленное наблюдение за противником на этом узком участке. Уточняли рельеф местности, границы минных полей, расположение проволочных заграждений, огневых точек, ходов сообщения. Внимательно изучали и поведение вражеских солдат.

Младший лейтенант М. К. Коконцев, сержанты Н. А. Бобров и Н. Ф. Самовин собрали необходимые данные о противнике. Лишь после этого мы стали разрабатывать план захвата «языка» во всех деталях. Подобрали похожий участок в тылу, изготовили в макетах все, что имелось у противника на подступах к его переднему краю, в траншеях и ходах сообщения. Тренировались на этих макетах. Лишь после подготовки начали действовать.

Бой проходил в канун праздника 1 Мая. В результате внезапных, решительных и, главное, умелых действий разведчиков был взят в плен унтер-офицер, захвачен пулемет МГ-34, уничтожено три дзота. У убитых гитлеровцев изъяли служебные книжки — в них сообщаются важные сведения. Особенно отличились в поиске разведчики Трофимов, Дуда, Гуров. Группа, в составе которой было 23 человека, потерь не имела.

Вторая группа под командованием лейтенанта Грязнова действовала вблизи Нижнего парка в Новом Петергофе. Шли по мелководью Финского залива, что, конечно, затрудняло и замедляло движение. Но именно с этой стороны фашисты не ждали наших разведчиков. Бойцы захватили в землянке спавшего гитлеровца и доставили его в роту, а также составили схему огневых точек противника, обращенных к заливу. Группа тоже не имела потерь.

До начала наступления 2-й ударной армии с Ораниенбаумского плацдарма мы провели несколько ночных поисков. Особенно дерзким был налет на высоту 64,8. Когда-то на ней стояла красивая деревня Троицкая. Теперь от нее мало что осталось. Оборона высоты считалась неприступной, и наши разведчики там никогда не действовали.

Готовились к поиску долго и тщательно. В начале октября 1943 года ночной налет состоялся. В нем участвовали группа захвата из 17 человек и группа обеспечения из 12 человек. Ими командовали лейтенанты

Амбрасович и Потемин. Высоту взяли за 30 минут. Разведчики уничтожили до 40 гитлеровцев, одного офицера взяли в плен.

В другом ночном поиске в районе Нижнего парка разведчик главстаршина Константин Дебабов ценой своей жизни обеспечил выполнение приказа захватить «языка». Он ворвался в блиндаж, где в тот момент собралось много фашистских офицеров, — они отмечали за столом какое-то событие. Дебабов швырнул противотанковую гранату, побил немало гитлеровцев, но в тесном блиндаже погиб и сам.

А в январе 1944 года при прорыве обороны противника подвиг совершил другой наш разведчик — сержант Бобров. Он собой заслонил амбразуру вражеского дзота, обеспечив остальным бойцам выполнение задачи.

Так сражались разведчики.

Э. А. ОГНЕВ,

*бывший старший матрос
147-й зенитной батареи
123-го гвардейского отдельного
зенитного артиллерийского
дивизиона ПВО*

Краснознаменного Балтийского флота

БАЛТИЙСКИЙ ОРЕЛ

Быть может, кого-то удивит, что я, артиллерист-зенитчик, пишу о летчике-штурмовике. Но так случилось, что спустя много лет после войны я прочитал очерк бывшего военного журналиста, ныне писателя Всеволода Азарова «Говорит небо» и встретил там имя Ивана Тихоновича Карагодина. Меня взволновала судьба этого необычайного человека. Взволновало и то, что свой ИЛ он неоднократно поднимал с прифронтового аэродрома в Борках, именно с того, который защищали от нападения вражеской авиации мы, зенитчики 123-го артдивизиона.

Я решил как можно больше узнать об этом человеке, пути-дороги которого на Ораниенбаумском плацдарме, наверно, не раз пересекались с моими. Нашел фронтовые газеты, где писали о подвигах героя, встретился с его боевыми друзьями, которые были свидетелями этих подвигов. От многих получил письма с воспоминаниями, фотографии.

Так родился этот рассказ. Он, естественно, не мог

вместить всего, что я узнал о легендарном балтийском летчике. После некоторого раздумья я включил в него (с разрешения авторов) письма командира эскадрильи, в которой служил на фронте Карагодин, Героя Советского Союза Михаила Гавриловича Клименко и Героя Советского Союза, ныне полковника запаса, Федора Васильевича Фоменкова, для которого Карагодин был первым боевым наставником.

Из письма М. Г. Клименко:

«Родом Иван был из города Шахты, что недалеко от Ростова-на-Дону. Вот только домашний адрес его родных не вспомню, запомню — слишком много времени прошло.

Зато самого Карагодина не забыл — таких не забывают. И видится он мне часто — все такой же молодой, высокий, худощавый... На лице улыбка, глаза добрые, старается казаться серьезным, пытаюсь этим скрыть возраст.

А летчиком-штурмовиком он был, как говорится, от бога. Утверждаю это без всяких натяжек, поскольку знаком с ним с самых летных «пеленок». Прибыл он из Саранского летного училища на Ораниенбаумский плацдарм. Определили его в мою эскадрилью. С ним, помню, прибыл к нам в 7-й штурмовой авиационный полк и Вася Максюта. Оговорюсь, чтобы путаницы не произошло: в полку служили два Максюты, однофамильцы и оба с Украины — другого звали Петр. Летчики коротке называли их Максами. Я, конечно, тогда не мог предполагать, что Карагодин и Василий Максюта станут на Балтике знаменитыми штурмовиками. Но они просто на удивление быстро овладели боевой машиной и тактикой действий.

Командование полка не менее, чем я, похвально отзывалось о полетах совсем еще «зеленых» летчиков. Ведь тогда каждый из них имел «школьный» налет — всего 12—15 часов. А это только минимум, после которого можно сносно взлетать с короткого разбега и посадить машину на три точки. Тренировал я Ивана и Василия недолго. Очень скоро они освоили то, что обязаны знать и уметь в бою. Учеба шла быстро еще и потому, что теория все время сочеталась с практикой — боевыми вылетами.

Уже в первых полетах Иван показал высокое чувство товарищества. За время службы в эскадрилье в этом его качестве смогли убедиться многие, в том числе и я. Вот эпизод глубокой осени 1943 года — через не-

сколько дней Вани не станет. Мы в паре с ним потопили у острова Гогланд фашистский эсминец. О потоплении его балтийскими летчиками сообщило Совинформбюро. Не написали только, что машины этих летчиков, то есть мою и Ивана, порядком изрешетили корабельные зенитки. У моей от прямых попаданий оборвало верхнюю обшивку правой стороны центроплана, самолет плохо управлялся.

Помню, Карагодин кричит мне по радио: «Командир! В случае чего сажайте машину прямо на лед, я примкну к вам».

Финский залив на этом участке уже замерз, но лед тонкий, посадка невозможна. Надо добираться до Лавенсаари, где полевой аэродром, однако он, как назло, закрыт туманом...

Прошли десятилетия, а я так ясно и живо, словно совсем недавно это было, вижу, как Карагодин кружит и кружит, прикрывая мой изрешеченный самолет от нападения истребителей врага, хотя и сам чудом удерживает в воздухе свою машину, получившую множество пробоя.

Да, Ваня Карагодин не оставит подбитого в бою товарища, он скорее примет смерть, но друга выручит».

Из письма Ф. В. Фоменкова:

«Отваги Иван Тихонович Карагодин был великой, дерзостной. Свой первый боевой вылет я сделал в группе штурмовиков вместе с ним 22 октября 1942 года. Нам поставили задачу уничтожить гитлеровский десант.

Шел снег, штормило. Видимость плохая. Казалось, озеро и осеннее небо сошлись вместе, не отличишь, где вода, а где начинаются облака. В то утро враг рассчитывал, что советская авиация не сможет ему помешать. На быстроходных десантных баржах гитлеровцы начали прорыв к острову Сухо. Захват этого острова грозил лишить блокированный Ленинград последней нитки, связывавшей его с Большой землей,— Дороги жизни на Ладожском озере.

Наша эскадрилья поднялась в воздух, едва начало светать. Возглавлял группу капитан Клименко, замыкающим шел Карагодин. Над озером нас перехватили «мессершмитты».

Машину Ивана подожгли. Но он вышел из боя не сразу. Горящая машина атаковала спаренную самоходку с фашистскими десантниками. И только потом, сбив пламя, Карагодин направил поврежденный самолет в сторону запасного аэродрома.

В том бою Ваня чуть не потерял зрение из-за осколочного ранения и ожогов. После этого списали его из летчиков по неполноценности зрения. И все-таки Карагодин каким-то образом добился разрешения летать и воевать!»

Продолжает М. Г. Клименко:

«Я не знал другого пилота с такой жаждой летать, как у Карагодина. Случалось, ненастная погода долго препятствовала действиям авиации. Иван все равно крутился — хоть в шую гоши его — на командном пункте: вдруг понадобится, вдруг появится задание на боевой вылет в тыл противника или на «свободную охоту». Такого рода «охота» доверялась самым опытным летчикам, в совершенстве владеющим техникой пилотирования и визуальной ориентировкой. Карагодин очень быстро оказался в их числе. Недаром он, один из самых молодых летчиков в полку, скоро был выдвинут командиром звена, а чуть позже — заместителем командира эскадрильи.

Целью «свободной охоты» чаще всего являлись железнодорожные составы противника, шедшие к Нарвскому узлу. До сотни вагонов, платформ с танками, пушками и другой техникой уничтожили летчики полка. Много подобных трофеев было и на личном счету Ивана. Очень жадный до таких полетов, он, помню, однажды чуть ли не до слез расстроился, докладывая мне о том, что нигде не обнаружил ни железнодорожного состава, ни другой подходящей цели.

А уж найдет цель — не отвернет, пока имеется боезапас. Утюжит крыши вагонов поездов, палубные надстройки кораблей или окопы врага, как ураган носится на бреющем чуть ли не над самыми головами фрицев, наводя панический страх на последних...

Неудивительно, что после таких «психических» атак машина Ивана возвращалась на аэродром побитая, как решето. Пробойн не сосчитать, случалось, и винт был прострелен. Иван подрулил к капониру, а инженер полка Ильинский только руками разведет, изумленный тем, что видит. А Карагодина тревожит лишь одно: успеют ли за ночь залатать машину?

Но ему можно было не беспокоиться: его любили в полку все, а особенно техники. Костями лягут, но к очередному вылету поставят «на ноги» штурмовик».

Дополняет Ф. В. Фоменков:

«Карагодин писем из дому не получал: его родной город Шахты был захвачен врагом, отец и мать Ивана

Тихоновича остались в оккупации. В день, когда приходила почта, он старался уйти куда-нибудь подальше, переживал очень.

И однажды мы, летчики эскадрильи, решили обратиться с просьбой к Московскому радио, чтобы оно рассказало о нашем боевом товарище. Вскоре Иван Тихонович начал получать столько писем, что не успевал отвечать на них».

Сообщает М. Г. Клименко:

«Вы не поверите: на земле Иван выглядел неуклюжим — долговязый, худущий. Но в воздухе, в бою — это был человек высшей собранности, подлинный ас. Вспоминается рассказ капитана Агеенко об одной штурмовке вражеских кораблей. Летчик Кротевич и его воздушный стрелок Быков, когда их ИЛ был подбит и загорелся, направили самолет на сторожевик противника и врезались в него. Карагодин со своей четверкой ИЛов имел задачу наносить удары по зенитной артиллерии фашистов. На его глазах погибли Кротевич и Быков. Тогда, снизившись до мачт оставшегося на плаву сторожевика, Карагодин точно вклепал в него бомбу. Вражеский корабль тут же затонул».

Ф. В. Фоменков сообщает подробности:

«Осенью 1943 года Карагодин повторил подвиг Кротевича. Я хорошо помню этот день, последний в жизни Ивана Тихоновича. Вести группу штурмовиков на задание должен был я, но заболел, лежал с высокой температурой в землянке. Ее повел Карагодин. Предстояло нанести бомбоудар по железнодорожной станции Волово, где скопилось много вражеских эшелонов.

После выполнения задания летчики возвратились на полевой аэродром Борки. Все, кроме Карагодина.

В землянку возле командного пункта пришел летчик Михаил Родионов. Лицо неузнаваемое, каменное какое-то. Молчит, не сразу начал рассказывать. Вот что он рассказал: «Машину Ивана подбили зенитки — почти сразу, как мы выскочили из-за облаков, низко нависших над землей. Снаряд врезался в левую плоскость. Однако я твердо уверен: при способностях Ивана водить самолет он дотянул бы до линии фронта. Но впереди оказался железнодорожный состав — цистерны с горючим. Иван резко снизился и атаковал цель. Подбитая машина обрушилась на поезд, таранила его...»

Мне остается лишь добавить, что за свою недолгую боевую жизнь балтийский ас-штурмовик Иван Тихоно-

вич Карагодин был награжден двумя орденами Красного Знамени и орденом Красной Звезды. На месте его гибели установлен обелиск.

А. П. АРХИПОВ,

*бывший командир партизанского
отряда Ораниенбаумского района*

ПАРТИЗАНСКИМИ ТРОПАМИ

Сила народного гнева к ненавистным захватчикам росла с каждым днем войны. На борьбу с ними поднимались стар и млад.

Земля должна гореть под ногами проклятых поработителей — призывала Коммунистическая партия. Этот ее призыв нашел горячий отклик у советских людей на оккупированной врагом территории. В тылу немецко-фашистских войск уже в первые недели войны начали действовать партизанские отряды. Они взрывали мосты, портили дороги, телефонную и телеграфную связь, громили фашистские гарнизоны, создавали невыносимые условия для гитлеровцев и их пособников.

Были созданы партизанские отряды и в нашем районе. Их организатором выступил райком ВКП(б). В отряды вступили партийный и советский актив района, рабочие, колхозники, служащие.

До войны я работал заведующим земельным отделом Ораниенбаумского райисполкома. А когда потребовалось, стал бойцом отряда, которым командовал А. В. Почуев, бывший заведующий военным отделом райкома партии. Моими товарищами по отряду стали участковые милиционеры А. И. Шадрин, Д. М. Бабаев и С. И. Филатов, культработник Л. А. Мочалова, лесник В. А. Симонландцер, директор районного молочного завода С. В. Некрасов, железнодорожный мастер И. Ф. Касько, председатель Бабигонского сельсовета И. А. Киугуль, заведующий сенопунктом И. А. Яковлев, директор типографии К. А. Гузнищев и другие. В отряд вступили и совсем молодые ребята, комсомольцы рабочий леспромхоза Павел Новожилов, связист Алексей Симонов, учащиеся-ремесленники Николай Егоров, Павел Смирнов, школьник Федор Архипов.

В первых числах сентября 1941 года, когда фашистские войска продвигались к Ораниенбауму, наш отряд пересек линию фронта, тогда еще твердо не установившуюся, прошел мимо деревни Воронино и углубился

в лес. Этот переход оказался ни особенно опасным, ни трудным, но каждого не покидала мысль: что ждет нас дальше, как будем воевать во вражеском тылу? Да и какой он — вражеский тыл? Война быстро ответила на эти вопросы.

В чаще неподалеку от деревни Голобицы разбили лагерь. Из сломанных веток сделали шалаши, навесы, устроили временные склады для хранения боеприпасов и продуктов. Места эти многие знали хорошо: некоторые жили здесь, другие приезжали в командировку. Поблизости разместилась база еще одного партизанского отряда нашего района под командованием Николая Ивановича Ефремова — с этим отрядом мы поддерживали тесный контакт, часто действовали вместе.

Штаб Ленинградского партизанского движения поставил перед отрядом конкретные задачи — собирать разведывательные данные о противнике, совершать диверсии. Мы довольно скоро начали регулярно сообщать по радио в центр сведения о передвижении вражеских войск и техники, координаты полевых аэродромов, артиллерийских батарей, складов.

Быстро отличились подрывники. Комиссар отряда, бывший заведующий отделом пропаганды и агитации райкома ВКП(б) П. К. Грибанов вместе с А. А. Денисовым, Н. С. Алексеевым (первый до войны был председателем колхоза «Горки», другой — кузнецом на железнодорожной станции Лебяжье), А. И. Шадриним, Алешей Симоновым и мной в том числе вышли к развилке дорог, ведущих на Глобицы и Готобужи. Дождавшись темного времени, установили две мины, а сами спрятались в лесу. Ждали долго, уже терпение начало иссякать. И вдруг со стороны Глобиц послышался шум приближающейся машины. Все замерли в напряжении. Автофургон наскочил на мину. Машина перевернулась и скатилась в кювет, давя фашистов. Послышались крики и стоны раненых. Гитлеровцы из второй машины не спешили на помощь. Они стреляли по лесу прямо из кузова. Принимать бой было нецелесообразно, мы осторожно, не обнаруживая себя, отошли.

Первый успех обрадовал, окрылил. На следующее утро отряд отправился в новый рейд под Глобицы. От местных жителей узнали, что невдалеке от их деревни оккупанты поставили дальнобойные орудия. Сколько штук, точное их место, численность прислуги, время смены караулов — это и многое другое предстояло выяснить.

Осенний день выдался тихий, туманный. Метрах в пятнадцати от опушки партизаны рассредоточились, на всякий случай подготовились к бою. Кроме винтовок, у нас имелся ручной пулемет. Его поместили на ударную позицию. Стали осторожно подползать к опушке, где стояли орудия. Сосчитали их, сделали отметки на карте и решили понаблюдать за вражескими солдатами. Вдруг один из них, наигрывая на губной гармошке, пошел в нашу сторону. Петр Константинович Грибанов тихо передал Шадрину винтовку со специальным устройством, приглушающим звук выстрела. До войны Алексей Иванович Шадрин, я уже говорил об этом, служил милиционером в Лопухинке и отлично стрелял. Не промахнулся он и на этот раз. Гитлеровец взмахнул руками и упал в траву.

Вражеские артиллеристы заволновались, но сразу сообразить, что произошло, не смогли. Они поспешили к убитому, осмотрели его и двинулись, пригибаясь к земле, в нашу сторону. Командир отряда Александр Васильевич Почуев только и ждал этого. Он подал условный знак. Раздался винтовочный залп, застрочил пулемет. Гитлеровцы попятились, потом побежали, теряя людей, назад, к пушкам. Наша группа не стала дожидаться, когда к фашистам подойдет подкрепление. Задача была выполнена, все вернулись на базу. И тотчас радист Федор Музыченко передал в центр шифровку о вражеской батарее.

Осенью 1941 года в тылу врага мы нередко встречали наших бойцов и командиров, попавших в окружение. Они пробивались к своим в одиночку и небольшими группами. Некоторые примыкали к нам, другие шли на ту сторону фронта. Разведчики партизанского отряда хорошо изучали передний край обороны и под покровом ночи не раз помогали воинам Красной Армии пересечь фронт, соединиться с регулярными частями.

Но конечно, отряд рос прежде всего за счет местного населения. С первых же недель партизанского бытия у нас установились тесные связи с жителями окружающих деревень и поселков. Пусть об этом расскажет Любовь Андреевна Мочалова — одна из тех, кто непосредственно отвечал за такую связь:

— Я в отряде была медсестрой, но ходила в разведку и на другие задания. Однако главной моей задачей с середины сентября стали контакты с местным населением. Колхозники, старые и молодые, как ни опасно это, во всем поддерживали нас. Изголодавшись по прав-

де, местное население с интересом внимало нашим агитаторам. Случалось даже проводить на захваченной фашистами территории общие колхозные собрания.

Одно такое собрание осенью состоялось в колхозе «Красная нива». Я заранее пришел в деревню Савольщину, договорился, что проведем его неподалеку от поля, где колхозники убирали картофель. В этой деревне еще не было постоянного гарнизона гитлеровцев, они наведывались туда лишь временами.

Мои товарищи Дмитрий Бабаев и Сергей Филатов заняли наблюдательные посты вокруг поля и зорко следили за дорогой, чтобы предупредить в случае необходимости. В полдень люди потянулись к лесной поляне. Колхозное собрание в тылу врага от имени Советской власти открыл комиссар партизанского отряда Петр Константинович Грибанов.

Он рассказал о кровопролитных боях, которые ведет Красная Армия, сдерживая натиск превосходящих сил противника, о массовом героизме советских людей на полях сражений, о мужестве рабочих и крестьян Урала, Сибири, Казахстана, всех других краев и областей страны, кующих победу на трудовом фронте. Комиссар подчеркнул, что успех гитлеровцев временный, никогда им не ступать по улицам Москвы и Ленинграда. Москва и Ленинград вопреки басням, распространяемым гитлеровцами и их прихвостнями, стоят непоколебимо. Жива Советская власть и здесь, в тылу врага, вот она, рядом, в лице партизан...

Оккупанты вскоре прослышали об этом собрании. Они догадывались о связях местных жителей с народными мстителями. Стали пристальнее следить за деревней, устраивали засады, чтобы выловить партизанских связных. Хуже, естественно, стало и с питанием в отряде, особенно для раненых. Именно тогда колхозник из этой деревни Кудрявцев тайком привел в наш лагерь свою дойную корову.

Этот поступок очень взволновал всех нас, — каждый понимал, что значит для крестьянина расстаться с коровой, да еще в такое лихое время. Человек отдал народным мстителям самое драгоценное, что имел. Молоко помогало выхаживать раненых партизан.

Ходить в Савольщину становилось опасно. Пошла туда связная соседнего отряда Анна Мозехина и не вернулась. Через некоторое время партизаны узнали, что Анну Мозехину схватили гитлеровцы. Ее допрашивали, водили по деревне со связанными руками, били

на глазах у всех, затем куда-то увезли. Враги ничего не добились от Мозехиной, она не выдала ни одной партизанской тайны. И тогда ее повесили в деревне Медуши.

Через некоторое время в Савольщине был схвачен местный житель комсомолец Кириллов, обеспечивавший связь с нашим отрядом. Юного героя тоже казнили. Полагали, что в деревне завелся предатель, но доказательств никаких не нашли. Возможно, просто кто-то сказал лишнее, не придав этому значения. Опыт подпольной работы был еще невелик.

В нашем отряде было немало таких молодых людей, как мой однофамилец Федя Архипов. Ему еще семнадцати лет не исполнилось. Сколько раз ходил он в занятую врагом деревню Заозерье, расположенную на территории Копорского сельсовета! Передавал надежным людям сводки Совинформбюро, собирал нужные сведения, приносил в отряд от колхозников молоко, другие продукты. Мужеству этого юноши могли позавидовать многие взрослые.

Однажды около деревни Заозерье, где Федя находился в условленном месте, вдруг подошла не связанная, о встрече с которой договорились, а совсем другая женщина. Она сказала, что в деревне появился осведомитель, который сообщает в полицию о каждом незнакомом человеке. Идти в деревню нельзя. Фашисты ищут партизанского связного, знают о месте встречи. Федя даже не успел толком расспросить, как неподалеку послышался треск мотоциклов. Он вместе с женщиной побежал к лесу. Гитлеровцы открыли стрельбу, но вреда не причинили.

Федя Архипов, как и другие партизаны, не упускал случая навредить оккупантам. Как-то он вместе с Касько и Петровым возвращался в лагерь. Ребята увидели у большого колхозного сарая две пароконные фуры. На них гитлеровцы приехали за сеном. Чтобы оружие не мешало накладывать воз, они положили автоматы на землю. Партизаны незаметно подобрались к сараю с другой стороны и забросали «заготовителей» гранатами. Ни один из них не ушел...

Всем в отряде находилось дело — и молодым, и пожилым. Константин Афанасьевич Гузнищев, например, очень плохо видел. Разумеется, его старались реже посылать на задания. Для него нашлись другие обязанности — готовить пищу. Бывало, вернешься из разведки усталый, голодный, не успеешь еще оружие снять, а Константин Афанасьевич уже протягивает миску с горячей

картошкой, солеными грибами. А то и кусочек мяса найдет. Кашеварить Гузнищев научился быстро, хотя до войны об этой профессии и понятия не имел.

В отряде были и такие, кто великолепно ориентировался на местности — неоценимое качество для партизана. Этим умением, к примеру, обладал Владимир Антонович Симонландцер, потомственный лесник. Настоящим следопытом показал себя и Иван Андреевич Киугуль. По лесным тропкам ходил так, что сухая ветка не хрустнет, в любой ситуации действовал хладнокровно.

Командир отряда Почуев приказал группе партизан нарушить телефонную связь между деревнями Допухинкой и Медушами. Старшим группы назначили Киугуля. Кратчайшим путем вывел он своих товарищей к укрытому месту, быстро отыскал тщательно замаскированный врагом многожильный кабель. Партизаны вырезали большой кусок кабеля. И притаились, стали ждать.

Вдали слышался шум мотора. В кузове машины сидело несколько гитлеровцев-связистов. Партизаны дали залп вначале по кабине и колесам, затем другой по кузову. Машина остановилась, оккупанты в растерянности спрыгивали на землю и пускались наутек. Их настигали наши пули.

Минут через десять со стороны дороги слышались автоматные очереди. К месту отгремевшей схватки спешили каратели, но мы уже были далеко.

Жизнь народных мстителей в тылу врага шла своим чередом. Все больше серьезных стычек завязывалось у нас с врагом. Мы ведь не отсиживались, сами искали оккупантов.

Одна из них произошла у деревни Заозерье, куда отряд подошел почти целиком. Впоследствии враг полностью уничтожил деревню, но в сентябре дома еще стояли нетронутыми. Мы знали: фашисты здесь почти не бывают. На всякий случай послали разведку. Несколько человек приблизилось к окoliце. И вдруг тишину осеннего утра разорвала автоматная очередь. Разведчики быстро повернули назад. Гитлеровцы добежали до опушки, а в лес идти не рискнули.

Позже выяснилось, что за несколько часов до нашего прихода в Заозерье расквартировался вражеский гарнизон. Если бы немецкий часовой не перетрусил и не начал преждевременно стрелять, отряд попал бы в затруднительное положение.

Однажды партизаны пошли в сторону Конорья и ре-

шили подежурить у дороги. В нескольких местах на ее полотне установили противошинные «ежи». В сумерках проскочил один автомобиль, промчались два мотоцикла. Мы терпеливо ждали. Наконец появился тяжелый грузовик. Он-то и наскочил на «ежа». Машина затормозила. Водитель и два солдата стали осматривать шины. И тут партизаны открыли огонь. Подобрав оружие убитых солдат, подорвав грузовик гранатами, мы ушли в лес.

Это была одна из последних вылазок, которые отряд провел в сентябре. В следующем месяце положение партизан начало ухудшаться. Враг, обеспокоенный нашей активностью, стал принимать крутые меры. Каждый день разведчики докладывали командиру отряда, что фашисты повсеместно усиливают гарнизоны, укрепляют оборону вдоль шоссе Ворошино — Лопухинка, выселяют мирных жителей в Эстонию и Латвию. Оккупанты вместе с полицаями блокировали подходы к деревням. На дорогах рыскали карательные команды.

У нас были на исходе боеприпасы, кончились продукты. К тому же октябрь выдался очень холодный, появилось много больных. Партизанский центр дал указание отряду перейти линию фронта и направиться на отдых.

Моряков 2-й бригады, державших оборону в районе Усть-Рудиц, предупредили об этом. Они были готовы в случае необходимости оказать нам помощь. Мы выбрали подходящее место и под покровом темноты «просочились» через вражеские позиции.

Нас встретили радушно, накормили, разместили в землянках. Утром направили на центральную партизанскую базу, которая располагалась в поселке Лебяжье.

Правда, находились там не очень долго. Поступил приказ произвести несколько операций против врага вместе с моряками Приморской оперативной группы.

21 октября 1941 года 12 партизан под руководством комиссара отряда П. К. Грибанова и 6 разведчиков-моряков пробрались на нейтральную полосу и затаились в засаде между деревнями Вяреполь и Терентьево. Кроме личного оружия и гранат группа имела два ручных пулемета. Через некоторое время увидели фашистов. Они двигались осторожно вдоль дороги Лопухинка — Усть-Рудицы. Гитлеровцы готовились к очередной атаке наших позиций и, очевидно, теперь вели разведку. Подпустив их поближе, партизаны и моряки открыли прицельный огонь. Гитлеровцы заметались, начали от-

ходить. Больше 30 оккупантов нашли здесь свою смерть.

Снова в тыл врага мы отправились в начале декабря 1941 года. Линию фронта перешли в районе Лопухинка — Заостровье. Гитлеровцы к тому времени успели сильно укрепить свой передний край, так что незаметно преодолеть его было значительно труднее.

Свой первый бой приняли уже шесть часов спустя. Гитлеровцы засекли отряд и стали нас преследовать. Около деревни Соколовки в Волосовском районе отряд остановился на привал. В охранение встал Шадрин, опытный партизан, однако и он не обнаружил скрытно подобравшегося врага.

Алексей Иванович Шадрин погиб первым. Гитлеровцы открыли огонь по отдохавшим бойцам. Положение оказалось критическим. Не растерявшись, комиссар Грибанов крикнул: «За мной!» — и бросился на прорыв, увлекая остальных. У меня в руках была граната-лимонка. Швырнул ее в группу гитлеровцев, подобравшихся ближе других к отряду. Вражеские солдаты отхлынули...

Отряду удалось выйти из окружения, но фашисты продолжали преследовать. Почти двое суток мы пытались оторваться от них, но сделать это никак не удалось. Деревни оказались блокированными, дороги тоже. Глубокий снежный покров затруднял движение. Люди валились с ног от усталости, злобный лай овчарок слышался почти рядом. Боеприпасы подходили к концу. Оставалось одно — пробираться назад, к своим.

Решили прорываться через передний край противника группами. Первой пересекла передовую группа, которую возглавлял командир отряда А. В. Почуев. В тот же день, 13 декабря, с боем пробилась еще одна группа партизан, но в том бою погиб наш замечательный комиссар Петр Константинович Грибанов.

Группа, где находился я, натолкнулась на опорный пункт противника. Завязалась перестрелка. Мы отступили, потом снова поползли вперед, обходя вражеские окопы. Попытка опять не удалась. И только с третьей попытки мы пробрались на нейтральную полосу. Потеряли трех боевых товарищей — Сосунова, Яковлева, Иванова. Касько, Егоров и Музыченко при этом затаившемся переходе сильно отморозили ноги. Войсковые разведчики помогли им выбраться с нейтральной полосы, ребят отправили в госпиталь.

Отдых на Ораниенбаумском плацдарме и на этот раз был очень недолгим. Партизанский отряд пополнили, укрепили и направили в тыл врага — Тосненский и Оредежский районы. Командиром отряда назначили меня, комиссаром стал Семен Васильевич Некрасов.

Весной 1942 года мы оказались в районе действий Волховского фронта. Разрушали пути на Витебской и Варшавской железных дорогах. 9 мая пустили под откос воинский эшелон противника. Непрерывные бои с карательными войсками, выделенными фашистским командованием для борьбы против партизан Ленинградской области, до предела измотали людей. И штаб партизанского движения разрешил отряду снова выйти на отдых.

Никогда не забуду изнурительного перехода через Макарьевские болота. К нашим мы вышли в районе деревни Погостье. Вышли тоже не просто, а с кровопролитными стычками, в одной из которых погиб комиссар отряда С. В. Некрасов. Почти все бойцы оказались серьезно больны, отряд чуть ли не целиком отправили на лечение в госпитали.

А потом — новый рейд в тыл фашистов, теперь более отдаленный. Отряд на самолетах перебросили в Славковский район Псковской области. Основным заданием было разрушать полотно Варшавской железнодорожной магистрали. В конце июля — начале августа 1943 года отряд соединился с 5-й Ленинградской партизанской бригадой и вошел в состав вновь организованного 2-го полка этого соединения. Меня назначили комиссаром полка.

27 января 1944 года, наступление советских войск было в самом разгаре, наш полк по приказу штаба партизанского движения занял станцию Передольскую, где состоялась радостная встреча с воинами Волховского фронта. Части Красной Армии и партизаны вместе освобождали от фашистских захватчиков Лужский район Ленинградской области, затем Уторгошский и Батецкий районы Новгородской области.

Пришел день расформирования партизанских полков. Для нас этим днем стало 6 марта 1944 года. Боевая деятельность ораниенбаумских партизан закончилась.

Л. В. БАСЕРОВ,

*бывший секретарь Ораниенбаумского
городского комитета ВКП(б)*

А. И. КЛИМКОВ,

*бывший секретарь Ораниенбаумского
районного комитета ВКП(б)*

ТЫЛ — ФРОНТУ, ФРОНТ — ТЫЛУ

В середине сентября 1941 года Ораниенбаум оказался прифронтовым городом. Передовая со стороны Петергофа проходила всего в четырех километрах. Связь города с Ленинградом осуществлялась только по Финскому заливу.

Новая обстановка потребовала перестройки работы партийных и советских органов. Главной стала задача всемерно помочь войскам Приморской оперативной группы удержать плацдарм, не дать фашистам продвинуться дальше к Ленинграду.

Городскую и районную партийные организации с начала войны возглавляли А. С. Гарусов и Е. А. Евсеев, председателем Ораниенбаумского горсовета работал А. В. Карагин. К сентябрю ряды коммунистов сильно поредели, — большинство ушло в Красную Армию и Военно-Морской Флот. Из оставшихся сформировали истребительный батальон, куда влились и многие беспартийные. Батальон вступил во взаимодействие с частями 48-й стрелковой дивизии, вместе с ними отражал натиск немецко-фашистских войск. Храбрость, сметку проявили в схватке с врагом многие бойцы батальона.

Тысячи ораниенбаумцев, прежде всего женщины, возводили на пути врага оборонительные сооружения. Их руками было вырыто 100 километров противотанковых рвов, построено много разного рода долговременных укреплений. Участие населения в строительстве оборонительных рубежей сократилось лишь после начала эвакуации его с плацдарма.

Первой военной осенью и зимой население города и района уменьшилось во много раз. Например, к концу 1941 года из 29 тысяч сельских жителей оставалось едва 2 тысячи, в самом городе — меньше 10 тысяч. Однако для партийных и советских органов не было сложнее проблемы, как обеспечить людей продовольствием. Скудные ленинградские блокадные пайки действовали и на территории плацдарма (в декабре 1941 года выдава-

лось 200 граммов хлеба рабочим, 125 граммов иждивенцам). Но и эти нормы сохранять было очень трудно.

В середине декабря запасы продовольствия сократились: их осталось на 10 дней, да и то при условии, что выдача не превысит 100 граммов на человека. Сколь ни серьезным было положение в самом Ленинграде, областной комитет партии и Военный совет фронта нашли возможность помочь Ораниенбауму: городу и району выделили некоторое количество муки и крупы.

Следовало предельно мобилизовать местные ресурсы. Особое внимание обратили на подледный лов рыбы. Он продолжался все самое тяжелое время блокады, хотя был очень небезопасен. На гладкой поверхности льда рыбаки были отличной мишенью для фашистских стервятников. В первый же выход 22 ноября гитлеровский самолет обстрелял рыбаков и двоих убил. По просьбе райкома партии военное командование выделило маскировочные халаты. Дело наладилось. Лов стал давать все больше продуктов питания и населению, и войскам. В декабре 1942 года добыли 70 центнеров рыбы. За весь 1943 год выловили 2651 центнер рыбы, в 1944 году — 4500 центнеров.

Много старания, сил приложили к тому, чтобы весной 1942 года не остался не засеянным ни один клочок земли. Как этого добиться, если нет тракторов, лошадей, нет семян? Бывший председатель колхоза «Пеники» М. И. Васильева рассказывает, что семена были доставлены самолетом. А землю пахали... лопатой. Десятки гектаров вскопали самоотверженные труженицы Е. И. Павлова, О. Г. Кузнецова, М. Н. Прохорова и другие. Комсомолки Зоя Ивашкина и Татьяна Горчакова выполняли по полторы-две нормы. Колхоз в тот год получил хороший урожай. Большую его часть сдали Красной Армии.

Чтобы помочь колхозам, Ораниенбаумский райисполком в поселке Кронштадтская Колония создал машинно-тракторную станцию. Ее возглавила агроном М. А. Попова. Организовали курсы трактористов, на которые приняли 15 человек, курсы овощеводов.

Где же взяли тракторы? На нейтральной полосе, рядом с гитлеровским передним краем, обнаружили две подбитые машины. В январе 1942 года старший механик С. К. Смирнова и тракторист И. З. Санина с помощью саперов 48-й стрелковой дивизии подобрались к неподвижным тракторам. Разобрали их и частями вывезли на санках в тыл. Три ночи длилась рискованная

операция. Благодаря подвигу двух женщин весной 1942 года два отремонтированных трактора работали на колхозных полях.

Командование Приморской оперативной группы помогло лошадьми. Конечно, колхозам передали выбракованных коней, но ветеринарный фельдшер А. Д. Хрулева и конюх А. В. Горюнов не отходили от больных лошадей до тех пор, пока не поставили их на ноги.

Весенне-полевые работы 1943 года прошли организованно. Колхозникам на севе и позже летом хорошо помогали войны, горожане, школьники. Удалось собрать неплохой урожай. Колхозы плацдарма передали на снабжение войск 1300 тонн овощей, 800 тонн картофеля.

Добавим, что и в самом городе вручную обрабатывали на пустырях десятки гектаров земель, где выращивали овощи и картофель. А коллектив хлебокомбината и конторы Леноблторга организовали большое (по тому времени) подсобное хозяйство.

В городе не прекращали работу предприятия, учреждения, их коллективы трудились под девизом «Всё для фронта! Всё для Победы!». Ателье индивидуального пошива одежды отправляло в действующую армию ватники, ватные брюки, белье. С хлебокомбината в воинские части шел печеный хлеб. Открыли мастерские, где изготавливали сани: на плацдарме не хватало бензина, автотранспорт стоял; чтобы подвозить боеприпасы и продовольствие на передний край, отвозить раненых, нужно было большое количество саней. Только в декабре 1941-го и в январе 1942 года их сделали больше трехсот.

На плацдарме работала железная дорога. Невелика была ее протяженность, от Ораниенбаума до Калище, но поезда ходили по графику. Уголь отсутствовал, паровозы работали на дровах. Их требовалось много. Заготавливали и подвозили дрова сами железнодорожники, их семьи. На Риголовском лесопункте хорошо наладили это дело, в Лебяжьем построили эстакаду для погрузки дров в тендеры паровозов.

Всю блокаду Ораниенбаум подвергался артиллерийскому обстрелу. На город упало около 200 тысяч вражеских снарядов и мин, было немало жертв, нанесенный ущерб составил много миллионов рублей. Основательно пострадали жилой фонд, предприятия, лечебные учреждения, железнодорожный вокзал. Постоянной мишенью оставался порт — единственный на плацдарме. В октябре 1941 года подвергся массированному артобстрелу

горком партии. Здание сильно пострадало, горкому пришлось перебраться в полуподвальное помещение.

Фашистские изверги разрушали дворцы, другие архитектурные и исторические памятники. Благодаря заботам партийных и советских органов, военного командования уникальные произведения искусства, украшавшие дворцы, были своевременно вывезены в Ленинград, где хранились до конца войны. Однако огромную ценность представляли сами дворцы — Китайский, Петра III, Меншикова, Катальная горка, а также парки Ораниенбаума и окрестностей. Заметим, что части 48-й стрелковой дивизии, дислоцировавшиеся здесь, не вырубали в этих парках ни одного деревца, несмотря на огромную нужду в лесоматериалах для строительства оборонительных сооружений.

Каждое городское строение, будь то прославленный дворец или жилой дом, мужественно отстаивали от огня, разрушений бойцы подразделений местной противовоздушной обороны. Ими руководил штаб МПВО, который возглавлял майор А. И. Копейкин. Бойцы и командиры МПВО выполняли и много других работ, связанных с обеспечением жизни города.

Город должен жить по возможности нормально — такую задачу горком партии поставил перед исполкомом горсовета, населением. Должны работать школы, больницы, магазины, почта, телеграф... И они работали. Очень часто благодаря самоотверженности персонала, исполнявшего свои обязанности просто, буднично, не задумываясь над тем, что труд в подобных условиях — героизм. Такими героями были учителя Лутина, врачи Березовский и Шпаков, медсестра Ганзек, механик хлебозавода Соколов и многие другие.

Партийные и советские организации заботились, чтобы коллективы предприятий и учреждений поддерживали тесные связи с воинскими подразделениями. Делегации рабочих, колхозников приезжали с подарками на фронт. Работники горкома и райкома партии посещали партийные собрания в армейских частях, представители политорганов Приморской оперативной группы участвовали в собраниях актива Ораниенбаумской парторганизации.

Тыл — фронту, фронт — тылу. Этим жила вся страна, этим жил и окруженный врагом Приморский плацдарм.

СПАСЕННОЕ ДЕТСТВО

Когда Ораниенбаум на четвертый месяц войны оказался в двойной блокаде, основная часть жителей города и района, малышей и взрослых, уже была эвакуирована. Тем не менее оставалось еще немало детей, нуждавшихся в помощи. Мы находили их в опустевших, холодных квартирах и приводили в помещение бывшего детсада на проспекте Юного Ленинца, 49. Здесь открыли детский дом для сирот. Важно было накормить, обогреть, спасти от болезней, голодной смерти как можно больше ребят.

Вначале дом принял 78 мальчиков и девочек. Но с каждым днем число их росло. И тогда нас перевели в так называемую Максимову дачу. Здесь детей насчитывалось уже 360.

В большой Максимовой даче имелось 17 комнат, но все они были с разбитыми окнами. Ветер свободно гулял по пустым помещениям: кровати, столы, стулья отсутствовали. Надо было быстрее все это найти, достать, иначе детскому дому не существовать.

Белье и посуду по решению исполкома горсовета мы получили в различных организациях. Кровати, мебель собирали по всему Ораниенбауму, свозили на санках. Собирали кусочки стекол и закрывали окна.

Кто это делал? Первые воспитатели детского дома Лидия Ивановна Капустина и Лидия Александровна Лутина, старшие ребята. Это было очень нелегко, — голод уже серьезно давал о себе знать.

Не стану подробно описывать зиму 1941/42 года, первую блокадную зиму. Все, что испытали другие, испытали и мы: бомбежки, артобстрелы, холод, голод, дистрофию, другие болезни... Воспитатели Людмила Петровна Кутро, Зинаида Григорьевна Ромадина, Нина Романова, Полина Ивановна Бомбина, Мария Петровна Эстрина и другие, молодая медицинская сестра Людмила Никифорова упорно боролись за каждого ребенка. Несмотря на это, мы почти каждое утро обнаруживали в спальнях угасших от дистрофии детей. Страшная картина, которую не забыть никогда!

И все же детдом жил, чрезвычайно трудно, но жил. Педагоги даже вели несколько кружков художественной самодеятельности. Работала библиотека. Воспитанники

избрали комитет, своего рода ребячье самоуправление. Он организовал соревнование групп за чистоту, порядок в своих комнатах. Результаты отражались на специальном стенде.

Больше всего, конечно, досаждали хозяйственные заботы. Позднее они легли на плечи Любови Андреевны Мочаловой. Она уже успела по завоевать в одном из партизанских отрядов Ленинградской области и в конце февраля 1942 года привезла к нам 40 малышей, бывших питомцев детского сада в поселке Дубки. Мочаловой помогал персонал. Воспитатели, няни — все были невероятно истощены, еле передвигались, но не нашлось ни одного, кто бы отказался от какой-либо хозяйственной работы. Разбирали на дрова большой бревенчатый склад поблизости от дачи. Таскали воду из колодца — сколько ее требовалось!

Во всех этих делах нашими добрыми помощниками оставались старшие по возрасту дети — Зина Журавлева, Соня Ланщина, Люба Могилева и другие. Большинство ребят были совсем маленькие, и девочки, которым исполнилось 13—15 лет, являлись нашей опорой. В сущности, тоже еще дети, они проявляли сознание долга, не уступали взрослым в силе духа, мужестве.

Зине Журавлевой в первую блокадную зиму было четырнадцать. Умерла мать. Девочка сама пришла в детский дом, а потом стала приводить осиротевших детей из пустующих квартир. В спальне холодно, темно, ребята лежат в кроватях, а ухаживает за ними Зина... За водой из колодца — тоже она. Все пережила эта отважная девочка, теперь сама мать, замечательная труженица...

Очень много помогали нам выделенные городской комсомольской организацией Вилий Капустин, Мария Бадаева, братья Семкины.

Весной 1942 года, чуть пригрело солнышко, все, кто имел еще силы, дружно вышли копать огород. Для подсобного хозяйства детдома отвели три гектара. Они показались тогда огромным полем. Как при наших возможностях обработать его? Но глаза боятся, а руки, если надо, делают. Нашелся среди нас и специалист по сельскому хозяйству — учитель биологии Василий Иванович Пружечников, он и возглавил общий труд на огороде.

С питанием к тому времени стало немного лучше. Незачем говорить, что из тех скудных запасов, которыми располагал город, в первую очередь оделялись именно

дети. На день приходилось по 300 граммов хлеба, по 10 граммов крупы, по несколько граммов масла. Выделялись сахар, сухофрукты. Три раза в день дети получали горячую еду. Тут нельзя не вспомнить нашего повара Марию Александровну Михалеву. При таком малом количестве продуктов ей приходилось творить чудеса.

К осени нас ожидала существенная прибавка к питанию за счет собственного огорода. Между тем страх перед следующей блокадной зимой, страх за жизнь детей, не проходил. Неужели снова придется выписывать свидетельства о смерти, заворачивать в простыни и везти на санках на кладбище умерших мальчиков и девочек? Командование Приморской оперативной группы, городские власти подумали об этом. 150 ребят дошкольного возраста решили эвакуировать на Большую землю.

И вот ранним апрельским утром уезжали наши питомцы. Грустно смотреть на маленькие бледно-желтые лица с заостренными носами. Немощные «старички» с отяжелевшими ногами, согбенными плечами. Им предстоял трудный путь: от Ораниенбаума на автомашинах по льду залива до Лисьего Носа, оттуда в Ленинград поездом, а дальше — по Дороге жизни, о которой мы так много уже слышали на Ораниенбаумском «пяточке». Трогается одна машина, другая... Провожаящие машут руками. Каждого глубоко волнует одна невысказанная мысль: сколько из этих ребят преодолет опасную дорогу?

Но на первых порах все складывалось более или менее удачно. В Лисьем Носу и на Финляндском вокзале в Ленинграде ребят ждали. Обогрели, покормили. Дали продуктов на дальнейшую дорогу. К юным ораниенбаумцам присоединили еще столько же дошкольников из Сестрорецка. Теперь наша воспитательница Лидия Ивановна Капустина, ставшая директором эвакуированного детского дома, вместе с несколькими другими педагогами отвечала за 300 молодых жизней.

Много лет спустя на встречах бывших воспитанников Ораниенбаумского детского дома я не раз слышала рассказы о дальнейшей судьбе наших питомцев. До Ладожского озера ехали поездом. Когда состав замедлил ход и потом остановился (это было уже ночью), ребята услышали знакомый грохот зениток — отбивался очередной налет фашистских стервятников. Станция гудела сотнями голосов. Из других вагонов полетели мешки,

чемоданы. Но в этой суете о ребятах думали, заботились. Послышалась команда:

— Ребята, выходите из вагонов, побыстрее, но осторожно, без суетки. Есть у кого спички? Огонь не зажигать. Собирайтесь за насыпью. Смотрите друг за другом, чтобы никто не отстал.

Кто не мог сойти сам, тем помогали. Детдомовцам нужно было дойти до холма, за которым их ждали автомашины. Ох какими трудными показались эти несколько десятков метров! Многие ребята побросали свои маленькие узелки. Некоторых несли на руках. Шоферы подсаживали малышей в автобусы, постарше размещались в кузовах грузовиков под брезентом.

Потом автоколонны сползали на лед Ладоги. 30 километров по зимнику, который почти рухнул, — весна в разгаре. Слышался треск ломавшихся льдин, в колее стояла вода, из-под буксующих колес разлетались веером брызги. Провалилась какая-то полуторка (не с детьми) — к ней бросились люди.

Наконец автомашины вышли на берег. По обочинам дороги высятся штабеля мешков, ящиков. Это продукты для ленинградцев. Водители прощаются с детьми, забирают груз и тотчас отправляются из Кобоны в обратный рейс. А ребят, погрузив в эшелон, везут дальше. Большая земля открыла им свои объятия.

На многих станциях к поезду с ленинградскими детьми выходили жители окрестных сел и деревень. Поили чаем, угощали горячей картошкой, кислой капустой — других лакомств сами не имели. О юных ленинградцах в первую очередь заботились и на пунктах. Помимо основных продуктов порой отпускали сыр, колбасу, шоколад.

Маршрут лежал на Кубань. В станице Ирклеевской хорошо подготовились к встрече. Подводы везли детей от станции в окружении большой толпы. Малышей брали на руки, ласкали, угощали лакомствами.

Увы, до места назначения доехали не все. 20 истощенных детей умерло в долгой дороге и в первые месяцы пребывания в благословенном крае. Еще 24 оставили в больницах разных городов по пути. Но больше ста юных ораниенбаумцев были спасены.

Когда летом 1942 года для эвакуированного детского дома создавалась новая опасность оказаться на оккупированной территории, местные партийные и советские органы, военные власти сделали все, чтобы отправить

ленинградцев в далекий тыл — в Киргизию. Там, за озером Иссык-Куль, на курорте Джетоогуз, а затем в поселке Сару ребята дождались конца войны.

...Вторую группу детей мы отправили из Ораниенбаума на Большую землю в июне 1942 года. С ними поехала Нина Васильевна Калинина, бывший завхоз детсада в Дубках. Путь лежал в Горьковскую область. Туда же через два месяца учительница Вера Самойловна Баженкина увезла еще одну группу малышей.

В Ораниенбауме остались подростки постарше, крепче здоровьем. В сентябре 1942 года они вместе со школьниками всей Советской страны сели за парты, начали новый учебный год.

Всего в городском детском доме было спасено более 500 детей.

...Спустя три десятилетия после этих событий, в январе 1973 года, в зале однодневной базы отдыха в Ломоносове встретились более ста бывших воспитанников Ораниенбаумского детского дома. Найти и собрать их вместе предложила Ирина Викторовна Рудакова, когда-то Ирочка, ученица блокадной школы. Это было нелегко: дети Ораниенбаумского «пяточка» выросли, разлетелись по разным концам страны, трудятся рабочими, инженерами, врачами... Начался поиск, в котором активно участвовали сами бывшие воспитанники, многие педагоги, в первую очередь Лидия Александровна Лутина, некогда заведующая учебной частью детдома и школы.

В тот вечер в зале царил радость. Долгожданые встречи, узнавание, грустные и счастливые воспоминания... Один за другим выходили на трибуну люди, чье детство опалили война, блокада. С благодарностью говорили они о Родине, Коммунистической партии, которые в самое тяжкое для страны время не дали пропасть ее детям. И с благоговением о тех, кто при всех суровых невзгодах был с детьми рядом.

Пионерские дружины 319-й и 430-й школ Петродворцового района продолжают поиск детей блокады, ежегодно устраивают встречи с ними. В 430-й средней школе к 60-летию пионерской организации имени В. И. Ленина открыли экспозицию «Дети блокады».

*бывший помощник начальника
политотдела 319-го отдельного гвардейского
Краснознаменного минометного
полка по комсомольской работе,
старший лейтенант в отставке*

ОХОТА НА «КРОКОДИЛА»

За огневыми позициями нашей роты 82-миллиметровых минометов тянулось болото, далее — сосновый бор. На болоте росла крупная морошка. После суровой голодной зимы 1941/42 года нам казалось, что ничего вкуснее этой ягоды нет и быть не может. Собирали ее, мяли с сахарным песком, ели с хлебом и сухарями, с несказанным аппетитом пили чай.

Несмотря на обилие морошки, доставалась она трудно. Иной неосторожный солдат даже платил за нее жизнью. Где-то в лесу, часто меняя позиции, действовал вражеский снайпер. Мы с ненавистью прозвали его «крокодилom». Вот и еще один свежий холмик, увенчанный простой деревянной пирамидкой с красной звездой из фанеры, появился на песчаном бугре. Здесь похоронили отважного наводчика миномета младшего сержанта Багрова, моего доброго товарища, страстного шахматиста.

После гибели Багрова шахматная доска лежала без движения. До фигур никто не дотрагивался. словно все дали клятву: пока не отомстим за смерть Багрова — в шахматы не играть.

Меня срочно вызвал в штаб батальона заместитель командира по политчасти. До назначенного часа оставалось немного времени. Чтобы не опоздать, я решил идти напрямик, лесной тропой. По ней старались ходить реже, так как было опасно: от снайперских пуль врага тут поплатились жизнью несколько бойцов из нашего батальона.

Шел я осторожно, внимательно осматривал местность по сторонам. В лесу было тихо и душно. По обе стороны тропы, сколько видит глаз, морошка.

Перешел через ручей — приметное место, здесь снайпер сразил старшину роты, возвращавшегося в свое расположение. Пройдя еще метров сто, облегченно вздохнул: опасность вроде миновала.

Впереди — полянка. За ней находилась наша стрелковая рота. Закинул автомат за спину, прибавил шагу. И вдруг справа увидел человека в маскировочном хала-

те. Винтовка с оптическим прицелом за спиной. Нагибается, собирает морошку.

Я встал за сосной, наблюдаю за ним. Нет, солдат не потерял бдительности, двигается осторожно, часто оглядывается. Неужели это немецкий снайпер «крокодил»? Навел на него автомат и громко крикнул:

— Хэндэ хох!

«Крокодил» быстро выпрямился. Видно, не ожидал такой встречи, руки вверх поднял. Глаза фашиста испуганно бегают по сторонам. Вдруг он сделал скачок влево, чтобы укрыться за сосной. Я нажал на спусковой крючок.

На командном пункте доложил заместителю командира батальона о том, что произошло, и передал ему снайперскую винтовку «крокодила». Однако замполит ее не взял, улыбнулся и сказал:

— Пусть винтовка останется у минометчиков. Может, и среди вас найдутся желающие овладеть снайперским делом. Сейчас, в обороне, это очень важно.

Вечером, когда я возвратился в роту, все уже знали о гибели «крокодила» и решении замполита. Два бойца играли в шахматы. Их окружили болельщики. И мне показалось, что среди них незримо присутствует и мой боевой друг Багров.

Желающих стать снайперами оказалось немало. Вскоре некоторые минометчики открыли личный боевой счет из винтовки с оптическим прицелом.

На болоте с того памятного дня стало безопасно. Видно, и в самом деле я убил именно «крокодила». Бойцы шутили:

— Морошка — ягода северная, русская. И должны ее есть только мы.

А. И. ТЮШЕВ,

*бывший политбоец, затем
политрук роты автоматчиков
527-го стрелкового полка
48-й стрелковой дивизии,
полковник в отставке*

СОЛДАТСКОЕ БРАТСТВО

Когда уже после войны мне в первый раз довелось подняться на западные склоны Иликовских высот, где в свое время проходил передний край гитлеровцев, и оттуда посмотреть на болотистую низину, где располага-

лась наша рота, я немало удивился: как мы могли держать здесь оборону? Любое передвижение человека на нашей стороне видно даже невооруженным глазом. Расстояние до фашистов — не больше 150 метров. Помню, зимой мы наращивали бруствер траншеи снегом, но все равно ходить приходилось согнувшись.

Траншеи, окопы, землянки, блиндажи... Разве могли бы мы воевать или просто продержаться без них? В обороне они долгие месяцы были нам крепостью и одновременно домом. Тут мы жили — делали свою солдатскую работу, ели, спали, вели долгие разговоры, писали письма родным, читали ответы из далекого тыла... Мне и хочется рассказать не столько о том, как сражалась наша рота, а как складывался ее фронтовой быт.

Рота имела задачу оборонять участок на переднем крае по фронту до километра. Через каждые 50 метров в окопах находился пост из двух бойцов. Днем и ночью посменно несли боевое дежурство 40—45 автоматчиков. Все остальные отдыхали в блиндажах, расположенных в полусотне метров от переднего края.

Блиндажи были покрыты одним, редко двумя накатами бревен. Перекрытие защищало от пуль, легких мин и снарядов. Он них до дежурных окопов вели неглубокие ходы сообщения. Вырыть траншеи полного профиля не позволяла болотистая почва.

Осенью 1941 года нам часто приходилось отбивать атаки гитлеровцев. Нередко завязывался и ближний бой, вплоть до гранат. Вскоре мы отучили фашистов совершать такие вылазки. Если в начале они ходили, нагло бравируя, почти не соблюдая маскировки, то потом стали глубже зарываться в землю, прятаться от нашего огня.

Некоторая часть наших самозарядных винтовок была снабжена оптическими прицелами. Бойцы включились в снайперское движение и уже к февралю 1942 года все наши автоматчики имели на своем боевом счету по нескольку сраженных врагов. Об этом неоднократно писала дивизионная газета «За Родину» и даже фронтовая «На страже Родины». Часть вырезок из этих газет у меня сохранилась. И хотя в заметках названы лишь некоторые фамилии, справедливо было бы сказать и о других воинах.

К примеру, об Иване Петровиче Балацко, старшине нашей роты автоматчиков. В свое время он окончил снайперскую школу и это пригодилось ему при организации снайперского движения в роте. Балацко обучал

автоматчиков обращению с оптическим прицелом, приемам маскировки на переднем крае, выдержке, выносливости и хитрости.

Однажды старшина вступил в борьбу с фашистским снайпером. Пуля последнего пролетела над самым ухом Ивана. Балацко поймал гитлеровца в общем-то на простой прием. Старшина приказал находившемуся рядом бойцу поднять над окопом шапку, и фашист выстрелил по ней. А Иван тотчас выстрелил по снайперу и уничтожил его.

Под руководством старшины хорошими снайперами стали Гулевский, Любиничев, Голубев, Молотков и многие другие. У каждого из них был на счету не один уничтоженный фашист.

Старшие начальники отмечали нас не только за боевое мастерство, но и за внешний вид. У нас не было бойцов небритых, неумытых, в грязной гимнастерке или в рваной обуви. И заслуга в этом принадлежала прежде всего старшине Балацко. Хозяйственный по натуре человек, он умел организовать быт подчиненных на войне. У него был даже халат для ротного парикмахера, не говоря уже о ножницах, иголках, шиле, дратве, сапожных гвоздях и прочем, нужном в быту. Раздобыл он даже лапу для ремонта обуви, машинку для стрижки волос.

А если есть инструмент, найдется и специалист — сапожник, портной, парикмахер. Не знаю, был ли в прошлом комсомолец Аввакумов парикмахером, но в роте он искусно выполнял эти обязанности. Побреет, пострижет и обязательно спросит:

— Вас освежить?

— Пожалуйста!

— Цветочным?

— ???

— Да, чем цветы поливают...

Двухметровый богатырь Шахранов нуждался в обуви 45-го размера. Много было мороки старшине, чтобы подобрать ему и обмундирование. И сколько ни старался Балацко, всегда в одежде Шахранова что-то не соответствовало форме. Особенно бросались в глаза резиновые охотничьи сапоги, которые тот носил вместо армейских ботинок.

С осени ему завидовали: по любым лужам пройдет и ноги не замочит. Но с наступлением холодов бойцу приходилось худо. В первую блокадную зиму нас снабдили валенками лишь в феврале. К радости, среди них

оказались и большого размера. Одним из первых получил валенки Шахрапов.

Мне кажется, бойцы очень любили свою роту. Во всяком случае, возвращаясь после ранения из госпиталя, они всеми правдами и неправдами стремились попасть в нее. На этой основе случались и недоразумения.

На одном из совещаний политруков начальник политотдела дивизии вдруг поднял меня с места и спросил:

— Расскажи, как могло случиться, что бывший автоматчик Григорьев вчера дезертировал?

Все опешили, в том числе и я, но потом, сообразив, в чем дело, я рассмеялся. Теперь уже остальные удивлялись, глядя на меня. Пришлось вносить ясность.

Григорьева после излечения в госпитале направили для прохождения службы в соседний полк. Накануне отправки ночью он бежал из госпиталя в свою роту. Конечно, боец поступил неправильно, проявил недисциплинированность, нарушив приказ о направлении в часть. Но ведь до этого случая просьбы бойцов о направлении их после госпиталя в свое подразделение в основном удовлетворялись,— на сравнительно небольшом по территории плацдарме в этом не было ничего сложного. И начальник политотдела рассудил справедливо:

— Григорьева наказать за самовольство своей властью. Но и писаря, готовившего приказ и знавшего о просьбе бойца, тоже наказать.

Рота не имела своей кухни — по штату не полагалось. За пищей ходили два раза в сутки на полковую кухню. Как правило, для этого посылали пять-шесть бойцов, не занятых на боевом дежурстве. Они где полком, где перебежками преодолевали открытое двухкилометровое пространство. Хотя это делалось утром еще затемно и в наступившие вечерние сумерки, тревога за жизнь тех, кого посылали, не уменьшалась. В темное время суток фашисты непрерывно освещали местность ракетами, вели пулеметно-автоматный огонь главным образом по возможным путям подхода из нашего тыла к переднему краю.

Блокадный паек невелик по весу: вощмешок с сухарями, два бидона с мучной болтанкой, термос с кипятком да маленькие мешочки с сахарным песком и табаком. Вот и все на целую роту. Но для людей, обессиленных длительным недоеданием, и этот груз казался тяжелым.

Обратно следовало идти быстрее, чтобы не остыла пища. Бойцы понимали это, из последних сил старались как можно скорее вернуться в роту.

Нетрудно представить себе психологию голодного человека. Соблазн съесть лишний сухарик велик. Но не было ни одного такого случая в роте, ни один боец не поддавался соблазну.

Все принесенное делилось по взводам. Во взводе выделялся авторитетный боец, который раскладывал на плащ-палатке примерно равные доли черных сухарей и спрашивал:

— Кому?

Один из автоматчиков, отвернувшись, называл фамилию:

— Молоткову.

— Кому?

— Командиру.

— Кому?..

Еда распределялась в высшей степени справедливо.

Ели медленно. Казалось, люди смакуют пищу, продлевают удовольствие. Однако это объяснение лишь отчасти верно. Блокадные сухари следовало очень долго размачивать, поскольку состояли они на четверть из ржаной, на четверть из ячменной и наполовину из древесной муки. А десны у большинства были слабые. В результате длительного пережевывания бойцы не насыщались пищей, а только немного заглушали голод.

Фашисты, по всей видимости, знали о физическом состоянии наших воинов. Со своего переднего края в рупоры и громкоговорители они на ломаном русском языке часто рассказывали о «прелестях» гитлеровского «нового порядка», о «безысходности» сопротивления под Ленинградом, призывали переходить на их сторону, обещали хорошо накормить.

Но их пропаганда не достигала цели. Ни один из наших автоматчиков не соблазнился гитлеровскими харчами. Высокая сознательность бойцов, их преданность Родине, глубокая вера в победу были непоколебимы.

Но вот автоматчик поел, отдохнул. Пора на пост, — надо сменить товарища. Боевой пост — дело ответственное. Бойцам внушалось, что службу они должны нести бдительно: прозеваешь что-нибудь важное на той стороне — это может плохо кончиться и для тебя самого, и для товарищей.

Я часто убеждался в высокой бдительности автоматчиков. Незаметно подползешь, бывало, ночью к какому-

нибудь посту, а тебя обязательно остановит приглушенный, отрывистый окрик:

— Пароль?

— Полтава. Отзыв?

— Патрон. Это вы, товарищ политрук?

— Я. Что нового?

— Да вот там,—показывает в сторону врага,—на пригорке, появилось какое-то пятно. Думаю, фрицы дзот строят. Надо днем проверить...

Завязывается непринужденная беседа. Боец отвечает на твои вопросы откровенно, не спуская, как и ты сам, глаз с вражеского переднего края.

Я часто задумывался: чем объяснить такую обычную для фронта откровенность? Видимо, тем, что условия передовой, трудности и лишения, переносимые всеми в одинаковой степени, единство цели по-особому сближают людей. Ведь не случайно, получив весточку от родных, боец торопился поделиться новостями со своими друзьями и командирами. Это объединяло людей, внушало веру друг в друга, рождало взаимопомощь, взаимовыручку, солдатское братство.

И. А. ИВАНЮТИН,

*бывший командир отделения
412-го гаубичного
артиллерийского полка
168-й стрелковой дивизии*

ТОТ ПАМЯТНЫЙ ДЕНЬ

Из всех богатых событиями дней войны я выбрал один — светлый, торжественный, когда нашему дивизиону вручали медали «За оборону Ленинграда». Было это 5 июня 1943 года.

В середине солнечного дня в сосновую рощу у деревни Большие Илики, где располагался КП командира нашего дивизиона капитана П. А. Стрельченко, для вручения медалей прибыл командир полка подполковник А. Н. Литвинов. На поляну вынесли столик, накрыли его красным сукном, разложили коробочки с медалями. Командир полка вышел и молча обвел глазами строй бойцов, вызванных с огневых позиций и наблюдательных пунктов. Строй замер, ожидая, что скажет командир полка.

Мы, солдаты, очень любили этого человека за то, что он понимал бойцов, берег их, если мог, и никогда не

произносил легковесных речей. И в этот раз подполковник был краток:

— Хороший сегодня для нас день. Праздник, который все мы заслужили! По случаю праздника хотелось бы лучше покормить вас, одеть, чтобы не стояли вы в застиранных гимнастерках, обтрепанных сапогах. Родина ничего не жалеет для фронтовиков. Народ в тылу работает не покладая рук, чтобы дать действующей армии больше самолетов, танков, пушек, винтовок, боеприпасов, одежды, продуктов. Мы получим все это в больших размерах, как только ликвидируем проклятую блокаду. Я знаю, в вашем дивизионе есть отличные артиллеристы-снайперы — Пекарь, Вишняков, Бородин, Голубков. Их орудия истребили сотни фашистов. Пусть героев, отличных воинов будет больше — быстрее придет наша победа. Благодарю всех за службу и поздравляю с достойной наградой!

Может, и не все слова я передал точно, ручаться через столько лет трудно, но суть сказанного запомнил хорошо.

Начали вызывать к столу. Список был составлен по алфавиту, и фамилия моего фронтового друга прозвучала одной из первых:

— Сержант Брылин Павел Илларионович!

Помню, мой бесстрашный друг вдруг... оробел. Смутился под сотнями нацеленных на него глаз. Идет из строя отяжелевшей походкой, руки, что принимают медаль, дрожат. А ведь храбрее его я мало кого знал! Мы с ним так и провоевали неразлучно до конца войны. Не только в дивизионе, а во всем полку ценили его качества отличного топографа-вычислителя. Данные, которые он готовил для стрельбы, всегда отличались высокой точностью. Командиры его уважали, товарищи души не чаяли, наши военкоры написали о нем в стенгазету и боевые листки.

Но Брылин уже справился с волнением, отвечает четко:

— Служу Советскому Союзу!

Вышел из строя, идет к командиру полка Батагов, наш военфельдшер. Такой же, как все, худой. Тоже очень храбрый воин, однако в дивизионе его ценят и за другое. Заставил на каждом пищеблоке готовить хвойный настой и пить его не по кружке, а по несколько кружек в день. Сам показывает пример — пьет больше литра в сутки. И чтобы лишний раз доказать силу хвоя,

на глазах у всех занимается спортом: выжимает 30 раз колесо от узкоколейного вагончика!

Получают награды другие бойцы. Многие останавливаются у столика, говорят «ответную речь». Я тоже сказал. О ненависти к фашистским захватчикам, о горе, которое они нам принесли, о Петергофе, который видел почти полностью разрушенным фашистской артиллерией. Мог ли я тогда знать, что спустя десятилетия буду жить в Петродворце, восстановленном из руин!

Получая медали, бойцы клялись биться с врагом не жалея своей жизни. Не прошло и недели с того памятного дня, как многие исполнили эту клятву. В разведке боем погиб замечательный командир 8-й батареи старший лейтенант Гавриил Иванович Сухоруков. Похоронили его у опустошенной и разоренной деревни Большие Илики. Когда опускали тело в могилу, дали, как водится, залп из карабинов. И троекратный залп из орудий — снаряды полетели по врагу.

Во время артиллерийской дуэли погибли рядовой Вишняков, командир орудия Пекарь, командир огневого взвода Голубков...

...В августе 1972 года я вместе с бывшим воспитанником полка И. М. Кудрявцевым и его сыном побывали в местах, которые нам до конца жизни не забыть. Видел дощечку с надписью: «Здесь стояла деревня Б. Илики. Во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. уничтожена фашистами».

*А. Я. ПЯТНИЦКИЙ,
ветеран 48-й отдельной
бригады морской пехоты*

ЗДЕСЬ БЫЛИ НАШИ РУБЕЖИ

Я сорок с лишним лет здесь не был,
Но дня без прошлого не жил.
Все тот залив и то же небо —
Здесь были наши рубежи.
За каждый холм, овраг и горку
Дрались — ни с места, хоть убей.
Делили бережно махорку,
Теряли близких нам друзей.
С лица земли исчезли раны.
Передний край травой зарос.
И очень рад, но как-то странно,

Что я хожу здесь в полный рост,
Что нет пристрелок и мишеней,
В богатых кронах вновь леса,
Что вместо взрывов, разрушений
Растут жилые корпуса...
Я сорок с лишним лет здесь не был,
Но жизнь большую тут прожил.
Все тот залив и то же небо —
Здесь были наши рубежи.

Л. М. ТУДЕР,

*бывший командир дивизиона
1-й гвардейской морской артиллерийской
железнодорожной Красносельской
Краснознаменной бригады,
полковник в отставке*

ПО ФАШИСТСКИМ КАТЕРАМ

К началу лета 1943 года, после прорыва блокады и восстановления железнодорожного сообщения с Большой землей, обстановка на фронте заметно изменилась. Теперь мы уже не считали каждый снаряд. Батареи противника, стрелявшие по Ленинграду, получали мощные ответные удары.

Особенно активно подавлялись вражеские батареи, располагавшиеся на побережье Финского залива от Стрельны до Петергофа. При появлении наших кораблей на путях Лисий Нос — Кронштадт и Кронштадт — Ораниенбаум, на коммуникациях, которые справедливо назывались Малой Дорогой жизни, они обычно открывали огонь, пытаясь помешать перевозкам войск, боевого снаряжения и продовольствия на Ораниенбаумский плацдарм. С ними мы и вели борьбу.

Как-то раз в ту пору мне позвонил подполковник С. С. Кобец, начальник артиллерии бригады:

— Немедленно приезжайте к адмиралу Грену. Жду вас там.

Хочу сразу сказать об Иване Ивановиче Грене, замечательном военачальнике, одном из руководителей обороны Ленинграда. Кадровый офицер-артиллерист, участник первой мировой и гражданской войн, он в годы мирного строительства немало сделал для развития военной науки. Флот обязан ему многими нововведениями в организации боевой службы артиллерии.

Во время блокады Ленинграда вице-адмирал И. И.

Грен командовал артиллерией Краснознаменного Балтийского флота. Его богатая эрудиция, опыт, незаурядные организаторские способности помогли артиллерии КБФ стать важнейшим фактором обороны. Огонь мощных орудий кораблей и кронштадтских фортов, береговых батарей, подвижных железнодорожных установок активно содействовал нашим войскам во многих боевых операциях, заставлял батареи противника держаться подальше от Ленинграда, стрелять по нему с самых дальних дистанций.

Внешне Иван Иванович выглядел не очень солидно. Его невысокая, щуплая фигура обычно терялась среди окружавших его командиров. Однако по неизменной кожанке адмирала узнавали издалека. Его приезду во фронтовых частях и подразделениях радовались, хотя видели у себя часто: чем ответственнее участок, тем чаще он приезжал. Авторитет Грена как артиллериста был непререкаем. Но его любили и за простоту обращения. Пунктуальный до педантизма, требовательный и строгий, Иван Иванович умел в то же время понимать людей, заботился о них. Все на флоте знали: если Грен берется, значит, сделает, если пообещает — выполнит.

По пути на командный пункт Грена я напрасно старался угадать, о чем пойдет речь. Попробуй догадайся, что задумал скорый на удачные новшества командующий артиллерией флота!

В кабинет адмирала мы вошли вдвоем с Сергеем Спиридоновичем Кобецом. Командующий, как всегда, встретил нас просто и сразу приступил к делу.

— В восточной части Финского залива появились торпедные катера противника, — сказал Грен. — Надо уничтожить их. — Он помолчал, потом спросил: — Надеюсь, задача ясна?

Чего уж яснее! Мы хорошо знали, какое значение имеет для Ораниенбаумского «пяточка» единственная коммуникация через Финский залив. За нее шла непрерывная и упорная борьба. Артиллеристы не раз гасили вражеские прожекторы, подавляли огонь фашистских батарей, пытавшихся действовать в этом районе. Наш дивизион имел специальную задачу — обеспечить бесперебойную перевозку грузов на линии Лисий Нос — Кронштадт — Ораниенбаум.

В мае 1943 года, после того как Финский залив очистился от льда, интенсивность перевозок на этом направлении особенно возросла. Восполнялись потери

последнего времени, создавались необходимые резервы. Уже позже стало известно, что Ораниенбаумскому плацдарму отводилась немалая роль в планах разгрома группировки противника под Ленинградом. Ежедневно с наступлением темноты по маршруту следовали суда, груженные военной техникой, боеприпасами и продовольствием. В широких масштабах осуществлялась перевозка и личного состава.

И вдруг как снег на голову это известие: в районе появились, начали действовать фашистские торпедные катера. Откуда они взялись — никто из нас не знал, но никто и не сомневался, что опасность от них исходит большая. Само присутствие кораблей противника создавало обстановку нервозности, не говоря уже о том, что они могли угрожать нашим транспортным судам.

Закljučая разговор, адмирал Грен сказал:

— Договоримся: через три дня вы представляете план операции. Как его составить — учить не буду, сами не первый год в артиллеристах ходите. Но есть несколько пожеланий. Мне думается, удар лучше всего нанести, когда катера будут стоять в гавани. Здесь они лишены свободы маневра. Кроме того, тут их легче застать врасплох. Тщательно выберите места для наблюдательных пунктов. А операцию запланируйте на утро, причем раннее. Фашистские вояки, как известно, любят поспать. Пока придут в себя, вы свое дело и сделаете.

Грен хитро улыбнулся.

В отделах штаба мы получили уточненные данные об обстановке и уже по дороге домой начали раздумывать о деталях предстоящей операции.

В том, что предстоит жаркое дело, можно было не сомневаться. Вряд ли противник так просто даст уничтожить дивизион торпедных катеров. Поэтому готовились тщательно и всесторонне.

Прежде всего занялись наблюдательными пунктами. Основным оставили НП на эллинге завода имени Жданова. А корректировочный решили оборудовать у Горской, куда я срочно выехал с заместителем начальника штаба дивизиона по разведке старшим лейтенантом Н. Денисовым.

Отыскалось очень удобное место — на чердаке полуразрушенного дома, откуда хорошо просматривался весь район предстоящих действий. Был отдан приказ организовать связь между вновь избранным пунктом и НП на эллинге. С этой задачей отлично справился начальник связи дивизиона инженер-капитан И. А.

Шидловский — всего за сутки. Старшим на корректировочный пункт назначили командира отделения разведки старшего сержанта Анатолия Лихожена.

Выбор на него пал не случайно. Боевое крещение он получил во время обороны военно-морской базы Ханко и стал умелым и смекалистым артиллерийским разведчиком. Анатолий образцово выполнил уже не одно ответственное задание. Была уверенность, что справится и с новым. Кстати, после войны отважный разведчик Анатолий Лихожен остался жить в Ленинграде, который защищал, и до недавнего времени работал автомехаником.

В соответствии с пожеланием вице-адмирала Грена операцию назначили на раннее утро. Систему ведения огня, расчет потребности снарядов, организацию поддержки разработал штаб дивизиона — никакой трудности в этом уже не было. За долгие месяцы боев не только личный состав батарей отточил свое мастерство, значительно возросла и культура штабной работы.

Через два дня мы снова встретились с командующим артиллерией флота и доложили свой план. Иван Иванович проверил основные расчеты, кое-что подправил и сказал:

— Возражений нет. Приступайте к выполнению.

— Когда?

— В ближайшее ясное утро.

— Обязательно ясное?

— Обязательно, чтобы действовать наверняка. Перед началом операции доложите. Если ничего не изменится, дадим разрешение открыть огонь.

Потянулись томительные дни. Мы буквально «сидели и ждали погоды». Каждое утро встречали на наблюдательных пунктах в надежде на хорошую видимость. А она должна быть такой, чтобы можно было с помощью обычных оптических приборов просматривать нужный участок береговой черты, занятый врагом.

Еще день, второй, третий... Видимости по утрам на заливе нет.

Боевая деятельность дивизиона между тем продолжалась своим чередом. Вели огонь по местам скопления живой силы и техники противника, совершали дальние огневые нападения на железнодорожные станции, где, по данным разведки, фашисты выгружали военное снаряжение, подавляли вражеские батареи, стрелявшие по Ленинграду и нашим кораблям.

В предутренние часы затишья в ожидании ясной погоды предавался воспоминаниям...

В декабре 1941 года с последней группой наших войск, оставивших военно-морскую базу Ханко, где мы держали оборону с первых дней войны, я прибыл в Кронштадт. Вскоре меня направили на Ораниенбаумский плацдарм. На форту Красная Горка командовал 12-дюймовой батареей, некоторое время спустя — всем фортом.

Был уже февраль или март 1942 года, точно не помню, когда мне приказали выехать в штаб 5-й бригады морской пехоты, которая занимала линию обороны по реке Воронке. Следовало согласовать некоторые вопросы взаимодействия. Прибыл на место, разыскал штаб артиллерии бригады. Первый приятный сюрприз: командующим артиллерией здесь оказался подполковник Александр Горобец, с которым был хорошо знаком, поскольку он прежде командовал на той же Красной Горке другой 12-дюймовой батареей и среди нас, тогда молодых артиллеристов, не так давно покинувших стены военных училищ, считался грамотным, авторитетным специалистом.

Решив все служебные дела, уже собрался уходить, когда подполковник Горобец вдруг спросил:

— Слушайте, майор, в политотделе нашей бригады служит старший лейтенант Тудер. Не родня вам?

При этих словах у меня учащенно забилось сердце. Уже давно на нашей земле полыхала война. Многие за это время потеряли близких. Не знал и я, где мои два старших брата, до войны жившие в Ленинграде.

Через несколько минут в землянку спустился вызванный старший лейтенант. В армейском, сильно поношенном обмундировании, далеко не военной выправки командир. Это был мой старший брат, который без отца и матери вырастил меня, журналист по профессии, добровольно ушедший в действующую армию. И вот волею судьбы мы оказались на одном участке фронта — на Ораниенбаумском плацдарме.

Забегая вперед, скажу, что судьба была и далее к нам благосклонна. В июне 1944 года мы опять случайно встретились во время боев на Карельском перешейке, а в октябре того же года — при переправе на остров Эзель, во время высадки нашего десанта на Моонзундские острова. И еще раз, уже после войны, в 1950 году, — на другом краю света, Чукотке, где Семен пребывал, а я находился в экспедиции.

Много моих боевых друзей воевали на Ораниенбаумском плацдарме: командиры бронепоездов «Балтиец» Владимир Стукалов и «За Родину!» Владимир Кропачев, командир тяжелой морской артиллерийской батареи капитан Константин Башмаков, начальник артиллерии сектора береговой обороны подполковник Емельян Проскурин и другие.

...Время шло, мы ждали хорошей утренней погоды, но берег, захваченный противником, сквозь дым над заливом не просматривался. Наконец ожидание было вознаграждено. На рассвете меня поднял телефонный звонок. Докладывал Лихожен:

— Товарищ командир, на заливе прекрасная видимость. Даже контуры мола просматриваются четко.

— Катера на месте?

— Так точно!

— Продолжайте наблюдение!

Я немедленно связался со штабом бригады и доложил С. С. Кобецу:

— Видимость отличная. К проведению операции готовы. Разрешите начать.

— Ждите, доложим командующему.

Я быстро поднялся на эллинг. Слева из-за Пулкова поднималось солнце. Залив был чистым, небо — безоблачным. Условия благоприятствовали проведению боевой операции.

Механизм управления сработал без запинки. Спустя несколько минут на КП поступила телефонограмма: «Разрешаю начать операцию. Грен».

Дивизиону немедленно объявили боевую тревогу. Батарея доложили о готовности.

Начали с пристрелки. Батарея, которой командовал капитан Леонид Кузмицкий, сделала несколько одиночных выстрелов по выходу из гавани. К этому времени мы уже хорошо владели методом пристрелки одного орудия с последующим подключением по пристрелочным данным любого количества пушек. Успех обеспечивался четкой работой средств связи, высокой выучкой личного состава, особенно разведчиков на корректировочных постах и вычислителей, готовивших исходные данные для стрельбы. Противник, как правило, не обращал большого внимания на одиночные выстрелы. И для него оказывалось полной неожиданностью, когда после нескольких снарядов, к тому же разорвавшихся где-то в стороне, вдруг на цель с поразительной точностью обрушивался шквал огня.

Так произошло и на этот раз. После пристрелки последовала команда:

— Ввести поправки, подготовиться к сосредоточенному огню.

Через несколько минут с каждой батареи доложили о готовности. Я подал команду:

— Залп!

Одновременно открыли огонь все четыре батареи дивизиона. Каждая по своей цели. Одна взяла под обстрел выход из гавани, чтобы не допустить бегства противника. Две другие обрабатывали береговую черту, где у пирсов ошвартовались катера противника. Четвертая батарея вела методический огонь по всей акватории. Все это не позволяло фашистским катерникам эффективно противодействовать нашему огню: выходить из укрытий, передвигать корабли, бороться за их живучесть.

Мы произвели четыре огневых налета с интервалами в несколько минут. Выпустили более 150 снарядов. После первого же налета возник пожар, появился столб густого черного дыма.

— Горят! — торжествуя доложил Лихожен и тут же прокомментировал: — Добавки не просят, но можно дать. Для надежности.

Только после первого залпа, накрывшего катера, фашисты, видимо, поняли, что происходит. Вражеские батареи открыли сильный огонь по позициям дивизиона. «Заговорили» давно знакомые и занумерованные на планшетах цели. То были «наши» цели. Обычно мы подавляли их, когда они били по городу или судам, шедшим по Малой Дороге жизни. Но сейчас нельзя было отвлечься от главной задачи. На позиции падали снаряды, свистели осколки, однако орудийные расчеты продолжали стрелять по фашистским катерам.

Зато за нас «вступились» соседи, что предусматривалось планом операции. 406-й и 407-й дивизионы майоров Я. Д. Тупикова и Н. Н. Крайнова сразу открыли огонь на подавление фашистских батарей, действовавших против нас.

Цель была обработана надежно. После «бани», заданной гитлеровцам, их торпедные катера больше не появлялись на наших коммуникациях в Финском заливе. Мы же праздновали победу. Командир бригады генерал-майор Н. И. Дмитриев объявил личному составу дивизиона благодарность за босвую помощь частям, сражавшимся на Оранненбаумском плацдарме.

В 1944 году наша морская артиллерийская железнодорожная бригада была преобразована в гвардейскую, награждена орденом Красного Знамени, ей присвоили наименование Красносельской. После разгрома немецко-фашистских войск под Ленинградом она участвовала в освобождении Карельского перешейка и города Выборга, Советской Прибалтики, а также в штурме города-крепости Кёнигсберга. Овеянное славой гвардейское знамя бригады передано на вечное хранение в Центральный военно-морской музей в Ленинграде.

Н. В. КАЛУЦКИЙ,

*бывший командир 3-й батареи
50-й отдельной бригады
морской пехоты,
Герой Советского Союза,
полковник в отставке*

В ТЕСНОМ КОНТАКТЕ

В середине ноября 1943 года командир 50-й отдельной бригады морской пехоты Н. С. Лосяков получил приказ провести разведку боем в районе деревни Перелесье. Для этого выделили вторую роту 3-го стрелкового батальона, а поддержать ее следовало артиллерийской батарее, которой командовал я.

Это была не первая попытка, и, надо признать, несколько предыдущих бригаде не удались. В успех новой вылазки поверили после того, как командир роты В. В. Володин, умелый и храбрый офицер, отлично знавший обстановку и передний край противника, предложил интересный план. Он пришел к выводу, что неудачи бригадных разведчиков объяснялись в основном их однообразными и прямолинейными действиями. Надо перехитрить гитлеровцев. Начать вылазку не глубокой ночью или на заре, как обычно, а в вечерние сумерки. Он в деталях обрисовал порядок действий. План Володина утвердили.

Разведку боем назначили на 21 ноября. Накануне ночью саперы ефрейтор И. Л. Максенко, красноармейцы Н. Е. Зеленев и С. О. Шевелев проделали проходы в минном поле и проволочных заграждениях. Перед вечером пошел осенний холодный дождь. Вроде бы нестати. Но Володин рассудил иначе: дождь загонит гитлеровцев в блиндажи. А чтобы им не было скучно, включили приготовленные заранее мощные динамики. Из них

полили звуки музыки, потом Клавдия Шульженко запела «Синий платочек»...

Гитлеровцы и вправду заслушались. Даже перестали периодически освещать местность ракетами, прекратили дежурную стрельбу из пулеметов.

Не нарушили тишины, не выдали себя ни одним неосторожным движением и бойцы двух взводов, скрытно преодолевшие нейтральную полосу и скопившиеся у переднего края противника. И вот командир роты передал команду:

— Вперед!

Оба взвода бросились в первую траншею врага, перебили охранение, достигли второй траншеи, затем ворвались в деревню Перелесье. Фашисты выскакивали из домов в нижнем белье под пули наших автоматов и винтовок. Постепенно их сопротивление возрастало. Они начали отстреливаться. Некоторым удалось затащить пулеметы на чердаки. Огонь сверху прижимал наших бойцов к земле.

Алексей Капустин, Джимшут Джафаров и Виктор Творогов, три артиллериста из нашей батареи, сопровождавшие пехотинцев, оказались у одного из домов, с чердака которого строчил фашистский пулемет. Надо уничтожить его, но как? Внутри дома, конечно, есть ход на чердак, но гитлеровцы наверняка за ним наблюдают. Может, попробовать через крышу прилегающего к дому хлева?

Так и сделали. Когда забрались наверх, вдруг услышали крики, ругань немецких солдат. Пьяные, что ли? Первым полез на чердак Творогов, за ним Джафаров. Гитлеровцы не ожидали опасности с этой стороны. Наши бойцы использовали внезапность своего появления и одного солдата взяли в плен, другого застрелили.

Можно возвращаться к месту сбора.

По дороге гитлеровец вытолкнул кляп изо рта и зарорал во все горло. Группа фашистов, оказавшаяся рядом, бросилась ему на выручку. Взвилась осветительная ракета, началась яростная стрельба. На Капустина набросились сразу три вражеских солдата. Двух он успел застрелить, а третий сбил Капустина с ног, тяжело навалился на него. Наш боец выхватил гранату и взорвал ее. Фашиста разнесло в клочья, а Капустин, прикрытый телом врага, счастливо отделался только царапинами.

Деревня оказалась в наших руках. Командир роты Володин сразу же организовал круговую оборону: в том, что оккупанты контратакуют, сомнений не было. Сер-

жант М. Г. Ноговицын и красноармеец С. О. Шевелев прикрыли минами наиболее вероятные направления вылазок противника.

Подготовились к новой встрече с врагом и мы, артиллеристы. Чтобы лучше управлять огнем, выдвинули дополнительный наблюдательный пункт на правый фланг роты. На этот НП послали ефрейтора Виктора Творогова и сержанта Ивана Заикина. Радиосвязь с батареей поддерживала Мария Носкова, перед самым боем вернувшаяся с курсов радистов. За проводную связь отвечал Джимшут Джафаров.

Около полуночи старший лейтенант В. В. Володин переправил командиру батальона майору С. И. Окушину двух пленных, пачку захваченных документов и боевое донесение. Мы тоже доложили своему командиру артдивизиона капитану В. С. Деречинскому вновь выявленные цели — артиллерийскую и минометную батареи противника.

Чуть посветлело пасмурное небо, фашисты начали контратаку. Из ближнего леса к нашим позициям потянулись трассы очередей крупнокалиберных пулеметов. От разрывов снарядов и мин задрожала земля: это открыли огонь их батареи. Наша артиллерия ответила.

Рота Володина заняла очень выгодный для обороны рубеж. Огонь гитлеровцев не достигал цели. Вдруг на командный пункт прибежал старшина В. Д. Скрипкин и доложил, что видел много гитлеровцев, скрытно накапливающихся в овраге для атаки с тыла. Пехота попросила нашего огня. Я передал координаты Носковой, та по рации сообщила их в дивизион. Скоро на месте скопления врага начали рваться снаряды.

Однако овраг оказался глубоким и узким, снаряды по большей части не наносили противнику особого вреда. Тогда Скрипкин вместе с красноармейцами Гавриловым, Самсоновым и Скобелевым подползли к краю оврага и забросали его противотанковыми гранатами. Приготовившиеся к броску гитлеровцы были рассеяны, многие уничтожены.

Все же одной группе вражеских автоматчиков удалось «просочиться» в глубину наших боевых порядков. Они атаковали командный пункт роты. В самый опасный момент пулемет красноармейца Мухтабара Аширбакиева замолчал, — бойца убило. Тогда его место, оставив рацию, заняла Мария Носкова. Она хорошо знала это оружие, но от волнения не сразу сумела устранить перекос ленты. Фашисты прут, они уже рядом, а пуле-

мет молчит. Наконец в помощь нашим автоматам застучал и он. В гитлеровцев полетели гранаты. Мало кто из вражеских солдат уцелел.

В первой половине дня рота отбила еще две атаки. В последней немецкую пехоту сопровождали танки. К тому времени небо расчистилось, установилась ясная погода, и с НП отлично просматривалось все поле боя. По наступавшему врагу ударила наша артиллерия. С радостью отметил прямое попадание в фашистский танк. И эта вражеская атака захлебнулась.

А во второй половине дня гитлеровцы предварили свою атаку сильным артиллерийским налетом. Прилетели и отбомбились вражеские пикировщики. Потом пошла пехота, ее опять сопровождали танки. И снова ожесточенно била наша артиллерия. Но гитлеровцы, низко пригибаясь, перебегая от укрытия к укрытию, все приближались к нашим позициям. Ранен в руку командир роты Володин, но из траншеи, конечно, не уходит. Получил ранение пулеметчик старший сержант Лукин, и за пулемет лег батареец лейтенант Алексей Капустин. Мария Носкова — у другого пулемета, а Джафаров приготовил гранаты. Гитлеровцев идет, по меньшей мере, человек сто, а наших осталась только горстка.

Стволы пулеметов Носковой и Капустина сильно нагрелись. Надо дать пулеметам остыть, и Носкова с Капустиным берут в руки винтовки, потом снова стреляют из пулеметов. Но вот кончились патроны. А враг насеждает. И маленькая, хрупкая девушка где ползком, где перебежками под огнем добирается до пункта боепитания, забирает патроны и снова занимает место у пулемета.

Вот замахнулся гранатой красноармеец И. В. Бушкин, но бросить не успел, — его ранили в руку. Граната выпала и покатила по траншее: вот-вот взорвется. Капустин в мгновение ока бросился к ней, схватил и метнул за бруствер. Грохнул взрыв.

К концу дня — очередная вражеская атака. Василий Васильевич Володин приказал без команды не отвечать на огонь. Гитлеровцы обрадовались, прут во весь рост.

Неподалеку от наших позиций напоролись на мины, которые успели поставить саперы. Фашисты шарахнулись влево и вдруг выскочили на открытое место. И тотчас в них полетели гранаты, ударили автоматы. Их атака и на этот раз захлебнулась.

Имея большое численное превосходство, гитлеровцы решили обойти роту с тыла. Их маневр вовремя за-

метил наш разведчик Иван Заикин. Он тотчас же вызвал огонь своей батареи по наседавшему врагу. Снаряды стали рваться в самой гуще противника и быстро охладили его пыл. Около полусотни вражеских солдат и офицеров осталось лежать на лесной поляне.

В ходе боя нарушилась связь НП с батареей. Ее пошел восстанавливать Виктор Творогов, однако был тяжело ранен. Фашисты обнаружили Заикина и стали подбираться к нему. У разведчика еще имелось время, чтобы уйти. Но воин-комсомолец решил сражаться до конца. Добрый десяток врагов уложил он из автомата. Когда же гитлеровцы, прячась за стволами деревьев, приблизились к нему вплотную, он успел швырнуть в них две гранаты, прежде чем погиб сам, изрешеченный пулями.

Он был, конечно, далеко не первым артиллеристом бригады, погибшим в тот день. Еще раньше при вражеском артиллерийском налете на нашу огневую позицию смертельно ранили командира взвода лейтенанта Юрия Кирзнера. Ранило также лейтенанта Александра Сорокина, командира орудия сержанта Ивана Марова.

Выбывшего командира огневого взвода заменил парторг батареи сержант Иван Боровиков. По приказу капитана В. С. Деречинского он сменил огневую позицию, умело разместил каждое орудие на новом месте. Раненого командира орудия Марова заменил наводчик Малютин, за наводчика стал заряжающий Блощинский... И взвод снова оказался, как говорят, во всеоружии.

Сутки рота, поддерживаемая артиллеристами, сражалась с врагом, ни на шаг не отступив. Лишь с наступлением темноты получила приказ отойти на другой рубеж.

Лейтенанта Капустина с несколькими разведчиками послали за телом Ивана Заикина. Его бережно сняли с дерева и унесли с собой. Похоронили комсорга батареи в братской могиле недалеко от деревни Большое Горлово с воинскими почестями. В кармане гимнастерки Заикина кроме комсомольского билета, пробитого пулей, нашли маленький блокнот. На одной из его страниц были выписаны слова М. И. Калинина: «Нет слов, умереть — это большое дело, это подвиг. Но вопрос в том: как умереть? Нельзя умирать пассивно, без самой отчаянной борьбы. И если действительно понадобится умирать, то надо это делать так, чтобы отдавать с боем свою кровь каплю за каплей и чтобы до последней капли крови пулемет в руках бойца разил врага».

Счету потерь в тот день еще не суждено было кончиться. Когда рота, а вместе с ней и мы, артиллеристы, возвращались на свои позиции, противник неожиданно накрыл нас минометным огнем. Несколько человек ранило. А Марию Носкову убило.

Погибла наша Маша. Даже не могли в это поверить. Ей едва исполнилось восемнадцать.

Поздним вечером 22 ноября над нашими огневыми позициями воцарилась тишина. В ушах звенело от непрерывного суточного грохота. Штабы подводили итоги разведки боем. Одной из тех, что предваряли наше генеральное наступление, которое должно было выместить гитлеровцев из-под Ленинграда. До начала его оставалось меньше двух месяцев.

А. И. РУДКОВСКИЙ,

*бывший начальник штаба
295-го отдельного армейского
инженерно-саперного батальона,
полковник в отставке*

ТРУЖЕНИКИ ВОЙНЫ

В период наступления саперы идут впереди, расчищая дорогу пехоте и танкам. А при отступлении уходят последними, прикрывая путь минно-взрывными заграждениями. Это очень важная, но все же часть их работы на войне. Блиндажи, долговременные огневые точки, окопы, ходы сообщения — все это создают саперы. Часто под огнем противника, в неблагоприятных погодных условиях. Нередко случалось, на рассвете враг видел, что еще чистое накануне поле опутано колючей проволокой. Это ночью поработали саперы. Или, бросившись в атаку, противник вдруг оказывался на минном поле. И разведка не помогла: уже после нее саперы заминировали участок.

Все перечисленное выполняли на войне бойцы и командиры 295-го отдельного армейского инженерно-саперного батальона. Боевое крещение эта часть приняла летом 1941 года под Тарту. Стойко обороняли город советские воины. Саперы батальона под пулями и снарядами ставили противопехотные и противотанковые мины, закладывали управляемые фугасы. На них подорвались сотни пехотинцев, десятки танков врага. Наши бойцы Воробьев, Харитонов, Олейник, Прохоров, Малахов, Ларин последними покинули город, взорвав мост через

реку Эмайыги в тот момент, когда на него уже вползли гитлеровские танки.

Потом были тяжелые бои под Таллином, Нарвой, на Лужском рубеже. Особенно запомнился Лужский рубеж. На нем за короткий срок были установлены десятки тысяч мин, фугасов, разного рода «сюрпризов», протянуты десятки километров проволочных заграждений. Когда враг начал штурм рубежа, роты нашего батальона не раз поднимались в контратаку, действуя как стрелковые подразделения. Батальон понес большие потери, но задание командования выполнил.

Подвиг совершили лейтенант Кузьменко, рядовые Воробьев и Ларин. Им приказали взорвать мост, уже находившийся под непрерывным обстрелом противника. Смелчаки поползли к нему со взрывчаткой на спине. Гитлеровцы заметили их, усилили обстрел, стараясь не подпустить к мосту. Несколько раз воинов засыпало землей, поднятой взрывами снарядов и мин. Контуженные, оглушенные, они все же продолжали ползти вперед. Достигли моста и подорвали его. Все трое первыми в нашей части удостоились боевых наград.

В начале октября 1941 года батальон сосредоточился в лесу, что в трех километрах западнее населенного пункта Таменгонт. Он был сильно потрепан в боях, в ротах насчитывалось лишь по несколько человек. Ожидали пополнения, переформирования.

Но уже через несколько дней саперов направили на передний край ставить минно-взрывные заграждения. Предстояло превратить Приморский плацдарм в неприступную крепость. Первой саперной роте под командованием старшего лейтенанта Б. Ю. Шварца выделили район Петергофа, Ораниенбаума, Мартышкина, второй роте во главе со старшим лейтенантом В. Д. Беляевым — район Порожек, Большого Горлова. Действуя совместно с войсками, державшими оборону, саперы начали закладывать минные поля, тянуть проволочные заграждения, строить дзоты. Первая рота, кроме того, на случай прорыва врага готовила к взрыву объекты в самом Ораниенбауме — электроподстанцию, хлебозавод, почту, мосты...

Батальон принял участие и в одном из первых наступательных боев на плацдарме. Командование Приморской оперативной группы решило отбить у противника гору Колокольня, господствовавшую над местностью. Отсюда гитлеровцы просматривали участок нашей обо-

роны. Взять высоту поручили 2-й стдельной бригаде морской пехоты. В отряд, выделенный для захвата Колокольни, включили взвод саперов первой роты под командованием старшего сержанта М. М. Олейника.

Саперы сделали проходы в минных полях. После небольшой артподготовки моряки решительно атаковали и опрокинули противника, заняли высоту. Но гитлеровцы не хотели терять важный рубеж и не жалели сил, чтобы вернуть его. Под пулями и снарядами саперы, неся значительные потери, за несколько дней опоясали высоту противопехотными, противотанковыми минами, натянули проволочные заграждения, установили между деревьями мины натяжного действия. Это помогло отряду моряков окончательно закрепиться на Колокольне, которая впоследствии сыграла важную роль в обороне плацдарма.

Противник, обескровленный в сентябрьских боях, в октябре на нашем участке фронта не проявлял большой активности. Однако все понимали, что он копит силы, перегруппировывается и вновь попытается ликвидировать Приморский плацдарм. Штаб Приморской оперативной группы разработал общий план инженерного обеспечения обороны плацдарма. Подразделения 295-го саперного батальона активно включились в его осуществление.

Поначалу инженерные сооружения в нашей обороне почти отсутствовали. Не было блиндажей, дзотов, перекрытых наблюдательных пунктов, сплошных траншей и ходов сообщения полного профиля, не говоря уже о проволочных, минных и других заграждениях перед передним краем и в глубине обороны. Все это следовало создать силами пехоты с нашей помощью.

Линия фронта проходила в основном по лесисто-болотистой местности, мокрым глубоким торфяникам. Строить сооружения обычным путем на многих участках не представлялось возможным. Тогда окопы, к примеру, стали строить на поверхности насыпным способом. Из кольев, жердей, хвороста выкладывали с определенным наклоном два параллельных забора, скрепляли их распорками и растяжками, затем с двух сторон засыпали землей. Так создавалось оборонительное сооружение, защищавшее от пуль и осколков и позволявшее стрелять стоя. Днем в ближнем тылу саперы заготавливали нужные материалы, а с наступлением темноты перетаскивали их на передний край.

Противник всячески мешал этому строительству. *

Как ни старались бойцы соблюдать маскировку, абсолютно скрыть производство работ не удавалось. Неосторожный стук топора или кувалды вызывал огонь минометов и орудий противника. Часто построенные за ночь сооружения днем полностью разрушались.

На ряде участков, особенно близких к противнику, мы стали применять сборно-разборные конструкции. Их предложили смекалистые старшина В. Г. Польский и сапер-плотник Л. С. Куликов. Готовили срубы из бревен, затем разбирали их и скрытно подносили к месту строительства. Ночью собирали. Сборно-разборные конструкции начали вскоре применять и в других подразделениях, отчего стало меньше потерь, ускорились работы.

С декабря 1941 года в командование батальоном вступил капитан Г. Е. Жгун. Военкомом назначили батальонного комиссара Ф. А. Бакаминова. Я командовал взводом инженерной разведки и в этом качестве вместе со своими бойцами излазил весь передний край. Не раз разведчики-саперы ходили и к переднему краю гитлеровцев, изучая и описывая его. Материалы эти направлялись в штаб инженерных войск ПОГ для рассылки в части. Случалось, саперы добывали образцы новых фашистских мин.

За год — с ноября 1941-го по ноябрь 1942 года — разведчики саперного батальона совершили больше десяти переходов через линию фронта: командование ПОГ интересовало, что противник делает в глубине своей обороны, какие инженерные работы ведет. Поначалу, когда еще не существовало сплошной линии фронта, пройти в тыл гитлеровцев было нетрудно. Когда же оборона стабилизировалась, трудности существенно возросли.

Хорошо запомнилась вылазка в январе 1942 года. Начальник инженерных войск ПОГ полковник С. Д. Юдин приказал подобрать пять-шесть хороших разведчиков-саперов, перейти линию фронта и изучить характер оборонительных работ противника на направлении Порожки — Дятлицы — Кипень — Волосово.

В группу включили смелых и хладнокровных разведчиков Воробьева, Носкова, Малахова, Ларина и Осина. Возглавить ее поручили мне. Тщательно подготовились к действиям. Подробно изучили маршрут движения, определили место перехода переднего края, обследовали его. Согласовали все необходимое с командирами стрелковых подразделений.

И вот, выбрав ночь потемнее, мы бесшумно миновали передний край и углубились в расположение противни-

ка. Десять суток ночами двигались от рубежа к рубежу, а днем устраивались в укромном месте и пережидали до темноты: отдыхали и наблюдали за действиями врага.

Дело шло к концу. Задача, поставленная перед нами, была выполнена. Группа направилась в сторону фронта. Засели в кустарнике у дороги между Кипенью и Дятлицами. От проходившей колонны гитлеровцев отделился солдат и пошел в нашу сторону. Не успел оккупант удивиться, увидев нас, как Воробьев и Носков скрутили его по рукам и ногам. Все быстро сменили позицию, так как заметили: фашисты уже хватились своего солдата. Поднялся переполох, стрельба.

Дождавшись ночи, перешли передний край на участке 2-й бригады морской пехоты. Здесь нас ждали. За долгий переход все невероятно устали, некоторые обморозились, так что заботливая встреча, оказанная моряками, пришлась кстати. Мы были счастливы, что вернулись без серьезных потерь, доставили сведения и даже «языка». Всех разведчиков наградили.

Наши части вели себя в обороне все активнее. Чаше проводили разведку боем, поиски. Действия такого рода не обходились без саперов. Когда, например, стрелковый полк 48-й дивизии и батальон моряков получил приказ овладеть развилкой дорог Петергоф — Петровская, им для усиления придали не только танки, артиллерию, минометы, но и роту саперов.

Перед началом атаки саперы ночью проделали проходы в минных полях — своих и противника. После артиллерийской подготовки два танка КВ и один Т-34 по этим ходам ворвались на вражеские позиции. За танками устремились пехотинцы. Противник был выбит с занимаемых позиций. Саперы тотчас прикрыли новый рубеж противопехотными и противотанковыми минами.

Враг подтянул подкрепления, перешел в контратаку. Не имея резервов, десант был вынужден оставить захваченные позиции. Уходя, саперы успели обильно начать окопы, траншеи, блиндажи «сюрпризами». Противник потерял здесь более 200 солдат и офицеров, 11 противотанковых орудий, 2 танка. Было уничтожено 13 блиндажей. Командование отметило отличившихся, в том числе саперов старшего лейтенанта Г. М. Мухутдилова, старшего сержанта М. М. Олейника, разведчиков И. П. Харитонова, В. П. Дятлина, М. С. Зернова, Г. Г. Ивкина.

В марте 1942 года батальон 48-й стрелковой дивизии, усиленный 287-м отдельным танковым батальоном

и нашей саперной ротой, получил приказ выбить врага из деревень Туюзи и Аудии. Саперы роты старшего лейтенанта В. Д. Беляева должны были сделать проходы для танков и пехоты, а затем сопровождать их в бою.

Наш разведвзвод несколько ночей изучал оборону противника, готовил проходы в заграждениях. Действиями разведчиков руководил капитан Г. Е. Жгун.

Настал час атаки. Морозным утром после короткой артиллерийской подготовки двинулись по проходам танки с саперами на броне. Они стремительно ворвались на передний край противника. Однако стрелковый батальон отстал. Попав под сильный артиллерийский, минометный и пулеметный огонь, пехотинцы залегли, а затем были вынуждены отойти на исходный рубеж.

А бой продолжался. Танки уничтожили два орудия, саперы подорвали пять пулеметных дзотов. Тем временем противник подтянул резервы и обрушил на нас губительный огонь. Стали быстро расти потери. Командир группы приказал отходить.

В том бою противник подбил два танка КВ и один Т-34. Погибли многие воины, в том числе командир саперного взвода лейтенант Орлов. Получила смертельное ранение любимица нашего батальона санинструктор Люба (фамилию, к сожалению, не помню). Она находилась в самом пекле боя, действовала храбро, оказывая помощь раненым. Осколок фашистского снаряда оборвал ее жизнь.

Проведенная атака показала, что мы еще плохо взаимодействуем с танками и артиллерией. Но урок, как говорится, пошел впрок.

В следующие дни саперы продолжали совершенствовать занимаемые рубежи. Перед передним краем 48-й стрелковой дивизии, 2-й и 5-й отдельных бригад морской пехоты было дополнительно установлено большое количество минно-взрывных заграждений, построено много дзотов.

На случай прорыва противника были подготовлены к взрыву мосты на шоссейной дороге вдоль Финского залива от Петергофа до Кернова. Кроме взрывчатки тут использовались и морские торпеды. Разумеется, все это делалось в строгой тайне.

Были приняты меры против высадки десанта противника со стороны Финского залива. На всем протяжении побережья на земле и на льду устанавливались мины, а когда их не хватало, то и самодельные взрывные устройства из металлических труб.

Все это требовало от саперов не только умения, но большой физической силы. А ее стало недоставать. Блокадные лишения в полной мере коснулись и нас. Крайне тяжело стало, когда инженерные войска перешли на «вторую военную» норму продовольственного снабжения, по которой выдавали лишь 350 граммов хлеба в сутки,— хлеба, в котором добрую половину составляли различные примеси. Приварок тоже был не ахти какой. Остряки изощрялись: крупинка пшена вторую в котелке ищет.

В батальоне появилась дистрофия. Наиболее ослабевших бойцов и командиров отправляли в профилакторий, организованный при госпитале. Там они находились одну-две недели. Побывал в профилактории и я, поскольку в какой-то момент уже не мог передвигаться без посторонней помощи.

Несмотря ни на что, инженерные работы продолжались. В районе горы Колокольня вторая саперная рота, которой я стал командовать, построила несколько дзотов. Бревна для сруба поднимали по восемь — десять человек, а ведь раньше справлялись двое. Вели дополнительное минирование.

Помнится, в это время батальон получил задание проложить новую дорогу — от населенного пункта Таменгонт к переднему краю у Порожек,— пригодную для всех видов транспорта. Почти на всем 30-километровом участке дорога шла по болоту и заболоченному лесу. Выстилали ее жердями и бревнами, затем засыпали песком и гравием. Снять саперов с переднего края не решились,— они были очень нужны там. На строительстве дороги трудились техническая рота, хозяйственный взвод. Работы вели посменно, в основном вручную, но объект сдали в срок. Батальон и на этот раз показал, что способен выполнить любое, самое трудное задание командования.

А они следовали одно за другим. Осенью 1942 года разведка установила, что юго-западнее горы Колокольня образовалась очень широкая «ничейная» полоса. Было решено занять небольшую высоту на «нейтралке», выдвинуть туда боевое охранение и взять под контроль весь участок, по которому, не раз случалось, разведка противника проходила к нашему переднему краю. Для инженерного обеспечения вылазки батальону морских пехотинцев придали саперную роту.

Рано утром моряки и саперы по охотничьим тропам выдвинулись вперед и заняли позиции на обратных ска-

тах высоты, примерно в 200—300 метрах от противника. Не теряя времени, начали их укреплять. Саперы натянули между деревьями колючую проволоку в несколько рядов, поставили мины, приступили к строительству дзотов, блиндажей.

Гитлеровцы, конечно, обнаружили все это. В полдень появилась фашистская разведка, обстреляла высоту, пыталась захватить «языка». После ее визита на высоту обрушился ураганный артиллерийско-минометный огонь. Он продолжался около часа. Поскольку укрытия еще не были готовы, пришлось очень трудно. Но как только огонь стих, бойцы тотчас снова принялись за работу.

На другой день гитлеровцы снова обстреляли высоту из пушек и минометов, потом примерно батальон пехоты атаковал ее. Моряки встретили врага дружным ружейно-пулеметным огнем. Однако противник все же ворвался на нашу позицию. Завязалась рукопашная. Фашисты пытались зайти с фланга. Там находилась группа саперов, заготавливавших лес для блиндажей. Бойцы бросились на врага. А. М. Саврасов, П. С. Смуров, М. С. Зернов и другие стали вместо ручных гранат швырять в атакующих осколочные мины с зажженными кусочками бикфордова шнура. Гитлеровцы не выдержали. Высота осталась в наших руках.

Гитлеровцы тоже стремились улучшить свое положение. Старое здание, находившееся вблизи переднего края, они приспособили под долговременную огневую точку. За крепкими кирпичными стенами укрылся крупный вражеский гарнизон, сильно беспокоивший наши войска. Командование поставило перед батальоном задачу прорыть подземный тоннель к этому зданию и взорвать его вместе с гарнизоном.

Командир батальона капитан Жгун и штаб под руководством инженер-капитана Шапошникова разработали необходимую техническую документацию. Исходной точкой, откуда предстояло начать трассу тоннеля, стала церковь в Мартышкине. Здесь проходил глубокий ров, который позволял маскировать работы.

Подготовку тоннеля возложили на роту старшего лейтенанта Беляева, выполняли ее взводы Хованова, Макарева и Вайнштейна. Работы велись в 350 метрах от гитлеровцев. Строили тоннель круглосуточно, в несколько смен. Галерею на глубине 10—15 метров рыли вручную. Грунт долбили кирками, вывозили в вагонетках, приспособив ручные лебедки. Когда продвинулись под реку, вниз стала просачиваться вода, затапливая штольни. Не

хватало кислорода, дышать было трудно. Солдаты поднимались навверх мокрые, усталые.

Шесть месяцев продолжалось строительство. Уже все было подготовлено к взрыву, но приказа не последовало. У командования оказались на это свои соображения.

Начиная с лета 1943 года батальон усиленно строил на плацдарме дороги для маневра войск, новые командные и наблюдательные пункты, пункты водоснабжения. Одновременно велась широкая инженерная разведка обороны противника. Взвод саперов-разведчиков батальона возглавил умелый и храбрый офицер лейтенант Павлов.

Лейтенант Павлов доложил мне (я был назначен начальником штаба батальона), что проволочные заграждения, натянутые гитлеровцами перед своими окопами зимой, стоят непрочны, колья едва забиты. Родилась дерзкая идея — с помощью лебедок и тросов перетащить заграждения от фашистов к нашему переднему краю. Полковник С. Д. Юдин, начальник инженерных войск ПОГ, одобрил нашу идею.

Павлов вместе со старшим сержантом И. П. Харитоновым, сержантами В. И. Воробьевым и В. Р. Рыженковым, рядовыми Ф. В. Наместниковым, Г. Н. Осиным и другими несколько ночей «священнодействовали» под носом у гитлеровцев. В траншеях одного из боевых участков 168-й стрелковой дивизии они поставили лебедки. В последнюю ночь под прикрытием артогня разведчики привязали тросы к кольям заграждения. По сигналу заработали сразу все лебедки.

У фашистов проволочные заграждения были соединены со звуковой и световой сигнализацией, прикрыты фугасами. Все это пришло в действие. Поднялся ужасный шум: взрывались петарды, включились сирены. Несколько сот метров заграждений двинулись к нашему переднему краю. Гитлеровцы не сразу поняли, что происходит, а когда опомнились, заграждение уже стояло перед нашими траншеями. Потерь мы не имели.

С каждым днем все явственнее ощущалось приближение решительных действий, связанных с разгромом немецко-фашистских захватчиков под Ленинградом. О назревавших событиях саперы узнавали, пожалуй, первыми. От начальника инженерных войск 2-й ударной армии, в подчинение к которому перешел батальон, поступило распоряжение снять минно-взрывные устройства в тылу наших войск. Нужно было облегчить размещение новых контингентов наших войск, их развертывание для наступления. А затем последовал еще один приказ: на-

чиная с ночи 12 января 1944 года, соблюдая все правила маскировки, не вызывая ни малейшего подозрения у врага, проделать проходы в минных полях перед своим передним краем и передним краем фашистов.

Ночью в белых маскировочных халатах саперы прощупывали каждый сантиметр поверхности миноискателями, щупами и просто чуткими пальцами. За три ночи саперные роты под командованием старших лейтенантов В. Д. Беляева, В. К. Хованова и В. Я. Бумана проделали десятки проходов на направлении главного удара, сняли и обезвредили тысячи противотанковых и противопехотных мин.

Но это была лишь половина задачи. Другая состояла в том, чтобы организовать комендантскую службу на этих проходах, обеспечить безопасный пропуск войск.

Малейшая демаскировка могла причинить серьезные неприятности. Но этого не произошло, враг ничего не заподозрил.

За двое суток до начала наступления в тыл противника забросили инженерную разведку. Ее возглавил старшина И. П. Харитонов. Группа обследовала дороги и мосты на направлении Порожки — Ропша — Волосово — Кингисепп. Разведчики принесли очень нужные сведения.

К рассвету 14 января штаб батальона переместился в район горы Колокольня, ближе к саперным ротам, приданным наступающим частям. Утро выдалось необыкновенно тихим. Белесый туман окутывал землю. Шли последние приготовления. Повара Мухамедзянов, Блинов, Вахрамеев приготовили завтрак, накормили бойцов и командиров. Подразделения получили ИЗ.

Тишину разорвали залпы артиллерийских орудий. Войска 2-й ударной армии двинулись вперед. Наша первая рота была придана танковым частям. Чтобы саперы не отстали, их посадили на броню. Вторую роту распределили по артиллерийским подразделениям. Третья рота обеспечивала движение войск по маршрутам. Техническая рота отвечала за развертывание в инженерном отношении пунктов управления армии.

Противник не выдержал удара советских воинов, начал отходить, но цеплялся за каждый рубеж. На путях отхода ставил мины, фугасы, взрывал мосты, портил дороги. Работы нашим саперам хватало.

У Ропши гитлеровцы предприняли яростную контратаку на одну из артиллерийских позиций. Создалось критическое положение: противник вот-вот ворвется на

батарею. Артиллеристы отбивались картечью, огнем из автоматов и карабинов. Враг наседал. Для прикрытия срудий еще раньше был выделен взвод саперов старшего сержанта Балташева. Теперь они вместе с артиллеристами сошлись врукопашную с гитлеровцами и контратаку отбили. Но в неравной схватке пали восемь саперов, в том числе и Балташев.

В боях с врагом показали свою отвагу, самоотверженность и девушки, служившие в нашем батальоне с середины 1942 года. Небольшая их группа прибыла тогда на пополнение из Ленинграда. Девушки заменили мужчин там, где было возможно,— стали санинструкторами в ротах, радистами, телефонистами, поварами, писарями.

Под Волосовом наши танки сопровождала рота старшего лейтенанта В. К. Хованова. Среди саперов была и санинструктор Вера Василевская. Она находилась в гуще боя, ни один раненый не остался без ее помощи. Вера погибла смертью храбрых, и солдаты первой роты у могилы бесстрашного санинструктора поклялись сражаться с врагом так же самоотверженно, как сражалась она.

В другом бою отличилась писарь второй роты Мария Ледовская. Небольшая часть бойцов ее роты переправилась через реку и захватила плацдарм. Командир роты поручил Ледовской срочно доставить в штаб донесение об этом успехе. От разрывов бомб и снарядов над рекой поднимались фонтаны воды, перемешанной со льдом, свистели пули, осколки мин. Девушку при переправе тяжело ранило. Пришла она в себя лишь на третьи сутки в госпитале и первым делом спросила: где донесение, доставлено ли оно командованию?

Батальон двигался вместе с войсками 2-й ударной армии на запад, когда пришла радостная весть: за активное участие в разгроме немецко-фашистских войск под Ленинградом он награжден орденом Красной Звезды и удостоен почетного звания Ропшинский. Приятно, конечно. Но впереди предстояли новые жестокие бои. И труженики войны — саперы вместе с частями фронта продолжали свой нелегкий путь.

В БОРЬБЕ С АБВЕРОМ

Шел июнь 1943 года — пора белых ночей. С наступлением коротких сумерек катер Краснознаменного Балтийского флота с группой военных на борту вышел из устья Невы на затемненную гладь Финского залива. Благополучно проскочив мимо артиллерийских батарей, установленных гитлеровцами в Стрельне и Новом Петергофе, он без происшествий достиг ораниенбаумского пирса. Среди пассажиров катера находился и я.

В отдел контрразведки «Смерш» Приморской оперативной группы я прибыл далеко за полночь. Несмотря на поздний час, меня встретил начальник отдела полковник Д. Г. Гончаров.

Старый член партии, опытный чекист, Дмитрий Георгиевич в предвоенные годы находился на ответственной партийной и советской работе, а в начале войны по мобилизации пришел в контрразведку КБФ. В январе 1943 года он получил назначение в Приморскую оперативную группу.

Полковник Гончаров представил меня, своего нового заместителя, командующему группой генералу А. Н. Астанину и его заместителю по политчасти полковнику М. А. Басовскому, ввел в обстановку. При этом Дмитрий Георгиевич отметил, что плацдарм — объект пристального внимания вражеской военной разведки.

— Наш главный противник, — сказал он, — абверкоманда-104, приданная командованию группы армий «Север». Дислоцируется в Пскове. Ее возглавляет опытный офицер абвера подполковник Шиммель. В его распоряжении две разведывательные школы, в которых будущие агенты проходят курс шпионских наук и подвергаются усиленной антисоветской обработке. Они очень опасны.

Вскоре я убедился в правоте этих слов. В ночь на 28 июля 1943 года находившиеся в секрете бойцы 50-й отдельной морской бригады задержали вражеского лазутчика, пытавшегося скрытно пробраться на нашу сторону. У него обнаружили документы, составленные на имя писаря штаба 71-й отдельной морской бригады еф-

рейтора Щетникова. Кроме красноармейской книжки он имел четыре командировочных предписания для выезда в различные части Приморской группы и требование на проезд по железной дороге Ораниенбаум — Калище. Все документы при проверке оказались фиктивными.

Щетникова доставили в отдел контрразведки ПОГ. На допросе он признался, что окончил разведывательную школу и направлен абверкомандой-104 на Ораниенбаумский плацдарм со шпионским заданием. Ему поручили установить, какие воинские соединения прибыли на плацдарм в последнее время, где они размещены, собрать сведения о состоянии железной и шоссейных дорог на плацдарме и о перевозках по ним войск и грузов. Он сообщил, что, когда его отправляли на плацдарм, в абверкоманде почти 40 агентов были подготовлены к заброске в тыл советских войск.

Показания Щетникова свидетельствовали о том, что фашистское командование стремится выяснить, не готовятся ли войска Ленинградского фронта к наступлению со стороны Ораниенбаума. О них полковник Гончаров доложил командованию ПОГ и руководству Управления контрразведки фронта. Сообщение весьма заинтересовало: Дмитрия Георгиевича вызвали в Ленинград.

Прошло несколько дней. Вечером 6 августа начальник отдела контрразведки «Смерш» 48-й отдельной морской бригады майор В. А. Бойкия доложил:

— На нашем участке перешел линию фронта и явился с повинной агент абвера в форме капитана Красной Армии.

Утром задержанного доставили в отдел контрразведки ПОГ. Выглядел он ужасно: потухший взгляд, опущенные плечи...

— Ваша настоящая фамилия?

— Каращенко, Мокий Демьянович, пограничник,— ответил он. Горько добавил: — Но сейчас я выступаю в роли шпиона...

Старший лейтенант Каращенко встретил войну в Вентспилсе, где служил в погранкомендатуре. В ожесточенном бою под Ригой был тяжело ранен и попал в плен. На допросе назвал себя офицером строительного батальона Никулиным. Долго скитался по лагерям военнопленных. Пытался бежать, но угодил в лагерь строгого режима Саласпилс, который пленные называли лагерем смерти. Голод, издевательства, побои — через все прошел Каращенко. А когда узнал, что фашистская разведка подбирает в лагере кандидатов для направления

в шпионские школы, решил: «Вот путь возвращения на Родину, к своим». И постарался привлечь к себе внимание вербовщиков.

Около трех месяцев обучался Каращенко в разведшколе абвера. Времени даром не терял — собирал сведения об агентах, подготовленных к заброске в расположение советских войск. Учеба закончилась, его доставили в абверкоманду-104, а отсюда привезли на переправочный пункт, где офицер абвера капитан Фиш дал ему задание и направил через линию фронта на Ораниенбаумский плацдарм.

— К чему сводится задание?

— Узнать, не прибыли ли в район Ораниенбаума новые дивизии, их номера и места расположения, фамилии командиров. Капитан Фиш ожидает моего возвращения через восемь-девять дней.

Каращенко мы отправили в Ленинград, в Управление контрразведки фронта, а через несколько дней на плацдарм возвратился полковник Гончаров. Он рассказал, что его вызов в Ленинград был связан с очень важным делом. В скором времени войска фронта приступят к подготовке наступательной операции, которая должна ликвидировать вражескую блокаду. Операция начнется с нашего плацдарма. Все, что с ней связано, — строжайшая тайна. Перед чекистами Приморской оперативной группы поставлена задача: ни один шпион не должен проникнуть на плацдарм, а проникнет — его следует тотчас задержать и изолировать.

Задача, что и говорить, очень ответственная. Создать надежный щит, за который не проберется ни один вражеский лазутчик, сложно, особенно во фронтовой обстановке. Мы разработали план специальных мероприятий на время подготовки к наступлению, согласовали его с командованием и политотделом ПОГ, с находившимися на плацдарме контрразведчиками КБФ, пограничниками, охранявшими войсковой тыл, затем начали претворять его в жизнь.

Армейские и флотские чекисты совместно с командирами и политработниками лично инструктировали бойцов, назначаемых в боевое охранение или на патрульную службу. На наиболее вероятных путях проникновения шпионов на плацдарм выставили засады и секреты. Посты воздушного наблюдения следили, не выброшены ли агенты-парашютисты. В населенных пунктах и лесных массивах действовали поисковые группы. Пограничники установили на трассах дополнительные контрольно-про-

пускные пункты. Была усилена проверка документов, введен более тщательный контроль за выдачей командировочных предписаний. По указанию политорганов во всех армейских и флотских подразделениях провели беседы о бдительности.

Последующие события показали, что все эти меры были весьма своевременными. Абверовцы развернули против Приморской оперативной группы активную шпионскую деятельность. Только в августе — декабре 1943 года они направили на Ораниенбаумский плацдарм более двух десятков своих агентов. Но как ни старались искусенные в шпионских делах офицеры фашистской разведки, они не достигли цели: определить замысел нашего командования им не удалось.

В ходе этого острого поединка контрразведчики Ленинградского фронта осуществили операцию «Возвращение», рассчитанную на дезинформацию вражеской разведки. План разгрома фашистских войск под Ленинградом (условное наименование — «Нева-2») предусматривал ряд обманных мероприятий, которые должны были ввести противника в заблуждение. Гитлеровских генералов следовало убедить в том, что советские войска готовятся к наступлению с правого фланга Ораниенбаумского плацдарма в сторону Кингисеппа, хотя фактически главный удар намечался на левом фланге.

По указанию Военного совета фронта в осуществление плана включились и чекисты. Было решено с помощью своего разведчика дезориентировать абверкоманду-104. Выбор пал на М. Д. Каращенко.

Такое решение чекисты приняли не сразу. Люди точного расчета, они должны были убедиться, что посланец абвера действительно остался в душе советским патриотом. Фронтовые контрразведчики сверили показания Каращенко с ранее собранными материалами о деятельности органов абвера, связались с контрразведкой Волховского фронта и выяснили, что сообщение Каращенко о заброске группы шпионов в тыл соседнего фронта соответствует действительности. Нашли документы, характеризовавшие Каращенко по службе в довоенные годы. Разыскали семью Каращенко, связь с которой он потерял в первые дни войны, дали ему адрес родных. Работая с Каращенко, чекисты убедились, что он горит ненавистью к фашистам, готов выполнить сложнейшее задание командования.

М. Д. Каращенко прибыл на плацдарм в сопровождении фронтового контрразведчика капитана В. Н. Ма-

ковеемко. Я не сразу узнал Мокня Демьяновича. Былая удрученность исчезла, плечи расправились, взгляд стал спокойным, уверенным. Он был счастлив и горд тем, что поверили, позволили стать в ряды активных бойцов против фашизма.

Военный совет одобрил план операции и предложил штабу фронта подготовить дезинформационные данные, которые Каращенко передаст абверовцам. Ему поручили сообщить противнику, будто на правый фланг Приморского плацдарма прибыли три новых войсковых соединения, там замечено скопление танков и артиллерии. Все это надо было подтвердить, создать у противника уверенность, что Каращенко принес точные сведения.

На правом фланге плацдарма установили макеты танков и орудий. Ночью разводили костры, днем демонстрировали сосредоточение воинских подразделений и боевой техники, усиленное движение транспорта к переднему краю.

Мокня Демьяновича готовили неделю,— больше «не отпустил» ему капитан Фиш. Перед переходом линии фронта мы провезли Каращенко по маршруту, рекомендованному абверовским офицером, чтобы он своими глазами увидел эти места и как можно правдоподобнее доложил «добытые» сведения.

— Будьте уверены во мне. Задание выполню с честью,— сказал Каращенко чекистам.

И сдержал слово. Через два дня противник обрушил на «места скопления» танков и артиллерии мощный артиллерийский огонь. Фашистская авиация ожесточенно бомбила «места дислокации» новых соединений. Это означало, что и абверовцы, и командование группы армий «Север» поверили своему агенту.

Однако контрразведчики фронта не без оснований полагали, что, получив от Каращенко «ценные» сведения, гитлеровцы приложат все силы, чтобы их проверить: пошлют новых агентов со сходными заданиями. Следовательно, нам надлежало еще больше укрепить заградительный «часток» во фронтовой полосе. Очень многое в этом отношении сделали начальники отделов контрразведки дивизий и бригад Приморской группы В. А. Бойкия, С. А. Иванов, А. П. Куликов, И. Г. Марков, М. К. Михайлов, Н. П. Павлов и другие. В течение сентября враг направил через линию фронта семь агентов. Ни одному из них не удалось вернуться на ту сторону. Некоторые сами явились к нам с повинной, других выловили.

Чтобы укрепить положение Каращенко в абверкоманде и придать большую убедительность его легенде, контрразведчики фронта отправили к фашистам с нашим заданием еще одного явившегося с повинной агента, А. В. Саперова. Одновременно усиливались меры по дальнейшей дезинформации противника. На правом фланге артиллерия имитировала пристрелку, а небольшие группы танков — передвижение танковых войск. Авиация совершала частые разведывательные полеты на кингисеппском направлении. В том же направлении велись разведка боем и поиски. Войсковые разведчики, действуя в тылу врага, распространяли слухи о предстоящем наступлении советских войск на Кингисепп.

Цель была достигнута: гитлеровское командование удалось ввести в заблуждение. Оно перебросило к правому флангу Ораниенбаумского плацдарма два новых соединения — моторизованную дивизию СС «Норланд» и моторизованную бригаду СС «Нидерланды». Однако вопреки расчетам фашистского командования наступление войск Ленинградского фронта началось не с правого, а с левого фланга Ораниенбаумского плацдарма в сторону Красного Села и закончилось полным разгромом вражеской группировки, блокировавшей Ленинград.

За успешное контрразведывательное обеспечение наступательной операции «Нева-2» и активное участие в операции «Возвращение» многие офицеры-чекисты были отмечены высокими боевыми наградами.

Что касается Мокия Демьяновича Каращенко, то он продолжал свою разведывательную деятельность: отступал вместе с фашистскими войсками и вышел из тыла противника только в конце войны. Он отлично выполнил многие задания советского командования, был награжден. И после войны еще долго служил в Вооруженных Силах СССР.

П. Т. ЗАОСТРОВЦЕВ,

*бывший штурман ВВС
Краснознаменного Балтийского флота,
полковник в отставке*

НАШИ ГРОЗНЫЕ У-2

Прошла первая тяжелая блокадная зима. Высокое весеннее солнце не только топило снег, оно отогревало сердца, вселяло надежду. Ленинградцы с кирками и лопатами дружно убирали улицы и площади города, радуясь весеннему теплу.

Меньше других радовались ему мы, летчики. В пригородах Ленинграда бурные весенние ручьи затопили наскоро оборудованные полевые аэродромы. Взлетные поля раскисли, полеты тяжелых самолетов стали затруднительными.

Но то, что не годилось для тяжелых самолетов, вполне допустимо для У-2. Именно в эти дни по указанию командующего ВВС Краснознаменного Балтийского флота генерал-лейтенанта М. И. Самохина сформировали авиационную группу из легких самолетов. Ей поставили задачу продолжать в ночных условиях уничтожение живой силы и боевой техники противника, не давать фашистам покоя.

В группу подобрали опытных летчиков, прошедших подготовку для полетов ночью и на малых высотах. Штурманами назначили знающих летчиков-наблюдателей. Один из экипажей возглавлял, к примеру, капитан Е. А. Кабанов. Немногословный, очень скромный, отнюдь не похожий внешне на записного удальца-молодца, он был между тем чрезвычайно храбрым первоклассным пилотом, о котором складывали легенды. Рассказывали, что он чуть ли не последним улетел на тяжелом ТБ-3 из захваченного врагом Таллина, увезя секретные документы, шифры. И лишь немногие знали, что это не легенда, а быль...

Наша база расположилась на аэродроме Борки. Находился он недалеко от линии фронта—всего в 9—12 километрах, что давало известные преимущества: можно было в течение одной ночи сделать два-три боевых вылета.

Итак, самолеты имелись, летчики и аэродром тоже. Недоставало лишь боеприпасов, некоторого снаряжения, которыми следовало снабдить У-2. Впрочем, этого не хватало и другим видам авиации, включая истребительную. Голодный паек существовал не только на продукты питания, но и на боевое питание тоже.

Военный совет фронта обязал изыскать нужное на месте. К выполнению задания привлекли гражданские научно-исследовательские институты, оставшиеся в Ленинграде. За весь комплекс работ отвечал контр-адмирал Б. И. Романов. Участвовали в них и авиационные инженерные службы. Главный инженер ВВС КБФ инженер-полковник Г. Н. Гуревич, капитан Н. И. Пономарев, инженер-майор Н. А. Сапожников и другие многое сделали, чтобы наладить изготовление в авиационных мастерских новых образцов кассет, снаряженных мелки-

ми бомбами, емкостей (оболочек) для горючей жидкости, приборов, предназначенных для самолетов-истребителей и У-2.

В условиях блокады, при недостатке необходимых материалов, электроэнергии, днем и ночью шла напряженная работа на заводах, в научно-исследовательских институтах, в авиационно-технических мастерских. Я о ней хорошо знаю: по приказу генерал-лейтенанта М. И. Самохина участвовал в испытании подготовленных образцов на полигонах и в боевых условиях. Очень скоро авиация, в том числе наши У-2, получила боевые средства, изготовленные из местных материалов руками ленинградских рабочих.

В Борках наши самолеты стояли на краю аэродрома на небольшом возвышении. Рядом рос невысокий старник, и на его фоне при лунном свете самолеты издали казались какими-то огромными экзотическими бабочками, распутившими крылья.

Первая боевая ночь оказалась на редкость удачной. Незачем говорить, что к ней мы готовились добросовестно, как, впрочем, ко всем последующим: тщательно изучали цели, пытались предусмотреть все до мелочей, с чем можно столкнуться от взлета до посадки.

По данным разведки, в район Гостилиц фашистское командование направило сильное подкрепление. Кроме того, там обнаружили крупные склады горючего, боеприпасов. Гостилицы и стали нашей целью.

У-2 поднимались в воздух с интервалом в десять минут. Взлетел первый. До предела загруженный боеприпасами с горючей смесью, он с трудом оторвался от сырого, с большими лужами поля.

Я должен был взлетать на втором. Старший лейтенант Василий Ушаков, мой командир, мрачно похлестывая прутиком по голенищу сапога, спросил:

— Как, штурман, взлетим с такой нагрузкой?

— Разве наш самолет хуже того, что сейчас поднялся? — удивился я.

— Да нет, он-то, может быть, не хуже, а вот летчик...

Ушаков считался отличным авиатором.

— Ты что, на комплименты напрашиваешься?

— Какие тут комплименты, сам, поди, видел, как он верхушки деревьев гладил...

Василий стряхнул с сапог грязь, залез в кабину. Прогрел мотор. По сигналу механик Колесниченко убрал деревянные колодки. Самолет покатился с горки и стал

быстро набирать скорость, разбрасывая по сторонам липкую грязь.

Перегруженная машина действительно едва оторвалась от земли, прошла буквально в двух метрах от верхушек деревьев. Нужную для бомбометания высоту Ушаков набрал только на маршруте.

При лунном свете хорошо видна темная полоса леса. За ней — линия фронта. Спустя минуты мы уже находились над территорией, занятой врагом. Под плоскостями — первая деревушка. В ней ни одного огонька. Жители угнаны в фашистскую неволю. То же и в Гостилицах, мы это знаем. Места мне знакомые, до войны не раз ездил сюда. Потому легко ориентируюсь, сообщаю Ушакову наше местонахождение. Он в знак того, что понял, кивает головой.

Вдруг по курсу завиднелось большое зарево. Горели Гостилицы. Это работа первого У-2, где штурманом мой товарищ Николай Пономарев. Когда мы приблизились к цели, я смог определить, что горит. Огонь охватил огромные, длиной в 70 метров, старые конюшни. В них гитлеровцы устроили казармы.

В отблесках пламени хорошо различались фигурки разбежавшихся солдат — мечутся как ошумелые. Неподалеку от конюшни вижу скопление автомашин, боевой техники, рядом суетится много фашистских вояк. На это скопление сбрасываем свой груз мы. Теперь возник второй очаг пожара — горят автомашины, фургоны...

Едва мы успели покинуть цель, над ней появился третий У-2. В ту ночь каждый экипаж еще по одному разу побывал над Гостилицами, сбросил свой смертоносный груз на головы фашистов. Всю ночь бушевал пожар, зарево было видно далеко и служило нам ориентиром.

Фашисты не ожидали налета нашей авиации, их явно захватили врасплох. Зенитный огонь они открыли только тогда, когда мы появились над целью второй раз. Причем от растерянности стреляли плохо, похоже на угад.

Утром в тесной деревенской избе, где мы располагались, все горячо поздравляли экипаж самолета, достигшего цели первым: он задал тон остальным. А днем начальник разведывательной службы ВВС КБФ майор И. Ф. Семишин сообщил: в район Гостилиц посылали самолет-разведчик, он подтвердил результаты ночных действий.

Самолеты У-2 и после весенней распутицы не раз удачно бомбили скопления живой силы и боевой техники в Гостилицах, Ропше, Урицке, Волосове и других местах. Удары наносились по коммуникациям противника между Нарвой и Красногвардейском, Красногвардейском и Красным Селом. Создание отдельной ударной группы «ночников» на самолетах У-2 целиком себя оправдало. Группа внесла заметный вклад в оборону Ораниенбаумского плацдарма, помогла сделать ее более активной.

Эффективность ударов «небесных тихоходов» подтвердили не только наши самолеты-разведчики, но письма, дневники, изъятые у убитых или плененных гитлеровских солдат и офицеров. Мне довелось читать такие документы, и я сделал из них выписки.

Из неотправленного письма солдата Карла Глобке: «...Вот уже около месяца, как нам ни днем ни ночью нет покоя. Днем русская береговая и корабельная артиллерия часами ведет страшный огонь, перемешивая все с грязью. А ночью до самого рассвета бомбят «кукурузники» — так русские называют этот тип самолетов. Они подлетают бесшумно на малой высоте и бомбят точно — от них нет спасения. После налета «кукурузников» командование каждое утро высылает пополнение взамен убитых и обожженных».

Из дневника офицера Эдуарда Бауэра:

«...Ночные налеты приводят солдат в состояние шока. У многих расстроена нервная система. Мой лучший друг Шульц потерял рассудок, помещен в госпиталь, на днях его отправят в тыл. Русская авиация лишает ночного отдыха. Когда это кончится, одному богу известно, а командование ничего путного сказать не может...»

10.9.42. Поступают донесения, что русская авиация срывает все расчеты на замену и пополнение войск в районе Ленинграда. Своими дневными и ночными действиями авиация деморализует солдат, особенно ночными налетами. За последнее время значительно увеличались потери. Командование распорядилось усилить средства ПВО и маскировку всех объектов...»

Группу «ночников», успешно выполнившую задачу, в конце 1942 года расформировали. Самолеты У-2 и экипажи вернулись в свои части. Отличившийся летный состав отметили боевыми наградами. Николая Пономарева наградили орденом Отечественной войны I степени, Евгения Кабанова и Василия Ушакова — орденами Красной Звезды, мне вручили орден Красного Знамени.

ПОЛКИ ИДУТ НА ШТУРМ



И. И. ФЕДЮНИНСКИЙ,

*генерал армии,
Герой Советского Союза,
бывший командующий
2-й ударной армией*

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП БЕССМЕРТНОЙ ЭПОПЕИ *

В кольце вражеской блокады войны Ленинградского фронта, моряки Краснознаменной Балтики, труженики города проявили беспримерную выдержку и стойкость, доказали свою верность идеям Великого Октября, свою любовь и преданность Родине, Коммунистической партии. Личный состав частей и кораблей, бойцы народного ополчения, труженики-ленинградцы и славные партизаны объединились в единый боевой отряд. Огромную помощь защитникам Ленинграда оказывали Центральный Комитет партии, Советское правительство, вся наша страна. В те суровые блокадные дни ярко и полно проявилась руководящая роль Ленинградской партийной организации — славного отряда КПСС. Она воодушевляла трудящихся и воинов на подвиги, вселяла в них глубокую веру в победу над врагом.

Еще в самом начале Великой Отечественной войны гитлеровские генералы бросили на город Ленина одно из своих крупнейших стратегических объединений — группу армий «Север» численностью до 700 тысяч солдат и офицеров. На город устремилось полторы тысячи вражеских танков и более тысячи самолетов. Девяти-сотдневная оборона Ленинграда — это легендарная эпопея, которая вызывала восхищение современников, которая навсегда останется в памяти грядущих поколений. Долгие месяцы враг терзал осажденный город. Тисками голода, бомбардировками с воздуха и артиллерийскими обстрелами он стремился обессилить его защитников, сломить их волю. Но город, носящий имя Ленина, продолжал борьбу с невиданным мужеством и стойкостью. Поистине город-герой, город-богатырь, труженик, воин!

Дни блокады были чрезвычайно тяжелыми для ле-

* «Правда», 26 января 1969 г.

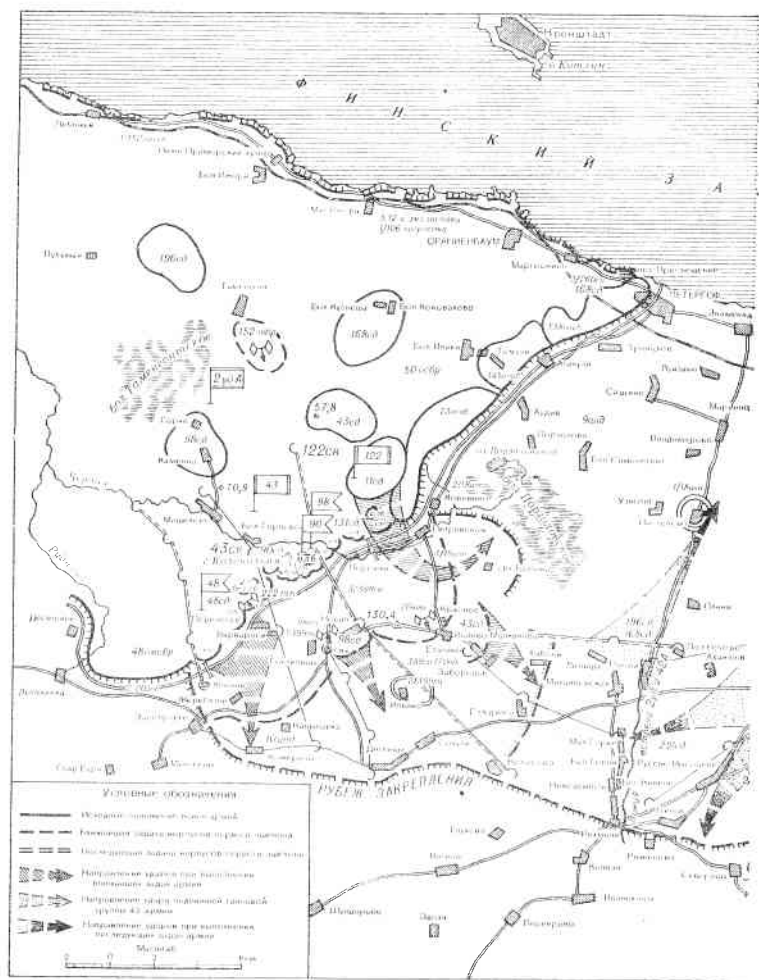
нинградцев. Каждый день был наполнен величайшим мужеством его защитников, стойко переносивших все трудности борьбы с врагом. Город превратился в огромный военный лагерь, стал городом-фронтом. В самоотверженной борьбе защитники Ленинграда отстояли город, а в январе 1943 года воины Ленинградского и Волховского фронтов прорвали кольцо вражеской блокады. Инициатива действий перешла к советским войскам, создавались возможности готовить окончательный разгром фашистских полчищ под Ленинградом, который и был осуществлен в январе—феврале 1944 года.

Победа под Ленинградом была обусловлена успехами Советской Армии, одержанными в 1943 году на других фронтах, в сражениях на Волге, на Курской дуге, на Днепре. Прорванная брешь во вражеской блокаде в январе 1943 года обеспечила связь осажденного города со страной. По вновь проложенным трассам южнее Ладожского озера в Ленинград непрерывным потоком шли грузы. Голод и холод, пережитые зимой 1941/42 года, остались позади. Из месяца в месяц возрастала помощь страны Ленинграду продовольствием, топливом, вооружением и боеприпасами.

Задача состояла в том, чтобы разгромить врага, освободить от захватчиков всю Ленинградскую область. В этих целях в январе—феврале 1944 года была осуществлена крупная наступательная операция. Войска Ленинградского (командующий генерал армии Л. А. Говоров) и Волховского (командующий генерал армии К. А. Мерецков) фронтов во взаимодействии со 2-м Прибалтийским фронтом (командующий генерал армии М. М. Попов), авиацией и партизанами взломали оборону группы фашистских армий «Север», насчитывавшей более 40 дивизий, и полностью освободили Ленинград от блокады.

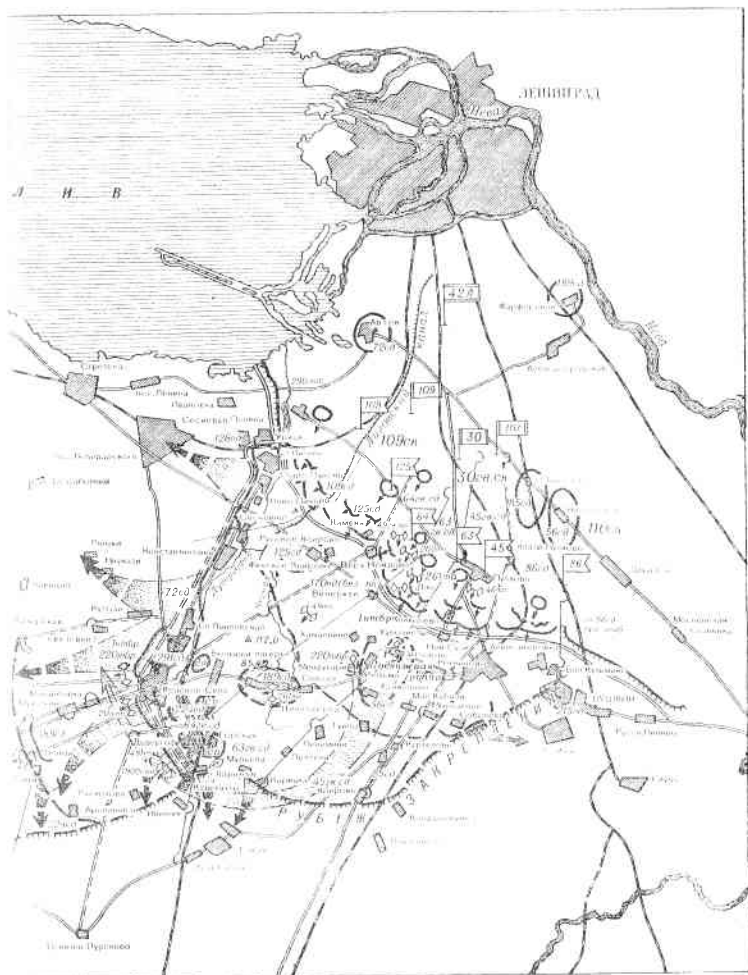
Автору этих строк в те дни довелось командовать войсками 2-й ударной армии Ленинградского фронта. И сегодня свежи в памяти картины незабываемого сражения, перед глазами стоят образы мужественных жителей города Ленина и бесстрашных воинов—сынов всех народов нашей страны.

Фашистские захватчики предпринимали все, чтобы сделать неприступными свои позиции. Они утверждали, что русские не смогут одолеть их «Северный вал». Оборона врага имела в глубину несколько десятков километров, опиралась на ряд узлов сопротивления. Подготовка к осуществлению операции велась весьма тща-



Решения командующих 2-й ударной и 42-й армиями по ликвидации

тельно. Нам стало известно, что гитлеровские генералы теряются в догадках: откуда будет русскими нанесен главный удар? Беспокойство царило и в ставке фюрера. Гитлер успокаивал командующего группой армий «Север» фельдмаршала Кюхлера и командующего 18-й армией генерала Линдемана: русские, мол, ничего не могут сделать с немецким «стальным кольцом». Бесноватый фюрер и его прислужники запомнили, что есть



петергофско-стрельнинской группировки противника (январь 1944 г.).

сила крепче стали — советские люди, их неукротимый порыв к победе!

Успех операции во многом предопределялся высоким морально-политическим состоянием наших войск. Этому способствовала партийно-политическая работа, проводившаяся особенно целеустремленно в дни подготовки к решающим боям. Командиры, политработники, партийные и комсомольские организации пропагандировали

среди воинов боевые и трудовые победы Родины. Воины знали, что разгром врага под Ленинградом готовит вся страна, что этому делу уделяют огромное внимание Центральный Комитет партии и Советское правительство. В партийно-политической работе видное место занимала пропаганда революционных традиций города Ленина, популяризация подвигов тех, кто стоял насмерть у стен Ленинграда.

Высокий подъем, вызванный в войсках подготовкой к наступлению, нашел свое выражение в огромном притоке в ряды партии и комсомола передовых солдат и офицеров. В те дни Ленинградская партийная организация активно участвовала во всей работе, проводимой в войсках и на кораблях. Неоценимую пользу приносили выступления перед воинами ветеранов Великого Октября. Опытные, закаленные большевики укрепляли моральные качества солдат и офицеров, каждый из них проникался чувством личной ответственности перед Родиной, понимал, что она зовет умножать славу ленинградцев новыми победами.

Наступление войск нашей 2-й ударной армии с так называемого Ораниенбаумского «пяточка» началось 14 января 1944 года. После мощной артиллерийской и авиационной подготовки завязались ожесточенные бои. Противник упорно сопротивлялся, но все же части армии овладели первой позицией главной полосы обороны врага, а на отдельных участках вклинились и во вторую позицию. 15 января на Пулковском направлении перешла в наступление соседняя, 42-я армия. Ее атакам предшествовали мощная артиллерийская подготовка и действия авиации. Войска 42-й армии также встретили упорное сопротивление врага. Но все — от солдата до генерала — были уверены в успешном исходе операции. Эту уверенность вселяли и добрые вести, доносившиеся с других фронтов. На юге развернулось наступление Украинских фронтов. Вели успешные бои с противником войска 1-го Прибалтийского, Западного и Белорусского фронтов.

19 января гитлеровцы были изгнаны из Красного Села и Ропши — мощных опорных пунктов их обороны. Здесь, в районе Ропши, встретились части 2-й ударной и 42-й армий. В тот же вечер московское небо озарил салют в честь прорыва обороны врага. Гитлеровцам было нанесено тяжелое поражение. Продолжая наступление, части Ленинградского фронта овладели городами Пушкином и Павловском, а в ночь на 26 января — Гатчиной.

Одновременно развернули наступление и войска Волховского фронта. Завершив прорыв долговременной обороны врага севернее и южнее Новгорода, они форсировали реку Волхов и верховья озера Ильмень. 20 января от гитлеровских захватчиков был освобожден древний Новгород. Боясь попасть в окружение в районе Мги и Тосна, противник начал отходить. Войска левого крыла Ленинградского и правого крыла Волховского фронтов перешли к его преследованию. Успешно развивались и действия войск 2-го Прибалтийского фронта в районе Новосokolьников: они сковывали 16-ю армию врага, не допуская переброски ее частей под Ленинград и Новгород.

Неоценимую помощь наступающим войскам оказывали ленинградские партизаны, самоотверженно действовавшие в тылу противника.

К концу января город-герой Ленинград было окончательно освобожден от вражеской блокады. Войска фронта продвинулись вперед на 70—100 километров. 27 января салют, прогремевший в ленинградском небе, возвестил о новой славной победе. Эхо этого салюта разнеслось по всей стране. Родина законно гордилась тем, что успешные действия наших войск положили начало разгрому гитлеровцев на северных участках советско-германского фронта.

В ходе дальнейших напряженных боев советские войска освободили от фашистских захватчиков Ленинградскую и часть Калининской областей, вступили на землю Советской Эстонии. Значительно расширился район базирования Краснознаменного Балтийского флота в Финском заливе, создавались выгодные условия для проведения последующих операций с целью освобождения Выборга, Советской Прибалтики и вывода Финляндии из войны против СССР.

Разгромом немецко-фашистских войск под Ленинградом и Новгородом была завершена продолжавшаяся свыше двух с половиной лет напряженная битва за город Ленина. Эта замечательная победа была подготовлена трудом всего советского народа. И глубоко символично, что людей с медалью «За оборону Ленинграда» сейчас можно встретить в любом районе нашей страны. Миллионы советских людей являются участниками героической ленинградской эпопеи. Эта победа еще раз показала великую жизненную силу социалистического строя, ярко продемонстрировала, на что способен советский человек, воспитанный Коммунистической партией.

Пройдут десятилетия, века, человечество совершит не одно величественное деяние во имя мира и прогресса, но нетленная память о подвиге советского народа в Великой Отечественной войне будет жить. В защите города Ленина — цитадели социалистической революции — человечество в годы минувшей войны увидело величие духа нашего народа. Бои за город Ленина отличались массовым героизмом и самоотверженностью его защитников. Советский народ никогда не забудет тех, кто ценой своей жизни отстоял город на Неве. Советским людям радостно видеть, что в первых рядах в борьбе за строительство коммунизма идет город Ленина, город нашей немеркнувшей революционной и боевой славы.

Воины Советских Вооруженных Сил с гордостью чтут подвиги своих отцов, которые защищали город Ленина, отстояли свободу, честь и независимость Родины. Молодые воины приняли боевую эстафету у своих отцов и старших братьев. Они настойчиво овладевают новейшим оружием и боевой техникой, укрепляют дисциплину, всемерно повышают свою боевую готовность. Советская Армия и сегодня бдительно стоит на страже государственных интересов Родины, всегда готова нанести сокрушительный удар любому агрессору.

И. М. ШЛЯПИН,

*бывший начальник отделения
пропаганды и агитации —
заместитель начальника
политотдела 2-й ударной армии,
кандидат исторических наук,
полковник в отставке*

С ФАКТАМИ В РУКАХ

Задача разгромить немецко-фашистские армии под Ленинградом требовала всесторонней подготовки. Особое место в этой подготовке должно было занять идейно-политическое воспитание личного состава. От деятельности партийных организаций, политработников, от роли, которую играют в своих подразделениях коммунисты и комсомольцы, во многом зависит успех любой серьезной операции — этому учит вся история Советских Вооруженных Сил.

Основные цели идейно-политической работы в период подготовки войск фронта к наступлению определил член Политбюро ЦК ВКП(б), первый секретарь Ленинградского обкома партии А. А. Жданов. На расширенном за-

седании Военного совета фронта, состоявшемся в декабре 1943 года, Андрей Александрович говорил о том, насколько важно добиться высокого наступательного порыва в войсках. Этот порыв должен охватить всех солдат, младших командиров, офицеров, генералов. Каждый из них обязан в любых обстоятельствах обеспечить выполнение боевого задания, жить одной мыслью, одним всепоглощающим стремлением — сломить и разбить врага. Ответственность за исход битвы лежит на каждом, какое бы место в боевом строю он ни занимал.

А. А. Жданов рекомендовал партийным организациям и политическим органам армии и флота не распылять свое внимание, а сконцентрировать его на главном. Главным же является усиление влияния коммунистов во всех без исключения подразделениях, широкая пропаганда успехов на фронтах Великой Отечественной войны, в том числе и на нашем, Ленинградском фронте, показ массового героизма советских людей на фронте и в тылу. Воины ни на минуту не должны забывать, что за их плечами — город Ленина, город трех революций. Враг все еще продолжает обстреливать его из тяжелых орудий, блокада приносит неисчислимые страдания ленинградцам. Ликвидировать блокаду полностью, разгромить всю группировку противника, осадившую город, — святой долг войск фронта. Об этом и обязаны в первую очередь говорить политработники с бойцами и командирами.

Политотделы соединений, в том числе и нашей 2-й ударной армии, стремились воплотить в жизнь эти указания. Еще в самом начале подготовки наступательной операции, например, особую заботу проявили об укреплении партийных и комсомольских организаций рот и батарей. Сюда перевели коммунистов и комсомольцев из подразделений второго эшелона. Однако ротные организации росли прежде всего за счет отличившихся в боях солдат, сержантов, офицеров. Некоторые к началу наступления увеличили свою численность вдвое и втрое. Были дивизии, где коммунисты и комсомольцы составляли почти треть. Наличие крепкой партийной организации цементировало все подразделение, поднимало его боеспособность, моральный дух личного состава.

Еще на том, начальном, этапе подготовки развернули учебу партторгов, комсоргов, агитаторов подразделений. Организовали семинары, в ходе которых изучался опыт предыдущих боев, собственный и чужой, в первую очередь частей, участвовавших в прорыве блокады.

Естественно, больше всего занятий посвящали вопросам, относящимся к содержанию, методам и формам идейно-политической работы. Уже тогда обращали внимание партийного актива, что эту работу в ходе наступления надо будет вести непрерывно, как при выходе на исходные рубежи, так и при прорыве переднего края противника, дальнейшем его преследовании.

Соответственно строили и инструктаж, который получали парторги, комсорги, агитаторы для проведения бесед в своих подразделениях. Вот темы таких бесед: «Об ответственности бойца за выполнение боевой задачи», «В бою равняйся на идущих впереди», «О боевом содружестве пехотинцев с танкистами», «Смело идти за артиллерийским валом», «Умей вести бой в траншеях врага»...

Провели серию совещаний с бывалыми воинами, орденносцами. Перед ними выступили члены Военного совета армии, командиры соединений и частей, политработники. Мы постарались, чтобы бывалые войны сами выступили перед еще неопытными, необстрелянными бойцами. Интересной и очень поучительной была, к примеру, встреча с коммунистом гвардии капитаном Шишкиным, прославившимся своими подвигами. Он рассказал, а главное, конкретно показал, как надо вести себя на поле боя, как маскироваться, окапываться.

— В атаке, — говорил Шишкин, — единственный способ выполнить боевую задачу и предохранить себя от вражеского артиллерийского и минометного огня — это стремительный бросок вперед!

Присутствовавший на беседе рядовой Демьянов сказал:

— Очень полезные советы дал командир.

Характер политической работы несколько изменился, когда в ноябре 1943 года началась передислокация 2-й ударной армии на Ораниенбаумский плацдарм. Теперь важной задачей стала организованная и скрытная переправа личного состава, боевой техники, боеприпасов, продовольствия. Тематика бесед с бойцами изменилась: «Бдительность война», «Скрытность при погрузке и движении», «Не допустить никаких потерь при переправе»...

Как известно, передислокация прошла блестяще: организовано, без потерь и в полной тайне от врага. Солдаты и офицеры проявили подлинную самоотверженность, при погрузке и разгрузке работали с энтузиазмом, продемонстрировали высокий моральный дух.

Я персправлялся вместе с одним из подразделений

на барже. Воспользовался моментом и провел с бойцами беседу, рассказал о положении на советско-германском фронте, у нас под Ленинградом, о героическом непокоренном Приморском плацдарме, выдержавшем двойную блокаду, о задачах, которые поставлены перед нашей 2-й ударной... Бойцы слушали внимательно, задавали вопросы. А потом, когда я кончил, вдруг запели «Священную войну». Пели тихо, но стройно, очень хорошо...

Во второй половине декабря в командование 2-й ударной армией вступил генерал-лейтенант И. И. Федюнинский. Мы постарались, чтобы личный состав узнал, какой опытный военачальник встал во главе армии. Агитаторы рассказали бойцам биографию генерала. Еще в 1939 году он участвовал в боях с японскими захватчиками. На реке Халхин-Голе умело командовал мотострелковым полком, проявил личное мужество и отвагу, за что удостоился звания Героя Советского Союза. К нам пришел с поста командующего 54-й армией — одной из лучших на Ленинградском фронте.

— С таким генералом можно спокойно идти в наступление, — говорили солдаты.

Соединения и части, вошедшие в состав 2-й ударной армии, не были равноценными. Одни уже участвовали в наступательных операциях, другие нет, хотя накопили значительный опыт длительной обороны. Командование армии, политотдел организовали учения частей, на которых разыгрывались варианты наступления на конкретные участки немецко-фашистских позиций в конкретных условиях местности.

Штаб армии совместно с политотделом составили и проводили в жизнь план совещаний и семинаров с командным и политическим составом. Изучался опыт наступательных операций под Москвой, Сталинградом, на Курской дуге, под Орлом и Белгородом, наконец, опыт прорыва блокады Ленинграда. Руководителями занятий были офицеры и генералы, участвовавшие в этих операциях. Они широко использовали статьи газеты «Красная Звезда», журнала «Военный вестник» и другие источники, где делался анализ наступательных боев. Нередко занятия превращались в военную игру, в ходе которой решались конкретные вопросы организации наступления на нашем театре военных действий.

Политработники учились и самостоятельно. Большую роль сыграло общеармейское совещание, на котором выступили член Военного совета армии генерал-майор

В. Т. Писклюков, заместитель начальника Политуправления Ленинградского фронта полковник В. А. Калмыков и начальник политотдела армии полковник Ф. А. Шаманин. Совещание определило задачи партийно-политической работы на новом этапе. На многочисленных семинарах осваивался лучший опыт этой работы.

Она еще более усилилась, когда наступила последняя фаза подготовки к решающему штурму, непосредственно предшествовавшая ему. Не было ни одного подразделения, где бы агитаторы не организовали бесед о превосходстве наших войск над войсками противника, особенно на тех участках, где разовьется наступление. Многие беседы носили вполне нацеленный характер, они посвящались тому, как нужно блокировать и уничтожать дзоты и доты врага, вести бой в его траншеях, ночной бой, вести преследование... Где позволяли условия, личному составу прочитали лекции: «Разгромим немецко-фашистскую банду под Ленинградом!», «Отомстим за кровь и раны Ленинграда!». Парторгам, агитаторам подразделений раздали отпечатанные типографским способом макеты листовок-«молний», комплекты благодарственных открыток, лозунги-призывы, которые были рассчитаны на разные периоды наступления. Коммунистам, комсомольцам поручалось провозглашать их во время боя. Иначе говоря, соединять страстное большевистское слово с личным примером храбрости, умением бить врага. Лозунгами-призывами открывались листовки, боевые листки, «молнии», благодарственные открытки. Их печатали дивизионные и другие газеты. Работники армейского Дома Красной Армии, дивизионных клубов писали их на щитах, которые устанавливались на дорогах, в местах сосредоточения войск.

Столь активная работа с лозунгами-призывами впервые была развернута в войсках Ленинградского фронта в январе 1943 года, при прорыве блокады. Теперь она получила еще большее развитие. Приведу несколько лозунгов-призывов, рассчитанных на время прорыва обороны противника:

«Вперед, доблестные воины, за полное освобождение советской земли от немецко-фашистских захватчиков!».

«За муки, за жертвы, за кровь ленинградцев пора нам штыком с немчурой рассчитаться!».

«Победа — храброму награда. Вперед, герои Ленинграда!».

«Бей, чтобы взвыла фашистов орда! Русские прусских бивали всегда!».

«Иди в сражение, сочetaй огонь и движение. Сблизься с врагом — в атаку бегом, началась схватка — уничтожай врага без остатка»,

«Бей, коли, режь! Закрепляй взятый рубеж!»

А вот призывы, относящиеся к преследованию отступавшего врага:

«Ни часу покоя, ни отдыха немцам! Преследуй без усталости, бей чужеземцев!»

«За слезы жен, за кровь детей найди злодея и убей!»

«Наступление — мать победы. Днем и ночью врага преследуй!»

Следовало учесть, что значительная часть войск армии долго была территориально оторвана не только от Большой земли, но и от Ленинграда, находилась в двойной блокаде. Очень важно было рассказать бойцам и командирам о жизни страны, о положении в Ленинграде, напомнить воинам, что они не одиноки, о них думают, заботятся партия, правительство, весь советский народ — все желают им успеха в славном деле окончательной ликвидации блокады.

Искренние пожелания советских людей ленинградцам, воинам Ленинградского фронта выразил народный казахский поэт Джамбул. Он не в первый раз присылал на берега Невы стихи, посвященные замечательному городу, его жителям и защитникам. В преддверии наступления, в ноябре 1943 года, пришло новое стихотворение, оно называлось «Непобедимому Ленинграду».

...Город-воин, город-герой,
Я надеялся, верил и знал,
Ты стоишь боевой и живой!
Вы перед смертью смогли устоять,
Ленинградцы — слава страны!
Ленинградцы — гордость моя!
Вам теперь я хочу пожелать,
Чтоб врага разгромили в прах!

Стихи Джамбула опубликовали во всех красноармейских газетах. Написанные крупными буквами, они читались со щитов на фронтовых дорогах. Их включали в лекции, доклады, беседы...

Подготовка к наступлению подходила к концу. В последние дни перед боем во всех частях прошли митинги. Выступали солдаты, офицеры и от имени товарищей, своего имени говорили, что не пожалеют ни сил, ни даже жизни для разгрома врага.

Подъем везде ощущался огромный. Я сам убедился в этом, побывав накануне наступления в 90-й стрелко-

вой дивизии, где командиром был полковник Н. Г. Лященко, его заместителем по политчасти — полковник А. Е. Гронь. Командир полка, в котором проходил митинг, опустился на колени перед Боевым знаменем, поцеловал его и громко сказал:

— Клянемся отомстить за раны Ленинграда!

Клятву повторил весь полк.

Бойцы поднимали винтовки над головой, целовали оружие. Так было во всех полках этой дивизии.

Когда получили приказ на наступление, повсеместно состоялись партийно-комсомольские собрания с повесткой дня «Задача коммунистов и комсомольцев в бою». Эти собрания показали: настроение у всех приподнятое, все рвутся в бой. О том же свидетельствовали беседы, проведенные в окопах, землянках перед самым боем. А еще больше — многочисленные заявления воинов с просьбой принять их в ряды Коммунистической партии.

Весьма характерно: чуть возрастало напряжение боев, тотчас увеличивался поток таких заявлений. М. И. Калинин так объяснил это обстоятельство: «...все чувствуют, что надо усилить партию. Все знают, что наша партия — руководитель, что только могучая, сильная партия может обеспечить народу победу. И когда красноармеец видит, что он будет участником тяжелого боя, он подает заявление о вступлении в партию, желая идти в бой коммунистом. Это великая сила нашей партии, Советского государства. Массы хорошо знают, что у них один путь с партией» *.

В 90-й стрелковой дивизии за несколько часов до атаки 182 воина подали заявление с просьбой принять их кандидатами в члены партии. Вот одно из многих заявлений, написанное ленинградским рабочим рядовым К. А. Рогаткиным:

«Третий раз вступая в бой под ленинским знаменем, прошу принять меня в ряды большевиков. Жена моя и трое детей умерли от голода в Ленинграде в 1941 году.

Я должен мстить фашистам за смерть семьи, за разрушения родного города, за ущерб, причиненный фашистами моей Родине. Если придется погибнуть в бою, прошу считать меня коммунистом».

К середине января 1944 года все было готово к наступлению. И штурм начался. Утром 14 января после мощной артподготовки двинулись вперед дивизии перво-

* Калинин М. И. О коммунистическом воспитании. М.: Молодая гвардия, 1947, с. 125.

го эшелона, поддерживаемые 130 танками прорыва, половину из которых составляли танки КВ.

Сила удара ошеломила противника, вызвала растерянность в его стане. Эту растерянность легко определяли по радиоперехватам. Так, командир одной из немецких частей докладывал в свой штаб, что траншеи в результате артиллерийского налета разрушены по всему фронту. «Русские пошли в наступление, и мы вынуждены отступить». Командир гитлеровской дивизии доносил, что одна треть личного состава выведена из строя, он требовал подкрепления.

Уже в первый день наступления наши войска прорвали передний край обороны противника и продвинулись на четыре километра, освободили населенные пункты Порожки, Перелесье, Зрекино, Новое и превращенное в крупный опорный пункт село Гостилицы. Фашистские войска ожесточенно сопротивлялись. Они непрерывно контратаковали. За день случилось в разных местах до 30 сильных контратак. И все же 2-я ударная армия продолжала неуклонно продвигаться.

Этому немало способствовала продуманная партийно-политическая работа в подразделениях передовой линии. Политработники верно определили свое место в бою — надо находиться в самой гуще солдатских масс, там, где решался успех схватки, где могло возникнуть и возникало трудное положение, где следовало вдохновить воинов, поддержать их наступательный порыв. Не только словом, но и примером личной храбрости, самоотверженности.

Агитатор полка 48-й стрелковой дивизии старший лейтенант Ермоленко, увидев, что одно из подразделений залегло перед позициями врага, не продвигается вперед, неся потери от минометного огня, тотчас направился в боевые порядки. Он подполз к одной группе пехотинцев, к другой, третьей, сказал, что соседние подразделения успешно ведут бой и уже далеко выдвинулись вперед, объяснил, что лежать под огнем хуже — и задачи не выполнишь, и не уцелеешь. Затем сам поднял подразделение в атаку.

Агитатора шестой роты 308-го полка 98-й стрелковой дивизии коммуниста рядового Брагина ранило еще на исходном рубеже, но поле боя он не покинул. Вместе с ротой пошел в атаку, а когда пехотинцы залегли под сильным огнем врага, первым поднялся во весь рост и с призывом «За Родину, за Ленинград!» увлек за собой

роту. В стремительном броске воины овладели траншеями врага.

Но фашисты двинули на роту два танка с десантом автоматчиков. И тогда все снова услышали Брагина:

— Товарищи! Нам танки не страшны, бей и поджигай их!

Контратаку гитлеровцев отбили, они откатились, а наша рота продвинулась вперед.

Наступление с Ораниенбаумского плацдарма развивалось успешно. На следующий день, 15 января, из района Пулкова в направлении на Красное Село, Ропшу ударила 42-я армия. Оборона противника была прорвана и здесь. Политотдел 2-й ударной армии рекомендовал всем политработникам немедленно довести эту важную новость до всех воинов, использовать ее для подъема боевого духа воинов подразделений.

В свою очередь и политические органы 42-й армии с той же целью использовали успехи нашей 2-й ударной. Так, начальник политотдела 45-й гвардейской дивизии подполковник Ф. В. Ларин в ночь на 15 января 1944 года направил в войска телефонограмму:

«Заместителям командиров полков и батальонов по политической части.

Немедленно доведите до всего личного состава следующее сообщение. Войска 2-й ударной армии, перейдя в решительное наступление, прорвали линию обороны противника на широком фронте и успешно продвигаются вперед на соединение с войсками нашей армии. Войска Белорусского фронта под командованием генерала Рокоссовского штурмом взяли областной центр Белоруссии город Мозырь и важный опорный пункт, город и железнодорожный узел Калинковичи, а также несколько населенных пунктов.

Используйте эти сообщения для развития наступательного порыва в войсках».

В последующие дни обе армии непрерывно информировались об успехах друг друга. Политработники 2-й ударной ежедневно сообщали, какое расстояние разделяет наступающие войска. 17 января из уст в уста передавалась радостная весть, что до соединения с 42-й армией осталось всего 15 километров. На следующий день на всем Ораниенбаумском плацдарме знали, что остается только 5 километров. Такие сообщения бодрили людей, поднимали их боевой дух, внушали уверенность в конечном успехе.

Уже в первые дни наступления сотни солдат и офи-

церов были отмечены орденами и медалями Советского Союза. Только в 90-й стрелковой дивизии за бои 14 января командир дивизии и командиры полков наградили более ста воинов. Двадцати из них отличия вручили на поле боя.

Политработники постарались, чтобы о подвигах этих людей быстро стало известно всем. Им посвящались листки-«молнии». Написанные непосредственно на поле боя агитатором, парторгом или командиром, они сообщали об успехах наших войск, и о тех, кто обеспечил этот успех. «Молнии» передавались из рук в руки, а если передать было небезопасно, листок вкладывали в пустую патронную гильзу и боец перебрасывал ее соседу.

Вот отрывок из статьи агитатора полка А. Масюткина «Передай по цепи», опубликованной 27 января 1944 года в армейской газете «Отважный воин»:

«Эй, товарищ, прочти и передай дальше!

Боец Чувашов оглянулся на голос, поднял патронную гильзу, упавшую возле него, и вытащил из нее свернутый листок. Прочитав написанное, перекинул гильзу соседу. Так все бойцы в цепи ознакомились с содержанием листка-«молнии», в котором было написано: „Товарищи бойцы! Сегодня наши разведчики, встретившись с фашистами, смело напали на них. 4-х взяли в плен, а 2-х убили. В этом бою отличились сержант Масалов, рядовые Соцков и Курочкин. Товарищ боец! Действуй смело и умело, так, как наши разведчики“».

В ходе наступления широко применялась такая форма поощрения отличившихся воинов, как письма их родным. К вечеру первого дня наступления из той же 90-й стрелковой дивизии отправили 18 таких писем. И вручили самим бойцам 26 благодарственных открыток. Красиво оформленные, с лаконичным текстом, эти открытки убеждали воина в том, что его отважные и умелые действия в бою не остались незамеченными. И появлялось желание сражаться еще лучше, а у товарищей — стремление подражать отличившемуся солдату.

Командир полка написал в благодарственной открытке сержанту-артиллеристу Мамину: «...Благодарю за отличную стрельбу прямой наводкой и уничтожение пулеметного дзота противника с его прислужгой. Этим Вы обеспечили успешное продвижение пехоты. Смерть немецким оккупантам!»

Сержанту Серову прямо на поле боя вручили открытку следующего содержания: «,...Тов. Серов! Ваши

самоотверженные действия высоко оценило командование. Оно поздравляет Вас с награждением медалью «За отвагу»“.

Начальник политотдела 196-й стрелковой дивизии полковник И. Л. Басин встретил на пути в медсанбат раненого солдата Мезина. Спросил его:

— Ну как воевали?

Мезин вынул из нагрудного кармана гимнастерки благодарственную открытку, протянул ее полковнику и сказал:

— Вот как я воевал. Здесь все написано. Буду хранить ее всю жизнь.

Отступая, гитлеровцы взрывали дороги, мосты, сжигали деревни, превращали в руины города, убивали детей, женщин, стариков, уводили советских людей в неволю. Нашим пропагандистам, агитаторам не нужно было искать факты, чтобы доказать, что гитлеровская армия — это армия палачей и убийц. Командиры, политработники говорили бойцам: ускорь богатырский шаг, настигни и уничтожь убийцу, спаси от разорения еще одно село, город!

29 января 1944 года в деревне Ямсковичи Кингисеппского района Ленинградской области немецко-фашистские изверги, отступая, совершили чудовищное преступление. Перед солдатами и офицерами 18-й артиллерийской дивизии, вступившими на следующий день в деревню, открылась страшная картина. Она описана в номере газеты «Отважный воин» за 1 февраля 1944 года.

У часовни, раскинув руки, с открытыми мертвыми глазами лежала двухлетняя девочка, заколотая штыком. Рядом — ее мать Вера Трофимова. Немного поодаль лежали 60-летний Павел Слепнев с разбитой головой, его жена Екатерина Слепнева пятидесяти лет и бабушка Екатерина Петровна 84 лет. Имена их установили позже — это были родные известного полярного летчика, одного из участников челюскинской эпопеи, Героя Советского Союза М. Т. Слепнева. Были истерзаны и зверски убиты и другие жители села. 4-летняя девочка Марфа Юлаева так изуродована, что ее с трудом опознали. 14-летняя Рая Крамер лежала мертвая рядом с матерью. Они обе изнасилованы, затем заколоты штыком в лоб...

Воннские части, проходившие в тот день через Ямсковичи, видели своими глазами, что творят гитлеровцы на нашей земле. Возникали стихийные митинги, на которых выступали солдаты, офицеры, местные жители.

На одном из митингов взял слово политработник 18-й дивизии лейтенант Глушаницкий. Он сказал:

— То, что мы видели здесь, запомним навсегда. Мы часто смотрим смерти в лицо. Но сейчас перед нами двухлетняя девочка, которая уже никогда не позовет свою мать. И у нас, фронтовиков, — слезы. Но плакать не будем. Стиснем зубы — и вперед!

Наступательный порыв не иссякал. 2-я ударная армия вместе с другими частями и соединениями фронта шла вперед, освобождая ленинградскую землю от фашистской нечисти.

Ф. Д. РУТКОВСКИЙ,

*бывший командир
сетевого заградителя «Онега»,
капитан 2-го ранга в отставке*

ПРИ НУЛЕВОЙ ВИДИМОСТИ

В ходе подготовки операции «Нева-2» потребовалось перебросить через Финский залив большое количество живой силы и боевой техники на Ораниенбаумский плацдарм. Военный совет фронта поручил это Краснознаменному Балтийскому флоту.

Задача была не из легких. Флот в то время совершенно не располагал специальными средствами для транспортировки боевой техники, тем более тяжелой. Имелись две самоходные десантные баржи, но решить проблемы они, конечно, не могли. Места посадки войск на корабли и суда, а также фарватеры, по которым они следовали, были мелководными. Так, подходы к пирсу в Лисьем Носу имели максимальную глубину 2,2 метра, а Петровский фарватер, ведущий к причалу фабрики «Канат», — 2,9 метра. Это исключало использование крупных кораблей и судов.

Вся Невская губа, а также места погрузки и разгрузки, кроме причала у фабрики «Канат», хорошо просматривались противником. Два года враг интенсивно минировал акваторию, что создавало опасность для плавания. Добавим, что ноябрь, декабрь, январь — время перевозки — отличаются штормовыми ветрами, резкими колебаниями уровня воды, а в период ледостава — подвешками и сжатиями льда, что значительно замедляло продвижение конвоев, а иногда ставило их в положение неподвижных мишеней для батарей гитлеровцев.

Несмотря на все трудности, передислокация частей и соединений 2-й ударной армии на Приморский плацдарм шла успешно. Она осуществлялась в два этапа. Первый проходил с 5 по 20 ноября, второй — с 23 декабря 1943 года.

Для общего руководства перевозками командование Ленинградского фронта создало оперативную группу. В нее вошли заместитель командующего фронтом, начальники тыла фронта и 2-й ударной армии. К оперативному отделу штаба фронта прикомандировали представителя флота капитана 1-го ранга Н. Л. Луцкого. Со стороны флота общее руководство перевозками осуществлял Военный совет КБФ. За организацию конвойной службы отвечали в Ленинграде — командир военно-морской базы контр-адмирал И. Д. Кулешов, в Кронштадте — командир оборонительного района контр-адмирал Г. И. Левченко.

Перевозки и погрузочно-разгрузочные работы планировал отдел военных сообщений штаба КБФ. На основании данных о личном составе частей и боевой технике составлялся график перевозок. Исходя из него, определяли порядок подхода частей, доставки грузов к пунктам погрузки. В плане на переход указывался состав конвоя, сил обеспечения, ставились конкретные задачи охранению, службам связи.

Перед отправкой очередного конвоя обязательно приводили в готовность корабельные, береговые и железнодорожные батареи. При необходимости они могли тотчас вступить в огневой бой с вражеской артиллерией. На аэродромах дежурили самолеты-«ночники». Все это обеспечивало надежную защиту кораблям и судам.

Был еще один фактор, которому придавалось огромное значение. Оперативную перегруппировку войск следовало осуществить с максимальной скрытностью, чтобы обеспечить внезапность первого удара и тем самым в какой-то мере предрешить успех наступления 2-й ударной армии. Член Военного совета флота вице-адмирал Н. К. Смирнов по этому поводу впоследствии писал: «Помню, как настойчиво предупреждал нас, моряков и армейских товарищей, командующий Ленинградским фронтом Л. А. Говоров: „Если перевозки проведем скрытно, это будет почти половина решения задачи разгрома противника“».

Скрытность перевозок обеспечили главным образом тем, что планировали их на ночное время. Корабли и суда должны были успевать затемно подойти к местам

погрузки техники и посадки войск, затем совершить переход в гавань Ораниенбаума, выгрузиться там и до наступления рассвета вернуться на свои базы в Кронштадте и Ленинграде. Подумали и о том, как быть с судами, которые по каким-либо причинам застрянут во льдах. Оборудовали станции дымопуска. С той же целью держали в готовности на аэродромах самолеты-дымзавесчики.

План удался. Эти и другие меры создали у противника впечатление, что наш флот занят обычной боевой деятельностью. Больше того, обнаруживая иногда в утренней дымке корабли, следующие из Ораниенбаума, враг полагал, что происходит перевозка войск с Приморского плацдарма на другие участки фронта. Если бы фашисты догадывались, что усиливается как раз плацдарм, они бы безусловно использовали свои возможности для нанесения артиллерийских ударов и ударов с воздуха по пунктам погрузки и выгрузки наших войск.

На первом этапе в передислокации 2-й ударной армии участвовали 4-й и 17-й дивизионы тихоходных тральщиков, представлявших собой переоборудованные речные и озерные буксиры, дивизион сетевых заградителей, две десантные самоходные баржи шхерного отряда, суда отдела вспомогательных судов и гаваней КБФ, в том числе транспорт «Юржо», буксиры, несамоходные баржи.

Чтобы ускорить дело, места погрузки людей и боевой техники разделили. Личный состав со стрелковым оружием переправляли в Ораниенбаум в основном с причала в Лисьем Носу, а техника и другие грузы начинали путь от причалов фабрики «Канат», ниже Тучкова моста в Ленинграде. На разгрузке в Ораниенбауме трудились экипажи кораблей, войсковые группы, специальные команды моряков. На причалах всегда находились представители штабов фронта и флота, отдела военных сообщений, комендант переправы.

Перевозки первого этапа начались в условиях осенних штормовых ночей. Во второй половине ноября в восточной части Невской губы появился лед. Экипажи кораблей и судов проявили высокую ответственность, исключительное мужество, хорошую выучку и выполнили боевую задачу без серьезных аварий и потерь. За две недели моряки КБФ доставили на плацдарм 30 тысяч бойцов и командиров, 50 танков Т-34, 500 орудий и минометов, 1200 автомашин разного назначения, 2,5 тысячи лошадей, 10 с лишним тысяч тонн грузов.

Этим не ограничились. Как известно, Ставка решила нанести с Приморского плацдарма удар более мощный, чем намечалось ранее. Командующий КБФ вице-адмирал В. Ф. Трибуц 20 декабря 1943 года получил указание дополнительно перебазировать в Ораниенбаум контингент войск и грузов. А ведь к тому времени Невская губа уже полностью покрылась льдом, местами его толщина достигала 15 сантиметров.

23 декабря перевозки возобновились. Шли они в прежнем порядке, с той разницей, что если в ноябре через Лисий Нос доставлялся в основном личный состав, то теперь отсюда следовала и тяжелая техника. Понадобилось укрепить деревянные пирсы, построить новые. Работы выполнили саперы 176-го отдельного инженерного батальона КБФ.

Тральщики 4-го и 17-го дивизионов, не приспособленные для работы во льдах, уже не могли без дополнительной помощи буксировать баржи. Военный совет флота привлек семь базовых тральщиков 1-го дивизиона. Эти корабли тоже не были приспособлены для плавания во льдах, но имели более мощные машины.

Базовые тральщики справились с задачей, хотя моряки не раз сталкивались с очень серьезными трудностями. Ночью 26 декабря во время перехода баржа, которую буксировал БТЩ-211, получила повреждение, вода стала поступать внутрь корпуса, а там находились снаряды. Командир тральщика капитан-лейтенант В. Л. Егоренков подтянул баржу к борту, аварийная группа во главе с боцманом Навоевым заделала пробину. Баржа со снарядами была спасена.

Следующей ночью был зажат льдом и потерял ход другой тральщик с баржей. К нему на помощь поспешил БТЩ-218 капитан-лейтенанта А. В. Цибина. Опытный и решительный командир сумел пробиться к застывшей барже, команда действовала смело, уверенно и выполнила задачу.

В ночь на 2 января 1944 года началась сильная подвижка льда. На трассе оказались затертыми 18 кораблей и судов. Положение становилось угрожающим. Слабые корпуса могли не выдержать чрезмерного давления льда, а днем застывший на месте караван стал бы легкой добычей гитлеровской артиллерии.

С наступлением дня гитлеровцы открыли огонь по кораблям, но самолеты-дымзавесчики и команды станций дымопуска успели прикрыть корабли. Когда дым стало сносить ветром, экипажи под огнем противника

начали выкатывать шашки на лед и тем плотнее закрыли себя завесой. Вступили в дело наши береговые батареи, авиация. Они нанесли вражеским батареям такой удар, что некоторые из них надолго замолчали. Только к вечеру 2 января направление ветра изменилось, корабли получили способность двигаться и проследовали своим курсом.

4 января командир Кронштадтского морского оборонительного района контр-адмирал Г. И. Левченко собрал совещание командиров кораблей. Вопрос перед ними был поставлен даже так: можно ли в подобных условиях продолжать перевозки? Ответ был однозначен: продолжать. Одновременно высказали предложение — транспортировку перенести на относительно более безопасную линию Лисий Нос — Ораньенбаум, а рейсы из Ленинграда прекратить. На следующий день предложение утвердил командующий флотом. С 9 января весь поток грузов пошел через Лисий Нос.

Использование несамоходных барж свели к минимуму. Основным транспортным средством стали сетевые заградители. В гавани Лисьего Носа на ночь оставлялись тральщики 4-го дивизиона, в свое время переоборудованные из речных буксиров типа «Ижорец». С наступлением вечерних сумерек они ломали лед в гавани и вдоль пирса, подготавливая причал для швартовки сетевых заградителей.

До определенного места заградители, выйдя из Кронштадта, шли на буксире базовых тральщиков 1-го дивизиона. Затем в гавань Лисьего Носа их заводили по очереди тральщики 4-го дивизиона. Все это было согласовано по времени, давало возможность максимально полно использовать ночные часы.

Необходимость ускорить перевозки толкала людей на творческий поиск. 24 декабря 1943 года вице-адмирал В. Ф. Трибуц наблюдал в Лисьем Носу погрузку танков на наш сетевой заградитель «Онега». Командующий флотом сказал:

— Хорошо бы экипаж подумал, как увеличить количество принимаемой на борт техники.

Боцман корабля мичман Н. И. Анциферов, прикинув возможности палубы, взялся погрузить еще один Т-34 сверх расчетных четырех. Эта рационализация привела к тому, что каждую ночь «Онега» и другой заградитель — «Вятка» — перевозили на два-три танка больше.

Команда нашего заградителя предложила способ швартовки, который позволил тратить на нее всего 15—

30 минут вместо 2—3 часов. На кораблях укрепляли стойками-подпорками палубы, чтобы танки не проломили их.

С каждым днем ледовая обстановка усложнялась. Лед достиг 30 сантиметров. Но боевой порыв балтийских моряков был сильнее стихии и попыток противника помешать перевозкам. Невозможное становилось возможным. А с утра 14 января, когда началось долгожданное наступление 2-й ударной армии, и вовсе отпала нужда скрываться. В тот знаменательный день корабли вышли из Кронштадта днем — в 14 часов.

Едва корабли покинули восточный рейд и взяли курс на Лисий Нос, гитлеровцы, обозленные всем случившимся в это утро, обрушили шквальный огонь. Подвергся интенсивному обстрелу и Лисий Нос.

В камбуз сетевого заградителя № 101 попал снаряд, один моряк был ранен. На БТЩ ранило двоих, на нашей «Онеге» — юнгу Гвоздева. Он отказался лежать в санпункте, остался в строю.

По распоряжению командующего фронтом перевозки завершились 21 января 1944 года. 43 дня в шторм, пургу, при нулевой видимости, без всяких локаторов и даже без гирокомпасов, зачастую под огнем врага продолжалась беспримерная эпопея. Корабли ломали не только лед, но вместе с ним привычные нормы эксплуатации.

Моряки, ведомые волей к победе, с честью выполнили приказ Родины. Всего за два этапа морских перевозок на Ораниенбаумский плацдарм доставили 5 стрелковых дивизий, 13 артиллерийских частей и соединений РГК, 2 танковых и самоходно-артиллерийский полки, танковую бригаду, 700 вагонов боеприпасов. На непокоренном плацдарме был создан мощный кулак для нанесения сокрушительного удара по войскам Гитлера, осаждавшим Ленинград.

Президиум Верховного Совета СССР отметил заслуги моряков: вместе с другими частями Красной Армии, отличившимися в боях за полное освобождение города Ленина от блокады, наградил орденом Красного Знамени 1-й дивизион базовых тральщиков, 4-й дивизион тихоходных тральщиков и дивизион сетевых заградителей. 349 моряков — участников операции — были удостоены орденов и медалей.

98-я ВХОДИТ В ПРОРЫВ

Наконец-то вступили в дело и мы! 14 января 1944 года напряженные бои вели другие соединения и части. Они обеспечили прорыв вражеской обороны. Утром 15 января в прорыв вошла 98-я стрелковая дивизия. Перед нами поставили задачу развивать наступление в направлении опорных пунктов Ильино, Дятлицы, Сокули, Волосово.

Закончился период упорной учебы, которой был охвачен личный состав дивизии с момента формирования в Ленинграде. Костяк ее составили две стрелковые бригады, одна из которых комплектовалась на Дальнем Востоке, и части, в свое время выведенные по приказу Ставки с полуострова Ханко. С того майского дня 1943 года, когда дивизию передислоцировали на Ораниенбаумский плацдарм, не прекращалась подготовка к предстоящему наступлению. Теперь все было готово к решающей схватке с врагом.

Дивизия встретила с противником, который хотя и был в какой-то мере деморализован, но отнюдь не собирался уступать, оказывал сильнейшее сопротивление. Командир дивизии полковник Н. С. Никаноров построил боевой порядок, имея два стрелковых полка — 4-й и 308-й — в первом эшелоне, а 166-й полк в резерве. К концу 15 января продвижение в глубину обороны противника составило три-четыре километра. 4-й стрелковый полк подошел к опорному пункту Ильино.

На решающем направлении действовал 1-й батальон этого полка, которым командовал капитан В. И. Демьяненко. В деревне Ильино гитлеровцы держали большой гарнизон, имевший шестиствольные минометы, противотанковые пушки. Там находились продовольственные склады, снаряжение, боеприпасы. Теперь гитлеровцы лихорадочно вывозили все это на лошадях, автомашинах и, чтобы задержать нас, часто контратаковали.

Бой за деревню длился почти 12 часов и закончился лишь ночью, когда на помощь 1-му батальону пришел 2-й под командованием капитана Г. М. Максимова. Противник дрогнул только тогда, когда почувствовал, что

его обходят. Мы понесли первые серьезные потери. Здесь храбро сражались и погибли командир роты старший лейтенант Семенов, заместитель командира роты старший лейтенант Липай, командиры взводов лейтенанты Тамашук и Черемнов, комсорг батальона младший лейтенант Сухоруков и многие другие.

Командование отметило тех, кто умело и отважно сражался, и среди них минометчиков роты капитана Г. Вайсера. Они уничтожили две пулеметные точки с расчетами, две пушки и много живой силы врага.

К рассвету 17 января все подразделения 4-го и 308-го стрелковых полков подошли к последней в этом районе линии обороны противника на рубеже Дятлицы — Сокули — Волосово. Сопротивление гитлеровцев еще более возросло. Атаку 2-го батальона на деревню Сокули остановил сильнейший пулеметный огонь. Батальон залег на открытой местности, неся большие потери.

Мой рассказ продолжает бывший командир минометной роты этого батальона старший лейтенант И. Н. Дмитриев. Он находился в боевых порядках шестой стрелковой роты, которой командовал старший лейтенант В. И. Репа. Дмитриев корректировал отсюда огонь своих минометов.

— Атакующих у деревни Сокули встретили сразу три пулеметные точки противника: одна в центре деревни, а две другие на флангах. Деревня стоит на возвышенности, позиции у противника выгодные. Два пулемета удалось сразу подавить минометным огнем, а третий, установленный в дзоте на восточной окраине селения, минометам не поддавался. Артиллерии же полк не имел, так как пехота прошла по бездорожью, где даже сорокапятимиллиметровые пушки невозможно было протаскать.

Несколько раз шестая стрелковая рота пыталась продвинуться, но безуспешно. Сильный пулеметный огонь прижимал бойцов к земле.

Тогда от залегшей цепи отделился боец в маскхалате и пополз по-пластунски. Он добрался до дзота. Привстав на колено, размахнулся и швырнул гранату. Она разорвалась недалеко от амбразуры. Пулемет замолк, но как только солдаты поднялись в атаку, по ним ударила пулеметная очередь.

Боец в маскхалате встал в полный рост, бросился к дзоту и лег на амбразуру. Пулемет захлебнулся. Рота с криком «Ура!» побежала вперед.

Опорный пункт Сокули был полностью занят. Кругом

лежали трупы фашистов. Те из гитлеровцев, кто уцелел, удирали по ходам сообщения и огородами к лесу.

Когда мы подошли к взводу, то в герое сразу узнали комсорга шестой роты старшего сержанта Ивана Скуридина. Он лежал на амбразуре, широко раскинув руки. Из простреленной груди еще вытекала кровь. Командир батальона капитан Максимов распахнул потемневший от крови маскхалат, достал из кармана документы, в том числе комсомольский билет. Он был залит кровью и пробит пулями.

По другую сторону взвода рядом с пулеметом лежал рослый фашист. Убийца не ушел от возмездия.

В тот же день мы похоронили комсорга. На его могиле товарищи дали клятву сражаться с гитлеровцами так, как это делал Скуридин.

О героическом подвиге Ивана Куприяновича Скуридина политотдел 2-й ударной армии выпустил листовку. Она была отпечатана массовым тиражом и распространена среди войск.

О подвиге узнал и командующий Ленинградским фронтом генерал армии Л. А. Говоров. Он написал матери Ивана Куприяновича теплое письмо. Вот его строки:

«Уважаемая Александра Иосифовна!

Ваш сын, старший сержант Иван Куприянович Скуридин, 17 января 1944 года погиб в бою, навеки обесмертив свое имя геройским самоотверженным подвигом...

Я знаю, дорогая Александра Иосифовна, как велико Ваше горе. Дети — наша радость, и нет для матери ничего горше, как потерять любимого сына. Но пусть утешит Вас в горе сознание того, что Ваш сын погиб как бессмертный герой Великой Отечественной войны советского народа, как храбрый солдат Родины. Он погиб для того, чтобы не лилась больше безвинная кровь детей, женщин и стариков Ленинграда. Он погиб для того, чтобы приблизить час окончательной победы советского народа над гитлеровскими полчищами.

Имя старшего сержанта Скуридина никогда не будет забыто войсками Ленинградского фронта. О его подвиге всегда будут помнить трудящиеся героического Ленинграда.

Сообщаю Вам, Александра Иосифовна, что приказом командования старший сержант Скуридин навечно зачислен в списки той части, где он служил, и имя его будет выкликаться на каждой вечерней поверке.

Президиум Верховного Совета Союза ССР посмертно присвоил Вашему сыну высокое звание Героя Советского Союза.

Вы, Александра Иосифовна, вырастили и воспитали храброго солдата, как и подобает советской матери. Гордитесь своим сыном — Героем.

С уважением к Вам командующий войсками Ленинградского фронта генерал армии Л. Говоров».

98-я дивизия продолжала наступление. Подразделения 308-го полка, взаимодействуя с 19-м стрелковым полком 90-й стрелковой дивизии, подошли к деревне Дятлицы.

Дятлицы лежат на господствующей высоте, кругом открытая местность. За два с лишним года оккупации гитлеровцы превратили деревню в мощный опорный пункт, где буквально каждый дом приспособлен к обороне. У многих домов гитлеровцы поставили танки, зарыв их в землю.

Батальон 308-го полка своей атакой почти ничего не добился. Были взяты лишь траншеи перед деревней. Ворваться же в нее стрелки не сумели, сильным огнем из закопанных в землю танков прижатые к земле. Тогда командир батальона капитан Аверин создал группы для штурма бронированных точек. В каждую из них вошли стрелковое отделение, отделение саперов со взрывчаткой, расчеты орудий и противотанковых ружей. Возглавляли штурмовые группы командиры рот.

Поддержанные огнем группы взорвали два танка, подавили и уничтожили несколько дзотов. Путь полку был расчищен. Взаимодействуя с ротой 98-го танкового полка, батальон капитана Аверина проник на восточную окраину Дятлиц. Западная часть, на которую наступал 19-й полк, пока оставалась у врага. Вдоль деревни курсировали его танки. Они вели бой с нашими танками.

В дело вступили батареи 153-го артиллерийского полка дивизии. Непрерывно меняя огневые позиции, они поддерживали наступление стрелков. Одна из батарей двигалась вместе с подразделениями 308-го стрелкового полка. День клонился к концу, когда к артиллеристам подбежал пехотинец и, запыхавшись, сообщил, что за кустарником левее дороги на Дятлицы накапливаются для контратаки фашисты, у них есть и танки. Через некоторое время из кустарника выползли три танка.

Артиллеристы встретили их огнем. Первый же выпущенный снаряд попал в танк, который сразу вспыхнул. Открыли яростный огонь и наши пехотинцы. Два других

танка повернули вспять, а гитлеровцы численностью до роты рассеялись по полю.

Танк подбил расчет, которым командовал сержант Куропятников, наводчиком был кавалер орденов Красной Звезды и Славы III степени ефрейтор Е. И. Тулегалов. Двух гитлеровцев из загоревшегося танка взяли в плен.

Упорный бой за Дятлицы закончился лишь к концу третьего дня. Во взаимодействии с 19-м стрелковым полком 90-й стрелковой дивизии и 98-м танковым полком 308-й полк полностью очистил деревню от врага.

В ночь на 19 января лыжный батальон 106-го стрелкового полка под командованием майора П. И. Юрасова скрытно подошел к поселку Волосово, ворвался в него и уничтожил гарнизон противника. Задача, поставленная дивизии, была решена. Конечно, преследование врага продолжалось, 4-й полк получил задачу наступать на деревни Глухово и Витино, — они прикрывали шоссе, по которой оккупанты отступали в сторону Кингисеппа.

Впереди двигались два взвода дивизионной разведки под командованием начальника разведки капитана А. П. Андреева. С ними действовал стрелковый взвод лыжного батальона 166-го полка. На рассвете эта группа вышла из леса, окружавшего Глухово, и пробралась в ее центр. Только тогда противник обнаружил разведчиков. В стане врага началась паника. Гитлеровцы под огнем наших бойцов стали разбегаться.

Однако враг вскоре оправился от паники, сопротивление его возросло. Силы оказались слишком неравными: враг во много раз численно превосходил разведчиков.

В это время к Глухову подошел 1-й батальон. Я находился в его боевых порядках. О действиях разведчиков нас не известили, и командир батальона В. И. Демьяненко спросил меня:

— Не могу понять, что происходит в деревне. Кто ведет бой в нашей полосе наступления?

Я тоже не знал. Но очень быстро все прояснилось. Навстречу батальону вышел один из разведчиков и попросил о помощи. Батальон тотчас поспешил в деревню. У дивизионных разведчиков в том бою погибли начальник разведки дивизии капитан Андреев, командиры взводов лейтенанты Куприянов и Борисов, радист Лесик.

Гитлеровцы сумели сильной контратакой выбить батальон из Глухова. Капитана Демьяненко контузило,

его отправили в санчасть полка. Командование батальоном принял я. Целый день шел кровопролитный бой. Одна контратака следовала за другой. Батальон отбивал их, перемалывая живую силу противника. К нам на помощь из резерва подошла стрелковая рота 3-го батальона. И тогда, несмотря на упорство гитлеровцев, деревня Глухово была взята.

Но находившийся по другую сторону шоссе лесхоз с тем же названием оставался у врага. На КП батальона прибыли командир 4-го полка полковник А. А. Кузнецов и его заместитель по политчасти майор Д. В. Воронков. Я доложил обстановку. Командир полка сказал:

— Лесхоз «Глухово» надо брать немедленно, иначе полк будет топтаться на месте.

Создали ударную группу, усилили ее минометами. Полковник Кузнецов приказал мне возглавить группу. Бой за лесхоз оказался сравнительно коротким. Спустя час опорный пункт врага был взят, о чем, вернувшись на КП, я доложил командиру полка. И следом получил новое задание — выйти к деревне Витино, помочь 2-му батальону, взявшему эту деревню, удержать ее.

Уже упоминавшийся мной командир минометной роты капитан Иван Никандрович Дмитриев все эти дни находился среди стрелков 2-го батальона, поддерживая их огнем. Ему слово:

— В ночь на двадцатое января батальон получил приказ совершить восьмикilометровый марш по лесам и болотам, выйти в тыл противника, атаковать и уничтожить вражеский гарнизон в деревне Витино. Фашисты не ждали столь скорого нашего появления, да еще с тыла. Батальон внезапно обрушился на гитлеровцев. В ночном бою истребил примерно восемьдесят солдат и офицеров.

Однако утром мы увидели, что по шоссе к деревне со стороны Красного Села идет колонна гитлеровцев численностью до шестисот человек. Очень может быть, что они даже не знали о нашем появлении в Витине. Впереди двигались танки, сзади тягачи с орудиями и более десяти крытых грузовых автомашин.

Дальше все было как на учениях. Пятая стрелковая рота старшего лейтенанта Перегудина развернулась слева от деревни, четвертая рота старшего лейтенанта Сашилова — справа. Удобные огневые позиции заняла пулеметная рота капитана Федоренко. Батальон открыл по колонне сильный огонь из всех видов оружия, включая и минометы. У гитлеровцев началась невообрази-

мая паника. Даже танки действовали не очень решительно. За короткое время колонну удалось разгромить.

На другой день гитлеровцы предприняли наступление на Витино. 2-й батальон отбивал одну атаку за другой. Я залез на чердак полуразрушенного дома, — с него хорошо просматривалось поле боя. Мины, выпущенные из наших минометов, ложились точно в цель, накрывая живую силу противника.

Вдруг неожиданно для нас со стороны Красного Села появилось самоходное орудие «фердинанд». Оно могло натворить бед. И тут из-за угла дома где перебежками, где ползком двинулся навстречу вражеской самоходке боец со связкой гранат. Он незамеченным добрался до кювета, лег в нем и затем, ловко примерившись, бросил связку под гусеницы самоходки. Раздался взрыв. «Фердинанд» остановился. Гитлеровцы стали выпрыгивать из машины и сразу попали под огонь автоматов.

Поразивший самоходку боец погиб в том бою. Это был командир отделения автоматчиков сержант Тимофей Васильевич Федоров. Ценой своей жизни бесстрашный воин спас многих товарищей. Он был удостоен звания Героя Советского Союза посмертно.

Подоспевший 1-й батальон помог закрепиться в деревне. Гитлеровцы оставили надежду вернуть этот опорный пункт, а с ним и шоссе на Кингисепп.

98-я стрелковая дивизия выполнила поставленную перед ней задачу. Своими решительными действиями она ускорила взятие Ропши, вблизи которой соединились 2-я ударная и 42-я армии. В приказе Верховного Главнокомандующего от 21 января 1944 года дивизия вместе с другими соединениями и частями удостоилась благодарности. Ей было присвоено почетное наименование Ропшинской.

А наступление продолжалось. 166-й полк от Ропши развернули в направлении на Кингисепп. Подойдя к совхозу «Трудовик» и деревне Переярово, полк противника не обнаружил. Но лыжная разведка, высланная вперед, напоролась на вражескую засаду. Лыжники отбивались отчаянно. Когда кончились патроны, схватились с гитлеровцами врукопашную. Помощник командира взвода Пронин, богатырского сложения сержант, прикладом автомата разбил головы трем фашистам, но был сбит и сам и погиб смертью храбрых. В бою погиб почти весь взвод. В живых остались лишь восемнадцатилетний пулеметчик Александр Смирнов и командир взвода лейтенант Н. Е. Егоров.

Батальоны майора П. И. Юрасова и капитана А. А. Чертилина, овладев деревней Эдизи, в ночь на 21 января вышли на окраину другой деревни — Черемыкино. Гитлеровцы, изрядно измотанные в предыдущие дни, спали, выставив слабое боевое охранение. Наши подразделения тихо сняли охранение, затем, развернувшись, ударили по Черемыкину. В окна домов, где находились гитлеровцы, полетели гранаты. Выскакивавших наружу вражеских солдат расстреливали из автоматов и пулеметов. Однако деревня оказалась «перенаселенной» гитлеровцами. Скоро разгорелся упорный бой. Враг начал теснить взвод лейтенанта Н. Е. Егорова. Комвзвода крикнул пулеметчику Смирнову:

— Саша, стреляй!

Но ручной пулемет молчал, Смирнов был мертв. А враг совсем рядом. Егоров схватил пулемет и, как в прошлом бою его помощник Пронин, стал словно палицей крушитьседавших гитлеровцев. И лишь когда все закончилось и деревню очистили от врага, Егоров почувствовал, что руки его сильно обожжены: в порыве боя он схватил пулемет за раскаленный пламегаситель.

Южнее Черемыкина вперед продвигался 4-й стрелковый полк. 1-й батальон этого полка совершил смелый ночной десятикилометровый бросок через лес. Бойцы, увязая по пояс в снегу, к 4 часам утра вышли к деревне Клясино.

В предутренней темноте ударные группы бесшумно подползли к вражескому боевому охранению и умело сняли его, не потревожив спавших в деревне фашистов. Как и в Черемыкине, в окна домов полетели гранаты. Гарнизон разгромили быстро и полностью. Ни один вражеский солдат и офицер не ушел. Взяли много пленных, большие трофеи, в том числе склады с боеприпасами и продовольствием, грузовые автомобили. В ту же ночь полк овладел деревнями Бегуницы, Гомонтово, Большие Карганы, продвинулся до Котлов.

Глубоко эшелонированная и сильно укрепленная оборона противника была прорвана на всю тактическую глубину. 98-я стрелковая дивизия вместе с другими соединениями преследовала отступавшего противника, очищая ленинградскую землю от ненавистного врага. 31 января 4-й стрелковый полк освободил деревни Крикково, Орлы, форсировал реку Лугу и вышел к границе Эстонской ССР. 116-й и 308-й стрелковые полки своими действиями помогли 2-й ударной армии овладеть городом Кингисепом. За эту операцию дивизия удостоилась вто-

рой благодарности Верховного Главнокомандующего и высокой награды — ордена Красного Знамени.

В Центральном архиве Министерства обороны СССР я отыскал документы, в которых подведен итог действиям 98-й стрелковой Ропшинской Краснознаменной дивизии с 14 по 31 января 1944 года. В ходе наступательных боев за освобождение Ленинградской области от врага части дивизии изгнали гитлеровцев из 50 населенных пунктов, в том числе 22 крупных. Противник потерял 2996 солдат и офицеров убитыми и ранеными. 145 гитлеровцев были взяты в плен, захвачено 30 орудий, 186 пулеметов, много стрелкового оружия, автомашин, крупные склады.

2381 красноармеец, сержант и офицер дивизии были награждены орденами и медалями Советского Союза.

*В. П. ЧАЩИН,
ефрейтор, бывший орудийный
номер 3-й батареи
92-го отдельного зенитно-
артиллерийского дивизиона*

РАСЧИЩАЯ ПУТЬ ПЕХОТЕ

Хорошо помню место, где стояла наша батарея накануне перехода в общее наступление войск Ленинградского фронта на Приморском плацдарме. Я и сейчас это место легко нахожу — на окраине Ломоносова, тогда Ораниенбаума, между деревней Сойкино и Илниковской дорогой.

Еще лучше помню каждого из семерых, составлявших расчет нашего зенитного орудия. Как сейчас вижу командира орудия сержанта Василия Новикова, высокого, стройного, с крупными, очень красивыми чертами лица. Казалось, в него были влюблены все телефонистки, радистки, санинструкторы — вся женская часть батареи. Одна из девушек стала его другом на всю жизнь — маленькая Маша Лукина, наша телефонистка. Теперь она Новикова, у них три сына, хорошие грузеники.

Наводчиком был сержант Емельян Рева, украинец. Небольшого роста, балагур и весельчак. Как все украинцы, он любил петь.

Рядовой Павел Маничев — наш заряжающий. В прошлом моряк дальнего плавания. Черные усы и голос с легкой хрипотцой дополняли экзотическое прошлое бы-

валого морского волка. Свое дело у пушки знал отлично, действовал проворно, — от него чуть ли не в первую очередь зависел успех стрельбы.

Два друга — Морозов и Батманов — трубочники. Их обязанность — точно поставить на снаряде трубку. Ошибутся — вся стрельба зряшная, один оглушающий грохот. Александр Морозов прибыл защищать ленинградскую землю с Орловщины. Парень он простой в общении, всегда был добродушно настроен. Как это случается у друзей, Батманов — его противоположность. Он старше Морозова, медлителен в разговоре, вообще любил помолчать.

Чудинов, четвертый орудийный номер, прибыл с Урала. У пушки он умелый, собранный боец. Бывало, быстро и лихо крутит маховик, пока не совместит стрелки прибора, определяющего угол возвышения ствола. А отойдет от орудия — абсолютно не военный, а какой-то домашний человек. Скажет: «Эх, чайку бы испить!»

Я у орудия — третий номер. Когда оно стреляет прямой наводкой или по наземным целям, я устанавливаю прицел.

Батарея, в которой мы служили, начинала войну в Прибалтике. Под Таллином, где билась до последнего часа, она была вместе с некоторыми другими нашими частями отрезана от основных сил, прижата к морю. Уходили на кораблях Балтийского флота, безвозвратно потеряв материальную часть. Восстановить батарею долго не могли, не хватало боевой техники, личного состава. Дивизион, чья судьба связана с Ораниенбаумским плацдармом с момента его образования, так и оставался до лета 1943 года двухбатарейным.

Обе батареи в роли наземной артиллерии активно помогали стрелковым частям отражать атаки противника, вести огневой бой и одновременно защищали от ударов с воздуха город и порт Ораниенбаум. Но близился час наступления, это чувствовали все. И бойцы, и командиры, желая видеть свой дивизион в полном составе, решили сами собрать деньги для воссоздания 3-й батареи. Командование поддержало благородную идею. Полный комплект боевой техники вскоре был получен.

На 3-ю батарею, командиром которой назначили старшего лейтенанта А. П. Заводова, пришли служить бойцы опытные и совсем молодые — пополнение с Большой земли. Но учились все. Новички осваивали азы, «старики» совершенствовали мастерство. В сущности, все время до перехода в наступление было занято напря-

женной учебой — отработкой приемов стрельбы по различным целям. Особое внимание уделили взаимозаменяемости номеров, — в бою это очень важно.

Командиры, естественно, думали и о досуге личного состава. Фронтвой быт в конце 1943 года был уже вполне сложившимся. Закончилась боевая или учебная тревога — можно спуститься в землянку-клуб. Помещение для клуба вырыли рядом с батареей. В нем могли одновременно находиться почти все, кто не занят по обычному расписанию. В клубе шли политзанятия, проводились различные массовые мероприятия. В честь 26-й годовщины Великого Октября провели вечер. Как полагается — с торжественной частью и солидным, по нашим масштабам, концертом художественной самодеятельности. Были сольные номера. Выступил батарейный хор. Особенно понравились ядовитые частушки про Гитлера и его подручных. Их запевала телефонистка Р. Солдатова.

Пришел новый, 1944 год. На Ораниенбаумском плацдарме завершалась подготовка к наступлению. Никто, конечно, нам, солдатам, о нем не говорил, тем более о времени его начала. Знали: вот-вот ударим по фашистам и здесь, под Ленинградом. Очень хотелось, чтобы это случилось поскорее.

Командование заметно усилило разного рода проверки боеготовности. Не проходило дня, чтобы на батарее не появился начальник штаба дивизиона капитан Н. А. Каптюхин, или замполит майор Б. Ф. Строкин, или начальник связи старший лейтенант В. А. Власов, или еще кто другой.

Особенно тщательно проверял нас капитан Каптюхин — опытный артиллерист-зенитчик. Придет, облазит батарею, обязательно найдет повод для «разноса». Многие обижались. Мне тоже порой казалось, что начальник штаба зря шумит, кричит, требует. Зачем-то заставил плести коврики-подстилки из прутьев... Но ведь после его замечаний мы еще и еще раз репетировали обязанности номеров, осматривали, чистили пушку, личное оружие. Каким добром обернулась потом эта «придирчивость», сколько жизней спасла, когда надоедавшие учения сменились настоящими боями!

В холодную морозную ночь на 12 января прозвучала команда:

— Отбой! Поход!

Для нас, зенитчиков, эта команда отнюдь не означает расслабления. Она обязывает к другому: орудия сни-

маются с боевых позиций, батарея покидает старое место. Поход! Все пришло в движение.

Той же ночью дивизион был уже на новом огневом рубеже—напротив деревни Порожки, занятой врагом. Мы привыкли иметь дело с болотистым грунтом, но здесь он оказался особенно трудным. Врыться в землю, окружить позицию земляным валом здесь оказалось невозможным, — тотчас выступала ржавая болотная вода. Это в январе! Пришлось орудия и приборы управления огнем защищать валами из снега и льда.

Вместо землянки соорудили шалаш из еловых лапок, сквозь них ночью проглядывали звезды. Внутри шалаша прямо на снег настелили самодельные коврики из прутьев. Вот когда эти коврики пригодились! Коротали длинную зимнюю ночь, лежа на них, согревая друг друга. Но так продолжалось недолго.

Уже 12 и 13 января на позиции батареи поступило огромное количество боеприпасов. Ящики со снарядами штабелями громоздились около орудий. После долгого «голодного» пайка вдруг такое обилие!

Лес вокруг стал жить какой-то напряженной жизнью, его до предела насытили войсками и боевой техникой. Под каждым деревом притулилось что-то: танк, орудие, повозка... При этом соблюдали все жесткие правила маскировки, глубокую секретность. Стояла удивительная тишина, ни одного выстрела или взрыва, как будто нет войны, как будто рядом нет врага. Было понятно: наступление для него должно оказаться полной неожиданностью.

Знаменательное утро 14 января 1944 года началось для нас громкими голосами из динамиков агитмашины, хор торжественно запел:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой...

Это было замечательно. Песня гремела над лесом, она волновала, воодушевляла, звала к справедливому мщению, звала к подвигу. По приказу командира дивизиона майора Н. В. Ершова на врага обрушили огонь все три наши батареи. Грохотало по всему участку фронта. Артиллерийский огонь расчищал путь пехоте. Вскоре она пошла на прорыв сильно укрепленных позиций фашистов у Порожек.

Наша батарея находилась ближе остальных к переднему краю. Ствол дальнобойной зенитной пушки лежал необычно, почти горизонтально. От непрерывной

стрельбы орудие подпрыгивало, словно сорвавшийся в галоп конь. Звучит команда:

— Десять снарядов беглым!

Потом:

— Двадцать снарядов беглым!

На стволах дымилась краска. Мы едва успевали восстанавливать все время смещавшиеся установки на приборах. А с переднего края радисты передавали новые данные, подготовленные артиллеристами-разведчиками. Кстати, за четкие и умелые действия радистка младший сержант Земфира Дмитриева была награждена медалью «За боевые заслуги»...

Вдруг громкий голос наших пушек перекрыл знакомый нам скрежет и грохот. Рядом с батареей в «разговор» вступили гвардейские минометы — «катюши». О столь близком соседстве мы даже не догадывались. Неподалеку, метрах в пятидесяти, приготовились к атаке танки. Как только мы и минометчики перенесли огонь дальше, танки двинулись вперед по дороге.

Прошло совсем немного времени, и в паузе между выстрелами над всей батареей раздался ликующий девичий крик:

— Немцы побежали!

Это кричала Мария Грищенко, телефонистка. Она попросту подслушала эту радостную весть и поспешила первой сообщить ее всем. Маша — доброволец. В блокадную зиму 1942 года у нее в Ораниенбауме умерли от голода родители. Она пошла в военкомат, попросила, чтобы послали на фронт.

Вскоре на дороге показались и первые пленные. Они шлепали по раскисшей колее с поднятыми руками. Опустили головы, понурые. Им, наверное, когда-то мечталось по-другому пройти по плацдарму. Не вышло!

Мы получили приказ сменить боевую позицию. Пехота уходила дальше, а нам следовать за ней. Ехали по дороге, по которой несколькими часами раньше прошли наши танки и стрелковые части. Здесь уже стояла молодая регулировщица в солдатской шинели. На перекрестке она флажком повелительно показала нам направление. Строгая. Ребята задевают ее шутками, остротами, а она глазом не поведет, работает.

На обочинах дороги, радуя всех, стояла поврежденная, сгоревшая вражеская техника — танки, самоходки, пушки. Дальше, в поле, черными пятнами на снегу валялись трупы гитлеровцев.

Главной трудностью для нас стали дороги, мосты, сильно разбитые. Однажды ночью на таком полуразрушенном мосту чуть не потеряли орудие. Мы следовали в колонне вместе с другой артиллерийской частью, танками, автомашинами с боеприпасами. Вдруг под тяжестью нашей пушки настил моста у края не выдержал, бревна сломались, разошлись, и орудие одним колесом повисло над рекой.

Вся колонна встала. Попытки тракториста и расчета вытащить пушку были тщетными. Приближался рассвет, а длинная колонна застыла на открытой местности. Утром ее может обнаружить авиация противника. Очень мы боялись, что какой-нибудь лихой командир прикажет сбросить нашу пушку, чтобы такой ценой расчистить путь остальным. Но тут предложили свои услуги танкисты. Вернули из ушедшей вперед колонны танк. Он, как пушинку, выдернул орудие на дорогу. Уж так мы благодарили танкистов!

Были новые бои. Батарея двигалась на Ропшу. Уже около нее узнали, что гитлеровцы окружены в Петергофско-стрельнинском «котле». Мне, жителю тех мест, было очень отрандно это слышать. А тут вдруг на дороге увидел, как тягачи тащат захваченное немецкое орудие. Такое огромное, что везти его пришлось в разобранном виде — отдельно длинный, большого калибра, ствол, отдельно тяжелый лафет. Наконец-то отстрелялось оно по Ленинграду. С блокадой, с обстрелами любимого города было покончено навсегда.

Д. Е. ЦЫБУЛЬСКИЙ,

*бывший заместитель начальника
топографического отделения
штаба 2-й ударной армии,
подполковник в отставке*

ТОПОГРАФЫ В ОПЕРАЦИИ «НЕВА-2»

Подготовка наступления крупных масс войск предполагает среди многого другого и топографическую готовность. Нашему отделу в ноябре 1943 года командование армии поставило задачу уточнить и нанести на крупномасштабную карту положение переднего края своих войск и войск противника. Данные всех видов разведки, включая аэрофотосъемку, были впечатаны в топографическую карту масштаба 1:50 000 и доведены до командиров взводов включительно. Этой картой снабдили всех

командиров подразделений еще в пору, когда шла отработка тактики и способов штурма переднего края обороны врага на специально созданных полигонах, в учебных городках.

Изготовили мы также в масштабе 1:25 000 рельефный макет местности, где намечался прорыв. Здесь была полностью воспроизведена система заграждений, построенная гитлеровцами, все их долговременные огневые точки, узлы сопротивления. Макет получил очень высокую оценку. Командующий армией генерал-лейтенант И. И. Федюнинский, начальник штаба армии генерал-майор П. И. Кокарев проигрывали на макете вместе с командирами корпусов, дивизий и полков предстоящую операцию.

Изготовить карту и макет было делом чрезвычайно трудным, особенно если учесть краткость сроков, нам предоставленных. Ораниенбаумский плацдарм оказался плохо обеспеченным в геодезическом отношении. Здесь с довоенного времени отсутствовала сколько-нибудь развитая сеть геодезических пунктов. А ведь по ним привязывают к местности позиции войск, боевые порядки артиллерии, инженерные сооружения.

Для выполнения всего комплекса топографических работ штаб фронта командировал на плацдарм группу офицеров нашего военно-топографического отряда. С улицы Воинова, где размещался отряд, мы пешком шли до Комендантского аэродрома. Отсюда на «дугласе» нас переправили на плацдарм.

Полет был коротким, но не очень спокойным. Самолет попал в лучи немецких прожекторов — трасса интенсивно просвечивалась от Стрельны и Петергофа. Экипаж действовал умело, видно не в первый раз попадал в подобные ситуации. Искусно маневрируя, вышел из зоны обстрела, благополучно посадил машину.

И вот мы в топографическом отделе штаба Приморской оперативной группы. Начальник отдела майор А. Д. Токарев сообщил, что наша группа прибыла сменить другую, получившую новое задание на Большой земле. Рассчитали объем предстоящих работ, учли сроки и пришли к выводу, что наличных сил не хватит. Нужно подкрепление, и меня тотчас отправили за ним в Ленинград.

Второй рейс на плацдарм совершили не на самолете, а на барже. Офицеры, солдаты разместились между ящиками с боеприпасами. Здесь и наше снаряжение, которое везем на плацдарм. Снова попали в лучи про-

жекторов. Катер, буксирующий нашу баржу, делает замысловатые маневры, уходя от обстрела. И вот мы на пирсе в порту Ораниенбаума. Хорошо, когда под ногами твердая земля. Моряки угощают печеной картошкой... Спасибо за теплый прием!

Теперь за дело. С первого дня топографические работы велись по четкому плану, согласованному со всеми службами штаба ПОГ и утвержденному его начальником. Даже с пополнением силы оставались небольшими. Умело распределив их, удалось выполнить значительный объем работ. Отличились военные топографы В. Крылов, В. Корсаков, В. Иванов, Ф. Липин, В. Степанов, А. Закорин, А. Ибрагимов. Вместе с выделенными им в помощь солдатами они облазили весь передний край. Не забудем, что каждый из них пережил самые тяжелые месяцы ленинградской блокады, был невероятно истощен.

Не забудем и другое: привязку боевых порядков, инженерных сооружений в районе переднего края не сделаешь из траншеи. Только вне ее можно точно сориентироваться, определиться по контурным точкам местности. Стало быть, надо вылезти из траншеи, ходить по открытому полю, идеально пристрелянному противником. Сколько мужества, отваги требовалось от топографа и сопровождавших его бойцов!

Чтобы не сыграть роль живой мишени, искали способы маскировки похитрее, учились быстро менять укрытия, использовали ночное время — те считанные секунды, пока над нейтральной полосой висят «фонари» — осветительные ракеты. Успеть засечь и правильно нанести на карту местоположение траншей, дзотов, позиций огневых средств — на это кроме храбрости еще нужно мастерство. И люди проявляли его.

Большое внимание уделили изучению топографии плацдарма, — в таких сведениях нуждался штаб 2-й ударной армии. Передний край наших войск и противника проходил по так называемому Балтийскому щиту — огромному геологическому уступу, причем проходил так, что гитлеровцы оказались в значительно более благоприятном положении. Территория плацдарма долго спускалась к заливу, командные высоты остались у фашистов. Недаром они столь рьяно пытались отбить у Приморской оперативной группы гору Колокольня, имевшую отметку 105,6 метра — единственную заметную высоту на нашей стороне.

«Высотнос» положение обеспечивало гитлеровцам

хороший обзор, позиции советских войск просматривались на большую глубину. К тому же нашим бойцам, атакуя врага, приходилось лезть в гору...

Низменную часть плацдарма занимали болота, среди них такие обширные, как Таменгонтское, Сюрьевское, Порзоловское глубиной свыше метра. Почти повсеместно был сильно заболочен и лес. Местность обильно насыщали многочисленные мелкие реки, впадающие в реки более крупные — Коваши на севере, Воронку на северо-западе, Черную на юге. Все это дополняла система Петергофского водовода, питающего сеть фонтанов.

Сильное переувлажнение почвы вынуждало наши войска принимать особые меры, чтобы траншеи, землянки, блиндажи не тонули в воде. Грунтовые дороги, проложенные между болотами, раскисали при первом дожде. Другого типа дорог, например автогужевых, здесь было мало, особенно в очень нужном направлении с севера на юг. Шоссе, незначительное по длине, шло вблизи побережья, как и единственная железная дорога. Населенные пункты располагались в основном на периферии плацдарма, подавляющая их часть была в ходе боев разрушена, оставлена населением.

Изучение особенностей театра военных действий давало многое. Мы смогли помочь организовать обучение младших командиров и солдат способам ориентирования в условиях лесисто-болотистой местности, хождению по азимуту. Занятия офицеров проходили на огромных рельефных картах, макетах. Наши службы подготовили так называемые карты полей проходимости, полей невидимости, показывающие наиболее удобные и безопасные пути движения войск при прорыве вражеской обороны. Они стали отличным практическим пособием в принявшей массовый характер учебе 2-й ударной армии.

Объем работ топографов еще больше возрос накануне наступления. Войска получили новейшие топографические карты, планы городов, каталоги геодезических пунктов, много других боевых документов. Были размножены разведсхемы с данными о противнике. Самая свежая и достоверная информация, добытая разведкой, немедленно впечатывалась в карты и как можно быстрее передавалась в части и подразделения. На плечи печатников и чертежников топографического отдела сержанта Хромцова, Баребышева, Грибакина, Маркова, старшего лейтенанта Резника лег поистине титанический труд.

Огромную помощь оказал нам коллектив Ленинградской Краснознаменной военно-картографической фабрики, где оперативно, с высоким качеством выполняли все наши заявки, связанные с печатанием нужной документации. Фабрика не прекращала своей работы в самые трудные месяцы блокады. Пахнувшие свежей типографской краской карты и другие документы на самолетах доставлялись на плацдарм и тотчас попадали в войска.

П. А. БИРЮКОВ,

*бывший командир лыжной роты
43-й стрелковой дивизии,
полковник в отставке*

ВСТРЕЧА У РОПШИ

Наша 43-я стрелковая дважды Краснознаменная дивизия была передислоцирована из-под Синявина на Приморский плацдарм в ноябре — декабре 1943 года. До начала наступления оставались считанные недели. Они были использованы для учебы. Отрабатывали взаимодействие внутри подразделений и между соседями. С этой целью проводили тактические учения. Вели рекогносцировку местности, разведку переднего края противника.

Непосредственно перед началом боевых действий в полках, батальонах прошли митинги. Выступали солдаты, сержанты, офицеры. Они клялись Родине разгромить немецко-фашистских оккупантов, освободить Ленинград от обстрелов, блокады, изгнать врага с территории Ленинградской области. Подразделения получили боевую технику, необходимое снаряжение, были хорошо оснащены. Чувствовали огромный подъем, наступательный порыв.

Дивизия, входившая в состав 122-го стрелкового корпуса, получила приказ во время прорыва обороны противника действовать во втором эшелоне. В бой мы вступили в ночь с 14 на 15 января с рубежей юго-восточнее деревни Порожки. После упорной схватки овладели населенным пунктом Забродье и продолжали наступать в общем направлении на Ропшу. 16 января части дивизии вышли к Исаево-Малкунову.

Враг усиливал сопротивление, пытался сохранить за собой этот важный опорный пункт, несколько раз контратаковал подразделения 65-го и 708-го стрелковых пол-

ков. Однако нашему натиску противостоять не мог. Сказалось четкое взаимодействие со 152-й танковой бригадой и 131-й стрелковой дивизией. Исаево-Малкуново было взято, а в следующие два дня пехота вместе с танкистами выбили врага и из населенных пунктов Елагино, Хабони — сильно укрепленных очагов сопротивления на подступах к Ропше.

В этих боях отличились многие солдаты и офицеры. Подвиг совершил артиллерист из 1-го стрелкового батальона нашего полка старший сержант Николай Рытов. Расчет 45-миллиметрового орудия, которым он командовал, хорошо показал себя еще при освобождении Забродья. Оборона гитлеровцев держалась здесь на мощном многообразурном дзоте, который невозможно было обойти. Чтобы открыть дорогу стрелкам, дзот следовало подавить. Эту задачу и выполняли артиллеристы Рытова.

Вокруг непрерывно свистели пули. Но коммунист Рытов вместе со своими товарищами все ближе подкатывал пушку к дзоту. Его решили расстрелять прямой наводкой. Когда до дзота осталось меньше 200 метров, расчет открыл огонь. Вражеские станковые пулеметы бешено огрызались, сея смерть. Но бесстрашные воины заставили замолчать один пулемет, потом второй, третий. Путь был свободен.

Под Исаево-Малкуновом расчет Рытова, отражая контратаки пехоты и танков противника, подбил несколько танков и самоходных артиллерийских установок. В жестокой схватке один за другим гибли отважные товарищи Николая. И вот у орудия остался он один — тяжело раненный. Снаряды на исходе, а фашисты наседают. Теряя последние силы, Рытов упал на станину пушки. Гитлеровцы бросились к нему. От противотанковой гранаты, взорванной героем, замертво рухнули на землю до десятка гитлеровцев. Погиб и Рытов.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1944 года Николаю Александровичу Рытову присвоено звание Героя Советского Союза посмертно. Его навечно зачислили в списки личного состава второй стрелковой роты нашего полка. Орудие № 3767, которым командовал бесстрашный воин, выставлено в экспозиции Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи в Ленинграде.

Бои под Исаево-Малкуновом и Хабони стоили больших потерь в танках и нашим войскам. 152-ю танковую бригаду вывели в тыл для пополнения новыми

машинами, а также дозаправки оставшихся. 43-я дивизия продолжала движение и 19 января штурмом овладела Ропшей.

Я в это время был командиром второй лыжной роты отдельного лыжного батальона 43-й дивизии. После взятия Ропши наш батальон получил задачу действовать в направлении Красного Села. По приказу командира батальона капитана И. П. Павлова роты встали на лыжи. По легкому морозцу идти было легко, однако то и дело на пути попадались плохо различимые ночью воронки от разрывов снарядов и мин — они обильно оголили землю от снега.

Наша рота двигалась в походной колонне вслед за первой ротой. В предрассветной дымке у сгоревших поселков Эртелево и Коцелево неожиданно увидели впереди на снегу черные точки. Было нетрудно определить: в цепи лежат солдаты. Колонна разделилась, мы начали охват цепи. Лежавшие несомненно обнаружили маневр, и кто-то из них вдруг громко выкрикнул как пароль: «Родина!» Позади меня шли командир взвода лейтенант Гарланов и парторг роты старший сержант Терентьев. Они тотчас откликнулись: «За нашу Советскую Родину!»

И утреннюю тишину раскололо мощное солдатское «Ура!». Мы бросились друг к другу, обнимались, радостно смеялись.

Все отлично сознавали значение этой встречи бойцов 43-й стрелковой дивизии 2-й ударной армии, двигавшихся от Ораниенбаума, и 189-й стрелковой дивизии 42-й армии, наступавшей от Пулкова. Глубоко эшелонированная оборона, которую фашисты создавали два года и разрекламировали как неприступный «Северный вал», была прорвана за шесть дней нашего наступления на всю ее глубину. С блокадой Ленинграда, блокадой ораниенбаумской земли покончено! Сильная петергофско-стрельнинская группировка немецко-фашистских войск разгромлена. Фашистская нечисть отброшена от стен города Ленина.

Запомнился митинг, состоявшийся тут же, у дороги, связывавшей поселки. От лыжного батальона выступил парторг нашей роты Калина Терентьевич Терентьев, исключительно храбрый воин, награжденный орденом Славы III степени. В своей короткой речи он сказал, что воины дивизии с честью выполнили приказ Родины и готовы беззаветно, не жалея самой жизни, сражаться дальше, пока вся Советская земля не будет освобожде-

на от гитлеровских насильников, пока не придет час их окончательного разгрома.

Сохранилась фотография, сделанная в тот день у Ропши. На переднем плане в маскхалате с трубкой в зубах наш замечательный парторг старший сержант Терентьев. Вместе с другими он подписал документ, торжественно увековечивший знаменательную встречу.

Вот текст этого документа:

«Акт
о соединении солдат Пулкова
и воинов Ораниенбаумского «пяточка»

1944 года, 20 января, 7 часов 55 минут. Восточнее населенного пункта Ропша один километр.

Мы, нижеподписавшиеся, представители 189-й стрелковой дивизии 42-й армии, с одной стороны, и представители отдельного лыжного батальона 43-й стрелковой дивизии 2-й ударной армии, с другой стороны, составили настоящий акт в нижеследующем:

20 января 1944 года в 7 часов 55 минут восточнее населенного пункта Ропша, выполняя приказ командования по окружению противника в районе Урицк—Петергоф, соединились... Этой совместной победой мы обеспечили безопасность Ленинграда от обстрелов и издевательств немецких оккупантов над населением города. Но этого мало. Мы приложим все силы, чтобы полностью освободить Ленинградскую область...

Вперед, на Запад, за освобождение Ленинградской области!

Смерть немецким оккупантам!

Настоящий акт подписали:

Со стороны 189-й стрелковой дивизии:

Начальник штаба 189-й сд Турьян.

Зам. начальника политотдела 189-й сд подполковник Хармышев.

Дивизионный агитатор капитан Медведев.

Помощник начальника политотдела 189-й сд по комсомолу капитан Петров.

Командир 891-го стрелкового полка подполковник Черныш.

Заместитель командира 891-го сп по политчасти майор Щербаков.

Командир 4-й стрелковой роты 864-го сп лейтенант Фисенко.

Командир взвода 4-й стрелковой роты 864-го сп мл. лейтенант Витковский.

Красноармеец разведвзвода 891-го сп Силов.

Со стороны отдельного лыжного батальона 43-й сд 2-й ударной армии:

Зам. командира батальона по строевой части капитан Зорин.

Зам. командира батальона по политической части капитан Попков.

Командир взвода лейтенант Яковлев.

Командир взвода лейтенант Власов.

Командир отделения ст. сержант Терентьев.

Командир отделения мл. сержант Тарасов.

Красноармеец Добросов».

В те радостные часы подобные встречи происходили и на других участках.

Дивизия повернула на запад. Началось очищение Ленинградской области от оккупантов. Разгром фашистов под Ленинградом воодушевил бойцов и командиров. Каждый день упорных сражений рождал новых героев.

Не могу не вспомнить комсорга нашего лыжного батальона лейтенанта И. П. Медведева. Хороший агитатор и пропагандист, умелый организатор молодежи, он в то же время был смелым, решительным воином. Всегда оказывался там, где трудно и опасно. При отражении одной из бешеных контратак врага он первым встал во весь рост и с кличем «За Родину!» бросился вперед, увлекая всю вторую лыжную роту. В этой схватке гитлеровцы оставили на снегу перед боевыми порядками роты до 300 убитых солдат и офицеров. Рота продвинулась на 400—600 метров. Но этот бой был для лейтенанта Медведева последним, он погиб в нем смертью храбрых.

Погибла и отважный санинструктор Люба Андриюк. Случилось так, что фашистам удалось отрезать высоту, которую перед этим захватил наш сосед — рота 1-го стрелкового батальона. Создалось критическое положение. Следовало не медля решительным ударом отбросить гитлеровцев. В этот момент над полем боя раздался женский голос:

— За Родину, вперед, товарищи! Смерть фашистам!

Кричала, звала за собой Люба Андриюк. С автоматом в руках первой кинулась в атаку. За ней без команды поднялось все подразделение. Гитлеровцев отбросили с высоты.

Рытов, Медведев, Андриюк, многие другие не дожили до Победы. Но без их подвига она бы не пришла.

А. Н. ЧЕПУРОВ,

*ветеран Ораниенбаумского плацдарма,
первый секретарь правления
Ленинградской организации
Союза писателей СССР*

И В СОЛДАТАХ ОСТАЛИСЬ НАВЕК

Каждый год в День Победы, 9 мая, и зимой, 23 февраля, я получаю конверт, в котором находится красочная поздравительная открытка. Ученики Сосновоборской средней школы, сердечно поздравляя с праздником, приглашают на встречу с ними — красными следопытами и создателями музея славы, посвященного 281-й стрелковой дивизии, в которой я начинал свой боевой путь.

...Это было в начале августа 1941 года.

Мальчиком ушел я на войну...
Ветер белокурую волну,
Торопясь, погладил и повел
На огонь лесов, пожары сел,
На завалы, надолбы, ежи —
Смерти и бессмертья рубежи.

Камень, бронза, яблоневый сад
Вместо многих мальчиков стоят.
Кровь, что пролилась, — деревьев сок
На лесных полянах, у дорог.
Верность и терпение — гранит,
На котором мужество стоит.

Бронзовая прядь на ветерке,
Меч из бронзы в бронзовой руке.
Трудно в этом войне признать
Сверстника-мальчишку. Только мать
Все еще роняет в тишину:
«Мальчиком ушел он на войну...»

Да, тот, кто не вернулся с полей сражений, остался вечно молодым, возникнув в бронзе и камне перед взором новой людской поросли. Вот эти самые послевоенные ребята и девчата, почувствовав свою окрыленность, пустились в поиск тех, кто отвоевал им счастье жить, набираться знаний, мечтать «о подвиге, о славе».

Сосновоборские школьники ходят по земле, которая гудела таким гудом, что он до сих пор стоит в ушах, горела таким огнем, который слепит глаза, как только

мыслью перенесешься в те годы и в те самые места. Кровью людской здесь полит каждый клочок земли, каждая кочка, каждая ложбинка. Знаменитый Ораниенбаумский «пяточок»!

Первое поколение красных следопытов обнаружило многих из тех, кто заслонил в самом начале войны Кронштадт, а значит, и город Ленина, от полчищ врага и намертво встал на этих славных непобедимых рубежах.

Юные следопыты, создавая в Сосновоборской школе свой музей, решили разыскать бойцов нашей 281-й дивизии, которые встретили Победу и возвратились к мирным профессиям. Ребятам хотелось узнать как можно больше о героях битвы на земле, по которой они ступают, проведать о том, как живут и трудятся ныне бывшие защитники Ленинграда. На ряд вопросов и просьб было предложено ответить и мне.

Я написал письмо красным следопытам, в котором сообщил, что хочу исполнить свое обещание: послать некоторые книги стихов, фотографию военного времени, автобиографические сведения и краткие впечатления о первых боях на их родной земле.

Книга стихов «Путь-дорога» — первая моя книга. Она была написана на войне: на Ленинградском и Волховском фронтах, в Прибалтике и в Венгрии, в освобождении которых я принимал участие. В ней нашло отражение то, чем я жил в суровую пору, что меня волновало.

В остальных книгах стихи, написанные в мирное время. Но тема военного подвига, фронтового товарищества, интернационального братства, обороны нашего города, как я считаю сам, в любое время является главной в моей лирике. За годы творческой работы я написал и выпустил в свет несколько сборников стихотворений. И нет ни одного, где бы эта тема не присутствовала, поэтому в тех книжках есть и стихи, связанные с моей военной биографией.

Я родился в 1922 году в городе Духовщине Смоленской области. Но там я только родился, а раннее детство прошло на берегах Свири, в старинном русском городе Лодейное Поле.

В 1930 году мы переехали в Ленинград, куда отца назначили заместителем заведующего областным отделом здравоохранения.

Отец мой — старый большевик, врач, участник Октябрьской революции, комиссар гражданской войны, на-

чальник военных госпиталей в годы Великой Отечественной. Мать, Екатерина Николаевна Чепурова, — учительница, ныне пенсионер.

Детство и юность мои прошли в Ленинграде. Здесь я написал свои первые стихи, будучи школьником. Они были посвящены испанским событиям, генералу республиканской Испании венгерскому писателю Мате Залке, принимавшему активное участие в нашей революции, герою нашей гражданской войны. Коммунист Мате Залка за подвиги при защите Советской России был награжден золотым оружием и орденом Красного Знамени, которые вручил ему Владимир Ильич Ленин. Он жил в нашей стране, писал книги и, когда революционеры Испании поднялись на вооруженную борьбу, уехал туда, где под именем генерала Лукача командовал интернациональной бригадой. Он героически погиб под Арагоном.

Меня очень тронула судьба этого человека. Он был венгр, но сражался за Советскую Россию и республиканскую Испанию! «Вот как должны поступать коммунисты», — думал тогда я и решил написать об этом стихи.

С этого времени начал увлекаться литературой, поэзией, стал печататься в молодежных журналах и газетах. Кончив школу, поступил в Ленинградский университет на факультет филологии. Проучился год — и война! Записался добровольцем и попал в 281-ю дивизию.

Дивизия находилась на территории нынешней Новгородской области. Наш эшелон прибыл туда 2—3 августа 1941 года. Меня определили в редакцию газеты «На разгром врага». Ее редактором был политрук Николай Тихонович Клименко, секретарем редакции — младший политрук Аркадий Васильевич Журавлев (он себя называл Сережей), литературным сотрудником — политрук Николай Михайлович Гутман.

Дивизия сформировалась быстро и во второй половине августа вошла в состав 8-й армии, отступавшей из Прибалтики. В сентябре мы заняли оборону на Ораниенбаумском плацдарме, или, как тогда называли, «пяточке».

Два осенних месяца тяжелых боев. Как ни стремился противник сокрушить нашу оборону, ничего не вышло у него. Наши бойцы знали, что за их спиной — Кронштадт: если он падет, фашисты могут войти в город Ленин.

Сухой солнечный сентябрь кончился. Полили бесконечные стылые дожди. Противник злился, обрушивал снаряды и бомбы на линию нашей обороны, устраивал «психические» атаки, но 8-я армия, в том числе и 281-я дивизия, стояла крепко на вверенных ей рубежах. Мы, корреспонденты дивизионной газеты, ежедневно бывали на переднем крае, писали о подвигах бойцов, организовывали в ротках, батальонах выпуск боевых листков, помогали политрукам в их работе.

Жизнь наша была беспокойной и ночью и днем. Лес, ставший для всех и домом и боевым рубежом, всегда был полон опасности и суровых неожиданностей.

Однажды с группой работников политотдела дивизии я направился в полк. Ни имен, ни фамилий людей, с которыми шел, кроме фамилии старшего политрука Давыдова, не помню. Лил холодный осенний дождь. Лил беспрерывно. Мы вконец промокли. Не попадал зуб на зуб. А цель не была достигнута. Пользовались картой, но к месту расположения нужной части попасть не могли. Правильно ли идем?

И вдруг впереди, шагах в двадцати, падает на дорожку тонкая береза. Старший политрук Давыдов молча, одними глазами, приказал мне пойти вперед и разведать, что это значит. И я пошел. Штыком стал раздвигать мокрые кусты. Взорвалась тишина. Кто-то сложив голову бросился в гущу леса. Я отпрянул от неожиданности назад, но тут же собрался и вошел в кустарник. Почти сразу увидел на маленькой лужайке раскрытую коробку с ракетами и ракетный пистолет. Махнул товарищам — они подошли. Если бы фашистский солдат-ракетчик не растерялся, он убил бы меня. Его позиция была выгодной. Мы его не видели, а он всех нас видел отлично.

В другой раз, направляясь на передний край, я присоединился к группе пополнения. Шли цепочкой, друг за другом. Вдруг грохнули несколько выстрелов. Впереди, человек за пять до меня, упал боец. Стреляли гитлеровские разведчики.

Короче говоря, опасность подстерегала на каждом шагу. Особенно часто, находясь на пути к передовой или возвращаясь в редакцию, попадали под минометные, а то под орудийные обстрелы, которые бывали продолжительными и плотными по огню. Однажды, попав в такую ситуацию, погиб частый мой спутник на переднем крае старший политрук Давыдов.

В октябре управление 8-й армии с Ораниенбаум-

ского «пяточка» на кораблях ночью перебросили в Ленинград, разместив в пригороде, чтобы дать немного отдохнуть и пополниться.

В декабре наша дивизия сражалась под Невской Дубровкой, а в начале 1942 года по знаменитой Дороге жизни через Ладогу мы ушли на Большую землю, на Волховский фронт.

Не буду подробно рассказывать, как воевала наша дивизия там. Были трудные и долгие бои у станции Погостье на Мгинском направлении. Много пало бойцов и командиров при наступлении. В один из вечеров февраля 1942 года, когда я и корреспондент нашей газеты Илья Александрович Иволгин (Трифонов) возвращались с передовой в редакцию, выполнив задание, нас настиг страшный артиллерийский обстрел. Много раз приходилось бывать под огнем противника, но такого еще не встречалось видеть. Враг готовился к атаке и не скупился на снаряды.

Летели мерзлые комья земли. Густую тьму вечера прорезали раскаленные осколки. Гроном сотрясался воздух. Казалось, не выскочить из полосы обстрела, не добежать до леса, где можно было бы укрыться. Все ходило ходуном. Я почувствовал тупой удар в левую руку, подумал, что это, наверно,хватило комом земли. Но в рукаве потекло что-то теплое.

Как мы выбрались из-под этого огня — знает один бог. Только в лесу я почувствовал, что ранен. Кое-как при помощи Иволгина добрался до ПМП (полковой медицинский пункт). Потом стало легче. Пришли в редакцию, которая располагалась в Рабочем поселке, по моему № 9. Эвакуироваться я не захотел, думая, что ранение неопасное. Лежал у печурки и приводил в порядок беглые записи, которые только что вел на переднем крае. Сдал несколько заметок в очередные номера газеты. Но поднялась температура. Все тело горело, губы от жара распухли. Очевидно, редактор рассказал об этом в политотделе, потому что меня вдруг навестил комиссар штаба полковой комиссар Фролов. Сразу же были поданы его саночки, и он отвез меня в медсанбат, начальником которого была военврач Екатерина Мелашенко. Фролов договорился с ней, чтобы меня не отправляли в тыл, а вылечили здесь, при дивизии. Пролежал я день, состояние не улучшалось, и ночью мне твердо сказали: «Будете эвакуироваться, лечение требует других условий...»

На этом и кончилась моя служба в 281-й дивизии.

Потом я был начальником клуба в полевых госпиталях, которые входили в состав 8-й и 54-й армий. Попал в резерв Главного политического управления, где получил назначение в газету 61-й стрелковой дивизии. Домой вернулся из Венгрии в 1946 году и стал вновь студентом Ленинградского университета.

В 1943 году, на фронте, меня приняли кандидатом в члены партии, а в 1947-м стал членом Коммунистической партии. Член Союза писателей СССР.

В моей памяти сохранились некоторые имена и фамилии людей, служивших в 281-й дивизии. Комиссаром одного из полков был батальонный комиссар Оглоблин, в политотделе дивизии работал политрук Мызников, санитарную службу дивизии возглавлял военврач 2-го ранга Юровский, а его жена, Евдокия Юровская, была врачом артиллерийского полка.

Помню и других людей. Нашими почтальонами были две девушки Ира и Зина, наборщиком нашей газеты — рядовой Борис Кирюшкин, с ним мы иногда ходили в подразделения, он автор нескольких заметок, которые писал на передовой. Врачом штаба дивизии была военврач 3-го ранга Нотик, в хозяйственной службе работал интендант 3-го ранга Арон Натанович Узилевский, начфин — интендант 3-го ранга Пик. Одним из полков командовал Герой Советского Союза капитан Сурков.

Не знаю, живы ли Оглоблин, Сурков, Мызников, Юровский, Ира и Зина. Слышал, что умерли после войны Юровская и Нотик. Жив Борис Кирюшкин, Арон Узилевский, который закончил службу подполковником, награжден многими боевыми орденами и работает сейчас заместителем директора Ленинградского отделения издательства «Советский писатель».

Великая Отечественная война неизгладимо отпечата­лась в памяти моего поколения. Нашим призывным годом стал 1941-й. Где, как не на войне, с такой яркостью раскрылись черты характера советского человека, его удивительное мужество, гражданская зрелость, беспредельная вера в победу нашего дела. Сейчас этот человек занят мирным трудом, который требует отдачи всех духовных сил.

Мой труд — поэзия. Однажды, в какой-то счастливый миг, без всякой натуги, легко и просто вырвались из души моей строки:

Сорок первый — наш год призывной.
Небо стыло, и плавился снег.

День и ночь мы дышали войной
И в солдатах остались навек.

Пусть от нашей победной весны
Мирным строем проходят года —
Я еще не вернулся с войны,
Я с войны не вернусь никогда.

Записав эти строки, я вспомнил о писателе, который совершил поистине гражданский подвиг, рассказав человечеству о героической защите Брестской крепости, установив подлинных ее героев, — Сергее Сергеевиче Смирнове. Его горячее сердце и работающие руки не обошли бойцов нашей 281-й дивизии. В книге «Герои великой войны» Сергей Смирнов отвел большое место рассказу о героизме моих однополчан, работе нашей дивизионной газеты «На разгром врага», называет имена и фамилии солдат и командиров, не жалевших жизни своей в боях за Родину, в частности на Ораниенбаумском плацдарме.

Тот, о ком я хочу рассказать, не служил в нашей дивизии. О нем не расспрашивали меня красные следопыты, не попал он в поле зрения и С. С. Смирнова.

Он был моим соучеником по классу, другом, товарищем, происходил из рабочей многодетной семьи, проживавшей в большой коммунальной квартире. Часто не находил места для приготовления школьных заданий и спешил в наш дом, на Малую Садовую, и мы вместе готовили уроки, вместе проводили свободное время.

Звали его Захаром. В 1940 году, окончив школу, он поступил в морское военное училище, которое располагалось, кажется, в Выборге, и нам не довелось больше встретиться.

После войны мне жгуче захотелось хоть что-нибудь узнать о его судьбе. Я долго и терпеливо, следуя высокому примеру Сергея Сергеевича Смирнова, искал сведения о нем. Долго и безуспешно.

Но однажды меня пригласили на встречу ветеранов Ораниенбаумского плацдарма. Как известно, великую храбрость при защите его проявили подразделения морской пехоты.

С поэтом Всеволодом Азаровым мы живем в одном доме. Он по званию флотский майор, и тоже собирался на эту встречу ветеранов. За ним заехали на небольшом военном автобусе его товарищи моряки, и для меня там нашлось место.

Невдалеке от деревни Гостилицы машина остановилась. Старшие морские офицеры подняли зеленый ве-

нок, обвитый лентой, и мы двинулись к обелиску, поставленному в честь моряков-курсантов, павших в боях на том плацдарме.

В торжественную минуту молчания, пробегая молча список лежащих под могильным гранитом, я вдруг чуть не вскрикнул: «Нашел!..» Это было действительно так. Среди других курсантов морского училища, проливших кровь на знаменитом «пяточке», был и мой школьный товарищ Захар Пальман, которого я столько времени искал.

То, что это он, тут же подтвердил его командир, видевший смерть отважного моряка в бою. Позднее о нем рассказал сокурсник, ныне капитан 1-го ранга Г. Г. Поляков, автор нескольких документальных книг о своей службе на флоте. Рассказал о подробностях их совместной курсантской учебы, об отваге молодых моряков, защищавших священную ленинградскую землю, о последних минутах жизни моего друга.

«Я еще не вернулся с войны, я с войны не вернусь никогда...» Я написал небольшую поэму. Она о том, как в мою личную галерею героев Великой Отечественной войны вошел еще один человек — мой ровесник, с которым я воспитывался в одной школе и рядом сражался за город Ленина, за город Октября. Называется она «Ветер с Невы».

Н. И. ПОНОМАРЕВ,

*председатель совета ветеранов
Ораниенбаумского плацдарма,
полковник в отставке,
почетный гражданин
города Ломоносова*

СОВЕТ ВЕТЕРАНОВ ЗА РАБОТОЙ

Город Ломоносов. Дорога к Угольной гавани. Издалека виден шестиметровой высоты монумент. Он изображает носовую часть корабля. Якорные цепи, спускаясь вниз, словно навсегда соединили его с причалом. Монумент так и назван: «Причал». С обоих бортов смотрят беломраморные мемориальные доски. Текст на одной из них: «Здесь в 1941—1944 гг. стоял легендарный крейсер „Аврора“». На другой: «Осенью 1943 года здесь высадились войска 2-й ударной армии с кораблей КБФ». В надписях отразились важнейшие этапы в жизни Ораниенбаумского плацдарма: период его активной оборо-

ны и переход к решительному наступлению, закончившемуся разгромом немецко-фашистских войск под Ленинградом.

«Аврору» перевели в Ораниенбаум в первый месяц войны. С корабля сняли орудия главного калибра и поставили у Вороньей горы для поддержки оборонявшихся войск 42-й армии. Но и с оставшимся вооружением крейсер представлял грозную силу. Он участвовал в защите Ораниенбаума от вражеских морских десантов и воздушных налетов. Недаром гитлеровцы пытались уничтожить корабль, бомбили и обстреливали его.

В полдень 22 сентября 1941 года больше двадцати гитлеровских пикирующих бомбардировщиков атаковали «Аврору», но были встречены стеной зенитного огня. «Юнкеры» не смогли бомбить прицельно, сбросили свой груз наугад и крейсер не повредили. Но на следующий день по кораблю было выпущено 200 крупнокалиберных снарядов, он получил большие пробойны ниже ватерлинии. Команда героически боролась с водой, хлынувшей внутрь. Противник продолжал ожесточенный обстрел: из Петергофа хорошо просматривались дымящиеся трубы «Авроры». Тогда приняли решение погасить котлы. Откачивать воду стало невозможно. 30 сентября нос крейсера начал задираться высоко вверх. Чтобы корабль не перевернулся, открыли кингстоны. «Аврора» ровно села на дно. Однако из боевого строя полностью не вышла, продолжала разить врага из палубных огневых средств. Пришел день, когда зенитные установки корабля прикрыли небо над высаживавшимися частями 2-й ударной армии...

Памятник «Причал» появился в этом месте в октябре 1975 года. С инициативой его создания выступил совет ветеранов Ораниенбаумского плацдарма. Она нашла самую широкую поддержку со стороны Ломоносовского горкома партии, исполкома горсовета, общественности. По предложению совета ветеранов были установлены и другие памятники, увековечившие подвиг защитников плацдарма. Теперь не прекращается паломничество к этим священным местам. Даже зимой на постаментах можно видеть живые цветы. В дни всенародных праздников тут несут почетную вахту комсомольцы, пионеры. Юношам, девушкам вручают комсомольские билеты, а школьникам, вступающим в пионеры, повязывают красные галстуки. Молодые клянутся хранить благодарную память о погибших воинах, быть достойными их подвигов.

Здесь, у монументов, словно сливаются воедино две цели, которые ставит в своей военно-патриотической работе совет. Не может быть забытым ни один боец или командир, отдавший жизнь, защищая город Ленина. Их мужество, героизм должны рождать в каждом новом поколении желание подражать им, следовать примеру беззаветного служения Родине.

Фронтovому товариществу участников боев на Ораниенбаумском плацдарме уже немало лет. Действует совет ветеранов, объединивший воинов, сражавшихся в разные периоды на этой земле.

Приглашения на первую встречу были разосланы от имени горкома партии и исполкома горсовета. Состоялась она 14 января 1963 года — в очередную годовщину начала операции «Нева-2». В Ломоносов приехали несколько десятков ветеранов, живущих в Ленинграде и Ленинградской области. Но уже на следующий год районный Дом культуры едва вместил всех желающих. На приглашение отозвались около 400 бывших защитников плацдарма из многих городов, областей, республик страны. Это был результат поиска, в котором активно участвовали (и участвуют до сих пор) сами ветераны и их юные друзья — красные следопыты.

С тех пор встречи в памятный день 14 января стали традиционными. Расскажу, как проходила одна из последних.

Как всегда, совет тщательно готовил ее при огромной помощи партийных и советских органов района. Разработали программу встречи, отпечатали поздравительные открытки, пригласительные билеты, решили многие другие организационные вопросы.

Торжественная церемония началась еще утром, на вокзале. У платформ останавливались электропоезда, из вагонов группами и в одиночку выходили на ломоносовскую землю те, кто когда-то грудью закрывал ее от врага. Им вручали цветы.

Уже немолодые, убеленные сединами люди идут улицами города, ставшего им родным. Некоторые приехали сюда в первый раз после войны. Они узнают и не узнают когда-то знакомые места. Выросли новые дома, целые микрорайоны. Но нет-нет да и попадетсЯ старый ориентир: вот церковь, она стояла и тогда; вот на углу двухэтажный дом из красного кирпича, на стенах еще видны выбоины от осколков рвавшихся рядом снарядов и мин...

Центр праздника — на площади перед Домом культуры. В одном строю стоят участники боев на плацдарме и лучшие люди, передовые производственники района, чей ратный подвиг и мирный труд прославили эту землю. Ветеранов поздравляют с прибытием в орденосный город, который когда-то был сердцем плацдарма. Один за другим уходят с площади автобусы, они следуют по празднично украшенным улицам в порт. К памятнику «Причал» возлагаются венки...

Через час все собрались в Доме культуры. Гости сняли пальто, и фойе вдруг ярко засветилось — заискрились ордена и медали. Какое обилие наград! Родина достойно отметила участников битвы за Ораниенбаум, за Ленинград. Люди присматриваются друг к другу, потом вдруг бросаются навстречу, раскрывая объятия. Не виделись столько лет! Командиры узнают своих подчиненных, однополчане собираются в группы. На лицах радость, счастливые улыбки. Бесконечные восклицания: «А помнишь?..»

На стенах фойе развешены фотоснимки далекой поры. Многие видят на них себя — молодых, стройных, безусых. На почетном месте — портретная галерея Героев Советского Союза, удостоенных этого звания за подвиги, совершенные на непокоренном плацдарме. В фотографии вглядываются не только ветераны. В Дом культуры приглашено немало молодежи с промышленных предприятий, из совхозов, учебных заведений города и района, воинов.

Но вот все уже в зале. Он заполнен до отказа. Взоры обращены к сцене. Встречу ветеранов с трудящимися-ломоносовцами открывает ансамбль военной песни. Он создан при Доме культуры, им руководит майор запаса Г. И. Панин. Хор поет песни военных лет.

Открылся занавес. У Боевых знамен родов войск — почетный караул молодых солдат и моряков. За столом президиума — бывшие военачальники, Герои Советского Союза и Герои Социалистического Труда, руководители партийных и советских организаций, рабочие-новаторы и, конечно, ветераны. Гостей приветствовали руководители района. Они говорили о вкладе защитников Приморского плацдарма в оборону Ленинграда, в общую победу над врагом. Память героев нетленна. Их подвиги живут в сегодняшних делах тружеников района. На бывших полях сражений сейчас тоже идет бой, мирный

бой за создание изобилия сельскохозяйственной продукции.

На трибуну поднимались ветераны, вспоминали погибших и живых фронтовых товарищей. Ветеранов сменяли представители поколений, не знающих войны. Стихотворное приветствие произнесли юные пионеры. Секретарь комитета ВЛКСМ госплемзавода «Большевик» Л. Маркова сказала:

— Есть хорошая песня — «За того парня...» Каждый из нас в неоплатном долгу перед ним. И отдавать этот долг мы можем, если будем упорно, самоотверженно трудиться на благо Родины, за которую тот парень отдал самое дорогое, что имел, — жизнь.

От воинов выступил Герой Советского Союза Ю. Банский. Обращаясь к ветеранам, он заявил:

— Защита Родины находится в надежных руках ваших сыновей и внуков. Страна может жить и работать спокойно. У нас есть все, чтобы образумить, обуздать любого агрессора, который вздумает пойти дорогой Гитлера.

Традиционная встреча прошла интересно и, несомненно, очень многое дала молодежи. Впрочем, и ветераны расходились с нее, получив хороший заряд бодрости.

В последнее время подобные встречи проводятся три раза в год. Одна — в День Победы, на другую, приуроченную к 8 Марта, собираются женщины-воины, участницы боев на плацдарме. Последняя назначается в третье воскресенье сентября. В присутствии сотен ломоносовцев и их гостей проходит торжественный ритуал: на волны Финского залива опускается венок — в память о погибших моряках Краснознаменного Балтийского флота. Перед этим ветераны войны и молодые моряки при большом стечении народа проносят венок по улицам города.

Сегодня совет ветеранов объединяет 12 612 человек — столько бывших воинов получили нагрудный знак «Защитник Ораниенбаумского плацдарма. 1941—1944 гг.». В своей работе совет ветеранов опирается на советы однополчан, созданные почти во всех бывших частях и соединениях, сражавшихся в этих местах. Советы действуют по единому плану, составляемому на каждый год. Выполняя его, мы ежегодно проводим 10—12 тематических вечеров в воинских частях, ПТУ, на промышленных предприятиях, в совхозах, сотни экскур-

сий по местам боевой славы, в которых участвуют молодые рабочие, учащиеся. Во всех школах ветераны проводят уроки мужества.

О работе со школьниками следует сказать особо. С раннего детства каждый ломоносовский школьник при первом знакомстве с букварем узнает имена героев «пяточка». Юные краеведы ведут широкий поиск ветеранов, их родных, переписываются с семьями погибших воинов. Красные следопыты ежегодно совершают десятки походов к местам боев. Собранные материалы пополняют экспозиции музеев и комнат боевой славы, созданных с помощью советов однополчан в каждом учебном заведении района. Открыт такой музей и в районном Доме культуры. Пионерские дружины борются за право носить имена легендарных командиров и бойцов. Некоторые уже завоевали это почетное право. Пионерская дружина Копорской средней школы носит имя Героя Советского Союза Виктора Вересова, Рощинской восьмилетней школы — Героя Советского Союза Николая Рытова, Нагорной восьмилетней школы — Героя Советского Союза Александра Типанова.

Важная сторона деятельности совета ветеранов — сбор материалов, связанных с обороной Ораниенбаумского плацдарма. По его предложению многие участники боев написали свои воспоминания. Часть их вошла в сборник, выпущенный в 1971 году Лениздатом, другая — в эту книгу. При совете создана общественная комиссия, которая собирает эти материалы, готовит их к печати или передает на хранение в музей боевой славы. Наши активисты помогли любительской киностудии при Ломоносовском Доме культуры сделать документальный фильм «Непокоренный плацдарм».

Совет поддерживает постоянную связь со многими ветеранами, живущими далеко от Ленинграда — в республиках Закавказья, Средней Азии, на Украине, Дальнем Востоке. Многие обращаются к нам с просьбой помочь подтвердить их участие в боях. Мы напечатали «Удостоверение ветерана Ораниенбаумского плацдарма», в котором отражается деятельность солдата, сержанта или офицера во время войны и, что очень важно, общественная работа в организациях ветеранов в послевоенные годы. Такие удостоверения уже получили более пяти тысяч человек.

ПРОДОЛЖАЯ СЛАВНЫЕ ТРАДИЦИИ

Все дальше в историю уходят события минувшей войны. Сегодня уже более половины населения нашей страны лишь по рассказам старших, из книг и кинофильмов знает о незабываемой героике тех лет. Но память об этом времени жива. Над ней годы не властны. Она вечно будет жить в народе, служить новым поколениям бесценным источником гражданского мужества и беззаветного служения своей Отчизне.

К выдающимся событиям войны принадлежит бессмертный подвиг защитников города Ленина — колыбели Великого Октября. Золотыми буквами в эту летопись вошли Невский «пяточок», Невская Дубровка, Лужский рубеж, Пулковские высоты, Дорога жизни... В их числе и Ораниенбаумский плацдарм.

Вместе со всей страной, со всеми ленинградцами 27 января 1944 года его защитники торжественно отмечали радостное событие — снятие вражеской блокады. Сразу же после разгрома гитлеровцев у стен Ленинграда ораниенбаумцы приступили к восстановлению разрушенного войной народного хозяйства. Собрание районного партийного актива, состоявшееся 27 февраля 1944 года, наметило конкретную программу возрождения города и района.

Трудные испытания выпали на долю жителей. Повсюду были видны фашистские следы. Горе и слезы безутешных вдов и матерей, голодных сирот, смерть и опустошение оставили на нашей земле гитлеровские варвары.

На территории нынешнего Ломоносовского района было разрушено 3 тысячи домов, 30 школ, 15 клубов, 6 лечебных учреждений, 1646 хозяйственных построек, полностью уничтожено 90 населенных пунктов. Десятки тысяч голов скота были угнаны в Германию. Из 138 довоенных колхозов сохранилось только 10. Население ютилось в землянках, уцелевшие дома были перенаселены. Не хватало продуктов питания, предметов первой необходимости. По приблизительным подсчетам, общий материальный ущерб, нанесенный гитлеровцами городу и району, составил 792 миллиона 930 тысяч рублей (в довоенных ценах).

Но если эти потери можно подсчитать и восполнить трудом народа, то нет той меры, которой можно измерить людское горе. Почти каждая семья лишилась отца или сына, дочери или матери, погибших на фронтах Отечественной войны, замученных, повешенных, заживо погребенных на оккупированной территории. Только в Гостилицком и Лопухинском лагерях смерти оккупанты уничтожили голодом и непосильным трудом 1200 военнопленных. Более 12 тысяч советских граждан было угнано в фашистское рабство.

Послевоенные трудности были огромными, но народ, испытавший тяготы войны, вражеской оккупации, мужественно перенес эти лишения. Более того, к 1949 году промышленность и сельское хозяйство района достигли довоенных рубежей, а по ряду показателей превзошли их.

Благодарная память потомков сохранит в веках имена героических защитников Ораниенбаумского плацдарма и имена тех, кто упорным трудом в тяжелую послевоенную пору возродил из пепла и руин город Ораниенбаум и населенные пункты района, подорванное войной хозяйство: звеньевой колхоза «Климатино» Александры Матвеевны Дмитриевой, удостоенной звания Героя Социалистического Труда за рекордные урожаи пшеницы, председателя колхоза «Пеники» Марии Ивановны Васильевой, возглавлявшей колхоз на территории плацдарма в условиях фашистского окружения, бригадира колхоза имени Ломоносова Е. Прохоровой, звеньевой колхоза имени Мичурина Е. Лейтиной, доярки совхоза «Лопухинка» А. Поповой, строителей В. Смирнова и С. Образцова, рыбаков А. Рощина, В. Итти и многих других.

23 февраля 1948 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР Ораниенбауму было дано имя великого русского ученого М. В. Ломоносова, который жил и работал в этих местах.

Решения Коммунистической партии и Советского государства тех лет по дальнейшему развитию сельского хозяйства вызвали большой трудовой подъем у тружеников деревни. На месте небольших, экономически слабых колхозов в 1949—1950 годах возникли укрупненные сельскохозяйственные артели и совхозы. Укреплению сельскохозяйственного производства в районе способствовал перевод колхозников на денежную оплату труда. Большую помощь труженикам животноводческих ферм и полеводам оказывали механизаторы Кипенской ре-

монтажно-технической и Ломоносовской машинно-мелиоративной станций. К началу 60-х годов в районе была завершена комплексная механизация в животноводстве, район имел 450 тракторов, 76 различных комбайнов, около 600 автомашин и более 3 тысяч других сельскохозяйственных машин и механизмов.

В совхозах и колхозах, отделениях и бригадах, на фермах и в цехах развернулось социалистическое соревнование за высокое звание коллективов и ударников коммунистического труда. Образцы добросовестного исполнения своего долга перед Родиной показывали делегаты XXII съезда КПСС—передовой механизатор совхоза «Победа» С. Сергеев, доярка этого совхоза Е. Комогорова, свиновод совхоза «Петродворцовый» И. Михневич, птичница птицефабрики «Лаголово» О. Левоско и многие другие передовые люди района. Широкий отклик в районе нашел призыв телятницы совхоза «Красная Балтика» Г. Мокиной развернуть соревнование за сохранение каждого теленка и получение среднесуточного привеса молодняка по 650 граммов. Большой вклад в развитие земледелия в районе внес Александр Федорович Петров, Герой Социалистического Труда, главный агроном совхоза «Красная Балтика».

Значительное развитие получила в тот период промышленность. В районе были построены молочный и опытный целлюлозный заводы, существенно усовершенствованы имевшиеся предприятия по переработке сырья и целый ряд других объектов производственного и социального назначения.

Давно отгремели залпы войны, созидательным трудом советских людей залечены ее раны. Еще краше и богаче стал Ломоносовский район. Там, где раньше шли ожесточенные бои и земля пропахла пороховым дымом и гарью пожарищ, выросли благоустроенные поселки с домами городского типа, новыми школами, домами культуры, магазинами. На бывшем западном рубеже Ораниенбаумского плацдарма построен город Сосновый Бор, известный далеко за пределами Ленинградской области одной из крупнейших в мире атомной электростанцией—ЛАЭС имени В. И. Ленина. Неузнаваемы стали Гостилицы, Копорье, Лопухинка, Русско-Высоцкое и другие населенные пункты, где в годы войны проходил передний край.

Сегодня Ломоносовский район—один из крупнейших сельскохозяйственных районов Ленинградской области. Занимая немногим более двух процентов терри-

тории области, он производит почти пятую часть валовой продукции сельского хозяйства. Из совхозов и птицефабрик района поступает четвертая часть областного объема производства мяса и яиц, третья — семян многолетних трав, десятая — картофеля, овощей, зерна, молока.

В районе имеется 11 совхозов, которые специализируются на производстве молока, свинины, овощей и картофеля; один звероводческий совхоз и один рыболовецкий колхоз. Построены и действуют 5 птицефабрик и 2 государственных племптицевода. Кроме сельскохозяйственных предприятий большой вклад в выполнение Продовольственной программы страны вносят трудовые коллективы молочного завода, торфопредприятия, райтехагропромснаба и райагропромхимии, строительных организаций и предприятий сферы обслуживания.

Медицинскую помощь населению оказывают 6 больниц и 3 поликлиники. В районе работают 16 общеобразовательных школ и 32 детских дошкольных учреждения, почти 100 домов культуры, клубов и библиотек. Ежегодно более двух тысяч жителей района улучшают свои жилищные условия.

Ломоносовцы свято чтут славные революционные, боевые и трудовые традиции предшествующих поколений и всемерно их приумножают. И мы вправе гордиться достигнутым. В 1974 году совхоз «Красная Балтика» награжден орденом Октябрьской Революции, а четыре года спустя орден Трудового Красного Знамени вручен коллективу Русско-Высоцкой птицефабрики.

В 1981 году за мужество и героизм, проявленные трудящимися в годы Великой Отечественной войны, большие успехи в хозяйственном и культурном строительстве и в связи с 200-летием со дня основания город Ломоносов награжден орденом Отечественной войны I степени.

За высокие производственные показатели почетное звание Героя Социалистического Труда присвоено бригадире птицефабрики «Лаголово» Надежде Петровне Колконен, бригадире свинофермы совхоза «Спиринский» Людмиле Алексеевне Чистяковой, звеньевому совхоза «Красная Балтика» Алексею Михайловичу Виноградову. Лауреатом Государственной премии СССР стала бригадир свинофермы совхоза «Спиринский» Галина Павловна Прохорова. За большие успехи в труде десятки передовиков производства награждены орденами и медалями СССР.

Новых рубежей достигли ломоносовцы в годы одиннадцатой пятилетки, досрочно выполнив плановые задания и социалистические обязательства по всем основным показателям.

Наши успехи — это закономерный результат самоотверженного труда рабочих, колхозников и служащих, руководителей и специалистов, активной помощи шефствующих предприятий и учебных заведений Ленинграда и Соснового Бора, большой организационно-политической работы первичных партийных организаций. Буквально в каждой отрасли производства ярко проявилась творческая инициатива коммунистов и беспартийных.

Признанием высоких трудовых успехов тружеников района явилось вручение Ломоносовскому району, коллективам птицефабрики «Русско-Высоцкая» и госплемптицевода «Большевик» переходящих Красных знамен ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ.

Решая одну из основных задач — коренного повышения производительности труда, все наши первичные партийные организации, трудовые коллективы района активно включились в работу по реализации территориально-отраслевой программы «Интенсификация-90», разработанной Ленинградским обкомом КПСС и одобренной ЦК КПСС. Внедрение этой программы в Ломоносовском районе позволит получить экономический эффект в 25,5 миллиона рублей, условно высвободить более 1200 рабочих.

Новый импульс трудовой активности коммунистов, всех тружеников района дал XXVII съезд КПСС. В ответ на Обращение передовых рабочих Ленинграда и области, делегатов съезда партии, около двух тысяч передовиков производства района взяли обязательство к 70-летию Великого Октября выполнить задание двух лет пятилетки.

Новизна, масштабность и сложность решаемых задач потребовали от коммунистов, всех партийных организаций коренной перестройки партийной работы, утверждения повсеместно атмосферы творчества, принципиальности и взыскательности, активного и настойчивого выполнения решений партийного форума. Среди разнообразных и неотложных задач на первом месте стоит работа с людьми, коммунистическое воспитание трудящихся, в чем мы видим главный залог наших успехов в будущем.

Трудно переоценить ту огромную помощь, которую

оказывает районному комитету КПСС в осуществлении героико-патриотического воспитания трудящихся, особенно молодежи района, совет ветеранов Ораниенбаумского плацдарма. Хочется поблагодарить председателя совета Н. И. Пономарева, ответственного секретаря П. П. Ковкина, ветеранов В. Г. Чернова, А. И. Доронина, М. И. Иванова, М. И. Неверову, О. П. Пономареву, С. В. Варгину, В. Я. Пупышева и многих других за поистине бесценный вклад в воспитание трудящихся района на славных боевых традициях нашего народа.

Как большой и светлый праздник отметили труженики района 40-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне. В каждом коллективе, большом и малом, прошли чествования участников войны, митинги у памятников и обелисков погибшим воинам. В совхозе «Красная Балтика» одно из полей, расположенных рядом с местом гибели Героя Советского Союза И. К. Скуридина, было названо именем героя. В деревне Копорье при активном участии ветеранов, всех жителей был сооружен обелиск, а в деревне Гостилицы на мемориальном комплексе золотыми буквами выгравированы имена более 2500 погибших защитников Ораниенбаумского «пяточка».

Многие улицы города Ломоносова и населенных пунктов района названы именами воинов непокоренного плацдарма — Костылева, Астанина, Степаняна, Павлова и других.

Каждая пядь ломоносовской земли — частица истории минувшей войны, беспримерного подвига защитников Ораниенбаумского плацдарма. По его бывшему огненному рубежу выстроились памятники и обелиски Зеленого пояса Славы.

Более 40 лет советские люди живут и трудятся под мирным небом. Миролюбие и доброжелательность присущи характеру советского человека, воспитанного всем укладом социалистического образа жизни. Вот почему каждому ломоносовцу, как и всем людям нашей страны, близки и понятны строки из Политического доклада Центрального Комитета XXVII съезду КПСС: «Наш идеал — мир без оружия и насилия, мир, в котором каждый народ свободно избирает путь развития, свой образ жизни».

Работая над выполнением исторических решений XXVII съезда КПСС, коммунисты, все трудящиеся района с оптимизмом смотрят в завтрашний день, полны решимости внести свой вклад во всенародное дело

укрепления экономического и оборонного могущества нашей Родины, всемерное повышение благосостояния советских людей, в борьбу за сохранение и упрочение всеобщего мира. Достижение высоких рубежей, поставленных перед районом на двенадцатую пятилетку, является для каждого труженика орденоносной ломоносовской земли продолжением славных революционных, боевых и трудовых традиций, завещанных нам старшим поколением.

Роль и значение Ораниенбаумского плацдарма на протяжении всей обороны Ленинграда стали особенно понятными спустя годы. «Будь Ораниенбаум захвачен врагом, — замечал в своих воспоминаниях бывший нарком Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецов, — флоту пришлось бы труднее и при прорыве из Таллина и при эвакуации защитников полуострова Ханко. Кронштадт находился бы под обстрелом неприятельских орудий всех калибров, и морское сообщение с Ленинградом стало бы невозможным».

* * *

В память об исторической встрече войск 2-й ударной и 42-й армий, сомкнувших кольцо окружения вокруг уцелевших гитлеровских войск в районе Стрельны и Петергофа, в Ропше сооружен монумент с поднятым на него танком Т-34. Есть и другой памятник, воздвигнутый вблизи устья реки Воронки. Надпись на нем напоминает о подвиге, совершенном здесь осенью сорок первого года. Именно тут, перед Воронкой, у рыбацкого селения Керново, гитлеровцы впервые с начала второй мировой войны вынуждены были остановиться, залезть в болотную землю и гнить в ней еще два с половиной года, вплоть до часа своего уничтожения.

«Удивительное дело, — писал об этих боях на запад-

ном фланге плацдарма писатель Лев Успенский, — фашистская армия в те годы, бросаясь то на запад, то на восток, форсировала сотни могучих водных потоков: Шельду и Маас в Бельгии, Марну, Сену, Луару во Франции, Вислу и Сан в Польше... Но пересечь речку Воронку, жалкую — курица вброд перейдет! — ей так и не удалось...»

В конце сентября фронт под Ленинградом стабилизировался. Операция группы армий «Север», рассчитанная на разгром советских войск, захват города и флота, потерпела крах. Войска Северо-Западного и Ленинградского фронтов, уступавшие противнику по численности войск и техники, в stodневных ожесточенных боях нанесли гитлеровцам огромные потери, измотали и обескровили их кадровые дивизии, считавшиеся цветом фашистской армии. Большинство немецких частей, действовавших на ленинградском направлении, потеряло 60—70 процентов личного состава и материальной части, в результате чего их наступательные возможности иссякли.

В ходе битвы за Ленинград советские войска сорвали на Северо-Западном направлении гитлеровский план «молниеносной» войны.

*(Из «Истории
ордена Ленина
Ленинградского
военного
округа»)*

Чтобы сломить сопротивление защитников Ленинграда, немецко-фашистское командование активизировало подрывную деятельность, ставя своей целью дезорганизовать тыл действующих советских воинских частей.

Шпионаж и диверсии возглавляли вражеские разведчики с большим стажем. После захвата противником Таллина сюда перебрался из Восточной Пруссии фрегатен-капитан Целлариус, считавшийся у гитлеровцев специалистом по Ленинграду и Балтийскому флоту. В зоне действия группы армий «Север» развернула работу абверкоманда-104, которой руководил другой известный вражеский разведчик — подполковник Шimmel. Перед войной он возглавлял разведывательную школу абвера под Кенигсбергом, готовил шпионов для засылки в Советский Союз.

На ленинградском направлении действовало несколько тщательно подобранных вражеских шпионских и диверсионных центров. Отличавшиеся своим коварством, организаторы шпионажа разрабатывали одну за другой хитроумные комбинации, имевшие целью внедрить свою агентуру в воинские штабы, на оборонные предприятия Ленинграда, изнутри подорвать оборону осажденного города.

Высокая бдительность воинов-чекистов была надежным оружием в борьбе с врагом. Не счесть примеров отваги, находчивости, умения и выдержки чекистов — верных часовых города-фронта. С 22 августа по конец 1941 года только войска по охране тыла Ленинградского фронта задержали 249 шпионов и их пособников, 16 вражеских парашютистов, 214 рас-

хитителей продовольственных грузов.

Охрану побережья Финского залива от Долгова до Шепелева и тылов 8-й армии по линии: Устье — Старое Каллище — Коваша — Шишкино — Пульман — Таменгонт — Большое Коновалово — Сойкино — Ораниенбаум вели 5-я и 6-я отдельные комендатуры.

(Из книги «Краснознаменный Северо-Западный пограничный округ»)

* * *

Начиная с октября на первый план выступила проблема продовольственного снабжения населения и войск Ленинградского фронта. Хлеб, продукты питания — вот что в конечном счете стало решать судьбу битвы за Ленинград.

1 октября произошло третье снижение хлебных норм. Рабочие, иждивенцы и дети стали получать вдвое меньше прежнего, служащие — втрое. В следующем месяце эти размеры сокращались еще дважды и 20 ноября достигли самого низкого уровня. По рабочей карточке выдавалось 250 граммов хлеба на день, по всем остальным — 125 граммов. Резко упали нормы отпуска остальных продуктов питания... Город и фронт питались «с колес», т. е. тем, что за сутки удавалось доставить через Ладогу.

Лишь с 25 декабря 1941 года было решено увеличить ежедневную норму выдачи хлеба населению. Рабочие и инженерно-технические работники стали получать по 350 граммов, все остальное население — по 200 граммов. Настроение ленинградцев поднялось.

(Из книги «Очерки истории Ленинградской организации КПСС», т. II)

21 августа Военный совет Северо-Западного направления, городской комитет партии и исполком городского Совета депутатов трудящихся обратились к населению и защитникам Ленинграда с воззванием: «Над нашим родным и любимым городом нависла непосредственная угроза нападения немецко-фашистских войск. Враг пытается проникнуть к Ленинграду. Он хочет разрушить наши жилища, захватить фабрики и заводы, разграбить народное достояние, залить улицы и площади кровью невинных жертв, надругаться над мирным населением, поработить свободных сынов нашей Родины. Но не бывать этому!» Обращение призывало ленинградцев формировать новые отряды народного ополчения, овладеть военным делом.

Трудящиеся Ленинграда ответили на обращение самоотверженным трудом на предприятиях, созданием новых вооруженных рабочих отрядов, сплочением своих рядов вокруг партии.

В частях и подразделениях, защищавших подступы к городу Ленина, состоялись митинги. Бойцы, командиры и политработники поклялись с честью выполнить свой долг перед Родиной. На одном из митингов танкисты заявили: «Скорее Нева потечет вспять, чем немецкие фашисты завладеют Ленинградом. Никогда не ступать немецкому сапогу на широкие ленинградские проспекты и просторные площади! Под Ленинградом вырастут многие тысячи немецких могил, а великий город революции как был неприступной твердыней социализма, так ею и останется»

(Из «Истории ордена Ленина Ленинградского военного округа»)

В октябре 1941 года после напряженной стрельбы по фашистским войскам на одной из береговых батарей форга Ф (около Ораниенбаума) пришли в негодность два ствола 305-миллиметровых орудий. Железнодорожный путь в Ораниенбаум был прерван, что исключало доставку и использование крана. Оставалось менять стволы вручную, при помощи домкратов и лебедок (вес ствола около 50 тонн). Новые стволы доставили из Кронштадта на барже. Работа была поручена группе из 25 опытных монтажников и такелажников предприятий флота и ленинградских заводов с привлечением всего личного состава батарей. Люди проявили подлинный трудовой энтузиазм и героизм, работали по 16—18 часов в сутки. За 15 дней они заменили орудийные стволы, а личный состав проверил пушки боевыми фугасными выстрелами по противнику.

(ЦВМА, ф 10, оп. 18490, д. 37, л. 52)

* * *

Потомственный рабочий Кировского завода Н. А. Баяльников, умерший в блокаду от истощения и болезни, сделал такую запись в своем дневнике: «Как много лишений приходится переносить нам, ленинградцам! Кажется, больше уже и придумать нечего. Но не возьмут нас немцы, не сломят. Ни голодом, ни холодом, ни обстрелами».

* * *

Уже в сентябре 1941 года, с выходом фашистских войск на ближние подступы к городу, вражеская артилле-

рия начала обстрел Ленинграда, Кронштадта и кораблей.

После того как планы захвата города провалились, гитлеровское командование сделало ставку на разрушение его важных промышленных, культурных и исторических объектов артиллерией. Одновременно систематические артиллерийские обстрелы должны были, по замыслам фашистов, сломить моральный дух ленинградцев и вынудить их к капитуляции.

Гитлеровским планам варварского разрушения города советское командование противопоставило организованную контрбатареиную борьбу, которая была возложена на артиллерию фронта и флота...

Контрбатареиная борьба, играющая очень важную роль в обороне Ленинграда, велась на протяжении всей обороны, в любое время года, независимо от состояния погоды. Она стала одной из главных задач морской артиллерии, которая имела на вооружении мощные береговые стационарные и корабельные орудия, особенно тяжелых калибров...

Флот мог выделить для контрбатареиной борьбы наряду со средней артиллерией (калибра 100—152 миллиметра) орудия крупных калибров (180—406 миллиметров), способных поражать вражеские батареи на большом удалении от линии фронта. 180-миллиметровые орудийные установки крейсеров, железнодорожных и береговых батарей имели наибольшую дальность стрельбы — 37,8 километра, а орудия калибров 305, 356 и 406 миллиметров — 43,9—45,5 километра. Снаряды таких орудий весом 470—1108 килограммов обладали большой разрушительной силой.

* * *

В список экипажа лидера «Ленинград» было навечно внесено имя старшины 2-й статьи Василия Степановича Кузнецова, совершившего подвиг, который стоил ему жизни. 12 октября 1941 года во время артиллерийского боя с вражеской батареей у борта лидера разорвался снаряд. Командир орудия Кузнецов был тяжело ранен осколком. Одновременно загорелся заряд, который не успели подать в ствол. Над кораблем нависла смертельная опасность. Сознавая это, тяжело раненный моряк дотянулся до горящего заряда и пополз с ним к борту. Он до конца выполнил свой долг, предотвратив взрыв корабля. Ценою собственной жизни он спас корабль и своих боевых товарищей.

* * *

По плану 2-я ударная армия наносила главный удар по стрелнинско-петергофской группировке противника с Ораниенбаумского плацдарма. Перевозка войск на этот плацдарм Краснознаменным Балтийским флотом была сопряжена с большими трудностями. Она осуществлялась в непосредственной близости от противника, который владел северным и южным берегами Финского залива и мог держать под обстрелом своих артиллерийских батарей наши корабли и войска в пунктах погрузки и выгрузки, а также на переходе их по Невской губе. В районе перевозок существовали серьезные минная и воздушная опасности. Из-за малых глубин и угрозы подрыва на минах корабли могли совершать переходы по фарватерам, что затрудняло применение манев-

ра в случае стрельбы по ним вражеской артиллерии или атак авиации. Неблагоприятные метеорологические условия: частые штормы, значительное понижение уровня воды в Невской губе и ледостав — создавали дополнительные трудности и требовали специальных мер обеспечения. Но так как от сосредоточения войск 2-й ударной армии на Ораниенбаумском плацдарме во многом зависел успех предстоящего наступления Ленинградского фронта, балтийские моряки сделали все, для того чтобы решить поставленную перед ними задачу.

С 5 ноября 1943 и по 21 января 1944 года Краснознаменный Балтийский флот перевез из Ленинграда и Лисьего Носа на Приморский плацдарм 53 797 человек, 211 танков, 677 орудий, 2300 автомашин и тракторов, 5800 тонн боезапаса, около 4000 лошадей и 14 тысяч тонн различных воинских грузов. Это была выдающаяся победа моряков Краснознаменного Балтийского флота.

(Из книги «Краснознаменный Балтийский флот в героической обороне Ленинграда»)

ОГЛАВЛЕНИЕ

От составителей	3
Предисловие	4

Ни шагу назад!

Щербаков В. И. Умение добывалось в боях	12
Агеев А. М. Рубежи стойкости	20
Левицкий Л. М. Огонь береговой артиллерии	28
Феклистов А. М. «Электромеханическая к бою готова!»	35
Поляков Г. Г. Курсанты стояли насмерть	40
Бутковский В. А. Руками ленинградских рабочих	54
Волчек Б. М. Словом и личным примером	57
Данилюк В. Д. Ни шагу назад!	66
Мелашенко Е. М. Сознание долга	69
Барталев В. А. По-гвардейски	73

Здесь каждый был героем

Басовский М. А. За словом — дело	82
Иванов Б. Ф. Разведчик Сперанский	95
Гаранчук П. Д. Крепость духа	100
Козеко М. Г. За «языком»	103
Соколов А. А. Мы вели машины..	112
Чернов В. Г. С огнем комсомольским в груди	116
Калашников И. С. По соседству с Английским дворцом	119
Александров В. А. Подвиг Ивана Суханова	126
Савченко И. В. «Собственная» батарея	130
Старчиков В. К. Забыть невозможно	137
Лаптев В. В. Вот такой он — Редькин	144
Митин А. М. «Подарок» на рождество	147
Голубицкий А. Г. Отважная девушка	151
Поляков А. С. Знакомое поле	154
Филиппов М. И. По зову сердца	157
Бабкин Д. М. Так сражались разведчики	159
Огнев Э. А. Балтийский орел	164
Архипов А. П. Партизанскими тропами	169
Басеров Л. В., Климков А. И. Тыл — фронту, фронт — тылу	178
Борисова С. И. Спасенное детство	182
Фатеев В. Ф. Охота на «крокодила»	187
Тюшев А. И. Солдатское братство	188
Иванютин И. А. Тот памятный день	193
Пятницкий А. Я. Здесь были наши рубежи	195
Тудер Л. М. По фашистским катерам	196
Калуцкий П. В. В тесном контакте	203
Рудковский А. П. Труженики войны	208

<i>Богданов А. А.</i> В борьбе с абвером	219
<i>Заостровцев П. Т.</i> Наши грозные У-2	224

Полки идут на штурм

<i>Федюнинский И. И.</i> Заключительный этап бессмертной эпопеи	230
<i>Шляпин И. М.</i> С фактами в руках	236
<i>Рутковский Ф. Д.</i> При нулевой видимости	247
<i>Лебедев Г. М.</i> 98-я входит в прорыв	253
<i>Чащин В. П.</i> Расчищая путь пехоте	261
<i>Цыбульский Д. Е.</i> Топографы в операции «Нева-2»	266
<i>Бирюков П. А.</i> Встреча у Ропши	270

Никто не забыт, ничто не забыто

<i>Чепуров А. Н.</i> И в солдатах остались навек	275
<i>Пономарев Н. И.</i> Совет ветеранов за работой	282
<i>Нелюбов В. М.</i> Продолжая славные традиции	288
Строки из документов	295

БЛАГОДАРНОСТЬ СОВЕТА ВЕТЕРАНОВ

Совет ветеранов Оранненбаумского плацдарма выражает глубокую благодарность участникам боев на плацдарме, приславшим свои воспоминания, которые из-за недостатка места не опубликованы в сборнике: *П. С. Алексеевой, И. М. Андрееву, Г. К. Белковскому, А. Н. Беляновскому, И. М. Блитштейну, Б. Г. Богомолову, А. И. Брытковой-Кочетовой, А. П. Васильеву, В. Н. Гоцацюку, А. А. Гужкову, П. Н. Деркульскому, Н. Я. Дибцеву, К. М. Еременко, П. В. Кателину, А. И. Комякову, Е. И. Котову, И. С. Кузнецову, Н. Н. Ленцук, П. Н. Морозову, М. И. Олейникову, И. Ф. Платонову, Б. С. Прохорову, В. Ф. Рыженкову, И. И. Саламатину, К. М. Стрешинской, С. М. Тивякову, В. К. Трусову, А. Н. Шабельскому, Г. А. Шепель.*

НЕПОКОРЕННЫЙ ПЛАЦДАРМ

Составители:
Матвей Абрамович Басовский,
Иосиф Михайлович Шляпин

Заведующий редакцией *Ю. А. Васильев*. Редактор *И. К. Новиков*. Младший редактор *Ю. В. Артемьева*. Художник *А. К. Тимошевский*. Художественный редактор *А. А. Власов*. Технические редакторы *И. Г. Сидорова, Г. Н. Белова*. Корректор *Л. П. Дмитриевская*

ИБ № 2740

Сдано в набор 25.09.86. Подписано к печати 23.04.87. М-35639. Формат 84×108^{1/32}. Бумага тип. № 1. Гарн. литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 15,96 + вкл. 0,84. Усл. кр.-отг. 17,22. Уч.-изд. л. 17,25 + 0,76 = 18,01. Тираж 100 000 экз. Заказ № 567 Цена. 1 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

Непокоренный плацдарм: Воспоминания участников обороны Ораниенбаумского плацдарма. 1941—1944/Сост. М. А. Басовский, И. М. Шляпин. — Л.: Лениздат, 1987. — 301 с.

В 1971 году в Лениздате вышел сборник воспоминаний ветеранов Великой Отечественной войны «Ораниенбаумский плацдарм», получивший высокую оценку читателей. Новая книга, продолжая эту тему, раскрывает неизвестные страницы подвига советских людей на ленинградской земле.

Расчитана на массового читателя.

Н 0505030103--006
М171(03)—87 100—87

63.3(2)722



